

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВЫПУСК V

БРЕСТ 2008

УДК 301+327
ББК 66+60,5

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2004г.

Научный редактор: доктор философских наук, профессор Яскевич Я.С.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И.И.Акинчиц, доктор философских наук, профессор (Беларусь);
П.Ганчев, доктор философских наук, доктор политологических наук, профессор (Болгария);
Г.М.Грибов, канд.философских наук, доцент (Беларусь);
М.Кун, доктор, профессор (Германия);
Б.В.Петелин, д. и. н., профессор (Россия);
В.Прускус, доктор хабит, профессор (Литва);
А.И.Сытник, кандидат политических наук, доцент (Украина);
С.Томчонек, доктор хабит, профессор (Польша).

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Б.М.Лепешко, доктор исторических наук, профессор;
В.К.Лукашевич, доктор философских наук, профессор.

Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы. Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск V. Брест: издательство БрГТУ.-2008.

**Издано на средства информационно-просветительского учреждения
«Новая Евразия»**

УДК 301+327
ББК 66+60,5

ISBN 978-985-493-094-7

© Издательство БрГТУ, 2008

1. СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ БЕЛАРУСИ И ДРУГИХ СТРАН

WSPÓLPRACA TRANSGRANICZNA W EUROPIE

Prof. Zofia Tomczonek
Politechnika Białostocka

Integracja jest pojęciem wieloznacznym i różnorodnie interpretowalnym. W szerokim zakresie oznacza ona scalanie się, co w skali państw dotyczy procesów gospodarczych, kulturowych, politycznych. Wyróżniamy również integrację regionalną i globalną. Nieodłączną cechą procesów integracyjnych jest ograniczenie suwerenności państw biorących w niej udział¹.

Procesy integracyjne dokonywały się na kontynencie europejskim na przestrzeni wieków, przybierając różne formy i były przeprowadzane za pomocą różnych metod. Geneza idei jedności europejskiej sięga średniowiecza. Jej celem było zapewnienie mieszkańcom Europy lepszej, spokojniejszej przyszłości. Poszukiwano tego na drodze pełnej sporów i konfliktów, przeciwstawnych idei. Dopiero jednak po II wojnie światowej² idea ta z wolna zaczęła się realizować. Pierwszym krokiem służącym jej realizacji miało być utworzenie Rady Europy³. Instytucja ta miała służyć dalszym procesom integracyjnym, poprzez działania społeczne i gospodarcze. Doprowadziła ona do zawarcia wielu wielkich konwencji i porozumień międzynarodowych, szczególnie w dziedzinie społecznej, kulturowej i prawnej, tworząc społeczną bazę integracji europejskiej. Zaslugą Rady Europy było utworzenie forum rozwijania idei integracyjnych i zbliżenia narodów europejskich⁴.

Okres „zimnej wojny” podzielił kontynent na dwie strefy wpływów: amerykańską i radziecką. Był to okres zdecydowanej dezintegracji Europy. Wśród polityków i myślicieli stale jednak była obecna idea pogodzenia dwu zwaśnionych części kontynentu europejskiego i budowy pokojowej zjednoczonej Europy.

General Charles de Gaulle lansował koncepcję tzw. „Europy Ojczyzn”. Równocześnie tworzone organizacje łączące państwa w celu określonych zadań. Były to na przykład: Europejska Wspólnota Węgla i Stali⁵, Europejska Wspólnota Gospodarcza (EUG), Europejska Wspólnota Energii Atomowej (Euroatom), Europejskie Stowarzyszenie Wolnego Handlu (EFTA), Wspólnota Europejska (EU). Organizacje te stały się podstawą, wokół której powstała Unia Europejska.

¹ M. Malik, *Warianty instytucjonalne procesów integracyjnych w Unii Europejskiej*, w: „Studia Polityczne” nr 8, Warszawa 1998, s. 82.

² E. Lesiewicz, *Geneza europejskich procesów integracyjnych*, w: „Studia Polityczne” nr 8, Warszawa 1998, s. 84.

³ W. Weidenfeld, W. Wessels, *Europa od A do Z*, Gliwice 1998, s. 13.

⁴ K. Lastowski, *Od idei do integracji europejskiej*, Warszawa 2003, s. 135.

⁵ Z. M. Doliwa-Klepacki, *Integracja europejska*, Białystok 2001, s. 43.

Dużą rolę w procesie integracji odegrały także dokumenty – traktaty: Rzymski (1957), Brukselski (1965), Single European Act (1987), z Maastricht (1992) oraz traktat Amsterdamski (1997)⁶. Na mocy traktatu z Maastricht została utworzona Unia Europejska⁷.

Euroregion jako podstawowa forma współpracy transgranicznej

Współpraca transgraniczna sąsiadujących ze sobą obszarów oddzielonych granicą państwową jest ważnym instrumentem tworzenia w Europie nowych stosunków międzypaństwowych i międzyregionalnych⁸.

O rozwoju współpracy między regionami graniczącymi ze sobą zdecydowały:

- chęć zapobieżenia marginalizacji tych obszarów w procesie integracji Europy Zachodniej;

- przekonanie, że tereny przygraniczne nie są w stanie samoczynnie przezwyciężyć swojego zacofania;

- inicjatywy społeczności lokalnych pragnących rozwiązywać konkretne problemy z zakresu ochrony środowiska, komunikacji, kultury, nauki, zdrowia.

Współpraca w ramach euroregionów służy rozwiązywaniu problemów specyficznych dla obszarów przygranicznych. Społeczności lokalne i regionalne oraz struktury samorządu terytorialnego jednoczą się w celu wspólnego rozwiązywania problemów, pomimo oddzielającej je granicy państwowej⁹. Współpraca transgraniczna powoduje zwiększenie lokalnej aktywności gospodarczej.

Jednym z programów współpracy transgranicznej jest Program Współpracy Transgranicznej Polska–Białoruś–Ukraina przewidziany na lata 2007-2013. Jest on inicjatywą Komisji Europejskiej. Celem tego projektu jest rozwój współpracy pomiędzy Unią Europejską a państwami partnerskimi spoza UE poprzez zapewnienie zintegrowanego i zrównoważonego rozwoju regionalnego. Program Polska–Białoruś–Ukraina jest inicjatywą trójstronną, której generalnym celem jest zapewnienie współpracy transgranicznej i wzajemnej integracji państw. Priorytety tego programu to wzrost konkurencyjności obszaru przygranicznego, poprawa jakości życia, współpraca sieciowa, pomoc techniczna oraz inicjatywy społeczności lokalnych.

Obszar objęty Programem wynosi 316,3 tys. km², w tym znajduje się:

- po stronie polskiej: 75,3 tys. km² (z tego 22,7 tys. km² przynależy do regionów przygranicznych przyległych);

- po stronie białoruskiej: 138,5 tys. km² (z tego 68,9 tys. km² przynależy do regionów przygranicznych przyległych);

- po stronie ukraińskiej: 102,5 tys. km² (z tego 47,8 km² przynależy do regionów przygranicznych przyległych).

Struktura ludnościowa. Obszar ten zamieszkuje ogółem 20,1 mln osób. W tym, w polskiej części mieszka 6,2 mln osób, w białoruskiej – 7,3 mln osób, w ukraińskiej – 8,5 mln osób. Obszar ten ogółem charakteryzuje się spadkiem liczby mieszkańców na przestrzeni ostatnich lat. Wyludnienie spowodowane jest ujemnym saldem migracji na całym obszarze

⁶ W. Malendowski, M. Ratajczak, *Euroregiony. Polski krok do integracji europejskiej*, Wrocław 2000, s. 40.

⁷ Dokumenty Wspólnot Europejskich, Lublin 1994.

⁸ K. Żurawski, *Euroregiony na granicach Polski 2003*, Wrocław 2004, s. 15.

⁹ Ibidem, s. 16.

przygranicznym oraz ujemnym przyrostem naturalnym na większości terenów objętych Programem. Jeśli chodzi o strukturę wiekową, w 2005 r. przeważająca część ludności na omawianym obszarze była w wieku produkcyjnym (65,3%).

Struktura gospodarki: Poziom gospodarczy analizowanego obszaru przedstawia się różnorodnie – w zależności od miejsca (państwa). W 2005 r. w polskiej części analizowanego obszaru, średnia roczna wartość PKB per capita oscylowała na poziomie 3,7 tys. euro, w białoruskiej – 2,5 tys. euro, zaś w ukraińskiej – 1,2 tys. euro. Natomiast – dla porównania – średnia wartość PKB per capita w całej Unii Europejskiej w 2005 r. wyniosła ponad 21740 euro.

Rynek pracy na obszarze objętym Programem jest również zróżnicowany. Stopa bezrobocia w ostatnich latach w polskiej części wahała się 8-21%, w ukraińskiej 7-10%, w białoruskiej – nie przekraczała 2%. Poziom sektora małych i średnich przedsiębiorstw na obszarze objętym Programem jest znacznie niższy niż przeciętnie w UE.

Mimo wskazanych różnic, gospodarka obszaru objętego Programem wykazuje także cechy podobne i takie prawidłowości, wśród których zdecydowanie przeważają: niska konkurencyjność oraz niska innowacyjność. Nakłady na badania i rozwój są stosunkowo niewielkie. Napływ bezpośrednich inwestycji zagranicznych do obszarów przygranicznych jest ograniczony.

Położenie geograficzne. Położenie geograficzne terenu objętego Programem, z perspektywy potencjału rozwojowego transportu, jest korzystne. Obejmuje on główne szlaki tranzytowe biegnące między sieciami Europy i Azji. Znaczący udział w transporcie towarów ma przesył gazu i ropy rurociągami. Obszar ten przecinają też Paneuropejskie Korytarze Transportowe. Istniejąca infrastruktura transportowa wymaga jednak rozwoju, podobnie jak infrastruktura telefonii komórkowej. Zdecydowanie najslabiej pod tym względem wygląda infrastruktura użyteczności publicznej (wodociągi, składowiska odpadów, oczyszczalnie ścieków) – wymaga ona rozbudowy i modernizacji. Niski i zdecydowanie niezadowolający, zwłaszcza zachodnich turystów, przedstawia poziom infrastruktury turystycznej, szczególnie w zakresie standardów. Modernizacji wymaga także infrastruktura edukacyjna – należy ją dostosować do potrzeb rynku pracy; profil kształcenia należy dostosować do potrzeb nowoczesnej gospodarki. Jak dotąd, na całym obszarze system finansowania nauki i badań nie odpowiada wyzwaniom rozwoju gospodarki opartej na wiedzy.

Na pograniczu polsko-białorusko-ukraińskim występują obszary o ogromnych walorach krajobrazowych i środowiskowych. Są to obszary niezanieczyszczone, które są zdecydowanym atutem analizowanego terytorium. Mimo to jednak, infrastruktura ochrony środowiska jest niewystarczająca i wymaga rozbudowy i unowocześnienia.

Program Współpracy Transgranicznej Polska-Białoruś-Ukraina 2007-2013 Europejskiego Instrumentu Sąsiedztwa i Partnerstwa (EISP)¹⁰ kontynuuje i rozszerza współpracę na obszarze pogranicza trzech krajów, która dotychczas była rozwijana w ramach Programu Sąsiedztwa Polska-Białoruś-Ukraina INTERREG IIIA/TACIS CBC 2004-2006 (Program Sąsiedztwa).

Program Współpracy Transgranicznej Polska-Białoruś-Ukraina 2007-2013 odpowiada na wspólne wyzwania zrównoważonego rozwoju społecznego i gospodarczego poprzez współpracę transgraniczną i integrację. Cel globalny Programu jest zgodny z wytycznymi Komisji Europejskiej w zakresie przygotowania programów współpracy transgranicznej w ramach Europejskiego Instrumentu Sąsiedztwa i Partnerstwa.

¹⁰ Rozporządzenie (WE) nr 1638/2006 Parlamentu Europejskiego z dnia 24 października 2006 r. określające przepisy ogólne w sprawie ustanowienia Europejskiego Instrumentu Sąsiedztwa i Partnerstwa, Dziennik Urzędowy Unii Europejskiej z dn. 09.11.2006, L 310.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УРБАНИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЕЛАРУСИ

К.К. Красовский

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Наиболее сложным социально-экономическим процессом в современном развитии общества является все усиливающаяся тенденция концентрации населения в городах, повышение удельного веса городских жителей в общей численности населения мира. Процесс урбанизации явился одной из основ движения человечества по пути цивилизации от аграрного к постиндустриальному обществу и к настоящему времени приобрел глобальный характер. В условиях глобализации возрастающая роль и значение городов в экономической, политической и культурной жизни стран мира ставит перед наукой новые задачи, требует поиска новых методов и подходов к решению урбанистических проблем. Проблемы развития урбанизации многоаспектные и являются предметом изучения многих наук: экономических, социологических, географических, политических, градостроительства и архитектуры, демографии, экологии и др. Находясь в центре внимания специалистов самых различных областей знания, урбанизация выступает и как конкретно-исторический этап во всемирном развитии общества, и как вполне определенный применительно к каждой стране процесс, характеризующийся становлением и развитием городов. В странах разного типа в зависимости от конкретных социально-экономических условий рост городов и городского населения имеет свои особенности. В связи с этим при изучении урбанизации можно выделить два основных направления. Первое – это исследование самого процесса, его общих пространственно-временных закономерностей и особенностей проявления в странах разного типа. Второе – изучение результатов и особенностей урбанизации в конкретных странах и районах [1].

Урбанизация является объективным и усиливающимся глобальным процессом. Резкое повышение темпов роста городского населения во второй половине XX века привело к концентрации в городской местности около половины демографического потенциала мира. Однако в разных странах в зависимости от конкретных природных и социально-экономических условий рост городов и городского населения имеет свои особенности. Беларусь около 70 лет развивалась как органическая часть народнохозяйственного комплекса Советского Союза. Жесткое централизованное управление экономикой долгое время способствовало ее интенсивному росту. Однако чем больше усложнялся хозяйственный комплекс страны, тем менее эффективным становилось централизованное управление. Данная ситуация в экономике существенным образом повлияла на все социально-экономические процессы, способствовала накоплению в городских поселениях бывшего СССР и его отдельных регионах ряда проблем демографического, социально-экономического и экологического характера.

Рост и развитие городских населенных пунктов на территории Беларуси выражались в изменении их численности, увеличении доли городского населения в демографическом потенциале страны (таблица 1). Динамика городского населения является выражением того пути исторического развития, который прошла социально-экономическая система за время своего существования. С конца XIX века практически до начала Второй мировой войны Беларусь оставалась аграрной страной. Хотя к этому времени и было уже сформировано более 80% из существующих сегодня городских поселений, однако доля городского населения в общей численности жителей Беларуси составляла всего 21%.

Таблица 1 – Динамика городских поселений и городского населения Беларуси

Годы	Количество			Численность городского населения, тыс. чел.	Доля городского населения, %
	городов	поселков городского типа	всех городских поселений		
1897	36			649	10
1939	65	108	173	1855	21
1959	69	115	184	2481	31
1970	81	123	204	3908	43
1979	96	111	207	5234	55
1989	99	112	211	6641	65
1999	104	108	212	6956	69
2005	111	97	208	7056	72

Источник: составлено автором по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь.

Главной особенностью демографического развития Беларуси в послевоенный период является быстрый абсолютный и относительный рост городского населения. В это время в связи с восстановлением разрушенного войной хозяйства и индустриализацией страны начали ускоряться процессы урбанизации.

Концентрация производства и населения в ограниченном числе городских поселений привела к значительной контрастности городского расселения страны, диспропорциям в распределении демографического, экономического и социально-культурного потенциала между различными группами городских поселений. Большие города, несмотря на мероприятия по ограничению их роста, росли быстро, а средние и особенно малые, хотя и делались попытки по их активизации, оказались в состоянии стагнации. Проводившаяся экистическая политика по регулированию системы расселения в стране означала сдерживание урбанизации. Особенно это касалось качественных параметров процесса и во многом способствовало углублению таких негативных черт урбанизации, как низкий уровень жизни горожан, их культуры, качества городской среды.

К концу XX века прежние тенденции в развитии городов и городского населения на территории Беларуси вследствие совпавших по времени нескольких трансформационных процессов (распад бывшего СССР, переход к рыночной системе хозяйствования и постиндустриальной стадии развития, глобализации и регионализации мирового хозяйства) начинают изменяться. Происходят существенные структурные и пространственные изменения в системе расселения страны, резко усугубилась демографическая ситуация.

Это вызывает необходимость изучения процессов урбанизации Беларуси с использованием новых общенаучных подходов: цивилизационного, глобального и, прежде всего, антропоцентрического, в рамках которого центральное место занимает сопряженность демографического и социально-экономического развития. [2, с. 3]. Некоторые стороны развития урбанизации в стране могут быть исследованы только при более тщательном анализе ее пространственно-временных особенностей. Взгляд на урбанизацию как на исторический процесс распространения городского образа жизни и формирования урбанистической среды в пространстве цивилизации будет способствовать устойчивому развитию страны. Исследование экологических, экономических и демографических проблем урбанизации Беларуси, ее особенностей, тенденций и закономерностей развития может стать основой для разработки эффективной и научно-обоснованной экистической и демографической политики, а также возможных вариантов прогнозов развития городского населения республики.

В целом, анализ прогнозных показателей развития урбанизации на территории Беларуси на долгосрочную перспективу согласуется с закономерностями глобальной стадийно-региональной концепции, и, в частности, с разработанной на ее основе в 80-90-е гг. XX в. на Западе новой теорией дифференциальной урбанизации [3; 4; 5; 6].

Основываясь на основных положениях теории дифференциальной урбанизации для определения перспектив развития урбанизации в Беларуси, необходимо, прежде всего, анализ новейших урбанизационных тенденций в более развитых в экономическом отношении странах мира. Затем, выяснив, на каком этапе развития урбанизации находится в настоящее время исследуемая территория, необходимо соотнести это с глобальными закономерностями. В наиболее экономически развитых странах мира урбанизационный процесс проходит четыре стадии, переходящие одна в другую и на определенных этапах существуя параллельно (классическая урбанизация; субурбанизация; дезурбанизация или эксурбанизация; реурбанизация). Две последние стадии развития урбанизации в индустриальных странах начали проявляться уже к середине 80-х гг. XX века. В большинстве стран Центрально-Восточной Европы в это время был расцвет классической урбанизации. Как показывает мировой опыт, на данном этапе развития урбанизации возникает явление насыщения больших городов основными производственными фондами и наступает критический предел пространственной концентрации производительных сил, что ведет к необходимости снижения уровня чрезмерной концентрации производства и населения в больших городах. В основе этого, как правило, лежит финансовый кризис города: рост цен на новое строительство, услуги, сложности в управлении городским хозяйством. Вследствие этого происходят изменения в социальной психологии людей и стимулируется развитие процессов децентрализации. Начинается очередной этап развития урбанизации – субурбанизация, или миграция населения в пригороды.

Трансформация социально-экономических систем группы стран Центрально-Восточной Европы в целом, и Беларуси в частности, нарушила эволюционный путь развития урбанизационных процессов. Ускоренное завершение этапа классической урбанизации не привело к формированию необходимых предпосылок для перехода на очередную стадию, среди которых ведущей является уровень жизни населения. В Беларуси долгое время факторы, способствующие переселению городских жителей в пригородную зону, существенно отличались от зарубежных. В связи с этим субурбанизация в стране не могла протекать таким же образом, как в более развитых странах. Поэтому она на территории Беларуси, как и в других постсоветских государствах, имеет свою особенную специфику [7].

Субурбанизации присущи закономерности и определенная последовательность в своем развитии. Вначале происходит субурбанизация населения (узкий смысл), а затем промышленности и непромышленной сферы (широкий смысл). На первом этапе субурбанизация в узком смысле в Беларуси начиная с 80-х гг. XX века проявилась в форме так называемого дачного строительства. В пользование горожан отдавались наименее ценные земли, поэтому они застраивались жильем только на теплый период и служили для обеспечения себя продуктами питания. Строительство вне городской черты жилья, приспособленного для проживания круглый год, практически не велось. Позже появилась тенденция скупки горожанами домов в связи с дешевизной в сельских населенных пунктах. Со сменой политического и экономического курса страны после распада СССР появилась достаточно богатая, но немногочисленная прослойка горожан, способная обеспечить себя индивидуальным благоустроенным жильем. Коттеджное строительство означало начало нового качественного преобразования субурбанизации в узком смысле слова. Однако из-за отсутствия средств у населения большая часть коттеджей осталась либо недостроенной, либо незасе-

ленной. Это свидетельствует о том, что главным тормозом на пути развития субурбанизации не только в широком, но и в узком смысле слова является низкий уровень жизни населения, отсутствие в социальной структуре общества среднего класса.

Субурбанизация, как правило, сопровождается процессом рурбанизации, или урбанизацией сельской местности. Проводимая в настоящее время государственная политика на повышение уровня жизни населения страны в целом, улучшение условий и качества жизни сельских жителей будет способствовать развитию субурбанизации и рурбанизации на территории Беларуси и ее дальнейшему развитию по пути цивилизации к постиндустриальному обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рождаемость и ее факторы: сб. ст. / под ред. А. Г. Волкова. – М.: Статистика, 1968. – 119 с.
2. Слука, Н. А. Современные геодемографические процессы в мировых городах: автореф. дис. ... докт. географ. наук: 25.00.24 / Н. А. Слука; МГУ им. М. Ломоносова. – М., 2006. – 46 с.
3. Bourne, L. Emerging Spatial Configuration of Urban Systems: a Review of Comparative Experience / L. Bourne, P. Korecelli, O. Waamerid // *Geografia Polonica*. – 1983. – № 47. – P. 23–30.
4. Fielding, A. J. Migration and urbanization in Western Europe since 1950 / A. J. Fielding // *The Geographical Journal*. – 1980. – Vol. 155. – № 1. – P. 60–69.
5. Geyer, H. S. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization / H. S. Geyer, T. Kontuly // *International Regional Science Review*. – 1993. – Vol. 15. – № 3. – P. 157–177.
6. Richardson, H. Polarization reversal in developing countries / H. Richardson // *Papers of the Regional Science Association*. – 1980. – Vol. 45. – P. 67–85.
7. Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А. Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – 328 с.

СТРАТЕГИИ ПРОДУКТИВНОГО ДОБРОСОСЕДСТВА ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Йонас Сребалюс

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Аннотация

В статье добрососедство стран постсоциалистического пространства представляется как продукт труда граждан, способных совместно возобновить синергию духовных, экономических и политических сил своего отечества. Автор, на основе метода системной логики, функцию добрососедства оценивает как объект синергетического производства творческой энергии, достаточной, чтобы затормозить скорость энтропии (разрушение) структурных сил системного обновления жизни граждан в своем отечестве. В статье отмечается, что информационной основой продуктивного добрососедства выступает историческая память народа. Как фундамент воспроизводства моральных истин жизни, историческая память народа автору представляется объектом стратегий политических сил, обеспечивающих единство прошлого, настоящего и будущего времени человеческого общежития в пространстве отечества.

Ключевые слова: историческая память, функциональная деятельность, отношения добрососедства, система отечества.

Введение

Добрососедство – это качественная характеристика синергии совместного труда граждан, субъектов продуктивного состояния торговых отношений и благосостояния наших отечеств. Объект статьи обоснован проблемой познания системных функций исторической

памяти народа как объекта стратегий системного воспроизводства факторов, формирующих синергетические функции граждан, субъектов отношений добрососедства. Объект статьи определен формами исторической памяти народа, ценностями и нормами моральных истин добрососедства. Цели статьи: - во-первых, определить системные функции исторической памяти народа, как объекта стратегий воспроизводства моральных истин субъекта продуктивного добрососедства, во-вторых, определить объект стратегий духовных, экономических и политических сил отечества, как социальной среды для совместной жизни граждан. Логика системного бытия явлений действительности отражена в системном методе, на основе которого автор осуществляет цели статьи, решает проблему статьи – определить сущность добрососедства, как продукта человеческого опыта в настоящем времени человеческого общежития для состояния добрососедства в будущем времени.

Политика добрососедства

В условиях трансформации общественной жизни торговые отношения Литвы с Беларуссией и другими странами постсоциалистического пространства развивались как объект отношений частной собственности. Воспроизводство отношений частной собственности решает проблему энтропии и обновления энергии лишь частного интереса. В условиях глобализации актуализировалась потребность народа Литвы жить в продуктивном добрососедстве наших отечеств. Политическим силам Литвы и Беларуссии возникла проблема факторов, определяющих мотивы совместного труда граждан, субъектов отношений продуктивного добрососедства между народами и, в первую очередь, отношений с братским народом Беларуссии, нашим историческим соседом. Глобализация торговых отношений постсоциалистических стран выдвинула задачу продуктивного добрососедства как объекта стратегий политических сил Литвы и Беларуссии.

В сентябре 1997 года Президент Беларуссии посетил Литву. Будучи в Вильнюсе, Александр Григорьевич принял участие в международной конференции „Сотрудничество народов и добрососедские отношения“. В 1998 году состоялась встреча на высшем уровне – Президента Валдаса Адамкуса и Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко в г. Друскининкай. Оказанное внимание со стороны первых лиц Литвы и Беларуссии к проблемам сотрудничества братских народов отражало общий интерес к продуктивному добрососедству как источнику синергетического состояния не только экономических, но и политических, и духовных сил наших отечеств. Перед политическими силами Литвы и других стран постсоциалистического пространства возникла проблема функциональной гармонии частного и общего интересов. На сайте Министерства иностранных дел Литвы опубликованы данные о состоянии торговых отношений Литвы с Беларуссией на январь-ноябрь 2007 года. Они свидетельствуют, что политическим силам Литвы не удалось решить коллизию частного и общего интересов [1; с.1]

Литва	Экспорт	Импорт
Всего	39571,3 млн. LTL (11460,6 млн. EUR)	55713,4 млн. LTL. 16135,7 млн EUR
С Беларуссией	1582,9 млн. LTL (около 458,4 млн. EUR)	1136,5 млн. LTL 329,1 млн. EUR
Доля с Беларуссией в процентах	4 %	2,04 %

Статистические данные торговых отношений Литвы и Беларуссии показывают, что коллизия частных и общих интересов остается не решенной, и прибыль остается объектом частного интереса, который по своей частной природе не в состоянии на основе исторической памяти народа решать вопросы продуктивного добрососедства братских народов.

Историческая память добрососедства

Логика системного бытия форм социальной действительности позволяет делать вывод, что объектом стратегий политических сил Литвы является структура государственной власти, но не ценности народа. На основе правовых норм, структуры государственной власти Литвы в условиях трансформации общественной жизни оказались не в состоянии стабилизировать энтропию форм бытия исторической памяти народа – сущности воспроизводства субъектов совместного труда и отношений продуктивного добрососедства. Сегодня в Сейме Литвы осознают, что политическим силам Литвы необходимо отношения с Белоруссией и другими постсоциалистическими странами актуализировать на функциональной основе граждан, субъектов духовных, экономических и политических сил жизни продуктивного добрососедства наших народов и наших отечеств [2, с.1]. Историческая память – это фундаментальный объект моральных истин общественной жизни, сложенной из многих потребностей народа. В исторической памяти народа оставлены следы совместного труда и человеческого общежития поколений прошлого времени. Однако и совместный труд, и оставленные следы прошлого труда в исторической памяти народа связаны с осуществлением фундаментальной потребности. Это потребность народов жить в состоянии продуктивного добрососедства отечеств [3, с.3]. Потребность народа – жить в продуктивном добрососедстве наших отечеств отражает стремление человека к свободе, к нормам культуры совместного труда. Культура совместного труда, технология продуктивной жизни человечества жива и развивается формами исторической памяти народа. Путем практического познания закона энтропии процессов действительности, человечество собрало информацию о нормах синергетического воспроизводства системных сил отечества. Историческая память народа как объект стратегий воспроизводства моральных истин добрососедства стала наследием каждого народа и ценностями культуры, индоктринируется мотивами добрососедства в личную память граждан. В ценностях народа – родном языке, в обычаях семьи, в инфраструктуре родного края – заложена информация о моральных истинах, отражающих законы системного бытия действительности и принципы продуктивного добрососедства наших отечеств. Информация, заложённая в исторической памяти, передается ценностями народа. При помощи таких ценностей народа, как родной язык, обычаи народа, инфраструктура родного края, историческая память превращается в фундаментальную силу мотивов функциональной деятельности гражданина, способного инвестиции частного интереса направить на укрепление синергетических функций семьи, структур экономики и политических сил демократического государства. Объективная самоорганизующая сила исторической памяти народа определена законом прогрессирующего роста энтропии систем отечества и выступает как антиэнтропийная сила гражданина, субъекта отношений добрососедства. Историческая память является объектом стратегий воспроизводства моральных истин и принципов добрососедства. „Историческая память народа это фундамент человеческого общежития в будущем времени”, – еще в 1936 году писал известный литовский философ Антанас Мацейна [4, с.98]. Согласно методологии познания системного бытия явлений действительности, политические силы Литвы должны определить добрососедство как стратегию к благосостоянию народов Литвы и Белоруссии.

Стратегии продуктивного добрососедства

Историческая память народа является фундаментальным объектом стратегий синергетического воспроизводства мотивов моральных истин добрососедства в сознание человека, способного энергию свободного, частного интереса направить на укрепление синергетических функций семьи, структур экономики и политических сил государства. Когда трансформация общественной жизни упразднила идеологические препятствия отношениям частной собственности, казалось, что политические силы Литвы повернутся лицом к исторической памяти народа как к фундаментальному объекту стратегий воспроизводства моральных истин добрососедства. Однако так не случилось. Со всей остротой энергии частного интереса владельцы собственности начали противоборство интересов за право администрировать крупные подходы государственных, частных строительных и торговых проектов. Оценка торговых отношений

Литвы с Белоруссией свидетельствует, что духовные, экономические и политические силы отечества на протяжении многих лет не обнаружили самоорганизующей силы исторической памяти народа как объекта стратегий воспроизводства личности гражданина, субъекта отношений продуктивного добрососедства и благосостояния народа. Торговые отношения Литвы с Белоруссией показывают, что объектом стратегий политических сил все еще остается прибыль. Прибыль как объект стратегий не в состоянии в сознание личности, субъекта торговых отношений индоктринировать мотивы моральных истин добрососедства. Частный интерес вне системы отечества, без системной связи с политическими силами отечества, не может стать субъектом стратегий продуктивного добрососедства. Только политическим силам отечества Конституция Литвы предписывает обязанность бороться с энтропией этнической культуры, ценностей народа и тем самым заботиться о функциональном состоянии исторической памяти народа.

Выводы

Логика системного бытия явлений действительности свидетельствует, что фундаментальным объектом стратегий становления и воспроизводства моральных истин добрососедства является самоорганизующая сила исторической памяти народа. Конституция Литвы обязывает политические силы Литвы проявить заботу о сохранении ценностей народа, форм исторической памяти народа как сущности отношений добрососедства и благосостояния народов постсоциалистических стран. Всякая политическая система развивается на основе моральных истин добрососедства. [5, с.192].

ЛИТЕРАТУРА

1. Отношения Литвы и Белоруссии. - Отчет министерства иностранных дел Литвы. 2007, с. 1. www.sekunde.lt
2. Ю.Каросас. Необходимо менять отношения с Белоруссией. 2008.08.05., с.1. www.lrt.lt
3. И.Сребалюс. Основы познания синергетики. 2007, с.3. - <http://e-stud.vgtu.lt/files/dest/1482>
4. А.Мацейна. Этническое воспитание. - Каунас, 1992, с. 98. (на литовском яз.)
5. Аристотель. Избранные сочинения. - Вильнюс, 1990, с. 192. (на литовском яз.)

BILATERALNE STOSUNKI GOSPODARCZE UNIA EUROPEJSKA – REPUBLIKA BIAŁORUSI

Katarzyna Czerewacz¹

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

1. Uwagi wstępne

Jednym z głównych celów polityki Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich było intensyfikowanie wzajemnej zależności i powiązań gospodarczych republik należących do układu. Miało to na celu spajanie gospodarek, wzmocnienie przynależności w ramach państwa, a także zerwanie historycznych związków z innymi narodami [Naruniec 2005, s.21] azjatyckimi, czy europejskimi. Znacząca większość handlu transgranicznego odbywała się w ramach ZSRR. Infrastruktura tworzona była w taki sposób aby zaspokajać potrzeby całego układu i jednocześnie uniemożliwiać samodzielne funkcjonowanie rynków wewnętrznych poszczególnych uczestników układu.

¹ Dr. Katarzyna Czerewacz, Katedra Ekonomii i Nauk Społecznych, Wydział Zarządzania, Politechnika Białostocka, ul. O. St. Tarasiuka 2, 16-001 Kleosin, e-mail: kacz@pb.edu.pl, tel.: +4885 7469821

Podobna polityka, choć mniej intensywna i skuteczna prowadzona jest w ramach obecnie funkcjonujących na obszarze poradzieckim ugrupowań kreowanych przez Federację Rosyjską: Wspólnoty Niepodległych Państw, Euroazjatyckiej Wspólnoty Gospodarczej, Wspólnej Przestrzeni Gospodarczej. Republika Białorusi jest członkiem wszystkich wymienionych ugrupowań, jak również Związku Federacji Rosyjskiej i Białorusi, co w znacznym stopniu wpływa na kierunki współpracy gospodarczej tego kraju. Z jednej strony z punktu widzenia eksporterów spoza obszaru WNP handel z Białorusią może oznaczać również dostęp do rynków innych zintegrowanych z nią państw, a niskie koszty siły roboczej mogą stanowić dodatkowy atut dla potencjalnych inwestorów. Z drugiej strony porozumienia integracyjne pogłębiają związki gospodarcze Białorusi z państwami WNP, uzależniają jej gospodarkę od Federacji Rosyjskiej nie tylko w zakresie importu surowców energetycznych ale również kapitału i strategicznych produktów, zmniejszają konkurencyjność jej gospodarki, uniemożliwiają również dywersyfikację kierunków współpracy gospodarczej tego kraju.

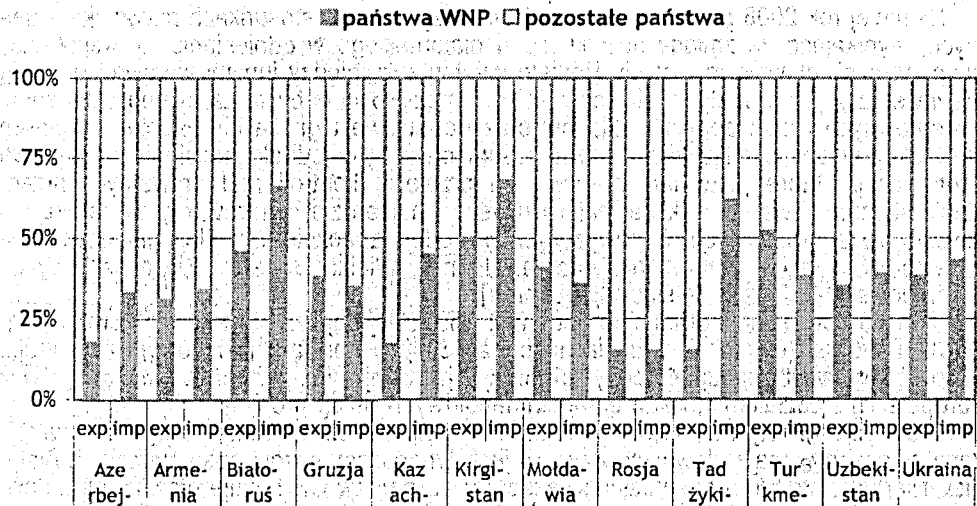
Analizując dane prezentowane na wykresie nr 1 wyraźnie widać, że Białoruś i Kirgizja to dwa państwa, które w największym stopniu powiązane są handlowo, a co za tym idzie również gospodarczo z obszarem WNP.

Białoruś jest atrakcyjnym partnerem gospodarczym dla państw Unii Europejskiej. Niemniej czynniki polityczne, fakt że kraj ten nie jest członkiem WTO oraz liczne bariery w dostępie do rynku tego kraju znacznie ograniczają bilateralne stosunki ekonomiczne.

Wykres nr.1 Procentowy udział w obrotach handlowych poszczególnych państw WNP, w ramach ugrupowania i poza nim.

Źródło: Opracowanie na podstawie danych z Oficjalnej Witryny Internetowej, Wspólnoty Niepodległych Państw <http://www.cisstat.com/eng/mac-09.htm> z dnia 20.08.2008

2. Zakres i charakter stosunków gospodarczych między Unią Europejską i Republiką Białorusi

Podstawę bilateralnych stosunków gospodarczych między UE i Białorusią stanowi podpisana w 1989 roku Umowa o współpracy gospodarczej i handlu między WE i ZSRR. W pierwszej połowie lat dziewięćdziesiątych Republika Białorusi podpisała w 1995 roku z Unią Europejską bilateralną Umowę o Partnerstwie i Współpracy, która jednak do dnia dzisiejszego nie funkcjonuje, zgłosiła również w 1993 roku chęć uczestnictwa w Światowej Organizacji Handlu.

Starania Unii Europejskiej koncentrują się na stworzeniu strefy stabilności politycznej i ekonomicznej, która obejmą Unię i jej najbliższych sąsiadów, a więc również Białorus [Urbanowska, Borko 2006, s. 25]. Wizja ta znalazła odzwierciedlenie w rezolucji przyjętej w 2003 roku przez Parlament Europejski: O stosunkach między Unią Europejską i Białorusią w kierunku przyszłego partnerstwa [2002/2164(INI)] oraz komunikacie Komisji Europejskiej z 2003 roku: Szeroka Europa – Sąsiedztwo: nowe ramy stosunków z naszymi wschodnimi i południowymi sąsiadami.

Najbardziej kompleksową wizję rozwoju stosunków politycznych i gospodarczych Unii Europejskiej z państwami sąsiedzkimi zawiera Europejska Strategia Polityki Sąsiedzkiej [European Neighbourhood Policy Strategy Paper COM(2004) 373 Final], zgodnie z którą wzajemna współpraca miałaby prowadzić do przyjmowania przez państwa sąsiedzkie standardów UE w tempie i na zasadach uzgodnionych indywidualnie z każdym państwem sąsiadującym z Unią Europejską, nie wykluczając ani nie sugerując przyszłego członkostwa tych krajów w Unii. Celem jest tu osiągnięcie lepszej współpracy gospodarczej (handlowej, inwestycyjnej) oraz eliminacja wszelkich zagrożeń transgranicznych [Urbanowska, Borko 2006, s. 26].

Białoruś jest niestety jedynym państwem, z którym do tej pory nie podpisano Umowy o Partnerstwie i Współpracy stanowiącej podstawę prawną do wzajemnej współpracy w ramach Europejskiej Polityki Sąsiedzkiej.

Zgodnie z Rezolucją Parlamentu Europejskiego w sprawie sytuacji na Białorusi z 15 września 2004 oraz zapisami Europejskiej Strategii Polityki Sąsiedzkiej [European Neighbourhood Policy Strategy Paper COM(2004) 373 Final, s.4] „Parlament postanowił; by nie podejmować dalszych kroków w kierunku ratyfikowania układu o partnerstwie i współpracy, dopóki władze Białorusi nie dadzą jasnych sygnałów świadczących o ich zamiarze pełnego poszanowania podstawowych reguł demokracji i praw człowieka [Rezolucja Parlamentu Europejskiego w sprawie sytuacji na Białorusi, 15.09.2004]. Komisja Europejska kładzie tu obecnie nacisk na pomoc w działaniach wspierających tworzenie społeczeństwa obywatelskiego na Białorusi.

Niemniej rok 2008 przyniósł nieoczekiwane ożywienie w stosunkach białorusko – unijskich, wynikające ze zmiany polityki rządu białoruskiego w odniesieniu do współpracy gospodarczej, głównie inwestycji. Podjęte działania to między innymi wprowadzenie ulg dla inwestujących w małych miejscowościach, możliwości nabycia za symboliczną sumę nierentownych i zadłużonych zakładów oraz dodatkowe ulgi dla inwestorów z wolnych stref ekonomicznych. Najważniejszym posunięciem było jednak zniesienie tzw. prawa „złotej akcji”, które pozwalało państwu na przejęcie kontroli nad prywatnymi przedsiębiorstwami i była największą, najgroźniejszą i najbardziej kontrowersyjną barierą dla inwestorów zagranicznych. Z powyższych powodów znacznie wzrosło zainteresowanie inwestorów z takich państw jak: Austria, Niemcy, Wielka Brytania, Litwa czy Polska. [Wierzbowska – Miazga, Kłysiński 2008, nr44].

Unia Europejska jest drugim po Federacji Rosyjskiej najważniejszym partnerem handlowym Białorusi (tabela 1), z udziałem ponad 31% w obrotach handlowym tego kraju. Białoruś natomiast zajmuje 45 pozycję wśród najważniejszych partnerów handlowych Unii Europejskiej z udziałem 0,3 % w obrotach handlowych Unii [Eurostat].

Bilateralne obroty handlowe, w ostatnich pięciu latach charakteryzują się dużą dynamiką, czego jedną z głównych przyczyn jest dynamiczny wzrost gospodarczy na Białorusi. Niemniej struktura białoruskiego eksportu do państw UE bazuje głównie na surowcach i produktach nisko przetworzonych. Ropa i produkty ropopochodne stanowią aż 56,7%, metale i wyroby metalowe 12,9%, drewno i produkty z drewna 6,3%, produkty chemiczne 5,9%, a tekstylne 3,9% białoruskiego eksportu do państw Unii Europejskiej. Z kolei państwa UE sprzedają na Białorusi głównie maszyny i urządzenia, które stanowią 33,8%, sprzęt transportowy – 15,5% oraz produkty chemiczne stanowiące 11,3%. [Eurostat, EU External Trade, Trade Issues, Belarus]

Tabela 1. Najważniejsi partnerzy handlowi Białorusi w 2007 roku

	Główne kierunki importu			Główne kierunki eksportu			Najważniejsi partnerzy handlowi		
	Państwo	Min euro	Procentowy udział	Państwo	Mln euro	Procentowy udział	Państwo	Min euro	Procentowy udział
	Świat	20	100,0	Świat	16	100,0	Świat	36	100,0
1	Rosja	11	57,8	UE	7	40,0	Rosja	18	49
2	UE	5	23,9	Rosja	6	38,4	UE	11	31,2
3	Ukraina	1	5,7	Ukraina	1	6,2	Ukraina	2	5,9
4	Chiny	1	2,6	USA		2,9	Chiny	1	2,4
5	USA		1,1	Chiny		2,2	USA		2,0
6	Japonia		0,7	Kazachstan		1,6	Kazachstan		1,0

Źródło: Eurostat, EU External Trade, Trade Issues, Belarus

http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113351.pdf

Unię można rozpatrywać zarówno jako jedno ugrupowanie integracyjne jak też w rozbiciu na poszczególne państwa członkowskie. W ramach UE część państw przejawia szczególne zainteresowanie współpracą gospodarczą z Białorusią, co znajduje swoje odzwierciedlenie w obrotach handlowych i inwestycjach. Wśród państw Unii charakteryzujących się największym udziałem w białoruskich obrotach handlowych w 2005 roku znajdowały się: Holandia 7,9%, Niemcy 5,6%, Polska 4,4 Wielka Brytania 3,9% wcześniej około 7% [Urbanowska, Borko 2006, s. 32].

Podobnie wygląda sytuacja w przypadku kraju pochodzenia inwestycji zagranicznych lokowanych na Białorusi. Niemcy są trzecim co do wielkości inwestorem, a czwartym Wielka Brytania, w pierwszej dziesiątce państw, z których napływa najwięcej inwestycji znajdują się ponadto: Austria, Holandia, Łotwa, Cypr oraz brytyjskie Wyspy Dziewicze [Urbanowska, Borko 2006, s. 135].

3. Konkluzje

Po rozpadzie ZSRR pozostało silne uzależnienie nowopowstałych państw od Rosji oraz wysoki stopień wzajemnej komplementarności gospodarek. Trudna sytuacja ekonomiczna, z jaką borykają się były republiki radzieckie dodatkowo wzmacnia ten rodzaj powiązań. Do głównych problemów należy tu brak kapitału inwestycyjnego, niestabilizowana lub autorytarna władza. Wykształcone za czasów ZSRR powiązania gospodarcze i handlowe są trudne do zastąpienia. Wymagają długoletniej konsekwentnej polityki gospodarczej, której koszty ponosiłoby społeczeństwo tych krajów. Białoruś jest tego przykładem.

Republika Białoruska dysponuje znacznym potencjałem w postaci chłonnego rynku, taniej i wykształconej siły roboczej, osiągalnych na miejscu surowców oraz możliwością dostępu przez jej terytorium do tynków innych krajów WNP czy tylko EAWG.

Wśród największych problemów ograniczających rozwój stosunków gospodarczych UE i Białorusi należy wymienić duży stopień komplementarności Białorusi z Rosją, brak reform zmierzających do poszanowania reguł demokracji i praw człowieka, ograniczanie i zastępowanie przez stronę białoruską importu produkcją własną [Czerewacz, Konopelko, Matoszko 2006, s. 85].

Należy jednak zauważyć, że w sferze gospodarczej polityka dywersyfikacji kierunków obrotów handlowych przyniosła Białorusi wzrost udziału państw Unii Europejskiej do 40% w całości eksportu i prawie 24% w całości importu i stale charakteryzuje się wysoką dynamiką (tabela 1).

Struktura handlu Białorusi z państwami Unii Europejskiej jest mniej korzystna niż ogólna struktura obrotów handlowych Białorusi. W relacjach z państwami Unii białoruski eksport ma profil głównie surowcowy a wyroby wysoko przetworzone nie znajdują tam

nabywców, podczas gdy import zdominowany jest przez maszyny i urządzenia. Podczas gdy białoruski eksport do mniej rozwiniętych państw WNP w dużej mierze dotyczy konkurencyjnych tam urządzeń. Niemniej polityka ograniczania importu nie jest tu rozwiązaniem i może przynosić tylko krótkotrwałe efekty. W dłuższej perspektywie jedynie wzrost konkurencyjności wyrobów może zmienić tą tendencję.

Bez wątpienia Republika Białorusi aby się rozwijać potrzebuje kapitału zagranicznego, który mogą dostarczyć podmioty z Unii Europejskiej.

W roku 2008 Republika Białorusi znacznie zaktywizowała swoją politykę wobec Unii Europejskiej. Działania na niwie politycznej takie jak otwarcie w Mińsku przedstawicielstwa Unii Europejskiej, zwolnienie więźniów politycznych, czy umorzenie procesów przeciw partiom opozycyjnym dają szansę na rozpoczęcie dialogu z UE w sprawie Umowy o Partnerstwie i Współpracy. [Wierzbowska – Miazga, Kłysiński 2008, nr44].

Z kolei działania, które poprawiły klimat inwestycyjny przyniosły wymierne rezultaty w postaci wzrostu napływu inwestycji zagranicznych, zostały pozytywnie ocenione przez Europejski Bank Odbudowy i Rozwoju i Międzynarodowy Fundusz Walutowy oraz dają podstawy do ponownego włączenia Białorusi do unijnego Generalnego Systemu Preferencji.

Należy oczywiście pamiętać, że czynniki polityczne w przypadku Białorusi determinują politykę gospodarczą, dlatego tak pożądane ocieplenie stosunków unijno – białoruskich w 2008 roku może sugerować początek nowej jakościowo współpracy ale niestety również chwilowe ocieplenie mające na celu wzmocnienie pozycji Białorusi w dialogu z Federacją Rosyjską. [Wierzbowska – Miazga, Kłysiński 2008, nr44].

LITERATURA:

1. COMMISSION OF THE EUROPEAN COMMUNITIES, European Neighbourhood Policy STRATEGY PAPER, Brussels, 12.5.2004, COM(2004) 373 final
2. Czerewacz K., Konopelko A., Matoszko J., *zakres i Uwarunkowania współpracy gospodarczej Polski z Białorusią*, [w:] *Stosunki gospodarcze Polski ze Wschodem*, pod red. P. Bożyka, WSEI, Warszawa 2006.
3. EU Trade Statistics, Eurostat Statistics
http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113351.pdf
4. European Parliament, "Wider Europe – Neighbourhood", 2003.
5. Eurostat, EU External Trade, Trade Issues, Belarus
http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/countries/belarus/index_en.htm
6. Komunikat Komisji Europejskiej Szeroka Europa – Sąsiedztwo: nowe ramy stosunków z naszymi wschodnimi i południowymi sąsiadami, 2003
7. Naruniec A. (red.), *Kazachstan Przewodnik dla Przedsiębiorców*, UNIDO, Warszawa, 2005.
8. Oficjalna Witryna Internetowa Wspólnoty Niepodległych Państw
<http://www.cisstat.com/eng/mac-09.htm>
9. Rezolucja Parlamentu Europejskiego w sprawie sytuacji na Białorusi, 15.09.2004
http://www.mpp.org.pl/10/bialorus_rezolucje_ue.doc
10. Rezolucja Parlamentu Europejskiego, O stosunkach między Unią Europejską i Białorusią w kierunku przyszłego partnerstwa (2002/2164(INI)) luty 2003
11. Urbanowska J. Borko H., *Białoruś. Przewodnik dla Przedsiębiorców*, UNIDO, Warszawa 2006.
12. Wierzbowska – Miazga A., Kłysiński K., *Ożywienie w stosunkach białorusko – unijnych*, Tydzień na wschodzie, OSW, Warszawa 2008 nr 44.

POLITYKA HANDLOWA WSPÓLNOTY EUROPEJSKIEJ WOBEC BIAŁORUSI

Dr Mirosława Laszuk

Politechnika Białostocka, Wydział Zarządzania

1. Wprowadzenie

Podstawą współpracy Wspólnoty Europejskiej z państwami Europy Wschodniej są Porozumienia o Partnerstwie i Współpracy – przykładem są tu porozumienia zawarte z Rosją, Ukrainą, czy też z Mołdową. Porozumienia powyższe stwarzają duże możliwości współpracy gospodarczej, w tym i handlowej. Inaczej jest jednak w przypadku Białorusi. Porozumienie o Partnerstwie i Współpracy z Białorusią Wspólnota Europejska wynegocjowała w 1995 roku, jednak nie zostało ono podpisane ze względu na nie akceptowaną przez Wspólnotę sytuację wewnętrzną w tym kraju. Brak jest również jakiegokolwiek porozumienia przejściowego. Obecnie do stosunków handlowych i ekonomicznych z Białorusią stosuje się Porozumienie o współpracy i handlu (TCA) zawarte między Wspólnotą Europejską a Związkiem Radzieckim w 1989 roku, podpisane później również przez Białoruś. Postanowieniami tej umowy objęte zostały wszystkie państwa członkowskie UE.

Pomimo tego, że handel między krajami Wspólnoty Europejskiej i Białorusi wzrósł w ostatnich latach, to jednak Wspólnota wstrzymała ściślejszą ekonomiczną współpracę z Białorusią do czasu aż jej rząd będzie w stanie wykazać się większym zaangażowaniem w sprawy demokracji, polityki i praw obywatelskich. Analizując stosunki handlowe, należy stwierdzić, że Wspólnota jest drugim co do wielkości handlowym partnerem Białorusi z prawie 1/3 udziałów w całym handlu (Rosja posiada 1/2 udziałów). Głównym towarem eksportowanym z Białorusi na obszar wspólnotowy jest ropa naftowa (56,7%), podczas gdy inne produkty stanowią niewielki procent: metale nieszlachetne (12,9%), drewno i artykuły drzewne 6,3%, substancje chemiczne 5,9% oraz tekstylia 3,9%. Państwa członkowskie Wspólnoty eksportują do Białorusi głównie maszyny (33,8%), sprzęt transportowy (15,5%) oraz substancje chemiczne (11,3%).¹

2. Środki taryfowe stosowane wobec Białorusi

Wymiana handlowa z Białorusią nie podlega systemowi preferencji taryfowych stosowanemu przez Wspólnotę Europejską na podstawie rozporządzenia nr 980/2005 (Generalnemu Systemowi Preferencji). Przyczyną takiego stanu jest nieprzestrzeganie przez to państwo zasad określonych w konwencjach Międzynarodowej Organizacji Pracy nr 87 i 98. Sytuacja taka spowodowała, że pomimo, iż państwo to mieści się w grupie państw spełniających kryteria do zastosowania preferencji celnych – to jednak nie może z nich korzystać. Rozporządzeniem Rady (WE) Nr 1933/2006² z dnia 21 czerwca 2007 roku preferencje takie zostały cofnięte. Rozporządzenie powyższe przewiduje, że Rada może na wniosek Komisji przywrócić porozumienia preferencyjne dotyczące produktów pochodzących z Białorusią. Nie jest więc to zakaz bezwzględny.

Biorąc pod uwagę powyższe i analizując wspólnotową taryfę celną zaznaczyć należy, że w stosunku do produktów przywożonych z Białorusi stosuje się stawki celne konwencyjne (podstawowe), tzw. stawki KNU. Stawki te są wyższe od stawek stosowanych do państw korzystających z GSP. Działania takie mają niekorzystny wpływ na gospodarkę Wspólnoty, w szczególności Polski, Litwy i Łotwy. Przyczyniają się one do spadku importu, a tym samym zmniejszenia dochodów budżetu wspólnotowego, jak i polskiego. Nałożenie na Białoruś sankcji w postaci zniesienia preferencji może także pogorszyć sytuację społeczeństwa białoruskiego, nie uderzając jednocześnie w reżim, a stanowiąc dla niego jedynie instrument propagandowy.

¹ http://ec.europa.eu/trade/issues/bilateral/countries/belarus/index_en.htm (30.08.2008)

² Rozporządzenie Rady (WE) nr 1933/2006 z dnia 21 grudnia 2006 roku cofające czasowo dostęp do ogólnych preferencji taryfowych Republice Białorusi (Dz. Urz. UE L 29 z dnia 03.02.2007)

W przypadku środków taryfowych takich, jak kontyngenty taryfowe, plafony taryfowe i zawieszenia poboru ceł Białoruś obowiązuje takie same zasady jak inne państwa trzecie. Środki powyższe ustanawiane są erga omnes, a więc odnoszą się do wszystkich państw.

3. Środki pozataryfowe i ochronne ustanawiane w stosunku do Białorusi

Wspólnota Europejska wprowadziła ograniczenia w handlu z Białorusią wyrobami włókienniczymi. Na przywóz wyrobów włókienniczych z Białorusi zgodnie z rozporządzeniem Rady (EWG) nr 3030/93³ obowiązują ograniczenia ilościowe (kontyngenty). Przywóz wyrobów włókienniczych objętych kontyngentem na obszar celny Wspólnoty Europejskiej możliwy jest tylko w takiej ilości, na którą właściwy organ państwa członkowskiego udzieli pozwolenia (licencji importowej). Obowiązuje tu system double-checking w rozdysponowaniu kontyngentów na import niektórych wyrobów tekstylny-odzieżowych. Licencja importowa wydawana jest więc po przedstawieniu licencji eksportowej wydanej przez władze Białorusi i sprawdzeniu dostępności kwót. Również w tym przypadku licencja wydawana jest przez ministra właściwego do spraw gospodarki (Departament Administrowania Obrotem Ministerstwa Gospodarki). Przywóz wyrobów włókienniczych objętych ustanowionym kontyngentem bez pozwolenia jest zabroniony⁴

Kontyngenty na przywóz wyrobów włókienniczych z Białorusi w 2008 r. kształtują się następująco:

Białoruś	Kategoria	Jednostka	Kontyngent
Grupa IA	1	tony	1 586
	2	tony	7 307
	3	tony	242
Grupa IB	4	tys. sztuk	1 839
	5	tys. sztuk	1 105
	6	tys. sztuk	1 705
	7	tys. sztuk	1 377
	8	tys. sztuk	1 160
Grupa IIA	9	tony	363
	20	tony	329
	22	tony	524
	23	tony	255
	39	tony	241
Grupa IIB	12	tys. sztuk	5 959
	13	tys. sztuk	2 651
	15	tys. sztuk	1 726
	16	tys. sztuk	186
	21	tys. sztuk	930
	24	tys. sztuk	844
	26/27	tys. sztuk	1 117
	29	tys. sztuk	468
	73	tony	329
83	tony	184	

³ Rozporządzenie Rady (EWG) nr 3030/93 z dnia 12 października 1993 r. w sprawie wspólnych reguł przywozu niektórych wyrobów włókienniczych z państw trzecich (Dz. U. WE L 275 z dnia 8.11.1993 z późn. zm.)

⁴ M. Laszuk, *Obrót wyrobami włókienniczymi* [w:] Regulacje celne w Unii Europejskiej, (red.) R. Michalski, Poznań 2004- 2008

Grupa IIIA	33	tony	387
	36	tony	1 312
	37	tony	463
Grupa IIIB	50	tony	207
	67	tony	359
	74	tys. sztuk	377
Grupa IV	90	tony	208
	115	tony	322
	117	tony	2 543
	118	tony	471

Źródło: www.mg.gov.pl (30.08.2008 r.)

Istnieje również możliwość w przypadku Białorusi ubiegania się o objęcie wyrobów włókienniczych procedurą uszlachetniania biernego. Podstawą prawną jest tu rozporządzenie Rady ustanawiające zasady gospodarczego uszlachetniania biernego stosowane do niektórych wyrobów włókienniczych i odzieżowych przywożonych powtórnie do Wspólnoty po obróbce lub uszlachetnieniu w niektórych państwach trzecich⁵.

W stosunku do Białorusi, w ramach środków ochronnych, są nałożone obecnie ostateczne cła antydumpingowe na dwie grupy towarów: chlorek potasu oraz na roztwory mocznika⁶ i azotanu amonu⁷. Na chlorek potasu nałożone zostało cło ad valorem w wysokości 27,5%, zaś na roztwory mocznika i azotanu amonu cło specyficzne w wysokości 17,86 EUR/T. Oprócz powyższych ceł już nałożonych, wszczęte zostało również postępowanie antydumpingowe dotyczące przywozu niektórych spawanych rur i przewodów rurowych z żeliwa lub stali niestopowej⁸. Brak jest natomiast postępowań antysubsydyjnych i postępowań ochronnych przed nadmiernym importem towarów na obszar wspólnotowy.

Analizując postępowania ochronne należy zaznaczyć, że Białoruś również nałożyła środki ochronne na Wspólnotę Europejską. Zgodnie z raportem Komisji Europejskiej do 31 marca 2010 roku obowiązuje kontyngent ilościowy ustanowiony po zakończeniu postępowania ochronnego przed nadmiernym przywozem przedzdy poliestrowej. Nałożony kontyngent wynosi 1650 ton na rok. Powyższy środek ochronny dotyczy w szczególności Polski oraz Niemiec, które są największymi we Wspólnocie eksporterami przedzdy poliestrowej.

⁵ Rozporządzenie Rady (WE) nr 3036/94 z dnia 8 grudnia 1994 r. ustanawiające zasady gospodarczego uszlachetniania biernego stosowane do niektórych wyrobów włókienniczych i odzieżowych przywożonych powtórnie do Wspólnoty po obróbce lub uszlachetnieniu w niektórych państwach trzecich (Dz. Urz. WE L 322 z dnia 15.12.1994 z późn. zm.).

⁶ Rozporządzenie Rady (WE) Nr 1050/2006 z dnia 11 lipca 2006 roku nakładające ostateczne cło antydumpingowe na przywóz chlorku potasu pochodzącego z Białorusi i Rosji (Dz. Urz. UE L 191 z dnia 12.07.2006).

⁷ Rozporządzenie Rady (WE) Nr 1911/2006 z dnia 19 grudnia 2006 roku nakładające ostateczne cło antydumpingowe na przywóz roztworów mocznika i azotanu amonu pochodzących z Algierii, Białorusi, Rosji i Ukrainy w następstwie przeglądu wygaśnięcia zgodnie art. 11 ust. 2 rozporządzenia (WE) nr 384/96 (Dz. Urz. UE L 365 z dnia 21.12.2006).

⁸ Zawiadomienie Komisji o wszczęciu postępowania antydumpingowego dotyczącego przywozu niektórych spawanych rur i przewodów rurowych z żeliwa lub stali niestopowej pochodzących z Białorusi, Bośni i Hercegowiny, Chińskiej Republiki Ludowej oraz Rosji (Dz. Urz. C 226 z dnia 26.09.2007).

4: Podsumowanie

Konstatując należy stwierdzić, że Wspólnota Europejska nie posiada rozbudowanego systemu środków polityki handlowej w stosunku do Białorusi. Cechą charakterystyczną stosunków handlowych z Białorusią jest stosowanie stawek konwencyjnych, pomimo, że Białoruś według kryteriów wspólnotowych może być objęta systemem preferencji GSP. Środki ochronne stosowane są również w niewielkim stopniu. Wynika to z faktu, że obrót towarowy z Białorusią w porównaniu z innymi państwami trzecimi jest niewielki. Wpływ na to ma przede wszystkim sytuacja polityczna w tym państwie, co świadczy o tym, że stosunki polityczne mają istotny wpływ na kształtowanie stosunków handlowych.

LITERATURA

- rozporządzenie Rady (EWG) nr 3030/93 z dnia 12 października 1993 r. w sprawie *wspólnych reguł przywozu niektórych wyrobów włókienniczych z państw trzecich* (Dz. U. WE L 275 z dnia 8.11.1993 z późn. zm.)
- rozporządzenie Rady (WE) nr 3036/94 z dnia 8 grudnia 1994 r. *ustanawiające zasady gospodarczego uszlachetniania biernego stosowane do niektórych wyrobów włókienniczych i odzieżowych przywożonych powtórnie do Wspólnoty po obróbce lub uszlachetnieniu w niektórych państwach trzecich* (Dz. Urz. WE L 322 z dnia 15.12.1994 z późn. zm.)
- rozporządzenie Rady (WE) Nr 1050/2006 z dnia 11 lipca 2006 roku *nakładające ostateczne cło antydumpingowe na przywóz chlorku potasu pochodzącego z Białorusi i Rosji* (Dz. Urz. UE L 191 z dnia 12.07.2006)
- Rozporządzenie Rady (WE) Nr 1911/2006 z dnia 19 grudnia 2006 roku *nakładające ostateczne cło antydumpingowe na przywóz roztworów mocznika i azotanu amonu pochodzących z Algierii, Białorusi, Rosji i Ukrainy w następstwie przeglądu wygaśnięcia zgodnie art. 11 ust. 2 rozporządzenia (WE) nr 384/96* (Dz. Urz. UE L 365 z dnia 21.12.2006)
- rozporządzenie Rady (WE) nr 1933/2006 z dnia 21 grudnia 2006 roku *cofające czasowo dostęp do ogólnych preferencji taryfowych Republice Białorusi* (Dz. Urz. UE L 29 z dnia 03.02.2007)
- zawiadomienie Komisji o wszczęciu postępowania antydumpingowego dotyczącego przywozu niektórych spawanych rur i przewodów rurowych z żeliwa lub stali niestopowej pochodzących Białorusi, Bośni i Hercegowiny, Chińskiej Republiki Ludowej oraz Rosji (Dz. Urz. C 226 z dnia 26.09.2007)
- M. Laszuk, *Obrót wyrobami włókienniczymi* [w:] *Regulacje celne w Unii Europejskiej*, (red.) R. Michalski, Poznań 2004-2008

УКРАИНА И НАТО: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Лысюк А.И

Брестский государственный университет им. А.С.П.Пушкина, г. Брест, Беларусь.

Проблемы евроатлантической интеграции являются чрезвычайно актуальными и одновременно контраверсионными для современного украинского общества, поскольку «по-разному воспринимаются не только гражданами страны, но и теми политическими силами, которые обладают влиянием на разработку и осуществление стратегии государственного развития. Высокая общественная температура полемики относительно вступления Украины в НАТО, дискуссии по вопросам выгод и угроз полной интеграции с ЕС свидетельствуют о сложности процессов становления современной украинской нации; об отсутствии базового ценностного консенсуса среди правящих элит, демонстрируют сумятицу в политическом сознании граждан» [3 с. 12].

Для того, чтобы реально оценить шансы Украины на вступление в альянс, необходимо проанализировать широкую совокупность внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на этот процесс, начиная от институциональных и заканчивая культурологическими. Отметим, что условия и процессы вступления в Евросоюз и НАТО являются во многом совпадающими, поскольку эти две организации разделяют общие демократические ценности и принципы правового государства, но не тождественными: с формальной точки зрения они независимы друг от друга. Как правило, правда, вступление в НАТО предшествует членству в Европейском Союзе.

Перспективы присоединения Украины к Плану действий относительно членства в НАТО (ПДЧ) являются в обозримой перспективе реальными. Основным препятствием их осуществления является не столько позиция государств-членов НАТО, сколько внутренние проблемы украинского государства, общества, неготовность самой Украины принять ответственные решения по вхождению в эту организацию. Несмотря на то, что Бухарестский саммит стран-членов НАТО (апрель 2008 г.) не принял положительного решения по присоединению Украины к ПДЧ, вероятность реализации подобного варианта в 2009 году является высокой. Безусловно, этот результат не гарантирован, поскольку по отношению к подобной перспективе скептически относятся Франция и Германия, опасаясь как усиления американских позиций в этой организации, так и возможного обострения отношений с Россией. Характерным в этом отношении является заявление премьер-министра Франции Франсуа Фийона, признавшего: «Мы выступаем против вступления Грузии и Украины, поскольку считаем, что это является неверным ответом на баланс сил в Европе и между Европой и Россией, и мы хотим вести диалог на эту тему с Россией». Подобной позиции придерживается и Германия. Посол этого государства в Украине Рейнгард Шеферс отметил, «что присоединение Украины к НАТО не будет представлять угрозу для России, но мы должны учитывать и восприятие (!) этого шага в России».

С точки зрения же российских политических деятелей, вступление в НАТО Украины и Грузии означает нарушение стратегического баланса в мире и регионе, что представляет непосредственную военную угрозу России, ее национальным интересам.

Украина по отношению к НАТО занимает особую позицию. Как прежде, так и нынешнее политическое руководство страны в принципе позитивно относится к вступлению Украины в эту организацию, практически не высказывая недовольства расширением НАТО на восток и имея с этим блоком длительный позитивный опыт конструктивного сотрудничества. В конце мая 2002 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины поддержал решение, целью которого является ее вступление в НАТО. В настоящее время Украина выразила желание принять участие в реализации Пакта стабильности на Балканах и Проекта создания сил быстрого реагирования. Однако законодательно установленный курс на вступление Украины в НАТО остается одним из наиболее противоречивых в современном украинском обществе. Надежды, рожденные «оранжевой революцией» 2004 года, и породившие у значительной части украинского общества уверенность, что во взаимоотношениях Украины с НАТО начнется качественно новый этап ускоренного сближения и последующей интеграции, оказались в силу слабости государственного лидерства несбывшимися и нереализованными. Тем не менее, подписанный В.Ющенко и В.Януковичем Универсал, содержащий компромиссную формулу относительно политики евроатлантической интеграции (путь в НАТО проходит через общенациональный референдум), в настоящее время является руководящим началом для политического класса Украины.

Важным доказательством наличия консолидированной политической воли властвующей элиты по этому вопросу явилось официальное письмо с просьбой присоединения Украины к ПДЧ, адресованное руководству альянса накануне Бухарестского саммита и подписанное президентом Украины, главой правительства Ю.Тимошенко и спикером парламента А.Яценюком.

Парадоксальным является то, что в постреволюционный (постпомаранчевый) период возросло отрицательное отношение населения к идее вступления Украины в НАТО. Как показывают результаты социологических исследований, проведенные институтом социологии НАНУ, непосредственно после оранжевой революции (начало 2005 года) число противников союза с НАТО резко увеличилось (как за счет тех, кто относился к этой проблеме нейтрально, так и за счет сторонников такого союза) и составляло чуть более половины населения. «К началу 2006 года доля противников вступления в НАТО возросла еще на 14%(!) и в настоящее время составляет почти две трети взрослого населения Украины (64%), а доля сторонников сократилась до 13%» [4].

В рамках данного социологического исследования зафиксирован и тот факт, что «геополитические ориентации украинцев нередко противоречат их электоральному выбору... Например, положительно относятся к союзу с Россией и Белоруссией по 36% как из тех людей, кто проголосовал за В.Ющенко в третьем туре президентских выборов в 2004 году, так и из тех, кто голосовал за «Нашу Украину» на парламентских выборах 2006-го. Положительно относятся к союзу с Россией и Белоруссией также 31% отдавших предпочтение на парламентских выборах БЮТу и 57% из проголосовавших за Социалистическую партию. Отрицательно относятся к вступлению в НАТО 43% из тех людей, которые проголосовали за В.Ющенко в третьем туре президентских выборов в 2004 году, и 40% проголосовавших за «Нашу Украину» на парламентских выборах 2006-го. Отрицательно относятся к вступлению в НАТО также и 42% из тех, кто проголосовал за БЮТ на парламентских выборах, и 61% из тех, кто на парламентских выборах отдал голоса за социалистов» [4].

Среди факторов, препятствующих переводу отношений Украины и НАТО на новый уровень, в первую очередь называются незрелость и неразвитость демократических институтов, гражданского общества и рыночных структур. Однако не следует преувеличивать значение этого фактора. В реальности, никаких официальных критериев для присоединения Украины к ПДЧ у НАТО не существует. Например, Албания, получившая в Бухаресте приглашение стать полноправным членом НАТО и присоединившаяся к ПДЧ в 1999 году, уступала современной Украине практически по всем параметрам политического и социально-экономического развития. С полным основанием это относится и к уже ставшим членами НАТО Болгарии и Румынии.

Ключевым препятствием как вступления Украины в НАТО, так и первоначального присоединения к ПДЧ, является отрицательное отношение к подобной перспективе общественного мнения страны. Безусловно, подобная установка демонстрирует живучесть в украинском обществе советских стереотипов. Но одновременно они основываются и на слабой информированности населения Украины об этой организации. По результатам октябрьского (2006 г.) социологического опроса Центра Разумкова, только 3% респондентов признали уровень собственной осведомленности о НАТО высоким, почти половина — низким, 12% сообщили, что не имеют никакой информации. Лишь 0,2% опрошенных проявили знание реальных требований, которые выдвигает альянс к Украине в случае ее присоединения [5]. Пример же властей Кировоградской области показывает, что если интенсифицировать информационную составляющую, то можно добиться существенных сдвигов в общественном сознании. Именно об этом свидетельствуют результаты проведенной в области в 2006-2007 гг. информационной кампании «Что мы знаем о НАТО»: по результатам социологического исследования «Отношение студенческой молодежи Кировограда к сотрудничеству Украины с НАТО», почти 12% респондентов указали на то, что их отношение к альянсу претерпело изменения в лучшую сторону. Поэтому неслучайно на декабрьском (2007 г.) заседании комиссии Украина-НАТО на уровне глав внешнеполитических ведомств акцентировалось внимание на информационной политике

украинских властей относительно сотрудничества Украины с Североатлантическим альянсом, которая до настоящего времени велась государственным руководством пассивно и была большей частью отдана на откуп НПО. По заявлению и.о. министра иностранных дел Владимира Хандогия, правительство Украины уже приняло концепцию информирования населения по этому вопросу и в состоянии организовать эффективную информационную кампанию среди населения.

Существенным образом на евроатлантических шансах Украины сказываются внутренние политические потрясения, связанные с перманентными кризисами при формировании высших органов государственной власти. Можно быть уверенным, что пока в Украине не будут устойчиво функционировать парламент и правительство, а также под угрозой распада будет находиться «демократическая коалиция», партнерские отношения между В.Ющенко и Ю.Тимошенко, страны альянса будут занимать выжидательную позицию.

Негативно на евроатлантических перспективах Украины сказывается, в частности, неудовлетворительное выполнение ею Целевого плана «Украина–НАТО» на 2006 год. Из более чем четырехсот мероприятий было выполнено около 73% из них, что соответствует, кстати, уровню выполнения ЦП–2003 и ЦП–2004. Уже очевидно, что провалена реализация Целевого плана Украина – НАТО на 2007 год.

Все эти факторы вкуче создают мощные барьеры на пути вступления Украины в НАТО, преодолеть которые в обозримом будущем может только одно обстоятельство: экстремальная международная ситуация, требующая привлечения Украины к активным военным операциям, соответствующим интересам стран-членов НАТО. Один из вариантов – нарастание империалистического азарта России, унаследовавшей, по утверждению Ю.Тимошенко, «неприкрыто имперские традиции».

Наряду с этим существует и важный компонент, свидетельствующий о частичной военно-политической зрелости Украины относительно ее членства в НАТО. Речь идет об ее участии в операциях по поддержанию мира, проводимых альянсом, что является важным вкладом в укрепление европейской и глобальной безопасности и стабильности. Очевидно, что вступив в Организацию Североатлантического договора, Украина может стать ее ответственным членом. И это не только слова: Украина – единственная из стран-партнеров НАТО активно задействована во всех четырех миротворческих операциях, проводимых альянсом. Известен и тот факт, что на киевском заседании СМО ЮВЕ Украина присоединилась к соглашению о совместных миротворческих силах и готова после ратификации этого соглашения Верховной Радой, отправить в SEEBRIG штабных офицеров, инженерное либо медицинское подразделение. В июне 2008 г. на уровне министров обороны в Брюсселе было принято принципиальное решение о возможном участии Украины в силах быстрого реагирования НАТО. Тогда же Украина присоединилась к программе обмена данными о воздушной обстановке, что, это позволит укрепить возможности контроля за авиадвижением в борьбе с терроризмом.

После завершения заседания комиссии Украина–НАТО (декабрь, 2007 г.) Яап де Хооп Схеффер высказался относительно перспектив Украины следующим образом: «Мы будем продолжать дискуссию в отношении украинских евроатлантических устремлений без промедления, но и без ускорения» [1]. Все зависит в конечном счете от того, насколько государственная элита Украины окажется способна сформировать консолидированное и ответственное правительство и парламент, выработать общую позицию по вопросам политики обороны и безопасности, реформы силовых структур, энергетической политики, внешнеполитической деятельности, политики в области, средств массовой информации и, что имеет особое значение, по вопросу вступления страны в НАТО.

Отсутствие же эффективных реформ и работы по информированию населения о НАТО, нарастающий конфликт между президентом и премьер-министром не дают оснований для оптимистических прогнозов. «Но нарастающее противостояние этих двух политиков, кризис в парламентской коалиции дает основание многим экспертам предполагать, что отставка Юлии Тимошенко может случиться в любой день и в Верховной Раде будет сформировано новое большинство. И еще вопрос: пойдет ли Ющенко на упоминание по ПДЧ и НАТО в новом коалиционном соглашении и согласятся ли на этот пункт в Партии регионов, учитывая, что ее электорат выступает против членства Украины в альянсе» [2].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кравченко В. Украина–НАТО: Ложка меда в бочке дегтя// Зеркало недели. – 2007. – 15 декабря – № 48.
2. Кравченко Совет: Евроатлантический// Зеркало недели. – 2008. – 21 июня – № 23
3. Круглашов А. Вступ// Політологічні та соціологічні студії. Збірник наукових прац. Том IV. – Чернівці: «Прут», 2006.
4. Панина Н. Демократизация в Украине и оранжевая революция в зеркале общественного мнения// Зеркало недели. – 2007. – 20 мая – № 19.
5. Сунгуровский Н. Украина – НАТО: проблема сознательного выбора// Зеркало недели. – 2006. – 2 декабря – № 46.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ И ПОЛЬШИ)

В. Бусленко, И. Ковальчук

г. Луцк, Украина

В конце 80-х – в начале 90-х годов в Польше и Украине произошли глубокие трансформационные изменения, в результате которых наступил переход от авторитаризма к демократии. Это позволило внедрить в политическую систему стран традиционные для западно-европейского парламентаризма институции. Одной из них, без сомнения, выступает парламентская оппозиция. Она является необходимым элементом в функционировании как парламента, так и правительства. В современной политологии признан бесспорным факт того, что наличие альтернативных политических субъектов, способных оказывать значимое воздействие на процесс принятия политических решений – важнейшая характеристика демократичности политической системы.

К парламентской оппозиции мы относим политические группы или парламентские фракции, которые по каким-то причинам не принимают участие в формировании правительства, критически относятся к его политической программе и деятельности, формируют собственную программную и персональную альтернативу, чтобы в последующем в рамках установленных конституционных правил возглавить правительство, обеспечивая ему эффективное функционирование [1, 11]. Существует общепринятое мнение, что наличие оппозиционных партий – наиболее характерная черта демократии, а их отсутствие позволяет говорить о недостатке демократии. Отсутствие оппозиции может привести к политической апатии населения, окостенению власти, коррупции, подъему радикальных движений.

А. Лейпхарт, характеризуя демократические модели, подчеркивал, что идея конкуренции, лежащая в основе диалектики, большинство – оппозиционное меньшинство, формирует черты по потребности гармонии и взаимопонимания, что создает фундамент политической жизни. Отсюда – успех правительственной политики прямо зависит от умения и желания власти быстро находить консенсус с оппозицией при принятии важных политических решений. Большое значение при этом имеет желание и способность политических сил к достижению согласия.

Отношения между провластными и оппозиционными партиями в демократических странах устанавливаются таким способом, что первые не ущемляют свободу деятельности и критики оппозиционных партий и рассматривают оппозицию как позитивную для правительства силу, позволяющую принять наиболее оптимальные и правильные решения, исправляя ошибочные. В свою очередь, в деятельности оппозиционных структур должна доминировать конструктивная критика, направленная на коррекцию правительственной политики, но никоим образом не на ее перечеркивание. В этом контексте власть и легальная оппозиция рассматриваются нами как взаимозависимые субъекты политической системы, каждый из которых должен быть заинтересован в нормальном и сбалансированном ее функционировании. При этом политической оппозиции отводится роль механизма, способного контролировать состояние этой системы, в том числе и трансформационные процессы. В случае отклонения параметров системы, например, при угрозе авторитаризма оппозиция должна иметь рычаги воздействия на власть, способствуя приведению системы в оптимальное состояние. Отметим, что речь идет о системной оппозиции, деятельность которой способствует модернизации политической системы, и направлена на конструктивное взаимодействие, а не на борьбу с властью.

Политическая оппозиция, как правило, выражает оценочные отношения и требования к политической власти со стороны той части общества, которая либо не представлена во власти, либо имеет критическое к ней отношение. Понятно, что для стабильной работы правительства важно иметь поддержку этой части населения, а особенно их политических выразителей – оппозицию.

В каждой из европейских стран сформировался свой специфический характер отношений между властью и парламентской оппозицией. Он зависел от уровня развития демократии, степени институализации оппозиции, установленными правовыми нормами, а также политическими традициями и обычаями. Особенно сложным оказался этот процесс для стран, которые в конце 80-х – в начале 90 г. вступили на демократический путь развития. Такими странами являются Украина и Польша. Несмотря на кажущееся сходство происходящих в то время процессов демократизации и деятельности оппозиционных движений ("Солидарность" в Польше, НРУ – в Украине), в каждой из стран сформировалась своя модель взаимодействия власти и политической оппозиции.

В Польше, как и в Украине и большинстве европейских стран, нет институализации парламентской оппозиции как формы политической оппозиции. Но есть правовые гарантии, которые расширяют поле для ее деятельности. Как в "малой Конституции" 1992 г., так и в Конституции 1997 г. гражданам гарантирована "свобода создания и деятельности политических партий" и влияния демократическими методами на формирование государственной политики при однозначном запрещении деятельности антисистемных партий и групп (ст. 13 Конституции РП). Статус парламентской оппозиции был усилен через реализацию идеи «вольного мандата» (от 1990 г.), а также связанной с ним свободы выражения взглядов, что является сильной гарантией политического плюрализма в наивысших представительских институциях Польши.

Становление парламентской оппозиции в стране стало возможным в результате принятия компромиссных решений между властью и оппозицией вследствие заседаний т.зв. "круглого стола" (август 1988 – июнь 1989 г.). Между представителями ПОРП и профсоюзной организацией "Солидарность", возглавленной Л. Валенсой, была достигнута договоренность о легализации и о проведении выборов до Сейма в июне 1989 г.

Адекватной для анализа политической системы Польши начала 90-х гг. является модель процедурной демократии. Ее составными являются граждане-процедуры-институты власти. На практике это значило выборность органов власти, утрату ПОРП властной монополии и внедрение в политическую практику демократических норм и процедур. Выборы стали важным фактором и критерием стабилизации демократических институций. Благодаря процедурной демократии, стал возможным процесс ротации властных элит, усиление либо утраты легитимизации институций, либо особ, которые реализуют власть. На практике этот механизм, регулированный через выборы, является наилучшим, благодаря политической конкуренции и совместной работе большинства и оппозиции [2, 42].

Но после выборов в Сейме не сформировалась парламентская оппозиция. В коалиционное правительство Т. Мазовецкого вошли представители всех парламентских групп. Выходя из классического понимания парламентской оппозиции, проправительственный характер деятельности партий не разрешает говорить об оппозиции в Сейме I каденции. Но вместе с этим проявления оппозиционности имели там место. Так, весной 1990 г. в результате неудовлетворения политикой ускорения политических и экономических реформ в правительстве критическую позицию заняла PSL во главе с Р. Бартошце.

О кристаллизации парламентской оппозиции можем говорить о первых свободных выборах в Сейм и Сенат в 1991 г. Ее сформировали две левоцентристские силы — SLD и PSL. Но характерно, что в 1989-1993 гг. между провластными и оппозиционными партиями не сложились конструктивные отношения. В то время в польской политике укоренялась практика, согласно которой партии и политические группы, которые сформировали правительство старались усилить свое влияние на властные институции, как в центре, так и в регионах, по принципу "победивший забирает все". При этом стало правилом, что каждая новая проправительственная партия переходила к тотальной критике деятельности предыдущей власти. С точки зрения коалиции, как правило, парламентская оппозиция не рассматривалась как "оппозиция лояльная", которая действует ответственно и конструктивно. Отсюда инициативы оппозиционных групп часто рассматривались как "антиреформаторские" либо "популистские" [3, 44]. Такой неконструктивный подход власти порождал иногда самокритические оценки политиков. Например, Маршал Сейма И. Зича подчеркивал, что власть не может решить проблем коалиции, используя хорошие намерения оппозиции [4].

Надо отметить, что и парламентская оппозиция в 1991-1993 гг. в основном использовала те же самые методы деятельности, что и власть, не будучи способной к компромиссу с правительственной коалицией. Ее деятельность в начале 90-х годов часто характеризировалась тотальной критикой решений правительственной коалиции.

Характерно, что в 1989-1993 годах ни одна из правительственных коалиций не сумела выработать четкие, прозрачные правила «игры» между правительственными и оппозиционными партиями. В такой ситуации парламентской оппозиции было очень сложно выступать в роли власти, которая ограничивает власть, исполняя при этом функцию невластного контроля деятельности правительства и провластных партий.

Что касается политических процессов в Украине, то в начале 90-х годов в роли политической оппозиции выступил Народный Рух Украины, который, в отличие от польской организации «Солидарность», в большинстве областей имел антикоммунистический характер. Вместе с тем, его организационное становление проходило не синхронно. Так, первые конференции областных организаций Руха в Хмельницкой и Херсонской областях прошли только в декабре 1989 г., а в Сумской - только в июне 1990 г., когда в западных областях - в основном летом 1989 г. В принятых декларациях и практической деятельности организаций восточных и южных областей основной акцент делался не столько на национальных, сколько на социальных, экологических, культурных аспектах общественной жизни. В организационном плане областные организации Юга и Востока Украины были намного слабее и малочисленнее [5, 20].

Выборы 1990 г. в Верховную Раду и местные рады народных депутатов УССР открыли новый этап общественно-политических трансформаций в Украине. В результате, в западном регионе победу одержали демократически настроенные депутаты, а отдельные представители Демократического блока стали народными депутатами. В отличие от Польши, где представители оппозиции и коммунистической власти сели за стол переговоров, в Украине политики обеих лагерей пошли путем конфронтации. Среди депутатов очевидным было политическое разобщение, которое усиливалось возникновением коммунистического большинства и некоммунистического меньшинства, в среде которых формировалась парламентская оппозиция (Народная Рада). С этого момента обостряется противостояние между демократами и коммунистами. В условиях отсутствия сильного центра это углубляло политический конфликт и усложняло процесс демократизации.

Как видно из опыта политического развития двух стран, для демократического режима одинаково важна как политическая борьба между партиями в рамках установленных правил, так и поиск с ними согласованных компромиссных решений. С одной стороны, форма отношений между правительством и политической оппозицией детерминирована развязыванием формально-правовое. С другой стороны, она зависит и от политической культуры политических элит и граждан [6, 159].

В условиях низкой институализации парламентской оппозиции, обусловленной недостаточностью юридических основ ее функционирования и отсутствием в политической практике долговременных демократических традиций власть в некоторой мере рассматривала оппозицию как реального противника, а не союзника. В результате, в начале 90-х годов между обеими сторонами не было установлено четких прозрачных правил как взаимной конкуренции, так и взаимодействия. Все это, как в Польше, так и в Украине, не способствовало созданию благоприятных условий для построения компромиссов, готовность к которым является основой здоровой политической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zwierzchowski E. Opozycja parlamentarna, [w:] Opozycja parlamentarna /Red. nauk. E. Zwierzchowski. Wydawnictwo Sejmowe, Warszawa 2000, s. 9-29.
2. Godłewski T. Polski system polityczny. Toruń : Wyd. Adam Marszałek, 2005. 229 s.
3. Nowak E. Funkcja rządu partii i ugrupowań politycznych w Polsce (zagadnienia wybrane), „Państwo i Prawo” 1993, z. 6, s. 43-54.
4. Zych J. Wywiad dla „Polityki” 30 września 1995.
5. Бойко О. Д. Общественно-политические трансформации в Украине апрель 1985 – август 1991 гг.): историко-политический анализ. Автореф. дис. д. полит. н.- К., 2003.- 44 с.
6. Krawczyk T. Opozycja polityczna w państwach demokratycznych, [w:] Studia z teorii polityki. Tom III, red. A. Czajowski i L. Sobkowiak, Wrocław 2000, s. 140-159.

ФРИДРИХ АЛЬБЕРТ ЛАНГЕ О «ВЕЛИКОМ СОЦИАЛЬНОМ КРИЗИСЕ»

Д.Д. Эйдукене

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Литва

В статье говорится о социальных взглядах немецкого философа и экономиста Альберта Фридриха Ланге (1828 – 1875) на социальный вопрос, которые он изложил в книге [1], вызвавшей оживленную полемику. В полемике участвовали представители разных политических направлений. Либералы и марксисты его яро критиковали, социал-реформисты хвалили. Даже в России Николай Александрович Бердяев в 1899 г. написал статью «Ф.А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму» [2].

Под впечатлениями французских событий общество Германии в конце XIX века продолжало бурлить. Всех объединил страх. Фактор страха в переживаемой эпохе крупных революций вносил определенную специфику в среду ученых и всего общества. Проблема рабочего вопроса почти никого не оставляла равнодушным. Одни утверждали, что рабочий вопрос — это вымысел, что рабочего вопроса реально не существует. Другие находились под впечатлением слов Маркса, что капитал вызвал разложение старого общества, и потому осуществление социальной революции становится неизбежностью. Третьи полагали, что нормальное общественное и государственное развитие требует только жертв со стороны народных масс и не сомневались в объективности существования социального вопроса.

В разросшейся до грандиозных размеров литературе о рабочем вопросе в Германии выделялся голос Ланге, звучащий особенной струной. Он заявляет, что не может быть никакого сомнения о существовании рабочего вопроса, потому, что он «намечен не каким-то монархом, министром, революционером или вождем партии, а выдвинут, с одной стороны, роковой силой социальных условий, с другой - всеобщим сознанием эпохи»... «Он овладел всеми умами и должен быть признан первостепенным вопросом нашего времени, даже в том случае, если бы мы думали, что истинное его решение состоит в том, чтобы убедиться в его неразрешимости и провести это убеждение в общественное сознание» [1, с. 203-204]. Более того, Ланге понимал, что существование рабочего вопроса опасно. Это «бомба замедленного действия», и первоочередной задачей является сохранение современной организации общества и государства. Потому необходимо быть готовым в случае надобности не только принести ради этой цели значительные жертвы, но и признать вполне естественным недовольство рабочих современным своим бедственным положением.

Ланге обсуждал проблему социального вопроса, которая непосредственно была связана с социалистическим рабочим движением, а общество продолжало игнорировать его. Профессор заявляет, что давно пора и в этом вопросе принять другой тон, отрешиться от безмерного презрения или худо скрытого ужаса, с которыми до сих пор обыкновенно относились к симптомам этого глубокого и значительного движения и с иными чувствами взглянуть на столь естественное при данных условиях явление.

Более того, Ланге заявляет, что желательнее всего, чтобы во всех слоях общества люди образованные, влиятельные занялись изучением этого вопроса так же усердно, как их давно уже изучают вожди рабочих. «Затронуты, ведь, интересы не одних рабочих: речь идет о существовании всего современного общества, или, - правильнее сказать - об успешном перенесении плодов нашей культуры на почву слагающегося нового общества» [1, с. 283]. Рабочий вопрос Ланге называет «вопросом духовного возрождения человечества, изменения всех его взглядов и принципов», который не может быть решен на другой же день после переворота. Для решения данной проблемы необходимо создать целую новую историческую эпоху, в которой зародыши новой социальной жизни могли бы беспрепятственно развиваться, а стремление рабочих классов к самоусовершенствованию и завоеванию достойного существования приобрело необходимую свободу, не имея возможности злоупотребить государственною властью для упрочения незрелых порядков, чрезмерного обобщения субъективных взглядов и приостановки процесса брожения раньше, чем он естественным образом завершится [1, с. 284]. По сути Ланге пытается по-новому трактовать суть и цели рабочего движения, пытается заставить общество другими глазами, без внутреннего страха взглянуть на данную проблему и строить качественно иную стратегию по данному вопросу.

По представлению Ланге, центр тяжести современного рабочего движения и сущность его заключается в великой духовной борьбе, цель и исход которой состоит в победе над теми ложными стремлениями, которые постоянно противодействовали

всякому решительному улучшению судьбы народа в собственном смысле. Но эту борьбу следует понимать не чисто внешним образом, но как процесс, совершающийся в духовной жизни всякой отдельной личности. Таким образом, Ланге пытается доказать, что рабочий вопрос является вопросом всего общества, каждого его члена, и что данную проблему можно решить, но необходимо перестроить отношение к ней и самому рабочему классу в целом.

В связи с этим Ланге заявляет, что «не без основания люди страшатся раба, разбившего свои окопы; но свободного человека страшиться нечего. Поэтому мы и должны желать, чтобы свобода не досталась рабочему внезапно путем рабочего движения. Ничто не устраняет так верно ненависти и жажды мести, как умственная деятельность, направленная к уяснению себе жизненных отношений и достижению определенной цели» [1, с. 289]. Профессор отмечает, что ужасы французской революции были совершены подавленными массами, которые убедились в крушении старых авторитетов, но никогда не принимали действительного участия в возвышенной идейной жизни руководящих умов эпохи. Пора предостеречь человечество, от повторения такого великого несчастья и осторожно и сознательно подготовить новый неизбежный порядок вещей. Поэтому, по Ланге, не следует препятствовать рабочим серьезно изучать свое положение и стараться строго обдуманно средствами ускорить его приближение. Надо радоваться, что они, сознав свои человеческие права и высшее назначение, борются за ту свободу, которая только тому и идет впрок, кто ее сам завоевал. В этом движении, по мнению Ланге, следовало бы видеть не опасность, но скорее первые симптомы избавления от громадной опасности.

Ланге замечает, что сами рабочие не задаются никаким рабочим вопросом и даже неохотно слышат это выражение. Для них существуют всевозможные конкретные «вопросы»: вопрос «заработной платы», вопрос о «ремесленном образовании», о «фабричном законодательстве» и, наконец, вопрос о «парламентском представительстве» для достижения своих целей.

Профессор указывает на три важнейших источника современного социального вопроса: быстрое развитие индустриализма, возникновение социальной науки и идея гуманности. Особенное внимание он уделяет идеи гуманности, созревшей в XVIII столетии, которая выработала убеждение, что каждое человеческое существо призвано к свободе, развитию и пользованию плодами своих трудов, и что счастье меньшинства, пока оно опирается на нищету и рабство большинства, не имеет нравственного оправдания. По мнению Ланге, «эта идея породила новое представление о сущности права и государства; философская мысль противопоставила исторически сложившемуся государству рациональное государство; возникла мысль, что прочное возведение здания истинной политической свободы возможно только на почве равноправности всех граждан и участия всех в управлении общественными делами» [1, с. 206]. Ланге обращает внимание и на существующий контраст между этими идеями и теми условиями, которые порождены индустриализмом и впоследствии разоблачены анализом социальной науки. Более того, он считает, что именно этот контраст естественно мог вызвать в мыслящих и впечатлительных умах стремление устранить его, и в лучшем случае создать рабочий вопрос для теоретиков и идеалистов.

По мнению Ланге, рабочий вопрос необходимо отнести к тем проблемам, которые снова и снова выступают на сцену истории, хотя их неразрешимость была уже доказана. Но, тем не менее, он заявляет, что «рабочий вопрос» заключает в себе предположение, что он может быть решен. Общественное зло становится проблемой, когда возникает намерение устранить его или, по крайней мере, низвести до минимума» ... [Там же] Ланге убежден, что всемирная история избирает разные пути: не только внешняя победа, но и ряд поражений доставляют новой идее торжество. Он заявляет, что не думаем, что социальный вопрос мог быть решен на другой же день после переворота, потому что по

существо своему это - вопрос духовного возрождения человечества, изменения всех его взглядов и принципов. Поэтому все дело сводится к тому, чтобы создать целую новую историческую эпоху, в которой зародыши новой социальной жизни могли бы беспрепятственно развиваться, а стремление рабочих классов к самоусовершенствованию и завоеванию достойного существования приобрело необходимую свободу, не имея возможности злоупотребить государственною властью для упрочения незрелых порядков, чрезмерного обобщения субъективных взглядов и приостановки процесса брожения раньше, чем он естественным образом разрешится» [1, с. 247]. Ланге убежден, что вопрос о социальной реформе должен сделаться жизненным вопросом для современной европейской культуры.

По мнению Ланге, судьба рабочего вопроса, как и судьба всего общества находится в руках самого общества. Она требует жертв не только со стороны народных масс, но и со всех граждан, к какому бы классу они не принадлежали. Решение этого «великого социального кризиса» во многом зависит от государственных деятелей, от всех тех, кто в состоянии влиять на ход общественных событий. Заняться этим вопросом может только тот, кто свободен от предубеждений и личного интереса, кто понимает, что рабочий вопрос - это «вопрос будущности всей нашей культуры» [1, с. 1]. Все предлагаемые планы, как партиями, так и отдельными лицами, для решения рабочего вопроса Ланге считает не вполне пригодными. Более того, в них он замечает не только некоторое недопонимание, но и определенное лицемерие по отношению к рабочему вопросу: «если бы можно было тайком послушать истинный символ веры разных государственных деятелей и политических практиков, всех фабрикантов и предпринимателей, вкупе с их покорными слугами в рядах прессы, - то от большинства мы услышали бы следующее откровенное признание: «рабочий вопрос есть, по нашему убеждению, не что иное, как вопрос об изыскании путей и средств для приведения рабочих к прежнему доволству своим положением - конечно с наименьшими жертвами с нашей стороны и так, чтобы они не ставили неумеренных требований!» [1, с. 241]. Потому вырастают попытки улучшить взаимное отношение капитала и труда. Тем более, что «не рабочие создали капитал, а, наоборот, капитал сделал возможным существование наличного контингента рабочих. Уничтожение частной собственности, благодаря которой возник капитал и единственно может продолжать свое существование, было бы равносильно уничтожению самих рабочих масс» [1, с. 244]. Но если бы даже приведенный тезис был экономической аксиомой, - он все же заслуживал бы с политической точки зрения безусловного порицания, так как в основе государства, по утверждению Ланге, должен лежать этический принцип. Если допустить гипотезу, говорит он, что «народные массы» состоят не из простых, механически работающих и саморазмножающихся машин, а из людей - с человеческими потребностями, желаниями, страстями, и способных вступить в соглашение, - то нет ничего невероятного, что эти создания капитала додумаются с течением времени до горьких проклятий по адресу капиталистов и что они затем соединятся, чтобы стереть с лица земли своих благодетелей со всем «изобилием плодов их великого дела».

По Ланге, нравственной узды, которая удержала бы их от этого, не существует, - ведь они были созданы ради чужого интереса и служили всегда простым оружием для чужих целей, а, следовательно, никому ничем не обязаны, даже если бы самый факт существования был счастьем, - чем он мыслящим и сознательным людям в их положении казаться, очевидно не может. Более того, они постепенно будут проникаться враждой и ненавистью ко всему, стоящему вне их собственного круга; и это будет продолжаться до тех пор, пока они будут видеть, что никто ни одним серьезным словом порицания не нарушает блаженства и рая имущих. Бесконечное недоверие и «война всех против всех», господствующая обыкновенно в случайно собранных массах рабочего люда, постепенно заменится признанием авторитетов, к которым каждый будет относиться не только с почтением, но с любовью и глубокой привязанностью. Разовьется чувство общей солидарности - но только не людей, - а всех рабочих, и в этом обособившемся мире раскинется сеть той невидимой, но тем более могуще-

ственной естественной организации; которую нельзя ни расторгнуть, ни поставить под полицейский надзор. Тогда-то пробьет решительный час и тысячи людей, не принадлежащих к рабочим, возопиют о спасении привычных, освященных традицией, общественных форм. Тогда-то явится рабочий вопрос в самом мрачном значении этого слова, созданный условиями тех, кто так упорно отрицал его существование [1, с. 247]. Но, как уверяет Ланге, будет тогда уже слишком поздно для теоретического решения рабочего вопроса. Тут, как он говорит, «мы наталкиваемся» на вторую из теорий, отрицающих рабочий вопрос, именно на ту, которая исповедует неизбежность социальной революции как необходимого результата всего хода всемирной истории.

Но Ланге сомневается в неизбежности подобных потрясений и притом потрясений насильственного характера. Он утверждает, что история часто избирает совсем иной путь. Следовательно, социальная революция вовсе не неизбежно тождественна с всеобщей политической революцией. Но, как утверждает Ланге, и эта мысль не отличается неоспоримой верностью: могут сложиться совсем иные комбинации, хотя чисто экономический переворот и будет продолжаться.

Поэтому роль Маркса как практического агитатора и вожака партии не следует смешивать с его значением научного теоретика: промахи практической агитации не должны в наших глазах лишать теорию ее истинного значения и - наоборот - не следует уважение, внушаемое нам его теоретической аргументацией, переносить и на его тактику в жизни. Как психологическая личность, он может быть вполне цельной натурой, но это не значит, что все, им сказанное, имеет одинаковое объективное значение. По мнению Ланге, даже глубококомысленные философы, поразительно правильно понимающие общий характер своей эпохи, обыкновенно не умеют ориентироваться в вопросах минуты и в злобе дня [1, с. 249].

Говоря о марксизме, Ланге подчеркивает, что его программа по решению социального вопроса является отдельной попыткой решить великий социальный кризис. Но в решении данной проблемы должно участвовать все общество по той простой причине, что она является проблемой не одного класса, а всего общества. Это мероприятие, участниками которого является только часть общества. Многие меры, которые принимаются для решения рабочего вопроса, могут, рассматриваемые порознь, казаться далеко не достаточными для достижения великой цели, но взятые вместе сыграть очень существенную роль.

Из этого вытекает совершенно новое воззрение на сущность и решение рабочего вопроса. Рабочий вопрос, взятый во всей своей совокупности, конечно далеко выходит за пределы того, что может предвидеть и чем может руководить отдельная личность, хотя бы это были глубокомысленнейший философ и умнейший политик, - и в этом смысле действительно не существует иного решения рабочего вопроса, кроме того, которое постановит история. Поэтому все наши попытки и проекты, прежде всего - лишь симптомы великого болезненного процесса, указывающие, насколько мы лично захвачены общим потоком происходящего движения умов; но если взглянуть шире, то практические последствия всех экспериментов, как удачных, так и неудачных, суть в то же время факторы великого переворота, совершающегося частью в учреждениях и общественном строе, частью в настроениях умов. Заклятые враги в обыденной жизни нередко бессознательно работают в одном направлении. Иная революционная попытка может привести к усилению государственной власти, между тем как предпринятый сверху опыт подчас подливает масла в огонь, но оба они способствуют развитию нового экономического строя. [1, с. 250-251] Это еще вовсе не значит, что в этом отношении можно действовать, как кому Бог на душу положит, предоставляя остальное случаю. Напротив, критика всевозможных учреждений и проектов должна задаваться гораздо более важной целью, чем решением того или другого вопроса. Необходимо являться освещением и оценкой их при помощи твердых принципов.

Такими принципами в Германии долгое время повсюду считалось «самопомощь» и «государственная помощь», и тем немало осложнили проблему. Ни одно из этих понятий не намечает ясной цели при решении рабочего вопроса, а ведь правильное понимание и оценка средств и путей к достижению цели без уяснения себе самой цели не имеет никакого смысла. Ланге заявляет, что для решения рабочего вопроса необходимо создать целую новую эпоху. Он призывает общество не только идти на определенные компромиссы, но идти с рабочими на более близкий диалог. Профессор мотивирует это тем, что «ужасы французской революции были совершены подавленными массами, которые убедились в крушении старых авторитетов, но никогда не принимали действительного участия в возвышенной идейной жизни руководящих умов эпохи. Пора предостеречь человечество от повторения такого великого несчастья и осторожно и сознательно подготовить новый, неизбежный порядок вещей. Откровенность и правдивость - вот то великое средство, которое одно свободно привести к цели, которое поможет торжество желательных целей и предотвратит опасности». Поэтому не следует препятствовать рабочим серьезно изучать свое положение» [1, с. 248]... В этом движении, как считает Ланге, следовало бы видеть не опасность, но скорее первые симптомы избавления от громадной опасности.

Более того, ученый считает, что необходимо поменять доминирующую в германском обществе трактовку недооценки рабочего класса. Это касается либералов, консерваторов, социал-демократов, в том числе и марксистов: «мы совсем не знаем рабочего класса.мы приходим к наивному предположению, будто рабочий и думать не умеет, будто он не имеет правильного представления о своем положении и о тех средствах, которые могли ему помочь. Остальные сословия, в сознании превосходства своей образованности, презирают в рабочем всю его человеческую личность, все его мысли, ощущения и желания, которые, несмотря на полное отсутствие внешнего лоска, часто бывают особенно жизненны и могучи» [1, с. 257-258]. По мнению Ланге, общество отвергает рабочее сословие. Оно уверяет рабочих, что они по своей необразованности еще не созрели до участия в политической деятельности. Им надо сперва доразвиться до понимания великих вопросов. В этом сказывается то же отвратительное смешение образованности с умственной зрелостью. Но просвещение, не должно представлять собою даже временной китайской стены между правоспособными и неспособными членами общества. Даже если ты обладаешь образованностью в высшем значении этого слова, ты не имеешь права считать своего ближнего ребенком. Эта «образованность», приписывающая себе такую важную роль, представляет собою только простой лоск, умение держать себя безупречно и красно говорить, соединенное в наше время зачастую с полной пустотой. Что, если тщеславие и доктринерское самоослепление делают образованные классы неспособными к пониманию таких простых истин, которые народу до осязательности очевидны из самой жизни? Ланге не думает утверждать, что рабочие достаточно способны следить за всеми тонкостями в толковании конституции или читать между строк дипломатические ноты, но и не требуется, чтобы государство, составляющее общественное достояние, управлялось при помощи подобных уловок. Зато вполне необходимо, чтобы законодательство приняло во внимание потребности рабочего сословия, чтобы право подвергло пересмотру в интересах неимущих, чтобы вся общественная жизнь была направлена ко благу масс [1, с. 259]. Более того, Ланге заявляет, что необходимо было бы воспитывать и поощрять рабочих к свободной, законной, но, тем не менее, энергичной борьбе за свое право и интересы. Он убежден, что один уже факт их участия в решении общественных вопросов поведет к таким уступкам со стороны прочих классов, на которые прежде никто бы не согласился.

Ланге отмечает, что не без основания люди страшатся раба, разбившего свои оковы; но свободного человека страшиться нечего. Поэтому-то мы и должны желать, чтобы свобода не досталась рабочему внезапно путем рабочего движения. Исходя из

этого, Ланге заявляет, что вместо того, чтобы предаваться мрачной злобе и тупому отчаянию, обращать свой взор к восходящей заре новой эпохи и стараться строго обдуманно средствами ускорить ее приближение. Нужно постепенно привыкнуть к тому, что мысль, которую ныне все повторяют, как бессодержательную фразу: «рабочие ведь тоже люди», имеет вполне реальное содержание [1, с. 276].

Он предлагает общие принципы, которые могли служить руководящей нитью в лабиринте всевозможных реформ.

Первым из этих принципов служит признание рабочего вопроса. Заставить уверовать о нормальности своего положения или хорошего обращения недостаточно!

Второй принцип состоит в том, чтобы каждое отдельное мероприятие было направлено к действительной и полной эмансипации рабочих от их недостойной зависимости и подчиненности предпринимателям. А это может иметь место только при том условии, чтобы республиканская и конституционная форма фабричной организации сделалась преобладающей или получило широкое распространение. («Фабричный конституционализм» - это участие рабочих, наряду с предпринимателем, в руководстве производством. Органы такого участия он видит в рабочих союзах. - Д. Э.)

Третий принцип сводится к тому, чтобы поднятие материального уровня рабочих шла рука об руку с их умственным и нравственным развитием.

Четвертый принцип состоит в идее неразрывной связи между рабочим и социальным вопросом; он составляет только одно из частных проявлений социального вопроса, хотя в настоящее время и играет господствующую роль. Вопрос сводится к тому, каким образом посредством мирного, но непрерывного воздействия законов превратить целый период прогрессирующей дифференциации имущественного положения индивидов в период возрастающего уравнивания.

Пятый и последний основной принцип заключается в необходимости самой широкой свободы в применении рабочими всех способов, посредством которых они стараются выбиться из своего современного бессилия и унижения. Сюда мы относим не только попытки социальной самопомощи в более тесном смысле этого слова, но главным образом и все национальные и международные союзы рабочих для борьбы с могуществом капитала, всевозможные их ассоциации, их прессу и т.д. Страх, внушаемый этими проявлениями новой силы, конечно, не совсем безоснователен; но еще гораздо более следует страшиться опасных последствий скрытого, подпольного распространения социального недуга и вызываемого им болезненного настроения [1, с. 239-245].

Ланге задается философским и достаточно конкретным вопросом: «Суждено ли вышеуказанным принципам осуществиться в жизни, или же рабочий вопрос разрешится раньше или позже, как разражается буря и как слепая сила природы пробивает себе дорогу среди развалин и ужасов?» И сам отвечает: «Того, кто победит в самом себе упрямый эгоизм, колесо истории не раздавит. Он даже выйдет победителем, хотя ему для этого придется принести в жертву свое вековое право. Мы станем хвалить того, кто, ... сознавая неизбежность личных потерь, воздает должное гуманности и сознательно предлагает свою помощь для более справедливого распределения труда и наслаждений. Если бы подобное настроение сделалось всеобщим, то жертвы были бы незначительны, а выгоды неизмеримы» [1, с. 247]. Ланге - оптимист и надеется, что человечество не будет вечно начинать с варварства, когда на могиле какого-нибудь оживающего культурного периода зарождается новый. Он верит, что та рука, которая ныне протягивается к рабочему с искренним желанием оказать ему помощь, создаст необходимые условия для человеческого его существования. Искусство и наука, гуманность и нравственность вновь пышно расцветут на развалинах старого строя жизни. Просвещение и братство будут тогда теми добрыми гениями, которые постепенно выведут массы из теперешнего их положения. Конечно, эта победа никогда не будет полной, но велик уже будет успех, если идея энергичного и искреннего труда на пользу масс проникнет во всеобщее

сознание и вытеснит мысль о необходимости сохранить во что бы то ни стало освященные традиции, но во многих отношениях несостоятельные порядки.

Ланге оставил глубокий след в дальнейшей эволюции идеи социального правового государства. В теории социал-реформизма звучит и его струна о надежном средстве для прогресса солидарности и равенства, требующем и частной, и общественной, и государственной инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lange F. A. Die Arbeitfrage in ihrer Bedeutung für Gegenwart und Zukunft. Duisburg, 1875.
2. Бердяев Н. А. Ф.А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму. 1899.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА У ПАЛЕСКИМ ВАЯВОДСТВЕ (1921–1939 гг.)

В.П. Гарматны

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Баранавічы, Беларусь

Пасля падпісання 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага мірнага дагавору тэрыторыя Заходняй Беларусі ўвайшла ў склад чатырох ваяводстваў: Палескага, Наваградскага, Віленскага і Беластоцкага. Плошча Палескага ваяводства складала 36,825 тысяч км² з насельніцтвам каля 1,320 мільёна чалавек (1931 г.), і дзялілася на 10 паветаў: Брэст-Бужскі, Драгічынскі, Камень-Кашырскі, Кобрынскі, Косаўскі, Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі, Сарненскі (з 1929 г. у складзе Валынскага ваяводства), Столінскі.

Аграрныя адносіны на тэрыторыі Палескага ваяводства характарызаваліся захаваннем значнай колькасці феадальна-прыгонніцкіх перажыткаў, панаваннем буйнога памешчыцкага землеўладання, безземеллем і малаземеллем сялян, а таксама яго масавым збыдненнем. У 1921 г. 82,0% усяго працаздольнага насельніцтва Палескага ваяводства было занята ў сферы сельскай гаспадаркі (у цэнтральнай Польшчы - 63,8%), на 1931 г. - 81,3% на Палессі і 61% у Польшчы. Глеба пераважна бедная, пясчаная - ураджай жыта складаў прыкладна 480-800 кг з га; у Польшчы - 1136 кг з га. 40% тэрыторыі Палескага ваяводства было забягнана [1, s. 110-115]. У 1922 г. каля 4500 памешчыцкіх гаспадарак (0,9% усіх гаспадарак) валодала амаль 4,7 млн гектараў (58% прыватнаўласніцкай зямлі), вядучае месца ў памешчыцкім землеўладанні займалі буйныя латыфундыі плошчай ад 2 да 10 і болей тысяч га зямлі. Каля 500 магнатаў мелі больш як па 1000 га. Такой канцэнтрацыі зямельнай уласнасці не было ні ў адной з тагачасных краін Еўропы [2, s. 67]. Асобныя зямельныя магнаты (Радзівіл, Патоцкі, Сапега, Тышкевіч, Мяйштовіч, Рачкевіч і інш.) валодалі дзесяткамі тысяч гектараў зямлі. Так, уладанні князя Караля Радзівіла толькі ў Столінскім павеце ("Давідрудж") складалі звыш 155 200 га [3, с. 31]. На іншым баку знаходзілася каля 480 тысяч сялянскіх гаспадарак (больш 99% сельскагаспадарчага насельніцтва), якія валодалі толькі 3,3 млн га (42%) зямлі, прычым 8250 сялян-палешукоў мела ў сярэднем па 0,5 га, а многія былі зусім безземельнымі. У 1927 г. у Палескім ваяводстве колькасць сялян, якія не мелі каня, складала 34,7% гаспадарак, аднаго каня мелі 50,9%. Не мелі кароў 15% гаспадарак, а 18,6% гаспадарак мелі кароў, але не мелі каня [3, с. 31; 50; 4, с. 40].

Сяляне задыхаліся ад недахопу зямлі, цераспалосіцы - у вёсцы нарасталая сацыяльная напружанасць. Каб палепшыць матэрыяльнае становішча мясцовых сялян польскаму ўраду жыццёва неабходна было як мага хутчэй правесці аграрную рэформу.

У Сейме была створана камісія аграрных рэформ. 10 ліпеня 1919 г., у перыяд пад'ёму ў Польшчы рэвалюцыйнага руху, Сейм па прапанове ўрада Падэрэўскага прыняў так званыя "Прынцыпы зямельнай рэформы", згодна якіх ствараўся

дзяржаўны зямельны фонд з свабодных зямель. У кіруючых колах палітычных партый і ўрадавых сферах ішло абмеркаванне розных праектаў аграрнай рэформы. Праз год – 15 ліпеня 1920 г. – у час найбольшай небяспекі для існавання Польскай дзяржавы, калі Чырвоная Армія стаяла пад сценамі Варшавы, Сейм у хуткім парадку прыняў новы закон: "Выканаўчыя правілы да закону аб зямельнай рэформе ад 10 ліпеня 1919 г.", якія прадугледжвалі надзяленне зямлёю малазямельных і беззямельных сялян, але на практыцы быў ажыццёўлены зусім іншы праект рэформы – больш кансерватыўны. У канцы 1924 г. урад В. Грабскага выступіў з новым законапраектам па аграрнаму пытанню. 26 ліпеня 1925 г. Сейм адхіліў заканапраект левых партый і прыняў шырокавядомы "Закон аб правядзенні зямельнай рэформы", які ўвайшоў у гісторыю пад назвай "Закон аб парцэляцыі і асадніцтве" [5, s. 215].

Асноўная мэта, якую праследаваў польскі ўрад у Палескім ваяводстве, была ў тым, каб насадзіць тут на пустуючых землях вайсковых асаднікаў-каланістаў з ліку былых удзельнікаў савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. і стварыць такім чынам сацыяльную і палітычную апору на "Крэсах Усходніх", каб каланізаваць гэтую тэрыторыю, а таксама ўмацаваць становішча найбольш заможных сялян, пашырыць унутраны рынак.

Для вызначэння зямель, якіх можна было адвесці пад "асады", ствараліся сумесныя камісіі з прадстаўнікоў Міністэрстваў сельскіх рэформ, фінансаў, вайсковых спраў. Галоўнымі крытэрыямі былі: якасць і колькасць свабоднай зямлі, а таксама яе аддаленасць ад шляхоў зносін. Так, прадстаўнік Міністэрства вайсковых спраў паручнік Лявон Грушніцкі 26-27 кастрычніка 1922 г. ездзіў у маёнтак Толшча Высока-Літоўскай гміны Брэсцкага павету для агляду зямель пад будучыя асады – дзяржава кампенсавала яму кошт чыгуначнага білету ў 1000 марак, а таксама праезд амнібусам ад станцыі да месца прызначэння – 400 марак [6. – Арк. 32].

Асаднікі атрымлівалі тут па нізкім кошце ці навогул бясплатна па 15-45 га зямлі ў залежнасці ад ваенскіх заслуг і звання: па прынятаму правілу палкоўнік атрымліваў 30 гектараў зямлі, капітан – 20, паручнік – 15, радавы – каля 9–10 га [7, с. 73–74], але былі і выключэнні з гэтага правіла. Дзеля атрымання зямлі асадніку, неабходна было знайсці двух паручыцеляў, якія б неслі адказнасць у выпадку яго неплацежаздольнасці. Здараліся і ўнікальныя выпадкі: у маёнтку Баравікі Косаўскай гміны Косаўскага павету пасялілася з Кракаўскага ваяводства сям'я вайсковага асадніка Францішка Стылінскага. Бацька атрымаў 44,79 га зямлі, а яго сыны: Мар'ян – 25,03 га, Ян Стылінскі – 24,69 га. Пры гэтым бацька і сыны выступілі паручыцелямі адзін аднаго. Гэтыя асаднікі сумесна валодалі шматлікімі прыладамі працы, вялікай колькасцю сельскагаспадарчай жывёлы і птушак, кожны з іх уносіў на свой надзел больш чым тону ўгнаенняў, што забяспечвала на іх землях добры ўраджай [8. – Арк. 63].

Памер аплаты за зямлю быў прыроўнены да 30-100 кг збожжа за 1 га штогод з выплаты дзяржаве на працягу 30 гадоў, пачынаючы з пятага года пасля атрымання зямлі. Дзяржава аказвала дапамогу натурай або грашыма для абзавядзення гаспадаркай. На гаспадарку выдзялялася 80 м³ будматэрыялаў і 2 млн марак грашыма; інвентаром або зернем. Асаднік павінен быў пасяліцца на сваім водрубе на працягу года і ў трохгадовы перыяд асвоіць яго.

Асаднікам праз Дзяржаўны банк выдаваліся ільготныя крэдыты пад 4–7% гадавых, але здараліся асобныя выпадкі, што некаторыя з іх не маглі своечасова выплаціць патрабуемыя сродкі: так, у 1930 г. асаднік маёнтка Варацэвічы Іванаўскай гміны Драгічынскага павету Ісідор Ласковіч не здолеў своечасова выплаціць узятую пазыку з працэнтамі ў памеры 1073,33 злотых. Банк абавязаў яго выплаціць гэтую суму на працягу двух наступных гадоў [9. – Арк. 5].

Ужо ў пачатку 1923 г. для асаднікаў у Палескім ваяводстве было выдзелена 128 тысяч гектараў: Брэсцкі павет – 6 тысяч га, Пружанскі – 5,5 тыс., Драгічынскі – 8 тыс.,

Кобрынскі – 6 тыс., Косаўскі – 10 тысяч га і г.д. Да 1 студзеня 1923 г. тут расселены 991 асаднік [7, с. 77; 10, с. 17]. Вайсковым каланістам для арганізацыі гаспадарак дзяржава бясплатна выдзяляла коней, буйную рагатую жывёлу, свіней. Толькі ў 1922 г. вайсковыя асаднікі Брэсцкага павета атрымалі 180 коней, 200 кароў, 90 авечак, 140 свіней, 4000 пудоў зерня для пасеву, 5000 пудоў бульбы [11, с. 31].

КОЛЬКАСЦЬ АСАДНІКАЎ НА 1 СТУДЗЕНЯ 1923 г. [12, с. 15]

колькасць асаднікаў у Палескім ваяводстве	з іх	
	арганізаваліся	не змаглі
1477	991	486

У мэтах бяспекі асаднікі сяліліся супольна хутарамі, мелі права насіць і валодаць зброяй, нават кулямётамі, – усе меры перадасцярогі не былі дарэчнымі, бо назіраліся выпадкі разгрому асадніцкіх хутароў і памешчыцкіх маёнткаў партызанамі і паўстаўшымі сялянамі: напрыклад, у ноч на 27 жніўня 1923 г. яны разграмілі асаду Целяханы, а 24 верасня 1924 г. маёнтак Юзефуў Беразноўскай гміны Пінскага павету, у ноч з 2 на 3 кастрычніка 1924 г. партызанскі атрад у складзе 30 чалавек разграміў маёнтак і атакаваў пастарунак у Кажан-Гарадку Столінскага павета [13, с. 68].

Узаемаадносіны сялян Палескага ваяводства з мясцовымі вайсковымі асаднікамі былі паважлівымі і добразычлівымі: палешукі заўсёды запрашалі асаднікаў на свае святы і ўрачыстасці, прадастаўляючы ім пачэсныя месцы ў першых радах, многія асаднікі бралі ў жонкі мясцовых сялян, дзеці вайсковых асаднікаў і навакольных сялян гадаваліся разам, але адносіны з мясцовымі памешчыкамі ў вайсковых асаднікаў былі складанымі, бо тыя бачылі ў іх сваіх непасрэдных эканамічных канкурэнтаў [14, с. 226].

Парцэляцыя – продаж зямлі дробнымі надзеламі (парцэламі) – праводзілася за кошт дзяржаўных, памешчыцкіх і пустуючых зямель: былыя ўладанні царскай сям'і, кінутыя маёнткі і сялянскія гаспадаркі, на якіх не аб'явіліся законныя ўладальнікі (бежанцы), а таксама царкоўныя і іншыя землі [15, с. 21].

ПАРЦЭЛЯЦЫЯ Ў ПАЛЕСКІМ ВАЯВОДСТВЕ (1921-1925 гг.) [7, с. 104]

год	від парцэляцыі і памер атрыманага надзела (га)		
	дзяржаўная	іншая	усяго
1921	1276	2640	3916
1922	13309	5522	18831
1923	12137	6936	19073
1924	5333	3491	8824
1925	9427	6539	15966
усяго	41482	25128	66610

У плане правядзення аграрнай рэформы прадугледжвалася і ліквідацыя цераспалосіцы (камасацыя). Гэта азначала правядзенне масавай хутарызацыі сялянскіх гаспадарак, стварэнне фермерскіх гаспадарак. 31 ліпеня 1923 г. быў выдадзены закон аб камасацыі. Сяляне павінны былі плаціць за камасацыю кожнага гектара зямлі ў залежнасці ад яе якасці ад 14 да 20 злотых, а таксама за складанне праектаў меліярацыі, утрыманне землеўпарадкаў, перанясенне дарог і г.д. Таму камасацыя першапачаткова праходзіла даволі марудна. З мэтай паскарэння хутарызацыі 14 студзеня 1927 г. выдадзена сумеснае распараджэнне Міністэрства зямельных рэформ і Міністэрства фінансаў аб аказанні дапамогі сялянам, якія выходзілі на хутары. На 15-гадовы тэрмін выдаваўся крэдыт. 1200 злотых на перанос будынка і 600 на меліярацыю.

КАМАСАЦЫЯ СЯЛЯНСКІХ ГАСПАДАРАК ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА [7, с. 164]

колькасць вёсак,	колькасць гаспадарак,	плошча зямлі, падзеленай
------------------	-----------------------	--------------------------

пераселеных на хутары	выйшаўшых на хутары	на вотрубы, га
384	54883	500840

У 1921 г. болей паловы сялян карысталася сумеснымі зямельнымі ўладаннямі (сервітутамі), агульная плошча якіх складала каля 438 тысяч гектараў (каля 15% усёй сялянскай зямлі). Сервітуты былі, з аднаго боку, перажыткам з часоў паншчыны і феадалізму, з другога – жыццёва неабходнай для мясцовых сялян рэччу: давалі ім магчымасць свабодна трымаць на выганах, пашах большую колькасць сельскагаспадарчай жывёлы, а на вадаёмах – вялікую колькасць хатняй птушкі, лавіць рыбу, лес для пабудовы хаты і іншых неабходных сельскагаспадарчых пабудов, нарыхтоўкі дроў, магчымасць бесперашкодна збіраць ягады, грыбы, мох. У цэлым сялянства выступала рэзка супраць ліквідацыі сервітутаў, бо пры гэтым страчвала больш, чым атрымоувала ўзамен. Таму ліквідацыя праходзіла з вялікімі цяжкасцямі.

СЯЛЯНСКІЯ СЕРВІТУТЫ Ў ПАЛЕСКІМ ВАЯВОДСТВЕ [7, с. 86, 163]

лясныя	выганы і пастбішча	лясы і пастбішча	іншыя
13,2%	68,1%	18,6%	0,1%

ЛІКВІДАЦЫЯ СЕРВІТУТАЎ У ПАЛЕСКІМ ВАЯВОДСТВЕ (1919–1936 гг.)

ліквідавана сервітутаў	колькасць пацярпелых сялянскіх гаспадарак	выдзелена ўзамен сервітутаў зямлі, га
441	43113	110624

У барацьбе за свае правы сяляне выкарыстоўвалі як легальныя, так і нелегальныя сродкі барацьбы. Так, у інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у Сойм у сувязі з прыгнётам сялян асаднікамі адзначалася: "Асаднік, капітан Стылінскі, захапіў сервітутны луг, які належаў сялянам вёскі Квясевічы Косаўскага павету. Пагражаючы зброяй, асаднік не пускае сялян пасці жывёлу на сервітутнай зямлі" [10, с. 84].

Здараліся выпадкі, калі выступленні сялян арганізавалі прадстаўнікі мясцовай адміністрацыі – ў сярэдзіне студзеня 1923 г. солтыс Сіманюк сабраў жыхароў вёсак Аннапаскі, Ямніца і Хмелішча Олтушскай гміны Брэсцкага павета і прызваў іх пайсці ў сервітутны лес, каб прагнаць адтуль інжынера Май-Мескулава. За солтысам пайшлі 35 сялян і выгналі з лесу каманданта паліцыі Хамяка, Май-Мескулава і рабочых. Сяляне заявілі, што лічаць лес сваёй уласнасцю і не дазваляць яго пілаваць [7, с. 191].

У верасні 1929 г. каля 200 сялян з вёсак Осаўцы і Пляхаўшчына Пружанскага павета, узброеныя сякерамі і кіямі, прагналі каморніка і 3 паліцэйскіх, якія разам з ім адводзілі сервітутныя землі памешчыку. Толькі з дапамогай атрада ў 30 паліцэйскіх з 2 кулямэтамі ўладам удалося правесці зямельнае размежаванне [12, с. 100–101].

Падводзячы вынікі, трэба адзначыць, што аграрная рэформа польскіх улад у Палескім ваяводстве садзейнічала ліквідацыі паўпрыгонніцкіх перажыткаў, расчышчала шлях для развіцця капіталізму ў вёсцы. Паказчыкі прадукцыйнасці сельскай гаспадаркі ў 30-я гады значна выраслі і дасягнулі ўзроўню Францыі і ЗША, а часткова нават пераўзыйшлі іх, павялічылася колькасць свойскай жывёлы, але на правядзенне рэформы негатыўна адбіўся сусветны эканамічны крызіс 1929–1933 гг., а затым і пачатак Другой Сусветнай вайны, таму рэформа не змагла вырашыць аграрнага пытання.

ЛІТАРАТУРА

1. Tomczonek, Z. Wios Poleska 1918-1939 / Z. Tomczonek. // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёну Беларусі: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. У 2 ч. Ч. 2. – Брэст: Выдавецтва С. Лаўрова, 1998. – С. 110-115.
2. Galka, B.W. Ziemiańie i ich organizacje w Polsce lat 1918-1939 / B.W. Galka. // – Torun: Adam Marszałek, 1999. – 214 s.
3. Полуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса. 1929-1933 гг. / И.В. Полуян. // – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 207 с.

4. Мацко, А.Н. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнёта буржуазии и помещиков (1918-1939 гг.) / А.Н. Мацко. // – Минск: Беларусь, 1972. – 336 с.;
5. Historia chłopów polskich / pod redakcją Stefana Ingłota. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 395 s.;
6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 6. Заявления военных осадников о выдаче ссуды;
7. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920-1939 гг.) / А.А. Сорокин. // – Минск: Наука и техника, 1968. – 204 с.;
8. ДАБВ. – Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 77. Заявления военных осадников о выдаче ссуд;
9. ДАБВ. – Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 158. Дело о наделении землёй военного осадника Ласковича Исидора 1930 г. имение Вороцевичи гмина Яновская повет Дрогичинский;
10. Кон, Ф.Я. Западная Белоруссия – колония панской Польши (к процессу над белорусской громадой) / Ф.Я. Кон. // – Москва: Издательство ЦК МОПР СССР, 1928. – 38 с.;
11. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919-1939 гг.) / Б.Е. Кухарев. // – Минск: Высшэйшая школа, 1975. – 112 с.;
12. Полуян, В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927-1939 гг.) / В.А. Полуян. // – Минск: Наука и техника, 1978. – 360 с.;
13. Полуян, В.А.; Полуян, И.В. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920-1939 гг. / В.А. Полуян. // – Минск: Государственное издательство БССР, 1962. – 224 с.;
14. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. // – Warszawa, RYTM, 2003. – 420 s.;
15. Ludkiewicz, Z. Wytuczne reformy agrarnej na Białej Rusi / Z. Ludkiewicz. // – Warszawa: Wydawnictwo STRAZY KRESOWEJ, 1920. – 40 s.

БЕЛАРУСКІЯ ТАТАРЫ Ў ПАРТЫЗАНСКІМ РУХУ ПАДЧАС ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Грыбава С.У.

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, г. Мінск, Беларусь

Беларускія татары разам з іншымі народамі СССР, у тым ліку Беларусі, удзельнічалі ў Вялікай Айчыннай вайне, уключаючы і партызанскі рух. Гістарычна складалася такім чынам, што ў асноўным трывалыя паселішчы беларускіх татар размясціліся ў заходніх рэгіёнах краіны. Так, дадзены артыкул прысвечаны ўдзелу ў партызанскім руху дадзенай нацыянальнай меншасці ў складзе брыгад партызанскіх злучэнняў Баранавіцкай, Вілейскай, Пінскай абласцей. У брыгадах Беластоцкай і Брэсцкай абласцей беларускія татары прадстаўлены не былі. [1] Артыкул падрыхтаваны на падставе матэрыялаў Нацыянальнага архіва РБ. У ім прыводзіцца шэраг найбольш характэрных прыкладаў дзейнасці татар, жыхароў Беларусі, у партызанскім руху ў заходніх рэгіёнах краіны.

У атрадзе імя Аляксандра Неўскага брыгады імя Аляксандра Неўскага, якая дзейнічала ў Юрацішчоўскім і Іўеўскім раёнах Баранавіцкай вобласці (у дадзеным выпадку і далей па тэксце тэрыторыя дзейнасці брыгад падаецца па адміністрацыйна-тэрытарыяльнаму падзелу на 1.01.1944 г.), змагаліся з ворагам браты Якубоўскія: Адам і Абрагім Мустафавічы з в. Кірвелі, Юрацішчоўскага раёна, Баранавіцкай вобласці (суч. Іўеўскага раёна Гродзенскай вобласці). У складзе іх сям'і акрамя маці з бацькам былі яшчэ пяцера сясцёр і чатыры браты. Адам Мустафавіч 1920 г.н. у адзначанае вайсковае фарміраванне трапіў у снежні 1943 г. Да вайны – гарбар, меў пачатковую адукацыю, беспартыйны. Разам з партызанамі атрада ён неаднаразова прымаў удзел у баявых

операцыях. Актыўна ўдзельнічаў у разгроме варожых гарнізонаў у раене Юрацішак. Два разы браў удзел у аперацыі "Канцэрт" (2-гі этап "Рэйкавай вайны") па падрыву чыгуначных шляхоў. Апошні час працаваў у гаспадарчым узводзе, дзе займаўся вырабам скур для партызанскіх патрэб. З абавязкамі спраўляўся добра, за што мае шэраг лістоў з падзякай. [2, лл. 319-320] Яго брат, Якубоўскі Абрагім Мустафавіч (1924 г.н.), у атрадзе змагаўся з 12 мая 1944 г. [3, л. 6] Ён таксама прымаў удзел у баявых аперацыях атрада. Змагаўся з ворагам побач з братам. [2, л. 319] Якубоўскі Абрагім 26 ліпеня 1944 г. пасля расфарміравання брыгады быў накіраваны ў Чырвоную армію, для далейшай барацьбы з ворагам. [4, лл. 12-13]

У Першамайскай брыгадзе, створанай ў маі 1943 г., якая дзейнічала ў Карэліцкім, Новамышскім, Гарадзішчанскім, Навагрудскім і Мірскім раенах Баранавіцкай вобласці, у атрадзе імя 1 Мая змагалася татарка Радкевіч Роза Сцяпанаўна (1906 г.н.) Яна мела сярэднюю адукацыю, у 1934 г. зкончыла рабфак. [5, л. 194] З 1938 г. Радкевіч Р.С. з'яўлялася членам ВКП(б)Б. Да вайны займала пасаду інструктара ГК КП(б)Б. [6, лл. 105-106] У атрад трапіла з г. Брэста. У перыяд з 1 мая па кастрычнік 1943 г. Радкевіч Роза Сцяпанаўна працавала на карысьць атрада ў якасці агентурнага разведчыка ў в. Гарадзішча Баранавіцкай (суч. Брэсцкай) вобл. Яна дастаўляла партызанам дакладную інфармацыю аб канцэнтрацыі варожых сіл, аб іх узбраенні і планах. З 3 кастрычніка 1943 г., уступіўшы ў шэрагі партызан атрада 1 Мая, яна ўдзельнічала ў баявых аперацыях. З 15 лістапада 1943 г. па 10 ліпеня 1944 г. Радкевіч Роза Сцяпанаўна займала пасаду сакратара партарганізацыі атрада. Адначасова з 5 снежня 1943 г. яна выконвала функцыю рэдактара раённай газеты "Чырвоны партызан". За сваю актыўную дзейнасць у барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі Радкевіч Р.С. была прадстаўлена да ўзнагароды ордэнам Чырвонай Зоркі. [5, л. 194]

З 23 мая 1943 г. па 8 лістапада 1943 г. у атрадзе "Грозны" Першамайскай брыгады змагаўся татарын з в. Крынікі Мірскага раена Баранавіцкай вобласці (суч. Карэліцкага раена Гродзенскай вобл.) Хасяневіч Аляксандр Хасяневіч. Так як на базе некаторых атрадаў дадзенай брыгады, у тым ліку і атрада "Грозны", была створана новая брыгада ("25 гадоў БССР"), Хасяневіч А. Х. з 8 лістапада 1943 г. па 17 ліпеня 1944 г. застаўшыся ў Першамайскай брыгадзе, змагаўся з ворагам у атрадзе імя А.А. Жданава. [7, л. 223] Прозвішча Хасяневіча Аляксандра Хасяневіча значыцца ў спісе партызан, якія пасля расфарміравання брыгады, былі накіраваны на працу на авіязавод. [6, л. 87]

У брыгадзе імя В.П. Чкалава, якая дзейнічала ў Валожынскім і Івянецкім раенах Баранавіцкай вобласці, Дзяржынскім, Заслаўскім і Мінскім раенах Мінскай вобласці, з 29 снежня 1943 г. змагалася цэлая татарская сям'я Ясінскіх з Мінску. Маці, Ясінская Марыя Адамаўна (1905 г.н.) з дзецьмі: Барысам Ібрагімавічам (1931 г.н.), Аляксандрам Ібрагімавічам (1929 г.н.), Тамарай Ібрагімаўнай (1927 г.н.). [8, лл. 92-93] У студзені 1944 г. на базе некаторых атрадаў і дыверсійнай групы брыгады імя В.П. Чкалава была створана брыгада "За Савецкую Беларусь", якая дзейнічала ў Валожынскім раене Баранавіцкай вобл. У яе склад, а менавіта ў рэзервовы атрад, трапіла сям'я Ясінскіх, а таксама мінскі татарын Кругланскі Іосіф (1905 г.н.), які з 1 студзеня 1944 г. выконваў функцыі камандзіра ўзвода дадзенага атрада. [9, лл. 8; 49]

У складзе 2 роты брыгады імя К.К. Ракасоўскага, у атрадзе імя Ф.Э. Дзяржынскага з першых дзен існавання партызанскага фарміравання змагаўся татарын з г. Слоніма Баранавіцкай (суч. Гродзенскай) вобласці Рафаловіч Мустафа Іванавіч (1924 г.н.). [10, л. 121] Брыгада дзейнічала на тэрыторыі Слонімскага і Быценьскага раенаў Баранавіцкай вобласці. Удзельнічаючы ў баявых аперацыях атрада, Рафаловіч М. І. праявіў сябе дысцыплінаваным, адважным партызанам. Прымаў удзел у падрыве варожага эшалона. Знішчыў 4 км тэлеграфнай лініі сувязі. Пасля расфарміравання брыгады ў ліпені 1944 г. ён быў накіраваны БШПР на працу ў Мінск на аўтазавод. [11, л. 66]

У атрадзе імя А.А. Жданава брыгады "За Радзіму", якая дзейнічала ў Шаркаўшчынскім, Відзаўскім, Маладзечанскім, Браслаўскім раенах Вілейскай вобласці, змагалася татарская сям'я Якубоўскіх з г. Браслаў Вілейскай вобласці (суч. Віцебскай вобл.): Маці, Яўгенія Ібрагімаўна (1907 г.н.), з двума дзецьмі: сынам, Ібрагімам Ібрагімавічам (1924 г.н.) і дачкой Лімай Ібрагімаўнай (1927 г.н.) 8 мая 1944 г. сталі партызанамі адзначанага ваеннага фарміравання. [12, лл. 48-49] Якубоўская Яўгенія Ібрагімаўна ў атрадзе выконвала абавязкі повара. Да сваёй справы ставілася сумленна. Карысталася павагай сярод камандавання. Пасля расфарміравання брыгады 14 ліпеня 1944 г. была адпраўлена да дому. Яе дачка, Якубоўская Ліма, таксама працавала на кухні, аднак гэтым яе функцыі не абмяжоўваліся. Ліма яшчэ выконвала абавязкі пісара ў штабе (мела 6 класаў адукацыі). Праявіла сябе дысцыплінаванай партызанкай, карысталася павагай сярод камандзіраў і байцоў атрада. Разам з маці 14 ліпеня 1944 г. была накіравана да дому. У гэтым жа атрадзе імя А.А. Жданава змагаўся яе брат, Якубоўскі Ібрагім. Беспартыйны, меў 6 класаў адукацыі. У атрадзе, знаходзячыся ў гаспадарчым узводзе, усе загады камандавання выконваў дакладна і своєчасова. Каравульную службу нес добрасумленна. 1 ліпеня 1944 г. удзельнічаў у аперацыі атрада, у выніку якой быў падарваны варожы воз з бояпрыпасамі, забіта і паранена 2 немца. [13, лл. 480-482] Якубоўскі Ібрагім пасля расфарміравання брыгады ў ліпені 1944 г. быў накіраваны ў распараджэнне Шаркаўшчынскага раённага выканаўчага камітэту. [14, лл. 14-15]

У атрадзе імя А.А. Жданава брыгады "За Радзіму" таксама змагаўся Гімбіцкі Іосіф (1913 г.н.) з в. Еды Шаркаўшчынскага раена Вілейскай вобласці (суч. Віцебскай вобл.). Гімбіцкі Іосіф у атрадзе імя А.А. Жданава змагаўся з 1 жніўня 1943 г. па 14 ліпеня 1944. Падчас знаходжання ў дадзеным партызанскім фарміраванні ён разам з іншымі байцамі атрада ўдзельнічаў у баявых аперацыях. Падчас аднаго з баёў 21 красавіка 1944 г. у Шаркаўшчынскім раене былі забіты 47 і паранены 60 немцаў. Гімбіцкі Іосіф пэўны час таксама знаходзіўся ў гаспадарчым узводзе, дзе ўсе даручэнні камандавання выконваў дакладна і тэрмінова. Зарэкамендаваў сябе дысцыплінаваным партызанам, адданым Радзіме. Пасля расфарміравання брыгады ён быў накіраваны ў шэрагі Чырвонай Арміі для далейшай барацьбы з ворагам. [13, л. 100]

Татарын Ільясевіч Хасень Ібрагімавіч быў сувязным брыгады імя К.Е. Варашылава, якая дзейнічала ў Мядзельскім, Пастаўскім, Дуніловіцкім, Астравецкім, Свірскім, Смаргонскім, Куранецкім, Глыбоцкім, Крычаўскім раенах Вілейскай вобласці і Свянцянскім раене Літоўскай ССР. Ільясевіч Х. І. нарадзіўся ў 1913 г. у в. Бакачы Мядзельскага раена Вілейскай (суч. Мінскай) вобласці. У брыгадзе ён лічыцца са снежня 1942 г. па чэрвень 1944 г. Ільясевіч Хасень Ібрагімавіч, будучы сувязным брыгады імя К.Е. Варашылава, неаднаразова хадзіў у разведку ў фашысцкія гарнізоны Мядзеля (суч. Мінская вобл.) і Дуніловічаў (суч. Глыбоцкі раен Віцебскай вобл.). Ён распаўсюджаў савецкую літаратуру і зводкі інфармбюро сярод насельніцтва. Хасень Ібрагімавіч займаўся апрацоўкай скур для партызанскіх патрэб, а таксама выконваў іншыя даручэнні. Ён быў узнагароджаны медалем "За перамогу над Германіяй у Вялікую Айчынную вайну 1941-1945 г" [15, лл. 223- 224]

Урадзенец г.п Відзы Вілейскай вобласці (суч. Браслаўскага раена Віцебскай вобл.) Асановіч Сулейман Аляксандравіч (1910 г.) з мая 1943 г. па сакавік 1944 г. быў сувязным асобнага партызанскага атрада імя П.К.Панамарэнка, а таксама з чэрвеня 1943 г. сувязным атрада А.В. Суворова брыгады імя К.Е.Варашылава Вілейскай вобласці. Ён разам з сям'ёй: жонкай Марыяй Рафаілаўнай і двума малымі дзецьмі (сынам Аляксандрам 1937 г.н. і дачкой Фацімай 1944 г.н.) жыў у г. Паставы Вілейскай вобласці (суч. Віцебскай вобл.), дзе працаваў пажарным. Лёс Асановіча Сулеймана Аляксандравіча склаўся трагічна: ён быў расстраляны немцамі за сувязь з партызанамі. [16, лл. 144-148]

Актыўным барацьбцом з ворагам быў і сувязны атрада імя М.І. Кутузава брыгады імя К.Е. Варашылава Лебядзеў Канстанцін Восіпавіч (1891 г.н.). Нарадзіўся ён у Смаргонскім раене Вілейскай вобл. (суч. Гродзенскай вобл.). З моманту арганізацыі

партызанскага фарміравання ён актыўна ўдзельнічаў у разведцы. Усе даручэнні камандавання выконваў дасканала і своєчасова. Лебядзеў К. В. арганізаваў добрую сувязь праз сваіх людзей з нямецкім гарнізонам г. Сморгонь, што дало магчымасць здабываць каштоўную інфармацыю аб ворагу. Будучы старастай воласці ў Залесці (суч. Сморгонскі раён), Лебядзеў К. В. перадаваў партызанам звесткі аб планах і дзеяннях праціўніка. Ён неаднаразова выконваў ролю правадніка партызан атрада на аперацыі па падрыву чыгуначных шляхоў. [17, лл. 373-373а.]

У складзе 4-га атрада брыгады "Спартак", якая дзейнічала ў Відзаўскім і Шаркаўшчынскім раёнах Вілейскай вобласці, змагаўся з ворагам у якасці сувязнога і разведчыка татарын з в. Еды Шаркаўшчынскага раёна Вілейскай вобласці (суч. Віцебскай вобл.) Гембіцкі Ібрагім Якаўлевіч. Ён нарадзіўся 23 кастрычніка 1907 г., меў пачатковую адукацыю, працаваў краўцом. У атрадзе ён лічыцца з 1 кастрычніка 1942 г. па 4 ліпеня 1944 г. Гембіцкі Ібрагім веў разнастайную барацьбу супраць ворагу. Пражываючы ў в. Еды, ён неаднаразова даваў прыстанішча асобам, якія накіроўваліся ў партызанскія атрады. Ён прымаў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы ўцекаў савецкіх ваеннапалонных; такіх як Струкаў Іван, Сарокін Барыс і інш., аказваў ім усебаковую дапамогу. Вельмі каштоўнай была яго дзейнасць па пашыву абутку і адзення для партызан, у тым ліку маскіруючых халатаў для зімовых аперацый. У 1943 г. акупанты падчас адной з экспедыцый абрабавалі маемасць і спалілі хату сям'і Гембіцкіх. У выніку чаго Ібрагім Якаўлевіч з жонкай і двума дзецьмі пайшоў у лес да партызан, дзе працягваў выконваць усе даручэнні камандавання атрада "Спартак". За 1943-1944 гг. ён здабыў і перадаў партызанам 11 вінтовак, 18 гранатаў і значную колькасць патронаў. Гембіцкі Ібрагім Якаўлевіч сістэматычна выконваў заданні камандавання атрада па збору разведвальных дадзеных аб размяшчэнні варажых гарнізонаў, аб ваенных аб'ектах праціўніка ў Шаркаўшчынскім раёне. Прасачыўшыся ў гарнізоны гарадоў Відзы, Браслаў, г. л. Шаркаўшчызна і інш., ён пры дапамозе сваіх людзей выведваў планы гітлераўцаў і паліцаёў. Так, толькі дзякуючы яго дзейнасці, своєчасова былі абяшчоджаны засады Браслаўскай паліцыі ў раёне в. Еды (суч. Шаркаўшчынскі раён Віцебскай вобл.). Таксама ён неаднаразова выконваў даручэнні разведвальнага характару ў раёне чыгуначных станцый Ігналіна і Дукшты (суч. Віленскі раён, Літва). [18, лл. 99-101]

У склад брыгады імя Л. М. Даватара, якая дзейнічала ў Докшыцкім; Куранецкім і Мядзельскім раёнах Вілейскай вобласці, з 12 снежня 1942 г. уваходзіў татарын з Докшыцкага раёна Вілейскай (суч. Віцебскай) вобласці Асановіч Уожа Хасенявіч 1904 г. н. На жаль, лёс яго склаўся трагічна: 28 верасня 1943 г. ён падарваўся ў выніку выбуху гранаты і быў пахаваны ў в. Н. Габы Мядзельскага раёна Вілейскай вобласці (суч. Мінскай вобл.). [19, лл. 43-44] Паведамленне аб смерці было ўручана яго бацьку, Хасеню Іосіфавічу. [20, л. 2]

У партызанскіх атрадах Пінскай вобласці таксама змагаліся беларускія татары, але іх колькасць была значна меншай. Гэта можна патлумачыць тым, што ўвогуле на дадзенай тэрыторыі беларускія татары не мелі значнага прадстаўніцтва.

У атрадзе імя М. І. Калініна брыгады С. М. Кірава, якая дзейнічала ў Лунінецкім і Ленінскім раёнах Пінскай вобласці, змагаліся брат і сястра: Аляксандр і Ася Смольскія. У атрад яны трапілі 10 кастрычніка 1943 г. з в. Дзятлавічы Лунінецкага раёна Пінскай (суч. Брэсцкай) вобласці, дзе на той момант пражывалі разам з бацькам Смольскім Якавам. [21, лл. 6, 16] Смольскі Аляксандр Якаўлевіч нарадзіўся ў 1923 г. ў г. Ляхавічы Баранавіцкай (суч. Брэсцкай) вобл. Па прафесіі гарбар, займаўся вырабкай скур. У атрадзе ён у асноўным быў задзейнічаны ў гаспадарчых справах, займаўся загатоўкай харчавання для партызан. Акрамя гэтага час ад часу ўдзельнічаў і ў баявых аперацыях: 3 ліпеня 1944 г. вызначыўся актыўнымі дзеяннямі пры падрыве чыгункі ў

раёне Дзятлавіч. Увогуле даручаныя яму заданні выконваў добрасумленна, ніякіх спагнанняў не меў. [22, л. 194] У складзе брыгады змагаўся да самага яе расфарміравання ў сувязі з вызваленнем тэрыторыі Беларусі ад ворагу, пасля чаго 18 ліпеня 1944 г. быў накіраваны ў шэрагі Чырвонай Арміі для далейшай барацьбы супраць захопнікаў. [23, лл. 56-57] Яго сястра, Смольская Ася Якаўлеўна 1922 г.н. працавала ў санчасці атрада. Праявіла сябе дысцыплінаванай, адданай Радзіме партызанкай. [22, л. 195] Пасля расфарміравання брыгады 18 ліпеня 1944 г. была адпраўлена да дому. [23, лл. 52-53]

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што беларускія татары, якія ўваходзілі ў склад адзначаных брыгад, аддана змагаліся з ворагам, сярод іх не было здраднікаў. Камандных пасадаў яны, хоць і не займалі, аднак некаторыя з іх былі адзначаны ўзнагародамі. Параўнальна з усходнімі рэгіёнамі, беларускія татары ў брыгадах партызанскіх злучэнняў заходніх абласцей краіны ў партызанскім руху былі прадстаўлены ў меншай ступені, нягледзячы на іх колькасную перавагу на дадзеным тэрыторыі. Гэта магло быць абумоўлена тым, што ў асноўным буйныя паселішчы татар знаходзіліся за межамі партызанскіх зон, што значна ўскладняла сувязь з партызанамі. У тым ліку, трэба мець на ўвазе, што на захадзе Беларусі ўвогуле партызанскі рух не атрымаў вялікага распаўсюджвання.

ЛІТАРАТУРА

1. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел на 1.01.1941 г. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
2. Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 285. Бригада им. Александра Невского Барановичской области.
3. Фонд 1399. – Воп. 1. – Спр. 480. Наградные и аттестационные листы командного состава и именные списки отряда им. Александра Невского бригады им. Александра Невского Барановичской области.
4. Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 428. Бригада им. Александра Невского, Барановичская обл.
5. Фонд 1450. – Воп. 8. – Спр. 205. Личные дела командного состава. С. фамилии Раберман по фамилию Разуваев.
6. Фонд 1399. – Воп. 1. – Спр. 572. Документы о расформировании Первомайской бригады Барановичской области (удостоверения, справки, списки), сведения о количестве раненых, о партизанах, представленных к правительственным наградам, списки партизан бригады и погибших бойцов.
7. Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 293. Первомайская бригада Барановичской области.
8. Фонд 1399. – Воп. 1. – Спр. 180. Список личного состава бригады им. В.П. Чкалова Барановичской области.
9. Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 427. Бригада "За Советскую Белоруссию", Барановичская обл.
10. Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 283. Отряды им. П.К. Пономаренко, им. Ф.Г. Дзержинского и штаб бригады им. Рокоссовского Барановичской области.
11. Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 374. Бригада им. К.К. Рокоссовского, Барановичская обл.
12. Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 377. Список личного состава бригады "За Родину" Вилейской области.
13. Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 474. Отряды им. С.М. Кирова, им. К.Е. Ворошилова, им. А.А. Жданова, им. В.В. Куйбышева, им. В.М. Молотова бригады "За Родину" Вилейской области.
14. Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 244. Бригада "За Родину", Вилейская обл.
15. 1450,5,671 Постановления парторганов о признании граждан участниками партизанского движения Белоруссии в годы ВОВ и приложения к ним. 1975 г.
16. Фонд 1450. – Воп. 6. – Спр. 351. Постановления парторганов о признании граждан участниками партизанского движения Белоруссии в годы ВОВ и их гибели и приложения к ним. 1954 г.

17. Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 454. Отряды “Грозный”, “Победа”, им. П.И. Баграциона, производственная группа и связные бригады им. К.Е. Ворошилова, Вилейская обл.
18. Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 653. Постановления парторганов о признании граждан участниками партизанского движения Белоруссии в годы ВОВ и приложения к ним. 1974г.
19. Фонд 1402. – Воп. 1. – Спр. 84. Списки личного состава бригады им. Л.М. Доватора Вилейской области.
20. Фонд 1450. – Воп. 6. – Спр. 204. Бригада им. Л.М. Доватора, Вилейская обл.
21. Фонд 1407. – Воп. 1. – Спр. 78. Списки личного состава связных и агентурных работников отряда им. М.И. Калинина бригады им. С.М. Кирова Пинской области и лиц, находящихся на службе у немцев.
22. Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 235. Отряд им. М.И. Калинина бригады им. С.М. Кирова Пинской области.
23. Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 222. Бригада им. С.М. Кирова, Пинская обл.

МАСАВАЯ КАЛЕКТЫВІЗАЦЫЯ Ў ГАНЦАВІЦКІМ РАЁНЕ Ў 1949 – 1952 ГГ. ЯК ПРЫКЛАД СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ ТАГАЧАСНАЙ ГАСПАДАРКІ

П.К. Дайлід

Сярэдняя школа № 3 г. Івацэвічы, Беларусь

У лютым 1949 года адбыўся XIX з'езд КП(б)Б, на якім была пастаўленая задача перад партыйна-савецкімі арганізацыямі “палепшыць працу па арганізацыйна-гаспадарчаму ўмацаванню створаных калгасаў і па прапагандзе сярод сялян-беднякаў і сярэднякоў перавагаў калгаснага ладу” [1, стар.109]. Пасля гэтага з'езду і пачынаецца разгортванне масавай калектывізацыі заходніх абласцей Беларусі з многімі атрыбутамі гэтага працэсу 30-х гадоў. Як сведчаць архіўныя матэрыялы, тэмпы росту калектывных гаспадарак у 1949-1952 гг. былі вельмі высокія.

Партыйныя органы ўвесь гэты час імкнуліся паскорыць тэмпы калектывізацыі. У маі 1949 года пры абмеркаванні ў ЦК КП(б)Б працы Пінскага абкама звярталася ўвага на яго слабую працу па калектывізацыі сялянскіх гаспадарак, адсутнасць сувязі з беспартыйным актывам. У канцы верасня 1949 года адбыўся пленум ЦК КП(б)Б, на якім было разгледжана пытанне “Аб стане і далейшых задачах калгаснага будаўніцтва ў заходніх абласцях БССР”. Пасля гэтага пленума назіраецца фарсіраванне тэмпаў калектывізацыі, якое суправаджалася парушэннем прынцыпу добраахвотнасці. Гэтыя парушэнні былі зафіксаваныя і ў Ганцавіцкім раёне. Так, 22 ліпеня 1950 года на паседжанні бюро Ганцавіцкага райкама разглядалася пытанне аб няправільных дзеяннях старшыні Люсінскага сельсавета Мельнікава пры правядзенні калектывізацыі. Як выявілася, старшыня сельсавета Мельнікаў сам пісаў заявы ад сялянаў без іх згоды і замест подпісу ставіў крыжыкі. “В результате чего 6 крестьянских хозяйств при обществлении сельхозинвентаря и скота отказались от того, что они подавали заявления о приеме их в колхоз” [2, арк.1].

У Пінскай вобласці партыйныя арганізацыі сталі адвольна адносіць вялікую колькасць сялянскіх двароў у катэгорыю рабочых і служачых з адначасовым адраманнем у іх зямлі. Такім чынам павялічваюся агульны працэнт калектывізацыі. Такія фальсіфікацыі адбываліся і ў Ганцавіцкім раёне [3, арк.5].

Паварот да больш хуткіх тэмпаў калектывізацыі ў Ганцавіцкім раёне адбыўся яшчэ да XIX з'езда КП(б)Б. Аднак пасля 1949 года пачынаецца фарсіраванне тэмпаў стварэння сельгасарцеляў.

За перыяд з 1944 па 1947 год у Ганцавіцкім раёне былі створаныя толькі 2 калгасы – “Перамога” ў 1945 годзе і адноўлены калгас імя В.М.Молатава ў 1947 годзе.

У 1948 годзе тут былі створаныя яшчэ 2 сельгасарцелі – калгас імя Жданова ў вёсцы Задуб’е і калгас “Новы шлях” у вёсцы Боркі. Аднак 2 сакавіка 1949 года ў выступленні першага сакратара Ганцавіцкага РК КП(б)Б Місюліна І.А. “Аб выніках XIX з’езда КП(б)Б і задачах раённай партыйнай арганізацыі” адзначалася што “руководители района погнались за количеством, и в результате эти колхозы числились только на бумаге. Так, например, в колхозе имени Жданова ещё в начале зимы обобществили семена, но под агитацией националистических и кулацких элементов колхозники разобрали семена обратно и колхоз долгое время находился на грани развала” [4, арк.17].

У гэтым жа выступленні Місюлін І.А., аналізуючы курс партыі на правядзенне масавай калектывізацыі, заўважыў: “отдельные коммунисты, руководящие работники советских учреждений ещё робко подходят к перестройке сельского хозяйства на социалистический лад. Они говорят, что нам не нужно организовывать пока много колхозов, организуем один-два и укрепим их, а осенью ещё пару создадим. Таких людей я называю скептиками. У нас есть все возможности к тому, чтобы 1949 и 1950 годы стали годами сплошной коллективизации сельского хозяйства в нашем районе. Нужно не робкими шагами, а вплотную, смело браться за перестройку сельского хозяйства на социалистических основах, повсеместно приступить к организации новых колхозов и укрепить существующие” [4, арк.18-19]. Такім чынам, гэтае выступленне першага сакратара райкама можна лічыць пачаткам адліку правядзення масавай калектывізацыі ў Ганцавіцкім раёне. Аднак у выступленні І.А.Місюліна ёсць і некаторыя супярэчнасці. Спачатку ён дакарае вярхушку раённай партыйнай арганізацыі ў тым, што яна “погналась за количеством”, а потым выказвае тэзіс аб тым, што трэба нарошчваць тэмпы калектывізацыі. У тым жа дакладзе Місюлін І.А. заяўляе аб тым, што “к весеннему сезону у нас будет не менее 20 колхозов”.

У выніку правядзення масавай калектывізацыі да канца 1949 года ў Ганцавіцкім раёне было створана 37 калгасаў, якія аб’ядналі 2838 сялянскіх гаспадарак (42,6 %) [5, арк.9-297].

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што тэза першага сакратара Ганцавіцкага райкама І.А.Місюліна аб тым, што 1949 і 1950 гады павінны стаць часам суцэльнай калектывізацыі, пачала ажыццяўляцца амаль поўнасцю.

Аднак не ўсё праходзіла так гладка. Пленум ЦК КП(б)Б, які адбыўся 24-25 сакавіка 1950 года, заслухаў даклад першага сакратара ЦК КП(б)Б М.І.Гусарава “Аб мерах па выкананню пастановы ЦК УКП(б) ад 3 сакавіка 1950 года”. У гэтым дакладзе адзначалася незадавальняючае кіраўніцтва справай калгаснага будаўніцтва з боку партыйна-савецкіх органаў. Задача калектывізацыі не стала для іх галоўнай, мелася шмат памылак у працэсе гаспадарчага ўмацавання сельгасарцеляў, як напрыклад: не праводзілася абагульненне сродкаў вытворчасці, не развіталася грамадская жыццёлагадоўля, не было парадку ў калгасным і адзінасобным землекарыстанні і т. п. Адзначаў Пленум і тое, што ў значнай частцы калгасаў, у тым ліку і ў Пінскай вобласці, яшчэ не створаныя вытворчыя брыгады, а за існуючымі брыгадамі не замацаваныя зямельныя надзелы, прылады працы. Нормы выпрацоўкі ў сельгасарцелях былі ў 2-3 разы ніжэй, чым рэкамендавалася ўрадам. На Пленуме крытыкавалася і праца МТС [1, стар.112]. У сваю чаргу, у Пінскім абкаме ў гэты ж час адзначалася, што “райкомы, райисполкомы и сельскохозяйственные органы несерьёзно отнеслись к выполнению постановления бюро обкома от 29 декабря 1949 года «О недостатках и ошибках в работе партийных, советских и сельскохозяйственных органов в проведении коллективизации сельского хозяйства», которое было принято на основании указаний бюро ЦК КП(б)Б. В настоящее время темп коллективизации низкий и особенно его ослабили в январе-феврале 1950 года, когда партийные и советские органы увлеклись заготовками леса, забыли о коллективизации и снизили её темп” [3, арк.4]. У Пінскім абкаме падкрэслівалася таксама, што за студзень-люты 1950 года ў Ганцавіцкім раёне колькасць

калгаснікаў павялічылася толькі на 0,1 %. Не забыліся і на тое, што ў некаторых раёнах Пінскай вобласці, у тым ліку і Ганцавіцкім, дапусцілі прыпіскі, фіктыўна павялічыўшы колькасць сялянскіх гаспадарак, аб'яднаных у калгасы [3, арк.5].

Перагібы калектывізацыі востра праявіліся ўжо ў гэты час. Сяляне ўжо абвешчаных калгасаў пачалі адмаўляцца ад абагульнення сродкаў вытворчасці і насення. Па стану на сакавік 1950 года ў Пінскай вобласці ў 223 калгасах былі не абагульнены коні, а ў Ганцавіцкім раёне – у 13 сельгасарцелях [3, арк.9].

Пасля стварэння амаль 40 калгасаў у Ганцавіцкім раёне, партыйна-савецкі апарат пачаў праводзіць палітыку масавага прыцягнення сялянаў у гэтыя калектывныя гаспадаркі. Раённыя ўлады перыядычна падавалі звесткі аб працэнтных суадносінах калгаснікаў і адзінаасобнікаў.

Па стану на 1 снежня 1950 года з 6912 сялянскіх гаспадарак у Ганцавіцкім раёне 6071 былі ўжо калгаснікамі. [6, арк.1-19].

Аднак і тут не ўсё было так проста. У сярэдзіне 1951 года сакратар Ганцавіцкага райкама К.В.Арцёменка на пленуме адзначаў, што "значительная часть колхозников оказались мнимыми, они вступили в колхозы и не принимают никакого участия в колхозной жизни, а пользуются всеми правами как колхозники. На 15 июня в колхозах района не принимали участия в работе 3006 трудоспособных колхозников, не выработали минимума трудодней 1571 человек". [7, арк.20]. Такім чынам, фарсіраванне тэмпаў калектывізацыі прыводзіла да адваротнага жадаемаму працэсу – рост калгаснай вытворчасці рос далека не так хутка і якасна, як гэта бачылася партыйнай вертыкалі. Часта ўсё зводзілася да фармалізму – людзі ўступалі ў калгасы, але працаваць там не спяшаліся. У 1952 годзе першы сакратар Ганцавіцкага райкама Храловіч Л.В. сведчыў, што ў 1951 годзе ў раёне не выпрацавалі мінімуму працадзён 45 % усіх калгаснікаў і ўвогуле не ўдзельнічалі ў калгаснай працы 10 % калгаснікаў. У выніку, у 1951 годзе ў Ганцавіцкім раёне быў самы нізкі ў Пінскай вобласці ўраджай збожжа і бульбы, а падзезжывёлы ў параўнанні з 1950 годам павялічыўся ў 3 разы [8, арк.2].

У 1950 годзе прадрэмаюцца меры па ўзбудуенню калгасаў, што суправаджалася новым і значным змяненнем асабістых надзелаў сялян. 30 мая 1950 года выйшла пастанова ЦК УКП(б) "Аб узбудуенні калгасаў і задачах партыйных арганізацый у гэтай справе". Афіцыйна было аб'яўлена, што "малыя калгасы не могуць эфектыўна ўкараняць новую тэхніку і тэхналогію". Гэтае аб'яднанне як чарговая кампанія праводзілася хутка. Да пачатку 1951 года абсалютная большасць калгасаў была ўзбудуеная адміністрацыйным шляхам далучэння слабых сельгасарцеляў да больш моцных. Памер гаспадаркі усталяваўся па крытэрах, якія мелі мала чаго агульнага з праблемамі кіравання. Пры гэтым скарачалася магчымасць уліку спецыфікі мясцовых умоваў.

У Ганцавіцкім раёне ў выніку праведзенага ўзбудуення па стану на 27 кастрычніка 1950 года застаўся 21 калгас. Не кранула аб'яднанне 11 калгасаў. Пры гэтым, можна падкрэсліць, што праца па ўзбудуенню завершылася ў верасні 1950 года. У выніку гэтага працэсу самым вялікім у раёне стаў калгас імя І.В.Сталіна, які налічваў 672 гаспадаркі калгаснікаў. Пры правядзенні ўзбудуення сельгасарцеляў лічылася, што гэта дасць магчымасць лепш забяспечыць калгасы раглей, пашай і зменшыць кіраўнічы апарат. Апошняе і сапраўды адбылося, адміністрацыйна-абслугоўваючы персанал калгасаў раёна ў выніку аб'яднання скараціўся з 231 да 180 чалавек [9, арк.5].

Наступнай акцыяй савецкай улады ў аграрнай палітыцы было ссяленне хутароў. Меркавалася, што гэтая справа неабходная для далейшага арганізацыйна-гаспадарчага ўмацавання калектывных гаспадарак і паляпшэння аператыўнасці кіраўніцтва калгасамі. У Ганцавіцкім раёне налічвалася 2230 хутарскіх гаспадарак. Асабліва шмат іх было ў калгасах імя Кірава, "Светлы шлях", імя Калініна, "1-га мая", "17-га верасня", "Парыжская Камуна". Таму ў 1952 годзе хутаране Ганцавіцкага раёну пачалі перасяляцца ў вёскі [10, арк.83].

У такіх умовах да канца 1950 года калгасы заходніх абласцей Беларусі аб'ядноўвалі 83,7 % сялянскіх гаспадарак [1, стар.121]. У Ганцавіцкім раёне ў снежні 1950 года гэтая лічба была яшчэ вышэй – 87,8% [6, арк.19]. Пленум ЦК КП(б)Б, які адбыўся 12 – 14 лютага 1951 года, паставіў задачу завяршэння калектывізацыі сельскай гаспадаркі.

З мэтай хутэйшага завяршэння суцэльнай калектывізацыі дзяржава перайшла ад палітыкі абмежавання да палітыкі ліквідацыі кулацтва як класа. Пры гэтым, да дадзенай катэгорыі вясковага насельніцтва было аднесена шмат сярэдніх гаспадарак. Так, у Ганцавіцкім раёне ў жніўні 1949 года было налічана спачатку 38 кулацкіх гаспадарак, а 15 кастрычніка таго ж года з іх ліку было выключана 10 гаспадарак [11, арк.15]. На такія факты звярталася ўвага ў дакладнай запісцы прадастаўленай ЦК КП(б)Б у чэрвені 1950 года "О фактах ізвращения политики партии по отношению к середняцким хозяйствам в западных областях БССР". У Ганцавіцкім раёне "памылкова" раскулачылі 52 гаспадаркі, у Столінскім – 44, у Пінскім – 44. Многія сем'і заможных сялян былі высланы ў далекія раёны СССР. У верасні 1951 года Савет Міністраў СССР прыняў спецыяльную пастанову "Аб высылэнні кулакоў з БССР". Пры яе ажыццяўленні толькі ў 1952 годзе за межы рэспублікі адправілі 4431 "кулацкую" сям'ю. 7 красавіка 1952 года Савет Міністраў БССР вырашыў перасяліць на ўсход, у Казахстан 1375 сем'яў, або 6064 чалавек [1, стар.123].

Палітыка ліквідацыі кулацтва як класа суправаджалася увядзеннем больш жорсткай падатковай палітыкі дзяржавы. У 1950 годзе норма сельскагаспадарчага падатку з адзінаасобнікаў вырасла ў два разы. Пачалася "эканамічная атака", якая растлумачвалася неабходнасцю абмежавання росту капіталістычных элементаў у вёсцы. Пад цяжарам гэтага падатку многія сяляне апынуліся на мяжы банкруцтва. Адзінае выйсце было ва ўступленні ў калгас, тым больш, што ў гэтым выпадку даўгі па сельскагаспадарчаму падатку скасоўваліся.

Зразумела, што палітыка масавай калектывізацыі не магла не выклікаць прэтэсту сялян. Формы прэтэсту былі розныя, забіццё жывёлы, стварэнне "калгасаў на паперы", нявыхад на работы і іншыя. 17 кастрычніка 1949 года першы сакратар Ганцавіцкага райкама Місюлін І.А. адзначыў, што "крэстьян деревень Мельники, Задубье трудно собрать на собрание, прячутся в лес или в своих постройках; поэтому в этих деревнях с коллективизацией дело обстоит не благополучно" [4, арк.62]. Былі яшчэ і факты актыўнага супрацьўлення сялян калектывізацыі. Так, па сведчанні таго ж Місюліна І.А., "в нашем районе кулацко-националистические группы сожгли имущество 3 председателей колхозов, жгут сено и т.д." [4, арк.61]. Цікавымі з'яўляюцца праявы салідарнасці вяскоўцаў у той складаны час. Так, у калгасе імя Жданава Ганцавіцкага раёна быў арыштаваны "адзін сабатажнік калгаснага ладу", які ўступіў у калгас і прадаў свайго вала. У выніку "за него приходила в райком, райисполком, прокуратуру и суд целая делегация во главе с председателем колхоза, прося об его освобождении" [4, арк.42].

У верасні 1952 года адбыўся XX з'езд КП(б)Б, які канстатаваў завяршэнне працэсу калектывізацыі ў заходніх абласцях Беларусі і ахарактарызаваў гэта як сур'ёзную палітычную перамогу, галоўны вынік дзейнасці партыйных арганізацый у вёсцы. Да 1 чэрвеня 1953 года было абагульнена 97,2 % адзінаасобных двароў [12, стар. 184].

Такім чынам, у 1949 – 1952 гадах у заходніх абласцях Беларусі, у тым ліку і ў Ганцавіцкім раёне, фарсраванымі тэмпамі з выкарыстаннем прымусу і рэпрэсій была праведзена калектывізацыя, якая разбурыла індывідуальную сялянскую гаспадарку.

Узбудуенне калгасаў вяло да падрыву тых элементаў калгаснай дэмакратыі, якія дапускаліся Прыкладным Статутам сельгасарцелі. Сяляне адсоўваліся ад кіравання калгасамі. Гэтая функцыя поўнасцю перайшла да райкамаў партыі і шматлікім арганізацыям, якія пірамідай узвышаліся над калгасамі. Вынікам праведзенай калектывізацыі стала пазбаўленне сялянаў праваў выбару формаў гаспадарання на зямлі, пазбаўленне іх сродкаў вытворчасці, пераўтварэнне іх у механічную рабочую сілу.

Гэта і вырашыла незабэжнасць крызісу, у якім апынулася сельская гаспадарка ў пачатку 50-х гадоў. Гэты крызіс праявіўся ў далейшым зніжэнні вытворчасці і нездольнасці вёскі забяспечыць насельніцтва прадуктамі харчавання ў дастатковай ступені.

ЛІТАРАТУРЫ

1. Белозорович В.А. Западнобелорусская деревня в 1939 – 1953 годах. – Гродно, 2004. – 148 с.
2. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.212. Протоколы №№ 23 – 41 заседаний бюро Ганцевичского райкома КП(б)Б. Июль – декабрь 1950 г.
3. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.929. Протокол 5-го пленума Пинского обкома КП(б)Б. 1950 г.
4. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.798. Протоколы районных партийных собраний Ганцевичского района. 1949 г.
5. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.869.
6. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.224. Списки Ганцевичского райкома КП(б)Б об экономическом состоянии колхозов в области за 1950г.
7. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.227. Протоколы пленумов Ганцевичского райкома КП(б)Б за 1951 г.
8. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.245. Протоколы пленумов Ганцевичского райкома КП(б)Б №№ 8,9,1-3 за 1952 г.
9. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.242. Отчеты, справки о выполнении плана заготовки кормов, о фактах нарушения устава сельхозартели и др. Июль – ноябрь 1951 г.
10. ДАБВ.-Ф.2219.-Воп.1.-Спр.264. Информации, отчеты сельхозотдела Ганцевичского райкома КП(б)Б за 1952 г.
11. ДАБВ.-Ф.7581.-Воп.3.-Спр.886. Докладные записки о выявлении кулацких хозяйств за 1949 г.
12. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т гісторыі. – Мн., 1975. – Т.5

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРУКТУРЕ МАГНАТСКИХ РОДОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОССТАНИЙ 1830 И 1863 гг.)

О.В. Карпович

Гродненский государственный университет, г. Гродно, Беларусь

Представители высшего дворянского слоя, или, как их чаще всего называют в отечественной историографии, магнаты, к идеям обоих восстаний, в большинстве своем отнеслись довольно равнодушно. В восстаниях 1830-31 и 1863-64 гг. принимали участие лишь отдельные представители могущественных белорусских родов и существенного влияния на общий ход развития событий они не оказали. Тем не менее, и среди этих лиц было немало занимательных персонажей, которых следует выделить особо.

Среди активных участников восстания 1830-31 гг. было довольно много влиятельных лиц из так называемого среднего класса дворянской знати, именитые роды «золотой шляхты» делегировали в восстание лишь некоторых своих представителей. Одним из таких родов были Сапеги, крупнейшие после князя Льва Витгенштейна землевладельцы на Беларуси [1, с. 351]. В восстании 1830-31 гг. приняли участие три князя Сапеги – Евстафий, Ксаверий и Лев. Двое первых служили офицерами в польской армии, Лев активно субсидировал повстанцев финансами. И если князь Ксаверий и Лев Сапеги после подавления восстания присягнули на верность русскому престолу и получили «всемилодивейшее прощение», то Евстафию, получившему за службу в рядах «польских инсургентов» Золотой крест *Virtuti Militari* и

находившемуся в эмиграции в Дрездене, в прощении было отказано. Причина такого решения одна – баснословные богатства князя. После отказа Сапеге в прощении, на его имущество был наложен арест. В итоге конфискации подверглись 7 имений в Виленской, Гродненской и Могилевской губерниях с общим числом в 16777 «крестьянских душ» (10787 крепостных и 5990 свободных) и годовым доходом более 100 тысяч рублей серебром [1, с. 354]. Одно только его имение Зельва насчитывало 1117 крестьянских «душ» [2, с. 11]. Свое родовое имение в Ружанах он осмотрительно сумел продать заранее, а вырученные деньги перечислил на нужды восстания [3, с. 63].

Один из представителей другого не менее влиятельного рода – князь Михаил Геден Радзивилл стоял у истоков создания Центрального Виленского повстанческого комитета (ЦВПК) [4, с. 168]. Впрочем, достоверных данных об этом пока нет. Владелец значительных поместий почти во всех белорусских губерниях князь Габриель Юзеф Огинский с началом восстания занял должность начальника Виленского уезда, а затем стал заместителем председателя Временного Литовского правительства, попутно возглавив собственный отряд [5, с. 91-92]. Активную помощь Дисненскому уездному подпольному комитету Виленской губернии собственными средствами, оружием и продовольствием оказывал владелец ряда имений в Виленской, Гродненской и Минской губерниях граф Константин Тизенгауз [6, с. 334]. В Ошмянском уезде Виленской губернии повстанческий отряд возглавил еще один представитель рода Тышкевичей – граф Юрий.

В Гродненской губернии «золотая шляхта», как это уже видно по Сапегам, действовала наиболее активно. Так, крупный помещик Гродненщины граф Михаил Волович уже после подавления восстания создал отряд из крестьян своих имений и после ряда столкновений с войсками был арестован. Несмотря на довольно влиятельное положение в обществе, Волович был повешен в Гродно 21 июля 1833 г. [7, с. 15]. Несмотря на первоначальный отказ возглавить военный отдел Гродненского воеводства, в дальнейшем граф Тадеуш Тышкевич (крупный помещик Волковысского уезда) принял активное участие в восстании, присоединился к отряду А. Гелгута и стал председателем подпольного Центрального литовского правительства [6, с. 334]. За участие в восстании у Тышкевича помимо собственного имения (с более чем двумя тысячами крестьян) было еще конфисковано 9 питейных домов, 2 трактира, 9 домов в мест. Свислочь, бумажная фабрика, 10 мельниц, театр, торговые ряды в Свислочи, зверинец, множество картин и скульптур [8, с. 120]. Гражданским начальником Брестского уезда выступил другой не менее влиятельный помещик Кароль Немцевич (бывший уездный предводитель дворянства), а его дядя Юлиан Немцевич вошел в состав Временного Литовского правительства [6, с. 256]. В Пружанском и Кобринском уездах действовали отряды еще двух представителей «золотой шляхты» – Титуса и Владислава Пусловских, которые получили на формирование собственных подразделений 200 тысяч рублей от своего отца, действительного статского советника Войцеха Пусловского. Представитель еще одного высшего аристократического рода – граф Михаил Пац, владелец дворца в Гродно и ряда имений в Гродненской губернии командовал одним из корпусов польской национальной армии [6, с. 267]. Незадолго до начала восстания он перевел из гродненских имений в Царство Польское 69 крестьян, которые потом и были зачислены в ряды польской армии [9, с. 118].

Как видно из изложенного, высшие белорусско-литовские аристократические роды, как и все дворянство в целом, приняли довольно активное участие в этом восстании как с оружием в руках, так и оказывая немалую финансовую помощь собственными средствами. Прежде всего, такая активность магнатских родов связана с тем, что у руководства восстанием была определенная надежда на помощь со стороны ведущих европейских стран в деле возрождения Польши.

Вместе с тем, в сравнении с прошлым восстанием, дворянский слой участников восстания 1863-64 гг. выглядит уже не так внушительно. Если представители среднего класса дворянского сословия еще как-то пытались заявить о себе в новом восстании, впрочем, охладев к нему уже летом 1863 г. и направляя потом покаянные письма «государю-императору», то элитное «золотое дворянство» практически (за редким исключением) проигнорировало его. Как писал в своем исследовании советский историк А.Ф. Смирнов, «представители крупных аристократических семейств — Тышкевичи, Огинские, Радзивиллы, Тызенгауз и другие — не приняли никакого участия в восстании» [10, с. 163]. С этим следует согласиться: лишь с небольшой оговоркой: некоторые все-таки «отметились» в восстании, но их участие было чисто формальным.

Знаменитый повстанческий командир Роман Рогинский, который своими авантюрическими дерзкими акциями доставил немало головной боли властям в Гродненской и Минской губерниях, впоследствии вспоминал о своей встрече с князем Ксаверием Сапегой в Высоколитовске Пружанского уезда. Как грустно отмечал автор мемуаров, «это не был потомок тех Сапег, которые имели сабли наготове для защиты родины. Дал он нам шесть коней, две двустволки да 250 р. денег. Вот жертва, которую он принес на алтарь отечества» [11, с. 439]. Но, даже, несмотря на такое очень скромное содействие восстанию, Ксаверий Сапега решил не искушать судьбу и в том же 1863 г. эмигрировал за границу. Другой ясновельможный представитель высшего слоя элитного класса князь Матвей Радзивилл пожертвовал «на нужды восстания» 678 рублей серебром, после чего в обращении к М.Н. Муравьеву писал, что «к такому поступку... вынужден был безвыходными обстоятельствами, в которых находился в здешнем крае до прибытия в высокопревосходительства...». Следственная комиссия вникла в положение князя и его чистосердечное признание, оштрафовала заблудшую душу на 2034 рубля серебром [12, с. 181]. Подобным образом повел себя граф Генрих Тышкевич, внося свою скромную лепту «на нужды восстания», в результате чего его имение в Борисовском уезде было подвергнуто секвестру. По-настоящему серьезно за участие в восстании пострадал только один представитель крупного аристократического семейства — князь Вильгельм Александрович Радзивилл, отставной коллежский секретарь, арестованный в Киевской губернии. За участие в восстании в составе одного из отрядов Киевской губернии он был лишен «всех прав состояния, дворянства и княжеского достоинства» и выслан на постоянное место жительства в Сибирь. Попутно у него было конфисковано имение Антополь в Пинском уезде (доставшееся в наследство от отца), несколько приобретенных деревень в Сквирском и Звенигородском уездах Киевской губернии и наложен секвестр на ряд имений в той же губернии [13; 14].

Этими тремя представителями ведущих белорусских родов и ограничилось все участие высшего аристократического сообщества в восстании. Этот факт может иметь следующее объяснение: не секрет, что представители дворянства, подготавливая и начиная это выступление, немалые надежды возлагали на позицию западных европейских держав, рассчитывая на то, что Запад заставит царское правительство пойти на определенные уступки польскому населению. Как справедливо отмечал в своем исследовании видный советский историк В.М. Зайцев, имущее дворянство вступило на путь вооруженной борьбы только лишь потому, что со дня на день ожидало прибытия экспедиционного корпуса европейских держав [15, с. 138]. Без четких гарантий Запада это восста-

ние, как и предыдущее, было обречено на поражение – это понимали многие. Только представители среднего дворянства поняли это значительно позже – летом-осенью 1863 г., отправляя затем покаянные письма правительству [10, с. 252-254]. А высшие слои привилегированного сословия, используя свои многочисленные связи за рубежом, включая и правительственные круги ведущих европейских держав, и наученные горьким опытом прошлого восстания, знали это значительно раньше. А если известно все заранее, зачем рисковать своей солидной репутацией, насыпая на свою голову неминуемые репрессии властей и конфискацию имений? Поэтому представители высшего слоя дворянства принимали в восстании лишь косвенное участие: оказывали помощь материально, либо просто занимали позицию недонесения властям о случаях появления «мятежных шаек» на территории своих владений. Об этом же писали представители властей. Так, полковник Б.К. Рейхарт в донесении шефу Корпуса жандармов князю В.А. Долгорукову, относительно позиции дворянства, отмечал, что помещиков «можно разделить... на благомыслящих, которые по богатству и образованию далеки от всяких переворотов, но, боясь преследования, участвуют в польском деле поневоле материально; во-вторых, на таких, которые в душе и желали бы видеть здесь польский элемент, но не решаются открыто высказаться...» [16, с. 402].

ЛИТЕРАТУРА

1. Радзюк, А.Р. Лёс Сапегаўскай маёмасці на Беларусі пасля паўстання 1831 г. / А.Р. Радзюк // Леў Сапега (1557-1633) і яго час: зборнік навуковых прац / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2007. – С. 351-355.
2. Радзюк, А. Паўстанне 1831 г. на Ваўкавышчыне / Ваўкавышчына. Краязнаўчы часопіс. – 2007. – № 3. – с. 7-12.
3. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук. – Минск: БелЭн, 2004. – 576 с.: ил.
4. Шышыгіна-Патоцкая, К.Я. Нясвіж і Радзівілы (1778-1850). – Мінск: Беларусь, 2002. – 240 с.
5. Швед, В.В. Масоны і лжы на землях Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XIX ст.): біябібліягр. слоўн. / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 275 с.
6. Гарбачова, В.В. Уздзельнікі паўстання 1830-1831 гг. на Беларусі: бібліяграфічны слоўнік. / В.В. Гарбачова. – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2006. – 400 с.
7. Матвейчык, Дз.Ч. Эміграцыя ў Заходнюю Еўропу ўдзельнікаў паўстання 1830-1831 гг. з Гродзенскай губерні / Дз.Ч. Матвейчык // Веснік ГрДУ. Серыя 1. – 2007. – № 2. – С. 10-16.
8. Швед, В.В. Ваўкавыскі павет падчас лістападаўскага паўстання 1830-1831 гадоў // Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лесу людзей. Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі, 22 снежня 1995 года. – Ваўкавыск: Ваўкавыская ўзбуйненая друкарня, 1997. – С. 117-125.
9. Данскіх Сяргей. Горадня ў паўстанні 1830-1831 гг. / Сладчына. – 2000. – № 4. – С. 116-141.
10. Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А.Ф. Смирнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
11. Из воспоминаний повстанца (Р. Рогинский). Перевод Г.А. Воробьева // Исторический вестник. – 1906. – т. 105.
12. Драницын, С.Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. – Л.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937. – 301 с.
13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 1721.
14. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (ЦГИА). Ф. 442. – Оп. 817. – Д. 330. – Л. 8; Ф. 486. – Оп. 9. – Д. 483. – Л. 444.
15. Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1864 г. (опыт статистического анализа) / В.М. Зайцев. – М.: Наука, 1973. – 232 с.
16. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.

СУДОВЫЯ ЦЯЖБЫ ПА ПЫТАННЯХ МАЁМАСЦІ КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.

В.М. Панко

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

У к. XVIII ст. фінансавае становішча рода Радзівілаў значна пагоршылася з-за падзей, звязаных з падзеламі Рэчы Паспалітай. Сярод прадстаўнікоў рода было нямала праціўнікаў дзеянняў расійскіх улад, якія захапілі гэтыя землі. Адным з самых актыўных быў кн. Станіслаў Радзівіл "Пане Каханку", нясвіжскі і олыцкі ардынат, самы багаты прадстаўнік роду. Некалькі гадоў разам з братам ён знаходзіўся ў эміграцыі. За гэты час яго маёмасць значна пацярпела, а сам ён быў вымушаны рабіць пазыкі. У 1790 г. ён памёр, пакінуўшы ўсе свае багацці ў спадчыну пляменніку кн. Дамініку Гераніму (1786-1813), якому на той час было толькі чатыры гады. Бацька кн. Дамініка, кн. Геранім Вінцэнт памёр у 1786 г. Вялікія пазыкі, што значыліся за гэтай спадчынай, не былі паплочаны. Некалькі гадоў паміж бліжнімі родзічамі маленькага спадкаемцы, кн. Мацеям і Міхалам Геранімам Радзівіламі ішла барацьба за права ажыццяўляць апеку над вялізарнымі маёнткамі, што нясло вялікія прыбыткі апекуну [8, с. 325]. У 1793 г. апекуном стаў кн. Міхал Геранім (1744-1831), які выконваў свае абавязкі да 1804 г., калі кн. Дамінік быў прызнаны паўналетнім. Гэты чалавек пражыў кароткае, але бурнае жыццё: удзельнічаў у вайне 1812 г. на баку Напалеона і памёр ад раны ў 1813 г. Пасля яго смерці паўстала пытанне, каму перадаць спадчыну. Справа ў тым, што адзіны сын Аляксандр быў пазашлюбным, а дачка кн. Стэфанія не магла атрымаць нерухомую маёмасць, якая пераходзіла ў спадчыну толькі мужчынскаму патомку. Рашэнне аб лёсе нясвіжскай і олыцкай ардынацый* было прынята імператарам Аляксандрам I у 1814 г., 17 сакавіка ён падпісаў указ аб прызначэнні наступнага ардыната, ім стаў кн. Антоні Генрык Радзівіл (1775-1833), траюрадны брат пажойнага кн. Дамініка.

Трошкі раней, 24 лютага 1814 г. выйшаў Указ аб стварэнні Камісіі па абследаванні пазык князёў Радзівілаў для арганізацыі іх пагашэння**. Не гледзячы на тое, што існавала тэрміновая патрэба вырашэння пытання з пазыкамі, з розных прычын толькі праз год былі прызначаны члены камісіі. Першыя гады працы камісіі паказалі, што неабходна дакладна размежаваць кола тых фукцый, якія яна павінна выконваць. Указам ад 6 жніўня 1816 г. быў зацверджаны парадак працы Камісіі, які афіцыйна назвалі «арганізацыяй». У 1817 г. імператар зноў быў вымушаны звярнуцца да праблем Радзівілаўскай камісіі, у дзейнасці якой было шмат парушэнняў і сутычак з саветам Апекуноў, непаўналетняй князёўны Стэфаніі (афіцыйная назва савета - Апека). Было вырашана, што сферай дзейнасці камісіі будучы выключна судовыя справы, а іншыя пытанні трапілі пад юрысдыкцыю Адміністрацыі Маёнткаў Радзівілаў, якая падпарадкоўвалася Апецы. На чале камісіі стаяў Пракуратар, які таксама падпарадкоўваўся Апецы. На самой справе, чалавек, які займаў месца пракуратара, валодаў вялізарнай уладай і фінансавымі магчымасцямі. Апекуны (або члены Апекі) не атрымлівалі грошы за сваю працу, аднак кожны з іх мог патраціць на ўтрыманне сакратароў, канцэлярыі і падарожжы штогадова 15 тыс. злотых з даходаў радзівілаўскіх маёнткаў, за што павінны быў здаваць рахункі [4, арк. 1-1 адв.]

* Ардынацыя - ад лац. *ordinatio* - "упарадкаванне", зямельнае ўладанне, якое лічылася непадзельнай і неадчужальнай маёмасцю якога-небудзь магнацкага рода, пераходзіла выключна ад аднаго да другога мужчынскага патомка.

** На рускай мове яна афіцыйна называлася: Комиссия по Высочайшему Повелению Устройства Радзивилловских дел учреждённая.

Вялікая колькасць пазык і неразбярыха ў паперах, прывялі да таго, што склаліся добрыя магчымасці да фальсіфікацыі дакументаў. Падаваліся неправамоцныя іскі, даволі часта яны нават былі задаволены. Пры гэтым, фальсіфікацыяй займаліся як крэдытары Радзівілаў, так і іх паўнамоцныя прадстаўнікі. Пасля смерці кн. Дамініка пачалася спекуляцыя яго маёмасцю. З'явіліся фальшывыя паперы, дазволы на продаж маёнткаў і г.д. Здараліся выпадкі, што некаторыя крэдытары, пасля таго, як ім аддалі пазыку, паўторна прыходзілі з прэтэнзіямі. Адмову ў прэтэнзіях па вышэйпералічаных прычынах (фальшывыя дакументы або паўторныя прэтэнзіі) атрымалі Ельскія (1820), Ячэўскія, Маеўскі, Левіцкія (1821), Бітнеры, Карнішэўскія (1822), Гадлеўскія (1824), Туркевічы (1825) і многія іншыя. У некалькіх выпадках па адной прэтэнзіі крэдытары атрамлівалі грошы па два разы, што ўсплывала толькі значна пазней [2, арк. 4-5].

У 1819 г. суд Камісіі разглядаў іск камергера Яна і маёра Станіслава Алэндскіх, якія абвінавачвалі кн. Дамініка ў незаконным адабранні іх нерухомай маёмасці. Алэндскія сцвярджалі, што ў красавіку 1807 г. князь незаконна адабраў у іх вёскі на тэрыторыі Капыльскага княства і не аддаў грошы. Пасля 1814 г. гэтая маёмасць лічылася часткай спадчыны кн. Дамініка і магла быць прададзена Пракураторыяй у кошт пагашэння пазык. Суд Радзівілаўскай камісіі прыняў справу да разгляду, аднак вырашэнне пытання зацягвалася. Незадаволеныя браты Алэндскія надрукавалі адкрыты ліст з тлумачэннем усіх акалічнасцей справы ў газеце "Кур'ер Літоўскі", для таго, каб падштурхнуць яе вырашэнне [5, с. 6].

Адзін з найбольш яркавых прыкладаў звязаны са справай графаў Тышкевічаў. Перад напалеонаўскай вайной кн. Дамінік прадаў за 2 млн. 820 тыс. злотых графу Міхалу Тышкевічу маёнтка Біржы, які некалькі стагоддзяў лічыўся адным з галоўных у родзе. З гэтай сумы на аплату пошліны павераны пакінуў 180 тыс. злотых. Як атрымалася, пошліна складала 169. 200 злотых, такім чынам, прадавец не атрымаў свае законныя 10. 800 злотых. У сувязі з гэтым генеральны пракурор Радзівілаўскай Массы Мікалай Маліноўскі падаў у суд на нашчадкаў графа Тышкевіча, яго сыноў Івана, Бенедыкта і дачку Іаганну [3, арк. 10-10 адв.] Радзівілаўская Маса імкнулася даказаць, што продаж адбыўся ў 1811 г. і быў незаконным, таму што ім'янным указам імператара ад 24 верасня 1811 г. адбыўся секвестр маёнткаў кн. Дамініка. Указ надрукавалі ва ўсіх губернях імперыі. Згодна ўказу, нельга было прызнаваць ніякія акты куплі-продажу, якія тычыліся маёнткаў кн. Дамініка, аднак канцылярыі Трокскага і Вількамірскага земскіх судаў прынялі і зарэгістравалі купчую на біржанскі маёнтка ў снежні 1811 г. Тышкевічы імкнуліся даказаць, што продаж Біржаў адбыўся ў 1807 г. [3, арк. 35-36] У выйгрышу гэтай справы быў зацікаўлены кн. Вітгенштэйн, павераны якога падалі на нашчадкаў графа ў суд, патрабуючы вяртання маёнтка, які, як аказалася, наогул не павінны быў прадавацца. Біржанская справа з графамі Тышкевічамі была адной з апошніх спраў Радзівілаўскай камісіі. Камісія прыняла рашэнне на карысць Вітгенштэйнаў, Тышкевічы падалі 28 лютага 1838 г. апеляцыю на імя Мікалая І, якую прынялі да разгляду. Само па сабе гэта сведчыла аб аслабленні пазіцыі камісіі, якая па палажэнні мела права канчатковага рашэння, не падлягаючага абжалаванню [3, арк. 209-212 адв.]

У ліпені 1837 г. у сувязі з судовым разбіральніцтвам па гэтай справе Радзівілаўская камісія звярнулася ў Віленскае Губернскае Праўленне і Грамадзянскую Палату з просьбай прадставіць звесткі "аб накладанні ў 1809 альбо 1810 годзе забароны на маёнткі Князя Дамініка Радзівіла: ці была яна знята і калі была, то калі менавіта?" [1, арк. 2] Две гэтыя ўстановы накіравалі ў адказ спраўкі, што забарона на маёнткі кн. Дамініка была накладзена 30 сакавіка 1810 г. (за самавольны ад'езд за мяжу, без дазволу ўладаў) і знята ўказам ад 24 лютага 1814 г. Далей пачалі шукаць дакументы па гэтай

справе. Аказалася, што яны былі выкрадзены з Архіва Губернскага Праўлення. Пры гэтым адразу стала зразумела, каму было патрэбна выкрадаць дакументы. Калі б атрымалася, што забарона было накладзена ў 1810 г., а знята ў 1814 г., то купчая ад Біржы ад 1811 г. лічылася б незаконнай. У такім выпадку, Мінская Грамадзянская Палата не мела права прыняць яе, як гэта адбылося. У следчых органах была распачата справа аб пошуку дакументаў, якія тычыліся секвестраваных маёнткаў кн. Дамініка і былі выкрадзены з Архіва Губернскага Праўлення. Следства па гэтай справе вялося з 1839 па 1844 г. і абмяркоўвалася на самым высокім дзяржаўным узроўні.

Следства прыйшло да высновы, што ў выкраданні папераў вінаватая Радзівілаўская Маса. Было прад'яўлена абвінавачванне памешчыку Антону Іванавічу Кажухоўскаму, які быў павераным кн. Вітгенштэйна. Абвінавачванне атрымалі і некаторыя іншыя павераныя Вітгенштэйна [1, арк. 550-557]. У жніўні 1844 г. выйшаў Указ Імператара Расійскай Імперыі аб перадачы справы ў Сенат. 6 верасня 1844 г. Віленскі генерал-губернатар выдаў распараджэнне аб закрыцці справы. У ім гаварылася: *"По решению общего собрания Правительствующего Сената, удостоенного Высочайшего подтверждения в 26 день июня сего года, по делу князя Витгенштейна з графами Тышкевичами о Биржанском имении, беспорядки, открытые по архивам Виленского Губернского Правления и Гражданской Палаты, подавшие сей последний повод на выдачу разнovidных свидетельств касательно запрещений, бывших будто бы на имени Бирже во время совершения поверенным князя Радзивилла купчей крепости оставлены без обсуждения и последствий, за Силою Всемилости Манифеста 16 апреля 1841 (скорее всего, в документе ошибка – 1814 г.), но как следствие, производимое о том в Виленских присутственных местах, имеет предметом и самое отыскание утраченных журналов, то поручено мне сделать распоряжение об окончании сего дела на законном основании"* [1, арк. 565-565 адв.] Абвінавачаныя ў выкраданні дакументаў павераныя на суды не з'яўляліся. Следства, якое цягнулася 5 гадоў, так і не змагло ні знайсці паперы, ні даказаць віну абвінавачаных.

Часам складваецца такое ўраджанне, што адной з галоўных мэтай супрацоўнікаў камісіі, а саблівая яе Пракуратароў, было як магчыма працягваць судовыя цяжбы, каб абгрунтаваць існаванне самой камісіі. У якасці найбольш характэрнага прыклада хацелася б ўгадаць справу Пракураторыі з кн. Міхалам Геранімам Радзівілам, былым Віленскім ваеводай, бацькай кн. Антонія. На тыя часы ўжо не проста стары, а драхлы старац, быў уцягнуты ў судовыя разборы яго апекай над маёнткамі кн. Дамініка, якая скончылася ў 1804 г. У снежні 1829 г. разгляд гэтай справы быў адкладзены да пачатку наступнага года, каб падрыхтаваць неабходныя аргументы [7, с. 10]. Наколькі існавала неабходнасць падымаць справу апекай кн. Міхала, якая скончылася амаль 30 гадоў таму, і апякаемы князем Дамінік даўно загінуў? Самім старым князем гэтай судовай справа ўспрыималася як правалочка.

Існавалі цяжкасці са зборам крэдытораў на суды – яны па просту не хадзілі на паседжанні, па гэтай прычыне яны часта адкладваліся. Шматразова ў газетах друкаваліся аб'явы аб апошнім тэрміне, калі магчыма падаваць судовыя іскі (на пачатку дзейнасці камісіі) і аб назначэнні апошняга срока. У часы дзейння Ізідора Сальмановіча ў якасці Генеральнага пракурора Радзівілаўскай Масы, была зроблена свайго роду справаздача аб вядзенні гэтых судаў і аналіз тыпалогіі іскаў.

Усіх крэдытораў Камісія падзяляла ўмоўна на тры катэгорыі. Да першай адносіліся тыя, хто ў прызначаны срок не звярнуўся ў Галоўны Суд. Другую катэгорыю складалі тыя, што ў Галоўны Суд звярнуліся, але пасля гэтага не накіраваліся ў патрэбны тэрмін у Радзівілаўскую Камісію. Да трэцяй катэгорыі аднеслі крэдытораў, якія прайшлі праз этап Галоўнага Суда і падалі іск ў камісію, але далей па розных прычынах справу не давялі [2, арк. 6].

Судовыя цяжбы, звязаныя з падзелам маёнткаў на ардынацкія і аладыяльныя, а таксама з неабходнасцю выртання пазык былі вынікам падзей к. XVIII ст., калі кн. Станіслаў Радзівіл "Пане Каханку", змагаючыся за незалежнасць Рэчы Паспалітай, нарабіў пазык, блукаючы па Еўропе. Пазыкі гэтыя павінны быў выплаціць яшчэ яго спадкаемца, кн. Дамінік. Аднак, ён не вызначаўся гаспадарчымі талентамі і цікавасцю да эканамічных пытанняў. Кн. Дамінік актыўна прадаваў свае маёнткі, нават тыя, што лічыліся ардынацкімі і павінны былі заставацца радзівілаўскімі па палажэннях "хатняга права". Не гледзячы на гэта, кн. Дамінік не толькі не паплаціў пазыкі свайго дзядзькі і бацькі, але і нарабіў сваіх. Кн. Дамінік на свае грошы ўзбройваў і ўтрымліваў войска, якое ўдзельнічала ў вайне 1812 г. на баку імператара Напалеона.

ЛІТАРАТУРА

1. Віленскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей ВДГА). Ф. 459, воп. 1, спр. 2764.
2. ВДГА. Ф. 459, воп. 1, спр. 3649.
3. ВДГА. Ф. 459, воп. 1, спр. 4019.
4. ВДГА. Ф. 459, воп. 1, спр. 4036.
5. Kurjer Litewski. – 1819. – 21 czerwca (№ 137). – С. 6.
7. Kurjer Litewski. – 1829. – 9 grudnia (№ 147). – С. 10.
8. Zielińska T. Poczet polskich rodów arystokratycznych. – Warszawa. – 1997. – 592 с.

WSKOLNICTWO W OKRESIE ZARZĄDU CYWILNEGO ZIEM WSCHODNICH (8 LUTY 1919 R. - 9 WRZEŚNIA 1920 R.)

Andrzej Smolarczyk
Białystok

Kłęska armii państw centralnych na froncie zachodnim w 1918 r. oznaczała rychłą zmianę stosunków politycznych na terenach wschodnich, które nadal pozostawały pod okupacją niemiecką. Odradzające się państwo polskie liczyło na przejmowanie terenów opuszczanych przez wojska niemieckie, które pomimo poniesionej klęski stanowiły na wschodzie realną siłę militarną i polityczną. Władze niemieckie jak najdłużej chciały wykorzystywać tę przewagę w celu wywierania wpływu na życie polityczne, zwłaszcza uciekając się do konfliktowania narodów zamieszkujących te terytoria. Stosowaną przez nie naczelną zasadą polityczną było tworzenie „celowego chaosu”, którego głównym celem miało być osłabianie pozycji strony polskiej.¹

Wycofanie się Niemców jesienią 1918 z ziem dawnego Wielkiego Księstwa Litewskiego umożliwiło proklamowanie 1 stycznia 1919 roku Białoruskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej. W styczniu 1919 r. po rokowaniach polsko-niemieckich oddziały polskie mogły dokonać przemarszu przez tereny okupowane przez Niemców.² 8 lutego Józef Piłsudski powołał na ziemiach litewsko-białoruskich Zarząd Wojskowy. Wkrótce terytoria te zostały zajęte przez wkraczające tu wojska polskie.³ Generalnym Komisarzem Cywilnym przy Zarządzie Wojskowym Kresów Wschodnich został Ludwik Kolankowski. Pozostawał on

¹ J. Gierowska-Kaltur, *Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich (19 lutego 1919 - 9 września 1920)*, Warszawa 2003, s. 31-32.

² S. Wałasek, *Szkolnictwo powszechne na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (1915-1939)*, Kraków 2006, s. 57-58.

³ Zanim ukształtowały się władze polskie inicjatywę przejmowania terenów od Niemców rozpoczęła ludność polska organizująca się w organizacje militarne: Związek Wojskowych Polaków Miasta Wilna, Rada Narodowa Ziemi Lidzkiej, oddziały Samoobrony. W listopadzie 1918 r. powstał Departament Litewsko-Białoruski przy MSZ oraz Józef Piłsudski wydał rozkaz o formowaniu Dywizji Litewsko-Białoruskiej.

najwyższą instancją cywilną władzy rządzącej i wykonawczej. Generalny Komisarz mianował komisarzy powiatowych, którzy kierowali administracją powiatu. Ludwik Kolankowski kierował Departamentem Litewsko-Białoruskim MSZ, w którego skład wchodziło siedem wydziałów i kancelaria główna (między innymi nadzorujący sprawy szkolnictwa i religii - Wydział Wyznań i Oświaty).⁴

Generalnemu Komisarzowi Cywilnemu podlegali w charakterze inspektorów komisarze okręgowi przy grupach wojsk operujących na terenach litewsko-białoruskich. Komisarzem okręgowym przy dowództwie grupy wojsk polskich generała Antoniego Listowskiego był Antoni Wojewódzki, a jego zastępcą Mieczysław Ines. Prerogatywy komisarza Antoniego Wojewódzkiego rozciągały się na powiaty: brzeski (komisarz powiatu - Marian Zborowski), prużański (komisarz powiatu - Jan Sienkiewicz), kobryński (komisarz powiatu - Aleksander Lenkiewicz), piński (referent aprowizacyjny - Józef Niemczynowicz) i słonimski (nie obsadzony).⁵

15 kwietnia 1919 r. Naczelny Wódz mianował Jerzego Osmołowskiego Komisarzem Generalnym Ziem Wschodnich. Siedzibą Zarządu Cywilnego była początkowo Warszawa, potem Wilno. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich stanowił na ziemiach byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego jednostkę administracyjną powołaną przez Józefa Piłsudskiego do realizacji jego koncepcji federacyjnej. Miał zabezpieczyć nowo powstałe państwo polskie od zagrożenia ze strony Rosji i wewnętrznych tendencji rewolucyjnych. Działalność ZCZW trwała formalnie dziewiętnaście miesięcy (od 8 lutego 1919 r. do 9 września 1920 r.).⁶

Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich przejął nadzór nad szkolnictwem. Kierownictwo nad sprawami oświatowymi z ramienia Komisarza Generalnego objął Władysław Lichtarowicz, który resortem oświaty ZCZW zarządzał od kwietnia do października 1919 r. Wszelkimi zagadnieniami oświatowymi zajmą się podległy Lichtarowiczowi Wydział Oświaty, utworzony przy sekcji administracyjnej. Podlegali mu inspektorzy powiatowi. Pracownicy tego wydziału podążali za przesuwającymi się na wschód wojskami polskimi usiłując organizować szkolnictwo oraz obsadzając inspektoraty. W październiku nastąpiła zmiana na stanowisku kierującego oświatą. Władysława Lichtarowicza zastąpił Lucjan Zarzecki, który resortem oświaty zarządzał od października 1919 r. do końca istnienia ZCZW. Rozrost prac związanych z powstawaniem nowych placówek szkolnych spowodował, iż w październiku 1919 roku w miejsce Wydziału Oświaty utworzono oddzielną Sekcję Oświecenia Publicznego.⁷

Wielkim problemem Sekcji Oświecenia Publicznego był brak nauczycieli. Rezygnowali oni z pracy w szkołach na rzecz lepiej płatnych stanowisk w administracji. Ze szkół powszechnych nauczyciele odpływali również do szkolnictwa średniego, gdzie zarobki były wyższe. Premiowano wówczas nauczycieli z wieloletnim doświadczeniem i długą wysługą lat. Absolwenci krótkich kursów pedagogicznych organizowanych na terenach wschodnich nie mieli większej motywacji do uczestniczenia w nich. Bez stażu nie dawało im to wymiernej szansy na rozwój dalszej kariery zawodowej.⁸

⁴ W. Śleszyński, *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*, Warszawa 2007, s. 47-49; J. Gierowska-Kallaury, *Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich...*, op. cit., s. 68-69.

⁵ J. Gierowska-Kallaury, *Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich...*, op. cit., s. 73-74.

⁶ *ibidem*, s. 67-68.

⁷ Z. Zaporowski, *Stosunki polityczno-społeczne na północno-wschodnich kresach Drugiej Rzeczypospolitej 1918-1939*, [w:] *Spółczesność białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939-1941*, M. Giżajewska, T. Strzembosz (red.), Warszawa 1995, s. 58; S. Walasek, *Szkolnictwo powszechne...*, op. cit., s. 73.

⁸ J. Gierowska-Kallaury, *Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich...*, op. cit., s. 222-223.

Koniecznością stało się ściąganie nauczycieli z innych dzielnic Rzeczypospolitej. Wykwalifikowani nauczyciele z Małopolski nie gamęli się do pracy na zrujnowanych terenach wschodnich, których los polityczny pozostawał dalej niepewny. Nie gwarantowano im również zrównania w prawach z nauczycielami byłego Królestwa Kongresowego. Nauczyciele, którym udało się pozyskać z terenów Małopolski byli nieprzystosowani do pracy na terenach wschodnich. Nie potrafili nawiązać relacji z ludnością miejscową, nie znali języka białoruskiego i ukraińskiego. Czuli się wyobcowani kulturowo i religijnie. Rozwiązaniem problemu braku kadry nauczycielskiej miało być zorganizowanie w Małopolsce krótkoterminowych kursów nauczycielskich.⁹

W resorcie szkolnictwa ZCZW istniała rozbieżność zdań w sprawie przyszłości ziem byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Zwolennicy koncepcji federacyjnej Józefa Piłsudskiego uważali, że ludność miejscowa sama musiała określić jakich szkół chce. Zadaniem ZCZW miała być pomoc z realizacji wybranej drogi. Zwolennicy koncepcji inkorporacyjnej uważali, że tworzenie szkół mniejszościowych było sprzeczne z polską racją stanu.

Józef Piłsudski uważał, iż zadaniem ZCZW miało być organizowanie szkolnictwa zgodnie z wolą mieszkańców terenów podległych rządowi. Ideą było, iż ludność sama miała decydować o swoim losie i potrzebach edukacyjnych. Ludność miejscowa (głównie żydowska) wypowiadała się za szkołą powszechną w języku rosyjskim. Wynikało to głównie z chęci posyłania dzieci do szkół, gdzie nauczanie odbywało się w języku dobrze znanym dzieciom i rodzicom oraz z przekonania o tymczasowości sytuacji politycznej.

Nauczanie w języku rosyjskim było sprzeczne z polską racją stanu. Przeciwno nauczaniu w języku rosyjskim ostro protestowała też strona białoruska. Zdecydowanie przeciwko takiej praktyce występował Wacław Iwanowski z swoim „Memoriale w sprawie białoruskiej” z 16 marca 1920 r.¹⁰ Przed władzami oświatowymi pojawił się dylemat - zezwolić na nauczanie w języku rosyjskim lub pozbawić znaczną część ludności kresowej jakiegokolwiek edukacji elementarnej. Brakowało nauczycieli mogących nauczać w języku polskim lub białoruskim. Przy dawnych szkołach rosyjskich mieszkali dawni nauczyciele rosyjscy, których wdrażano do pracy w nowo otwieranych szkołach powszechnych. Władze ZCZW uznały, że w interesie ludności miejscowej leżało otwieranie szkół rosyjskich, niż żadnych.¹¹

Na obszarze Ziemi Wschodnich istniała wolność wyboru języka nauczania dla każdej mniejszości narodowej zamieszkującej te terytoria. Ludność kresowa wybierała szkołę rosyjską lub polską, nie przejawiając większego zainteresowania szkołą białoruską.¹² Decyzja większości rodziców posyłających swe dzieci do szkół rosyjskich lub polskich wynikała z przesłanek czysto pragmatycznych. Język polski ułatwiał kontakty z aparatem państwowym i był przepustką do kariery zawodowej; natomiast język rosyjski był lepiej znany i traktowany za język kultury wysokiej.¹³ Religia była przedmiotem obowiązkowym, wykładanym w języku narodowym dzieci. W szkołach z językiem wykładowym niepolskim obowiązkowe były dwie godziny języka polskiego.¹⁴

Faktycznie stosunek władz polskich do szkół z niepoliskim językiem nauczania wyrażał się w formie możliwości otrzymania przez te placówki zapomogi. Zapomogę taką mogły otrzymywać

⁹ ibidem.

¹⁰ J. Turonek, *Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi*, Warszawa 1992, s. 83-84.

¹¹ S. Walasek, *Szkolnictwo powszechne...*, op. cit., s. 85-86.

¹² J. Gierowska-Kallaurek, *Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich – kadra i procesy decyzyjne*, [w:] *Europa Nieprowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej w latach 1772-1999*, red. K. Jasiewicz, Warszawa-Londyn 1999, s. 53-54.

¹³ J. Gierowska-Kallaurek, *Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich...*, op. cit., s. 216-218.

¹⁴ ibidem, s. 86.

tylko te szkoły z niepolskim językiem wykładowym, które posługiwały się językiem ojczystym dla większości swych uczniów (2/3). Tak określone kryteria pozwalały korzystać z zapomóg państwowych większości szkół powszechnych nie będących placówkami samorządowymi. Jedynie kilka szkół białoruskich i jedna szkoła litewska otrzymały pomoc państwa. Stosowanie takich procedur skutecznie ograniczało rozwój niepolskiego szkolnictwa powszechnego.¹⁵

Administracja szkolna została dostosowana do podziału administracyjnego ziem wschodnich. Podział na cztery okręgi administracyjne: brzeski, miński, wileński i wołyński pokrywał się z podziałem na okręgi szkolne.¹⁶ W każdym powiecie tworzone Inspektoraty Szkolny Powiatowy.

Okręg brzeski obejmował powiaty: brzeski, prużański, kobryński, piński, mozyrski, wolkowyski, stonimski, baranowicki i nieświecki. Pięć miast okręgu brzeskiego liczyło więcej niż 4 tys. Mieszkańców (Baranowicze, Kleck, Mir, Nieśwież i Prużana).¹⁷ Do 1 października 1919 roku w okręgu brzeskim obsadzono inspektoraty: baranowicki, kobryński, piński, prużański, stonimski, wolkowyski. W styczniu 1920 roku obsadzono inspektoraty brzeski i mozyrski.

Zarządzającym sprawami szkolnictwa w okręgu oraz nadzorującym działalność Inspektoratów Szkolnych Powiatowych był Inspektor Szkolny Okręgowy. Inspektor był przełożonym wszystkich urzędów i instytucji oświatowych na danym terenie.¹⁸ Od sierpnia 1919 roku do lipca 1920 roku Inspektorem Szkolnym Okręgowym w Okręgu Szkolnym Brzeskim był Kazimierz Wolbek.¹⁹

Najpilniejszą sprawą stojącą przed Sekcją Oświecenia Publicznego było utworzenie struktur organizacyjnych, których działający wcześniej Wydział Oświaty praktycznie nie posiadał. Sekcja dzieliła się na dwa wydziały: wydział szkół powszechnych i wydział szkół średnich oraz na kancelarię. Ze względów oszczędnościowych do Wydziału Szkolnictwa Powszechnego dołączono referat higieny i oświaty pozaszkolnej.²⁰

Początki szkolnictwa w roku 1919 na terenach wschodnich były bardzo trudne. Wojnę przetrwało niewiele szkół. Powiatowi referenci szkolni w początkach swej działalności nie znali nawet liczby i rozmieszczenia szkół na terenie poszczególnych powiatów. Referenci nie mieli do swej dyspozycji żadnych środków lokomocji, co przy fatalnym stanie infrastruktury zwłaszcza na Polesiu ogromnie utrudniało pracę.²¹

Próba opanowania chaosu prawnego w oświacie na ziemiach wschodnich było wydanie 18 listopada 1919 roku *Rozporządzenia Tymczasowego Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich*.²² W pierwszym punkcie rozporządzenia gwarantowano mniejszościom narodowym wolność nauczania uczniów w ich języku ojczystym. Jednak już w czwartym punkcie tegoż dokumentu uzależniono wybór języka wykładowego w szkołach od uchwał gmin i gromad. W praktyce oznaczało to, że jeżeli odwoływano się do uchwał gminnych, w większości popierały one szkołę polską. Stowarzyszeniom zezwolono na zakładanie prywatnych szkół elementarnych z ojczystym językiem nauczania. Z tej możliwości korzystała faktycznie mniejszość żydowska. Rozporządzenie nakładało na gminy obowiązek utrzymania szkół elementarnych, zapewnienia

¹⁵ ibidem, s. 227.

¹⁶ Okręgi administracyjne wileński i brzeski powstały zarządzeniem Komisarza Generalnego 7 czerwca 1919 r. Okręg administracyjny wołyński powołano zarządzeniem z dnia 9 września 1919 r., okręg miński – 12 września 1919 r.

¹⁷ J. Gierowska-Kałuża, *Straż Kresowa a Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich. Współdziałanie czy rywalizacja?*, Warszawa 1999, s. 115-122.

¹⁸ L. Zarzecki, *Szkolnictwo i oświata na ziemiach wschodnich (w okresie od 1 X 1919 do 1 XII 1920)*, [w:] *Encyklopedia Wychowawcza*, t. IX, zeszyt 9, Warszawa 1932, s. 66-68.

¹⁹ PAOB, sygn. f. 59, o. 2 d. 2083, k. 1, *Wykaz stanu służby, Kazimierz Wolbek*. Absolwent wydziału fizyko-matematycznego na Uniwersytecie w Petersburgu oraz wydziału mechanicznego Politechniki Warszawskiej. Kandydat nauk w dziedzinie nauk matematycznych.

²⁰ L. Zarzecki, op. cit., s. 66-68.

²¹ J. Gierowska-Kałuża, *Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich...*, op. cit., s. 220.

²² Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich 1919, nr 31, poz. 340.

im bazy lokalowej, opał na zimę, pomocy naukowych oraz nauczycieli. Pensje nauczycielom wypłacał ZCZW. Na mocy rozporządzenia z 18 listopada 1919 roku w samym powiecie kobryńskim na przełomie roku 1919/20 uruchomiono 15 szkół publicznych.²³

W czerwcu 1920 roku Sekcja Oświecenia Publicznego stworzyła strukturę organizacyjną szkolnictwa na ziemiach wschodnich, prowadząc w miarę możliwości stabilną i racjonalną politykę szkolną. Okręg brzeski, dzięki stałości i względnie dobrej jakości kadr w inspektoracie okręgowym i inspektoratach powiatowych, zorganizował się najwcześniej. Prowadził jednolitą i zrównoważoną politykę finansową.

Z danych statystycznych, które miały być przesyłane z terenu co 3 miesiące (grudzień 1919, marzec 1920) możemy odtworzyć funkcjonowanie polskich szkół powszechnych w okręgu brzeskim. W grudniu 1919 roku działało około 130 polskich szkół powszechnych, w których uczyło się około 21 tys. dzieci i pracowało około 430 nauczycieli. W marcu 1920 roku liczba polskich szkół wzrosła do około 455. Liczba dzieci powiększyła się do ponad 32 tys., a nauczycieli do ponad 630.²⁴

W czerwcu 1920 r. w okręgu brzeskim funkcjonowało łącznie około 600 szkół powszechnych, w których nauce pobierało około 40 tys. dzieci. Wśród nich szkół polskich było około 455, szkół białoruskich około 34, szkół rosyjskich około 76, szkół żydowskich około 45.²⁵

W okręgu brzeskim do szkoły powszechnej polskiej uczęszczało na początku 1920 r. statystycznie ujmując 65,5 ucznia (70 w czerwcu 1920 r.), do szkoły białoruskiej 77 (31 w czerwcu 1920 r.), do szkoły rosyjskiej – około 60, a do żydowskiej - około 150.²⁶ Powyższe dane wykazują, że szkolnictwo powszechne białoruskie nie było hamowane. W porównaniu z innymi grupami narodowościowymi cieszyło się poparciem ZCZW – nawet kosztem szkolnictwa polskiego. Dopiero później sytuacja zaczęła zmieniać się na niekorzyść szkolnictwa białoruskiego.

1 marca 1920 roku Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego powołało na terenach wschodnich Delegatów Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Brak było wówczas podstaw prawnych do powołania kuratorów. Delegatem Ministerstwa WRiOP na Polesiu został mianowany Kazimierz Wolbek. Sprawował tę funkcję do 16 maja 1922 roku. W powiatach nad organizacją pracy szkół pełnił nadzór inspektor powiatowy. Jego obowiązkiem było organizowanie szkół powszechnych i ich wizytowanie.²⁷

Na podstawie traktatu ryskiego zawartego 18 marca 1921 roku, Polesie zostało podzielone na część polską i radziecką. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich wprowadził w okresie przejściowym podział na województwa i powiaty. Z większości terytorium polskiej części Polesia utworzono województwo poleskie. Były to terytoria byłych guberni grodzieńskiej, mińskiej i wołyńskiej²⁸. W skład nowo powstałego województwa poleskiego weszły terytoria nie należące do geograficznego Polesia: północna i środkowa część powiatu brzeskiego, zachodni fragment kobryńskiego i północny pas powiatu kosowskiego²⁹. Proces terytorialnego kształtowania się województwa poleskiego zakończył się w 1931 roku odłączeniem powiatu sameńskiego i wcieleniem go do województwa wołyńskiego. Po 1931 roku w skład województwa poleskiego wchodziło 9 powiatów: brzeski, drohiczyński, kobryński, kosowski, koszyrski, łuniniecki, piński, prużański, stoliński³⁰.

²³ W. Ściebora, *Rozwój organizacji szkolnictwa powszechnego w powiecie kobryńskim*, Brześć 1932, s. 11.

²⁴ L. Zarzecki, op. cit., s. 74-75.

²⁵ J. Gierowska-Kałuż, *Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich...*, op. cit., s. 244.

²⁶ ibidem, s. 219.

²⁷ T. Serafin, *Władze szkolne w latach 1917/18-1937/38*, Warszawa 1938, s. 123.

²⁸ W. Bienkiewicz, *Niektóre wiadomości o województwie poleskim*, „Rocznik Poleski 1927”, Brześć n./Bugiem 1927, s. 29.

²⁹ J. Tomaszewski, *Z dziejów Polesia 1921-1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych*, Warszawa 1963, s. 10.

³⁰ A. Lewkowska, J. Lewkowski, W. Walczak, *Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej. Województwo Poleskie na obszarze Republiki Białoruś*, Warszawa 2000, s. 27.

ГЕРМАНИЯ КАК ЛОКОМОТИВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНЦЕ XX– НАЧАЛЕ XXI вв.

В.В.Кожевников

Вологодский государственный педагогический университет, г. Череповец, Россия

На протяжении всего XX века, Германия всегда играла особую роль по сравнению с другими странами Европы.

Помимо темных страниц в своей истории, эта страна принесла миру и непосредственно Европе не меньше положительного. По общему мнению, Германия стала во второй половине XX века «локомотивом европейской интеграции». Данное утверждение не просто является журналистским штампом, но отражением реальной действительности.

Именно Германия показала и во многом обеспечила возможность успешной трансформации бывших социалистических стран в социально-рыночную экономику, культурное и правовое пространство Европейского Союза.

Это утверждение основано, прежде всего, на судьбе бывшей ГДР, которая за короткий период стала частью единой Германии и ЕС.

Естественно, различия между немецким Западом и Востоком остаются и по сегодняшний день, но в главном трансформация оказалась привлекательной для большинства государств Восточной и Юго-Восточной Европы.

На чем основывается современная роль Германии в европейской интеграции?

1. Западная Германия наряду с Францией стояла у истоков европейской интеграции.

2. В связке Париж-Бонн Франция осуществляла политическое представительство единой Европы, а ФРГ изначально отводилась роль «экономического локомотива».

3. Именно такое положение, сохранявшееся длительное время, вело к тому, что вокруг так называемых «стран-локомотивов» (Франция, Германия, Италия) происходило объединение других государств Западной Европы.

4. Особую позицию в ЕС занимала и занимает Великобритания, которая не стремилась быть лидером европейской интеграции, однако это не привело к ослаблению позиции Германии, что стало очевидным после ее объединения.

Лидирующая роль Германии обусловлена, прежде всего, состоянием ее экономики, а также геополитическими факторами.

Территория Германии включает в себя 357 тыс. кв. км. Население насчитывает 82 млн. чел.

Объединенная Германия занимает в мире: по численности населения — 12 место (82 млн. чел.); по производству ВВП — 3 место (после США и Японии); по экспорту - 2 место (после США); по объему экспорта на душу населения, уступая нескольким небольшим западным странам; значительно опережает ведущие страны мира.

ФРГ по праву называют одним из «локомотивов» мировой экономики. По уровню экономического развития, величине экономического потенциала, доле в мировом производстве, степени вовлеченности в международное разделение труда и другим важнейшим критериям она относится к числу наиболее высокоразвитых государств мира, входит в так называемую «большую семерку».

По оценкам Всемирного экономического форума, в начале XXI века Германия занимает место в пятерке стран с наивысшим уровнем конкурентоспособности.

Германия обладает третьей по технологической мощи экономикой мира после США и Японии. Страна является одним из крупнейших в мире производителей металла, цемента, машин, транспортных средств, станков, электроники, продуктов питания и напитков, продукции судостроительной, химической, текстильной промышленности.

В целом, экономика Германии составляет более 30% экономики Еврозоны, в то время как экономика Франции – около 20%. Для большинства стран Евросоюза Германия является ведущим торговым партнером и основным инвестором.

Также именно германская марка стала основой для введения единой европейской валюты – евро. Основная тяжесть в подготовке этого проекта также легла на плечи Немецкого банка (Deutsch Bank).

Одним из проявлений лидирующей позиции Германии в ЕС являются ее достижения в области экологии. На относительно небольшой площади сосредоточен исключительно мощный и концентрированный потенциал самых загрязняющих отраслей: угледобычи, черной металлургии, большой химии. На территории ФРГ 17 действующих АЭС, ее пронизывает самая густая сеть автострад. В города выхлопные газы автотранспорта дают больше ½ всего загрязнения.

ФРГ была одной из самых загрязненных стран мира в 60 – 70-х гг. XX века. Рейн называли «сточной канавой Европы», а кислотные дожди сделали больными около 40% лесов страны.

Но к началу XXI в. многое изменилось к лучшему. Под давлением «зеленых» были приняты очень серьезные меры для экологического оздоровления страны.

Основное внимание германских властей было сосредоточено на решении следующих экологических проблем:

- снижение загрязнения окружающей среды;
- рациональное использование питьевой воды;
- переработка промышленных отходов;
- утилизация бытовых отходов;
- безопасность биотехнологий трансгенных продуктов питания;
- использование альтернативных источников энергии;
- разработка ресурсосберегающих технологий и т.д.

На охрану окружающей среды тратятся огромные средства – 40 млрд. марок в год. По доле в ВВП это равно 1,75%, гораздо больше, чем в США (1,3 %) или в «образцовой» Японии (немногим более 1%).

В 1986 г., сразу после чернобыльской катастрофы, было создано Министерство окружающей среды. Начался отход Германии от использования ядерной энергии. По словам немцев: «Чернобыльская авария сломала хребет ядерной энергетики в Германии». Правительство Германии под давлением партии «зеленых» приняло решение постепенно отказаться от использования энергии атома. В результате два (самых старых и маломощных) из имеющихся 19 ядерных реакторов уже прекратили свою работу, а до 2020 года намечается остановить и все остальные.

Крупнейшие монополии индустрии наладили массовое производство очистного оборудования, и эта сфера стала самой динамичной во всей индустрии ФРГ.

По многим важным показателям ФРГ стала лидером – так, по вторичному использованию сырья она достигла рекордных результатов.

Высокие природоохранные технологии, разработанные в Германии, стали экспортной продукцией, которая пользуется повышенным спросом во всем мире. Доля немецкой природоохранной промышленности в мировой торговле составляет уже около 20 процентов.

В настоящее время в Германии рассматривается проект ограничения максимальной скорости движения по автобану с целью ограничения выбросов CO₂ в атмосферу.

Успешное решение экологических проблем, что сопровождалось внедрением новых технологий в промышленности и сельском хозяйстве, служит примером и для остальных стран Европейского Сообщества.

То, что Германия является «локомотивом» европейской интеграции, во многом обусловлено политической стабильностью и устойчивостью ее конституционного строя.

Следует подчеркнуть, что объединение Германии состоялось на основе Конституции (Grundgesetz) 1949 г., которая была принята восточными немцами. Внутреннее законодательство Германии активно использовалось при формировании европейского права.

Являясь «локомотивом» европейской интеграции, Германия несет ответственность за ее успешное развитие. Ни для кого не является секретом то, что бывшие социалистические страны, добиваясь членства в Европейском Союзе, ориентировались, прежде всего, на германскую экономику.

Расширение ЕС, включение в него новых членов легло дополнительным бременем на германскую экономику, что не могло не привести к росту скептицизма в отношении интеграции.

Даже такие страны, как Польша, Венгрия, Чехия, не говоря уже о Болгарии и Румынии, еще долго будут испытывать необходимость финансовых вливаний в собственную экономику.

Политическое руководство Германии осознает сложность стоящих перед Европейским Союзом проблем. Трудность заключается в том, что современное состояние мировой экономики не является стабильным. Германия, ЕС в целом не могут игнорировать процессы глобализации, где доминирующие позиции занимают США, не заинтересованные в успешном ходе европейской интеграции. Это видно и на примере Турции, которой большинство немцев отказывает в членстве в ЕС.

Западные исследователи выделяют ряд причин нежелания этого: одна из главных причин – страх потерять свое рабочее место в результате появления более дешевой рабочей силы из числа иммигрантов [1. 29]. Не меньшее опасение вызывает то, что в результате вступления Турции в ЕС и последующей миграционной волны начнется усиленная исламизация Франции, ЕС и в том числе Германии [1. 33]. Потoki мигрантов из Турции привели бы не к «мультикультурному обществу», а к возникновению моносубкультуры – крайне взрывоопасной в социальном, культурном и политическом отношении процесс для всех стран Евросоюза, которых он коснется. Кроме того, Турция не относится к Европе.

Одним из наиболее весомых аргументов против этого было и то, что Турция не является правовым государством и в ней происходят массовые случаи нарушения прав человека [2.55].

Также заявка Турции на вступление в ЕС угрожает идентичности Европы. Проблемы различных политических культур и разрыва в социально-экономическом развитии тесно связаны с еще одной проблемой: опасностью «imperial overstretch» – чрезмерного пространственного растяжения за счет ослабления внутренней монолитности. Автор понятия «imperial overstretch» историк Пол Кеннеди усматривает в подобном растяжении глубинную причину крушения всех великих держав [3.60].

Роль Германии как «локомотива интеграции» в современной Европе нередко вызывает настороженность в мире, которая проявляется в том, что со времени ее объединения не прекращаются высказывания о том, что Германия стремится к «четвертому рейху».

Но эти опасения не имеют под собой реальной почвы. На самом деле немцы уже давно согласились с высказыванием Томаса Манна: «Лучше европейская Германия, чем германская Европа». То, что Германия сегодня действительно европейская страна, легко убедиться, познакомившись с ее культурной жизнью и бытом немецкого общества.

Можно выделить несколько причин тому, что Германия и в будущем продолжит курс на углубление и расширение европейской интеграции:

во-первых, это трагический опыт двух мировых войн, последствия которых давно осмыслены самими немцами;

во-вторых, то обстоятельство, что в основе современного германского государства больше не лежит национальная идея, и Германия во многом быстрее и легче, чем ее соседи, адаптируется к идеям европейского федерализма;

в-третьих, полвека напряженной работы по формированию единого европейского пространства имеет, на наш взгляд, непреходящее значение;

в-четвертых, это осознание германским руководством того, что новым глобальным вызовам и угрозам в XXI веке противостоять могут только международные интеграционные союзы и институты [4: 264].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гюнтер Ферхойнен Европа должна стать мировой державой//Internationale Politik, 2005, № 1.
2. Михаэль Мертес. Колоссальные различия: актуальные данные демоскопии по поводу вступления Турции в ЕС//Internationale Politik, 2005, № 1.
3. Хайнрих Аугуст Винклер. Границы расширения: Турция не является частью "Европейского проекта"// Internationale Politik, 2003, № 1.
4. Белякова Т.В. Политика Германии в отношении Европейского Союза после прихода к власти кабинета Г. Шредера//Европейский Союз на рубеже веков/РАН ИНИОН; Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных пробл. – М., 2000.

II. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА, ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ. ТРИ ФАКТОРА УСТОЙЧИВОСТИ – ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА, ЭКОЛОГИЯ

Проф. д.ф.н., д.политол. н. Петко Ганчев

Чрезвычайный и Полномочный посол Болгарии в Беларуси

„Устойчивое развитие является таким развитием, которое удовлетворяет потребности нынешних поколений, не ставя в риск способности будущих поколений удовлетворять свои потребности.“ Таков оригинальный текст определения устойчивого развития в докладе Комиссии окружающей среды и развития ООН, известной как „Комиссия Брунтланд“. На базе этой концепции в „Agenda 21“ на „Встрече в верхах“ в Рио де Жанейро в 1992 г. была сформулирована задача, чтобы были созданы государственные и общественные организации национальные стратегии устойчивого развития.

В самом начале этого доклада нужно показать вкратце причины и факторы, которые дестабилизировали в таких масштабах систему „общество-природа“, а также саму систему внутриобщественных отношений и отношений между отдельными государствами и вместе с тем показать тенденции и угрозы для всего человечества.

Можно с уверенностью говорить, что до середины XX века человечество развивалось и меняло одни степени несовместимые с другими, не нарушая глобального равновесия между обществом и природой. Но с середины XX столетия категорическим образом начали вырисовываться масштабы глобального неравновесия между бедностью и богатством, между обществом и окружающей средой, между жизнью на планете и быстро меняющимся климатом.

Каковы причины этих радикальных изменений?

Во-первых, это установившаяся и следующая тысячелетиями человеческой цивилизацией экстенсивная, расходная стратегия.

Во-вторых, это тесно связанный с этой стратегией самоцельный экономический рост, философия потребления без ограничений и задержек.

Третье, это господствующая и потерявшая свою эффективность нерациональная экономическая структура обществ – системы форм собственности, организации, управления и реализации собственности, которая непрерывно воспроизводилась отчуждением и неравновесием не только между членами общества, но и между самим обществом и природой.

Четвертое, очень сильно воздействует на дестабилизацию отношений между обществом и природой, и в самих обществах – это неравенство в приходе и богатстве между различными нациями и народами, между различными группами одного отдельно взятого общества.

Пятое, это устаревшая система институций и органов политической власти, а также форм управления, включая и т.наз. „либеральную демократию“. Только радикальная перемена в существующей политической системе может гарантировать такую нужную для всего человечества социализацию и экологизацию политики, выдвигая ее как действенный фактор решения глобальных социальных и экологических проблем.

Шестое, это ограниченное только в рамках развитых обществ развертывание современной научно-технической и технологической революции, которая открывает новые возможности в производственной и вообще жизненной деятельности человечества.

Седьмое, глобальный дисбаланс между обществом и природой вызывается и из-за прилагаемых технологий, среди которых ведущее место занимают механические, химические и биологические технологии.

Восьмое, среди причин этого глобального дисбаланса является также несоответствие между прогнозирующей и преобразующей, формирующей функцией науки.

Девятое, как правило, к жизни, к природе, к миру в его универсальной взаимосвязи наука сегодня и политика подходят поверхностно, односторонне, не учитывая огромное многообразие связей и зависимостей и поэтому урон на всех уровнях человеческой деятельности такой огромный.

Таким образом, глобальный дисбаланс между социальными структурами обществ – кучка богачей и миллиарды живущих за чертой разумного минимума, между отдельными обществами – несколько десятков развитых стран и более ста и пятидесяти неразвитых, между человеком и природой, дисбаланс в самой природе пронизывает все уровни глобальной системы „общество-природа“, „окружающая среда – хозяйственная сфера человечества и место обитания“ синергично усиливает неравновесие, которое рефлектирует на жизнь каждого человека и отнимает ощущение перспективы. Более чем очевидно, что человечество зашло в тяжелую зону глобальной неустойчивости, где наравне с бедностью и глобальным терроризмом вырисовывается тяжелая тень экологической неустойчивости перемены климата и геобалансов на планете.

Одним словом, человечество оказалось не готовым к тем последствиям своей деятельности, которые более чем категорически ведут его к катастрофе и гибели. Если основательно ознакомиться со всеми экономическими, политическими и другими теориями развития общества, то будем вынуждены признать, что до 70-тые годы XX-го века, за исключением Роберта Малтуса, еще в XVIII-ом веке никто не ставил всерьез вопрос о последствиях демографического роста на Земле и хозяйственной деятельности человека. Известно, каким мракобесом был назван Малтус „прогрессивными“ учеными. По существу, первые серьезные исследования экологических и неразрывно связанных с ними глобальных проблем стали исследования „Римского клуба“, начиная с 70-тые годы XX-го века.

По настоящему известны три подхода, рассматривающие процессы противоречивого взаимодействия между обществом и природой.

Первый подход нам предложила неоклассическая теория еще в 70-тых годах XX-го века, когда были уже очерчены масштабы глобального загрязнения окружающей среды, природы. Главный виновник этих процессов был назван рынок, действующий по принципу „laissez faire“. Нужно было усовершенствовать рынок разными налоговыми механизмами.

Второй подход был предложен в первых докладах „Римского клуба“, и он предусматривал т. наз. „0 роста“. Известно его неприятие всех неразвитых стран мира.

Третий подход связан с идеей об устойчивом развитии. К сожалению, первоначальные редакции концепции устойчивого развития тоже не удовлетворяли, потому что содержали по преимуществу моральные призывы, а не принципы для управления, для политики. В этом смысле за время после Рио-де-Жанейро были предложены много новых идей, которые обогатили концепции устойчивого развития, учитывая его комплексный, системный, динамичный характер. Таким образом, дефиниция устойчивого развития выглядела бы примерно так: „Устойчивое развитие есть развитие, которое протекает динамичным, конкурентным способом, сохраняя возможности природы удовлетворять

в необозримом будущем потребности всех человеческих поколений, развитие общества, которое затрагивает экономику /хозяйственную сферу/, социальную сферу, политику, коммуникации, здравоохранение, образование, культуру, в соответствии с достигнутой степенью познания и овладению законам, свойств и возможностей окружающей /природной среды, не нарушая биосферные и вообще геобалансы, являющихся результатом миллионной и миллиарднолетней эволюции".

Принцип подхода устойчивого развития рассматривает природу как "благо" и требует применения таких производственных и управленческих технологий, которые бы воспроизводили в гармоничном взаимодействии с обществом природу, а не разрушали, загрязняли и уничтожали ее. Это значит, что направляемая, сознательная со стороны общества кооперация между природной эволюцией и общественным развитием давали в качестве результата Коэволюцию.

Одним из фундаментальных принципов коэволюции, который должен быть опознан и применен в практической деятельности общества, является принцип Экологического императива, сформулированный еще в 80-ые годы XX-го века. Вот как академик Н.Н. Моисеев дефинировал этот принцип: „Перед всеми, кто ответственен за научно-технический прогресс, за практическое использование его достижений, возникает объективное требование: учитывать уязвимость природной среды, не позволяя превышение пределов ее устойчивости; глубоко разбираться в сущности ее сложных и взаимосвязанных явлений; не вступать в противоречие с естественными закономерностями, не вызывая необратимых процессов. Как основание всех природопреобразующих действий должен служить научнообоснованный прогноз. Исполнение этого требования обязательно, несмотря на масштабы мероприятий – региональных, континентальных или планетарных. Это требование мы называем «экологический императив». Его должны соблюдать не только те, чья деятельность имеет хозяйственный характер, но и политические лидеры, от чьих действий зависят способы разрешения международных проблем."

Все это означает, что вся система человеческой/общественной деятельности не только на конкретном национальном, но и на глобальном уровне должна следовать принципу „Экологического императива", то есть быть экологосообразной, рациональной и оптимизированной. Конечно, все это требует очень много перемен в системе общественных отношений и деятельности. На первом месте должна произойти Социализация собственности и Социализация системы управления.

Как видно из современной хозяйственной практики развитых обществ, идет интенсивный процесс кооперирования и создания крупных национальных и транснациональных корпораций. Таким образом, на основе многих десятков и сотен тысяч мелких частных собственности создаются мощные коллективные формы организации и управления производства.

Чтобы ответить на глобальные вызовы, которые проявляются прежде всего в четырех взаимосвязанных областях – глобальная бедность, глобальная преступность и терроризм, глобальный демографический дисбаланс и глобальное экологическое неравновесие и перемена глобального климата политика на всех уровнях и во всех обществах должна, во первых, демократизироваться и социализироваться и вместе с этим экологизироваться.

Первое означает, что нужно создать такие формы управления, которые представляли бы своеобразный синтез между нужными для функционирования государственных и административных систем управления и различными негосударственными, общественными структурами управления/самоуправления людей в обществе. Это означает создание широких и эффективно функционирующих общественных консультативных советов, которые бы гарантировали открытость и доступность для граждан всей системы управления. Это будет

действительная форма участвующей демократии, когда за каждым решением общественно-значимого характера будет приниматься ответственность от всех граждан данной общности; несмотря на каком уровне находится их организация.

Второе означает, что вся политика должна переменить свою антропоцентричную природу и подняться на уровень объективных потребностей коэволюции общества с окружающей его природой. Экологическая политика должна стать основным содержанием всей политики, что означает, что вся политика должна экологизироваться. Экологизированная политика на всех уровнях должна руководствоваться сформулированной всей мировой общностью Императивы на основных факторах экономического, социального и вообще общественного развития. Сегодня мы можем указать некоторые основные факторы: 1) ресурсы природного и человеческого характера в их многообразии; 2) собственность созданных средств производства; 3) технологии воздействия человека на природу и на саму природу человека; 4) формы разделения труда, обмена, распределения и потребления; 5) формы управления обществом как целостной системой.

По существу идет речь о трех Императивах – Экологическом, Экономическом и Социальном, которые должны находиться непрерывно в единстве. На основе этих императивов и требуемых принципов должна быть построена глобальная Социально-экономическая модель Цивилизаций устойчивого развития.

Таковы вкратце тезисы о трех основных факторах устойчивого развития, чей развернутый анализ которых дан в моей книге „Основные идеи и принципы национальной стратегии устойчивого развития Р. Болгария“, София, 2005 г.

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н.А. Лазаревич

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Вступив в XXI век, человечество столкнулось с целым рядом сложных проблем, обусловленных, с одной стороны, противоречиями между обществом и природой, с другой стороны, политическими, экономическими, культурными противоречиями, как внутри государств, так и в их взаимоотношениях друг с другом.

Многие изменения в современном мире связаны с глобализацией – объективным процессом превращения экономик отдельных стран из относительно замкнутых систем в элементы единого мирового хозяйства. В основе глобализации лежит международное разделение труда и связанные с ним экономические, политические и другие отношения между государствами, предприятиями, фирмами, объединяющие национальные экономики, создающие единый мировой рынок и его инфраструктуру. Сегодня мировая экономика предстает не в виде простой суммы национальных хозяйств, а в виде реально существующей геоэкономики, то есть целостной экономической системы с наличием наряду с национальными государствами новых субъектов – транснациональных корпораций, международных (межнациональных) компаний, их союзов, региональных группировок, международных организаций.

Мировая экономическая интеграция, к сожалению, не избавляет человечество от ряда глобальных проблем, дестабилизирующих основы устойчивого развития современного общества. С общецивилизационной точки зрения под устойчивым развитием следует понимать глобально управляемое развитие всего мирового сообщества с целью сохранения биосферы и существования человечества, его непрерывного развития. Эта

проблема находится в центре внимания влиятельных международных форумов, ставящих своей целью информирование общественности о масштабах и характере катастрофических изменений на планете, о реальных экологических угрозах, источниках нестабильности и противоречий в международном сообществе, нарастающей неравномерности мирового хозяйственно-экономического и культурного развития, чреватой новыми конфликтами и даже военными столкновениями. Перед человечеством и, в первую очередь, перед политическими лидерами стран и регионов, они ставят задачу создания международных координационных центров, правовых и политических норм, общественных институтов и объединений, которые могли бы реально инициировать и контролировать переход современной цивилизации к новому типу социальной динамики в целях создания сбалансированного, равноправного мирового сообщества, рационально и эффективно решающего глобальные проблемы.

Первым подобным форумом явилась Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию 1987 года, которая, проанализировав причины экологического кризиса в мире, в качестве путей их устранения указала на необходимость выработки модели устойчивого социально-экономического развития. Такое развитие, которое бы удовлетворяло потребности настоящего времени, но не ставило под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Данный подход включает в себя два ключевых понятия: понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета; понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды восстанавливаться. При этом подчеркивалось, что социальные системы, которые выходят за пределы данных ограничений, становятся неустойчивыми и способными перейти в качественно иное состояние. В данном случае подчеркивается необходимость соотнесения потребностей с той возможностью удовлетворения их, которую может дать биосфера без изменения ее устойчивого равновесия.

Эти проблемы достаточно полно обозначены на конференции в 1992 году в Рио-де-Жанейро по вопросам окружающей среды, в котором принимали участие представители почти из 180 стран мира. В частности, в докладе Генерального секретаря конференции ООН по окружающей среде и развитию М.Стронга на этом форуме неоднократно подчеркивалось, что преобладание прироста населения в развивающихся странах и экономического роста в промышленно развитых странах усиливается, создавая дисбаланс, который характеризуется неустойчивостью: как в экологическом, так и в экономическом плане: «С 1972 года население мира увеличилось на 1,7 миллиарда человек, что эквивалентно всему населению планеты в начале века. За тот же двадцатилетний период мировой совокупный общественный продукт возрос на 20 триллионов долларов. Но только 15 процентов этого прироста пришлось на долю развивающихся стран. Более же 70 процентов досталось и без того уже богатым странам. Эта сторона проблемы – свидетельство того, что каждый ребенок, родившийся в стране развитой части мира, потребляет в 20-30 раз больше ресурсов планеты, чем ребенок в стране «третьего мира» [1, 50]. Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, которые в одинаковой мере угрожают и бедным. «Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления, отмечает М.Стронг, не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху» [1, 49].

Поддержание устойчивого соотношения между социальной структурой и благосостоянием человечества, с одной стороны, и природными процессами, с другой, - именно такое значение закрепилось за английским термином «sustainable development» после конфе-

ренции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. По мнению некоторых экспертов, перевод этого английского термина на русский язык как «устойчивое развитие» не совсем корректен. Более точным по смыслу и содержанию будет перевод «поддерживаемое развитие», т.к. главное состояло в том, что после саммита в Рио-де-Жанейро стало ясно, что наша технократическая цивилизация вплотную подошла к «запретной черте» и с нарастающей скоростью движется к катастрофе. Экономическая модель, по которой страны мира развивались в течение тысячелетий, Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию была признана неприемлемой, ставящей под угрозу само существование жизни на Земле. Многочисленные исследования и расчеты показывают, что, если существующие тенденции развития не претерпят кардинального изменения, то коллапс неизбежен и наступит он не позднее середины XXI века. «Если сегодня не принять специальных мер, не изменить качественно характер нашей цивилизации, т.е. системы ценностей, которые определяют деятельность людей, их стремлений, то теряющая стабильность биосфера способна перейти в состояние, непригодное для существования человека» [2, 132].

С этого времени экологические приоритеты социальной динамики становятся неперенным компонентом любой национальной стратегии развития, основанием для определения целей и направлений как внутренней, так и внешней политики. Параметры, отражающие степень экологизации производства и качество природных экосистем, становятся обязательными компонентами различных индексов развития, оценивающих объективный научно-технический, социально-экономический и политический потенциал общества.

Спустя десять лет Всемирный Саммит в Йоханнесбурге (2002 г.) подтвердил, что мировое сообщество продолжает двигаться по сценарию неустойчивого развития. И если воплощение идеи устойчивости, или стабильного социально-экономического развития, не разрушающего природной среды и ориентированного на нужды нынешнего и будущего поколений, может произойти при всех благоприятствующих условиях в достаточно отдаленной перспективе, то сам переход к устойчивому развитию должен происходить в текущем XXI веке, в его первой половине. На данном форуме был сделан решающий шаг на пути разработки международного стандарта ООН по устойчивому развитию, который должен стать реальным ориентиром на пути создания механизмов управления миром, стимулирующих его переход к сбалансированному и экологически безопасному состоянию.

В данном контексте перед каждой страной встает проблема создания эффективных социальных механизмов и технологий, способных радикально изменить скомпрометировавшие себя стратегии количественного роста. Речь идет о ряде ключевых требований к направлению, механизмам и формам, а также качеству развития. Во-первых, оно должно быть сбалансированным, учитывать не только ресурсные параметры, материально-технические и экономические факторы роста, но также социально-политические и ценностно-мировоззренческие составляющие социальной динамики. Современный цивилизационный процесс представляет собой взаимозависимое и многоаспектное развитие, в котором прогрессивные изменения одного региона имеют смысл только в том случае, если им соответствуют прогрессивные изменения в других. Динамика мировой системы как целого должна отвечать потребностям ее различных частей. Качественная трансформация материальных и идеологических подсистем общества должна быть согласованной. Поливариантность развития рассматривается сегодня как важнейшее условие устойчивости мировой цивилизации.

Во-вторых, устойчивое развитие предполагает не количественный рост материальных, финансовых, демографических и информационных ресурсов, не пространственно-структурную экспансию человечества в биосферу, а переход к новому качеству роста. Это означает ориентацию развития на коэволюционный идеал отношений человечества с при-

родным миром Земли и космическим окружением планеты. Рациональное природопользование должно опираться на научные знания о закономерностях функционирования и эволюции биосферы, основываться на научно обоснованных моделях управления биосферными процессами. Экологическая составляющая «качественного» развития предполагает создание на основе современной науки механизмов и технологий искусственного поддержания равновесия в экосистемах Земли, обеспечения прогрессивного развития биосферы, поскольку количество антропогенных экосистем будет неизбежно нарастать, а естественные будут продолжать деградировать.

В-третьих, устойчивое развитие предполагает создание условий для справедливого распределения мирового ресурсного потенциала между процветающими и бедными странами для преодоления разрыва в уровне дохода между различными слоями населения и повышения качества жизни. Однако речь не идет о простом перераспределении доходов, или о наращивании объема «гуманитарной помощи» народам «третьего мира». Предполагается, что удовлетворение основных потребностей населения развивающихся стран будет осуществляться за счет внедрения новых, постиндустриальных технологий, финансовое обеспечение которых станет возможным благодаря рациональному потреблению и оптимизации развития богатых стран Запада. Все это требует скоординированных действий всего мирового сообщества и выработки соответствующих программ человеческой жизнедеятельности.

Приверженность мирового сообщества идее устойчивого развития обязывает все страны взять на себя «коллективную ответственность за усиление и упрочение взаимосвязанных и поддерживающих друг друга основ устойчивого развития – экономического развития, социального развития и охраны окружающей среды – на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях» [3, 72]. При этом каждой стране необходимо соблюдать целый ряд принципов, реализовать определенные императивы и учитывать индикаторы, установленные Организацией Объединенных Наций по характеристикам социальной сферы, экономики, экологии в их взаимодействии.

Республика Беларусь вошла в XXI век с открытой и ориентированной на экспорт экономикой. Около 60% ее валового внутреннего продукта (ВВП) органично связано с внешними рынками, что определяет высокую зависимость страны от мировых тенденций экономического развития. Впервые Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь была разработана в 1997 г. Она основывалась на идейных принципах и методологических подходах «Повестки дня на XXI век», определенных Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.).

В 2004 году принят новый вариант Стратегии устойчивого развития Беларуси на период до 2020 года. Этот документ призван учесть изменения, произошедшие в стране и мире за последние годы, а также важнейшие программные документы, принятые в Республике Беларусь, новые международные соглашения, в том числе Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятую 8 сентября 2000 г., Политическую декларацию и План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (сентябрь 2002 г.).

Реализация Стратегии устойчивого развития Беларуси предполагает два этапа. **Первый этап (до 2010 г.)**. На этом этапе должно быть завершено создание необходимой законодательно-правовой базы устойчивого развития, заложены основы для формирования новой модели белорусской экономики, обеспечивающей эффективное воспроизводство благ и услуг, обладающей потенциалом долгосрочного динамичного роста. Приоритетными направлениями в этот период должны стать:

- развитие человеческого потенциала на основе совершенствования систем образования, здравоохранения, жилищного строительства и других отраслей сферы услуг;
- инновационное развитие национальной экономики;

- наращивание экспортного потенциала на основе повышения уровня конкурентоспособности, технологического перевооружения производства, внедрения наукоемких, ресурсосберегающих, экологически чистых производств;

- развитие агропромышленного комплекса и социальное возрождение села.

Второй этап (2011–2020 гг.). Основная задача здесь связана с тем, чтобы перенести акценты в приоритетах человеческих ценностей с материально-вещественных на духовно-нравственные. На этом этапе будут формироваться основы нового постиндустриального информационного общества с новым технологическим базисом, обеспечивающим переход к ресурсосберегающему типу воспроизводства.

Таким образом, экономическое и экологическое благополучие мировой цивилизации при устойчивом развитии должно опираться не столько на увеличение объема ресурсных циклов, сколько на интенсификацию духовной, интеллектуальной составляющей общественного бытия, переориентацию социально значимых ценностей на духовно-интеллектуальные формы.

Концепция устойчивого развития, провозглашающая программу эволюционного перехода мирового сообщества к стабильному и сбалансированному развитию с учетом не только задач socioэкономического развития, но и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала планеты, по праву претендует сегодня на то, чтобы она рассматривалась и оценивалась как реальная конструктивная альтернатива техногенным стратегиям развития. Многие страны предприняли шаги к улучшению состояния окружающей среды. Они приняли ряд основных природоохранных законов, расширили сферу применения старых экономических расчетов инструментов в экологической политике, создали предпосылки социального контроля за состоянием природы, мобилизовали внутренние и внешние ресурсы для инвестирования в охрану окружающей среды. Однако процесс улучшения состояния окружающей среды может обратиться вспять, если национальные сообщества ограничатся предпринятыми мерами, а со стороны государств не будет проявлено достаточно внимания включению экологической политики в ранг стратегии безопасного развития.

Путь человечества в будущее должен быть сопряжен с сохранением и улучшением среды обитания людей, ликвидацией самых разных форм социального и культурного неравенства. Продуктивное решение этой задачи возможно лишь на основе международных соглашений при растущей роли ООН и правительств всех государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наше общее будущее // Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). - М.: Прогресс, 1989. - 57с.
2. Моисеев, Н.Н. Идеи Вернадского и проблема Sustainable Development / Н.Н. Моисеев // С мыслями о будущем России. - М., 1997.
3. Моисеев, Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. - М.: Устойчивый мир, 2001. - 198 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ

Вальдас Прускус

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса

Глобализация – это процесс, который поощряет распространение научно-технических достижений по всему миру. В этом смысле ее можно назвать своеобразной формой ортодоксии, которая охватывает все сферы жизни. Однако чуть ли не самое отчетливое влияние глобализация оказывает на две важнейшие области человеческой деятельности – экономику и культуру. Правда, воздействие глобализации на упомянутые области неодинаково.

Кажется, что экономика не так ранима, как культура. Дело в том, что взгляд на экономику как на определенную систему мышления основывается на модели экономического поведения индивида, которая обуславливается отношениями, возникшими на рынке между отдельными участниками сделки. Парадигма экономического мышления основана на мотиве рациональной деятельности индивида, стремящегося к большей прибыли. Этим мотивом отмечены все старания отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом [1].

Тогда как на арене культуры такой всеобщей цели нет. Культура (и ее ценности) по-разному понимают и рассматривают представители разных наук (культурологи, социологи, философы и др.). Нет единого взгляда на то, каковы основные мотивы культурного действия и источники, что поощряет создавать ценности культуры (продукты). Поэтому неудивительно, что влияние глобализации на культуру гораздо заметнее. С другой стороны, нужно заметить, что именно культура является тем, что более слабые (экономически) страны стараются преподнести миру. Более сильные обычно представляемы своими экономическими достижениями. Поэтому на навязываемые глобализацией универсальные правила, которые стали бы предпосылкой не только всеобщего распространения рынка, но и создания стандартов соответствующего культурного поведения, подходящих для представителей всех культур, смотрят с особо большим недоверием. [5].

С другой стороны, это означает явную опасность потери национальной идентичности при все большем укоренении новых культурных предпочтений под знаком всеобщности. Новые культурные ценности и предоставляемые продукты и услуги культуры бросают явный вызов установившейся культурной стабильности общества. Следовательно начинают покушаться на его культурную безопасность, которая нередко очень выделяется закрытостью и корпоративной солидарностью. С другой стороны, это означает необходимость пытаться *понять и принять* новые возможности общения, сотрудничества и взаимодействия с представителями других культур, воспитывать в себе дух гостеприимства. А это не легко и не просто. Однако необходимо стараться понять, распознать и определить особенности ценностных ориентаций и возможности взаимодействия с представителями других культур. Несмотря на напряженность и трудности, которые объективны, возможности перенятия ценностей культуры для всех народов более или менее одинаковы. Другое дело – их желание и проявляемые усилия. Куда сложнее обстоит дело с возможностями в сфере экономики, поскольку неравенство возможностей здесь особенно отчетливо и продолжает увеличиваться.

Вне сомнения – глобализация является серьезным вызовом и экономике национальных государств. Информационная революция дает возможность быстрой передачи технологий производства продукции от одной страны другой, влиять на изменение экономических структур, рабочей силы и миграцию капитала и через это способствовать процессам глобализации экономики. [6].

Очевидно и то, что это способствует ослаблению роли национальных государств, их влияние на развитие экономики. И хотя миру это идет на пользу, однако эта польза отмечена знаком «ограниченности»: общество становится более продуктивным и эффективным, так как появляются возможности воспользоваться новейшими технологиями производства и управления в стремлении ко всеобщему благосостоянию и безопасности. Но ясно и то, что общества, становясь безопаснее, не делают справедливее. [2].

Правда, возрастает большее доверие к частной инициативе, чем к коллективной, благосклоннее смотрят на уменьшение государственных функций регулирования, все чаще высказываются за приватизацию. Однако в этом процессе есть свои выигравшие и проигравшие. Это означает, что существующее неравенство в сфере экономики, обусловленное конкретными обстоятельствами исторического развития и формами экономической жизни, сохраняется и далее. Более того, реальность экономического развития такова, что разрыв между бедными и богатыми странами

возрастает. Такой факт вызывает дискуссии, в самом ли деле глобализация предоставляет всем народам одинаковые возможности экономического развития и из-за нее неизбежно увеличивается национальный продукт. Итак, нет единодушного мнения насчет того, благо или зло глобализация; увеличивает она разрыв между развитыми странами и развивающимися или уменьшает, увеличивается ли бедность при процессах глобализации или наоборот.

Глобалисты утверждают, что в процессе глобализации неравенство среди стран уменьшается. В качестве доказательства приводятся и такие широко применяемые показатели, как рост ВВП на одного жителя и рост годовых доходов одного жителя. [7]

Антиглобалисты возражают: так поступать нельзя, потому что страны разного размера. Например, Китай и Саудовская Аравия. Жителей в Китае больше, а потому и относительно выше рост ВВП, т.е. в Китае создается больше продуктов, чем в Саудовской Аравии, однако и жителей больше, поэтому и произведенного продукта на одного жителя приходится меньше чем в Саудовской Аравии. Значит применение такого критерия как ВВП на одного жителя не годится.

Во-вторых, доходы, приходящиеся на одного жителя, также не могут быть критерием роста, потому что различна покупательная способность денежной единицы. Например, что купишь за юань и за фунт стерлингов? Очевидно, что их покупательная способность будет сильно различаться. Следовательно, для сравнения доходов на душу населения необходим сложный пересчет покупательной способности денежной единицы по сравнению с другими валютами. Кроме того, не нужно забывать, что одни страны вычисляют рост ВВП давно, а другие начали делать это еще сравнительно недавно. Потому трудно установить тенденции роста ВВП и их закономерности.

Нет единого взгляда и на рост бедности. По утверждению глобалистов, бедность при глобализации хозяйства снижается. (20 лет назад бедные в мире составляли 30 проц. всего населения, теперь – ок. 20 проц.)

Антиглобалисты, также основываясь на статистике, доказывают будто бедность в мире не уменьшается: богатые развитые страны и дальше богатеют, а бедные тоже все более нищают. Более того – разрыв меж ними увеличивается. (в 2006 г., по данным Юнеско, 25% населения бедных стран мира имели доходы 10% от среднего значения доходов населения развитых стран.)

Также увеличивается неравенство среди населения стран. Возьмем к примеру хотя бы Словению и Саудовскую Аравию: в обеих странах приблизительно одинаковые доходы на душу населения. Однако неравенство более явное в С.Аравии, где налицо большее расслоение, чем в Словении.

Нужно отметить, что при установлении степени бедности (богатства) определяющее значение имеют выбранные критерии. Как показывает опыт, в странах применяются различные параметры бедности. Другими словами, в «корзину бедности» складывают разные вещи. Возьмем хоть бы и границу бедности в США и Литве – доходы на душу населения в год. Справедливости ради надо признать, что в абсолютном выражении бедность в мире все же уменьшается.

Существуют два существенно различных взгляда на глобализацию, ее последствия и свои критерии измерения ее последствий. Обе имеют право на существование, тем более, что это помогает лучше понять само явление глобализации и выявить проблемы, связанные с неравенством и бедностью. Создаются все новые инструменты измерения указанных явлений. Правда и то, что их использование дает различные результаты.

Несмотря на это, неоспоримы позитивные действия глобализации, поощряющие развитие экономических сил, заставляющие использовать все имеющиеся возможности, оказывающие заметное влияние на стиль жизни. [9].

Появляется все больше возможностей пользоваться не только материальными товарами и услугами, отмеченными знаком всеобщности (например, джинсы, кока-кола и пр.), но и ценностями культуры (сыскавшими известность в мире кино-фильмами, произведениями литературы и т.д.) Это оказывает влияние, с одной стороны, на изменение понимания в целом самого функционирования экономики и экономического поведения индивидов, а с другой стороны – культурного поведения и роли культуры в жизни общества (приемлемости культурных ценностей). Следовательно можно утверждать, что глобализация:

- Способствует распространению экономических и культурных ценностей (упраздняет границы) и через это создает новые возможности индивиду и обществу.

- Требуется их обсорбции, усвоения, и таким образом превращает их в «работающие ценности». Другими словами, обосновывает ими необходимость удовлетворения материальных и нематериальных потребностей человека.

Вероятно, что именно из-за их усвоения будет создано новое качество социальной, политической и культурной жизни. А это в свою очередь повлияет не только на дальнейший экономический рост, но и на возникновение новых парадигм общественного развития, инкорпорирующих экономические, социальные, политические, экологические и культурные действия в единое целое. [8]

Упомянутые факторы станут решающими и при установлении требований пригодности для общества осуществляемых экономических, социальных и культурных проектов, которые в свою очередь стали бы и критериями демократизации общества, его стабильности и поддержания.

Таковыми критериями могли бы быть:

- поддержание баланса между стремлениями экономического благосостояния и удовлетворением духовных культурных потребностей общества (т.е. в каком объеме учитывается в реализуемых проектах соотношение материальных и нематериальных благ);

- принятие во внимание внутренних отношений поколений в отношении справедливости среди отдельных социальных групп, поколений (не создаются ли искусственные препятствия для проявления в определенных сферах деятельности, и все ли, невзирая на социальное положение, пол, национальность т.д. обладают равными правами и возможностями заняться той деятельностью, которой хотели бы);

- помощь и поддержка разнообразия в экономике, культуре и других областях человеческой деятельности,

- существование механизмов, которые бы защитили от безответственных и неосмотрительных действий властей и экономических структур (т.е. насколько общество подготовлено к неожиданностям – экономическим, экологическим потрясениям и т.п.).

- поддержка культурных систем и признание их независимости, а также значения для экономического развития (т.е. насколько поддерживается в обществе равномерное развитие разных форм культуры, не выделяя ни одной как особенной, созданы ли условия и в какой степени, для самовыражения их создателей, как обеспечивается независимость этих культурных систем (экономическая, социальная, идеологическая и т.д.)

Последнее особенно важно для сохранения культурных «экосистем», так как известно, что реальная экономика этому уделяет значительно меньше внимания, чем сохранению естественных экосистем. Это связано с тем, что естественные природные ресурсы - основной источник экономического производства.

С другой стороны, очевидно и то, что отрицание культурного и человеческого капитала, недостаточная оценка его важности может реально угрожать и самой судьбе натурального капитала: при попущении безоглядному истощению природных ресурсов в конце концов имеется риск их потери как важных производственных ресурсов, что неизбежно повлияет и на экономическое развитие. [3].

Итак, глобализация не только актуализирует необходимость взаимодействия экономики и культуры в достижении экономического благосостояния, но и бросает вызовы народам, культурам и обществам. [4] Вызовы, на которые простых ответов нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Axford B., 2001. The Global System: Economics, politics and culture, Cambridge: Polity Press.
2. Barro R.J., 2001. Economics Growth, New York: McGraw-Hill.
3. Griffin K., 2003. Studies in Globalization and Economic Transitions, London: Macmillan.
4. Held D., 2004. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Cambridge: Polity Press.
5. Hostède G., 2001. Culture's Consequences, London: Sage.
6. Hook S., 1997. Human values and economic policy. New York: McGraw-Hill.
7. Masusyma S., Vandenbrink D. and Yue Chia Siow (eds.), 1997. Industrial Policies in East Asia, Tokyo: Nomura Research Institute.
8. Paacock A. and Idle R. (eds), 2003. Cultural Economics and Cultural Politics, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
9. Rao C. (ed), 1998. Globalization, Privatization and Free Market Economy, Westport: Quorum Books.

Scientific interest fields: political, culture, religious and economical sociology, multicultural communication and management.

Main works in 2001 - 2005:

1. V. Pruskus. 2003. Business Ethics. Vilnius. – P. 386.
2. V. Pruskus. 2004. Values in a Market: Interaction and Choice. Vilnius. – 286 p.
3. V. Pruskus. 2004. Sociology. Theory and Practice. Vilnius. – P. 248.
4. V. Pruskus. 2001. Social Catholicism in Interwar Lithuania. Vilnius. – P. 392.
5. V. Pruskus. 2004. Multicultural Communication and Management. Vilnius. – P. 258.

СОЦИОЛОГИЯ КАТАСТРОФ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. Т. Кавецкий

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Выступая на XVI конгрессе Международной социологической ассоциации (г. Дурбан, 2006г.), ее президент П.Штопка выразил мысль, о том, что социальный мир в начале XXI века все больше становится единым, оставаясь расколотым, конфликтным, иерархичным и неравным. Он - одновременно и глобальная система, и расколотый мир с беспрецедентными возможностями большей справедливости и благосостояния для всех, и беспрецедентных угроз ядерной войны и экологической катастрофы.

Поляризация современного мира особенно видна при анализе деятельности транснациональных корпораций (ТНК). В течение последних десятилетий она становится все более глобальной: в 1950 г. дочерние предприятия имели только три из 315 крупнейших компаний мира, а в настоящее время их более 1/5 общемирового промышленного и сельскохозяйственного производства.

Вторым проводником глобализации являются международные банки, страховые компании и другие финансовые организации, способные оказывать давление на национальные государства.

Третьим аспектом глобализации являются торговые сети.

Четвертым фактором является компьютерное поле, наполненное новыми технологиями, в первую очередь Интернетом, и соответственно контролирующими информационные потоки.

Пятым ускорителем глобального развития являются социо-культурные изменения.

Шестой аспект глобализма геополитический, а конкретнее, превращение биополярного мира в однополярный.

Седьмой фактор – это зависимость бедного Юга от богатого Севера. Из 6 миллиардов населения земного шара лишь один «золотой», то есть преуспевающий.

Восьмой аспект – это сотрясающие наш мир угрозы и катастрофы, от локальных до вселенных.

Важное значение имеет типологизация катастроф. Академик Е.М.Бабосов, исходя из причинной вовлеченности общественных отношений и взаимодействий, выделяет пять типов катастроф: 1) природные (землетрясения, извержения вулканов, засухи); 2) экологические (гибель определенных видов экосистем); 3) технологические (аварии самолетов, поездов, космических кораблей, взрывы нефтепроводов); 4) социальные (войны, революции, контрреволюции, распад государств); 5) личностные (смерть близких людей, крах мировоззренческой ситуации, убийства). По масштабам действия катастрофы можно классифицировать как: 1) локальные, 2) региональные, 3) страновые, 4) глобальные. По характеру развертывания катастрофические процессы подразделяются на: 1) эволюционные, детерминированные спецификой динамики того или иного объекта (например, крах бывших социалистических режимов в странах Восточной Европы); 2) функциональные, возникающие в тех случаях, когда социальная система утрачивает деятельную соразмерность с кризисно изменяющимися внутренними и внешними условиями своего существования, что приводит к ее разложению и цивилизованному самоубийству (это и произошло с Римской империей и Советским Союзом).

Территория Беларуси, ее население в XX веке испытали большинство катаклизмов, представленных в вышеупомянутой типологизации, особенно острыми были социальные катастрофы: I мировая война (1914 – 1918 г. г.), революции (1905 – 1907 г. г., 1917 г.), Гражданская война (1918 – 1921 г. г.), раздел страны в 1921 году по Рижскому договору, сталинские репрессии (30-е – 50-е годы), Великая Отечественная война (1941-1945 годы), развал на глазах современников Советского Союза, дополненный глобальной катастрофой в Чернобыле.

Для Беларуси она обернулась подлинно национальным бедствием. Радиоактивное загрязнение охватило 23% территории республики, под мрачной тенью которого оказалось 2,1 млн. человек (около 20% населения), в том числе 800 тысяч детей. А экономический ущерб, нанесенный катастрофой, превысил 32 республиканских годовых бюджета 1985 года. За время, прошедшее после взрыва ядерного реактора, из радиационно-загрязненных районов переселено более 132 тыс. человек, что потребовало огромных материальных затрат, превысивших 5 млрд. долларов США. Главное же в том, что заболеваемость злокачественными образованиями (раком) возросла на 32%, в 3,1 раза увеличилось число инфарктов миокарда, в 3 раза – различных аномий, почти в 5 раз – болезней щитовидной железы у малышей. Катастрофа в Чернобыле по своему содержанию являлась комплексной радиэкологической, а по масштабам воздействия на окружающую среду – глобальной.

Среди некоторых объективных и субъективных причин распада СССР можно назвать следующие объективные причины.

- 1) Экономические.
- 2) Последствия войн и революций, гонки вооружения.
- 3) Неополитические, в первую очередь внутреннего характера.
- 4) Конфессиональные.

5) Языковые проблемы и др.

6) Территориальные притензии.

Субъективные причины:

1) Национальные проблемы.

2) Последствия культа личности И. В. Сталина.

3) Бытовой, уровень национализма.

4) Духовные предпосылки.

Анализируя духовное начало позднего советского общества, необходимо отметить, что социальная жизнь раскололась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил.

Таким образом глобализация – многогранный процесс с далеко идущими последствиями для жизни всех людей, налагающий ограничения и открывающий возможности для индивидуального и коллективного действия. Пространственная организация социальных отношений глубоко трансформирована, поскольку становятся более растяжимыми и интенсивнее взаимосвязанными. Создаются трансконтинентальные и трансрегиональные потоки и сети действий, обменов и властных отношений с серьезными последствиями для процессов принятия решений. Новые образцы иерархии и неравенства, включения и исключения пересекают национальные границы. Возникают новые проблемы социальной интеграции, глобального управления и демократической подотчетности, поскольку суверенная власть национальных государств эродирована, а их роль в мировой политике меняется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология, № 4, 2007

2. Социс, №9, 1999

ДИЛЕММЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Д.Д. Эйдукене

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Вильнюс, Литва

Третья волна демократии и проблема «отката»

В период с 1974 по 1990 г. по меньшей мере 30 стран осуществили переход к демократии, почти удвоив число демократических режимов в мире. Текущий этап демократических транзитов называют третьей волной демократизации в истории современного общества. Первая «длинная» волна демократизации началась в 1820-х с расширением избирательного права в США и завершилась в 1926 г., приведя к жизни 29 демократий. Однако в 1922 г. приход к власти в Италии Муссолини ознаменовал начало первого «отката», который в 1942 г. сократил число демократий в мире до 12. Победа союзников во Второй мировой войне запусти-

ла вторую волну демократизации, когда к 1962 г. в мире насчитывалось 36 демократических государств. Затем последовал второй откат (1960-1975), в результате которого число демократий уменьшилось до 30 [1, с. 12].

В связи с этим возникает вопрос: последует ли после завершения третьей волны демократии значительный третий откат, способный уничтожить многие демократические достижения? Трудно достоверно ответить на этот вопрос. Тем не менее, можно определить ряд факторов, которые могут повлиять на будущее распространение либо ограничение демократии в мире. Можно также обозначить вопросы, которые кажутся наиболее важными для будущего демократизации.

Избегая эмпирики, ответы на эти вопросы необходимо давать, фокусируя проблему не на самом процессе глобальной демократизации как таковой, а на странах постсоветского пространства. На этом пространстве мы ограничимся четырьмя факторами:

1. Эффективность демократических институтов и потенциал гражданского общества;
2. Недостаточная укорененность демократических ценностей среди основных групп элиты, а также широкой общественности;
3. Существование социального вопроса и как следствие этого социальная и политическая поляризация общества;
4. Неожиданные и еще недостаточно опознанные стороны демократии;
5. Унификация и стандартизация процессов демократизации.

Эффективность демократических институтов и потенциал гражданского общества

На вопрос что делать, чтобы демократические институты действовали эффективно, чтобы власть исполняла волю граждан, а не стремилась к выгоде от государства и не прикрывалась «плохими законами», теория политики предъясняет два варианта ответа. Первый – действенность демократии зависит от должных институционных границ. Соответственно, действия политиков и управленцев зависит от качества их ограничивающих и обязывающих законов. Второй – действенность демократии зависит от общества, т. е. от ценностей, норм и организованности [2, с. 28-30].

Практика политической жизни постсоветского пространства во многом демонстрирует слабость действий демократических институтов. Эту слабость определяет, во-первых, «скопированные с Запада законы». Юридические принципы «не выкристаллизовываются из собственных начал взаимодействия общества и культуры, а перенимаются готовыми, как протезы», но и их, говоря словами литовского философа Арунаса Свердиоласа [3, с. 45], нет на что «нацепить», потому что нет каркаса – позвоночника и ребер. Такое неестественное конституционное устройство просто не в силах формировать и ограничивать поведение политиков и управленцев и неспособно оказывать качественное влияние на процессы политической жизни.

Кроме собственной социальной практики еще необходимо общество, которое само было бы способно создавать демократическое государство. Речь идет о гражданском обществе, которое сумело бы контролировать власть и желало бы действовать во имя общего блага, и не отдавала всех функций государству. Потенциал такого общества существует, но не обходимо помочь ему развиваться. А для этого нужно распознать живучие ростки гражданского общества.

Недостаточная укорененность демократических ценностей среди основных групп элиты, а также широкой общественности

Демократизация – внутренне противоречивый процесс, в ходе которого демократия либо привнесется в социум, который может быть к ней не готов, либо становится самоцелью, разрушающей либеральный конституционализм гражданского общества. В обоих случаях речь идет о недостаточной укорененности демократических ценностей в обществе.

В Литве общепризнанно, что существует большой отрыв между гражданами и государством. Это одна из самых актуальных проблем на пути демократизации. Жители разочарованы политической властью и политическим сообществом. Общественное недоверие к власти в его разнообразных проявлениях является необходимой составляющей демократического процесса. В то же время без политической поддержки демократизация невозможна. Здесь можно обнаружить определенный парадокс: две стороны общества, а точнее их разрыв «они-власть» и «мы-граждане» в Литве не способствует, как часто бывает процессам демократизации; а на оборот, мешает им.

Социологические опросы, проведенные в Литве в последнее время, демонстрируют спад патриотизма. С одной стороны, это можно объяснить как следствие смены поколений, с другой – как разочарование в деятельности властных институций, поведением политиков, их коррумпированностью, недобросовестностью, некомпетентностью и укorenившимся отчуждением в обществе. Кроме этого, литовскому обществу характерен низкий уровень социального доверия, толерантности и солидарности [4, с. 220, 226]. Социально отчужденное общество неспособно контролировать власть и объединиться для общественных действий, направленных для удовлетворения общих интересов. Следствие этого – зависимость от властей. В целом это все является помехой для формирования ценностных основ демократической гражданственности.

Немаловажным представляется способность граждан к восприятию и использованию демократических ценностей для улучшения своей жизни. Положительное отношение к демократии зависит от исторических особенностей каждой страны, выражающихся в политической культуре, религии, национальных традициях. В странах, где граждане не воспринимают демократические ценности в качестве основополагающих в своей жизни, вряд ли можно рассчитывать на формирование демократического политического режима. Власть становится демократической лишь при условии ее подконтрольности. Если же общество не предпринимает никаких шагов для создания такой системы, то государственная власть будет игнорировать демократические процедуры.

Существование социального вопроса и как следствие этого, социальная и политическая поляризация общества

Сегодня также вопрос минимизации социального неравенства в его политических проявлениях вышел на авансцену общественно-политической жизни многих стран мира. Но в странах «молодой демократии» обнаружилось неравенства, во многом свойственны только им. Их не знают страны «старой демократии». Это – неравенство в политике, политическая бедность, проблема «новых бедных», «культура неравенства», «избыточное» неравенство [5, с. 125-130].

Она имеет свое существование во времени и не является случайным или временным явлением. О «культуре неравенства» можно говорить уже как о сложившейся определенной традиции и даже как о составной части общей культуры общества. Она имеет социально-политические корни и, проникая в политическое пространство, разрушает солидарность; культивирует в обществе атмосферу, которая подрывает устои социальной справедливости и общего блага; разрушает нравственные основы общественного единения. Таким образом, высокий уровень неравенства подрывает социальный капитал общества, то есть общественный ресурс взаимного доверия и взаимопомощи, который поддерживает в социуме солидарные связи. На этом фоне усиливаются тенденции к корпоративизации гражданства, которую можно считать одним из проявлений «культуры неравенства», разрушающую фундамент гражданского единения общества по той простой причине, что она атомизирует гражданскую солидарность, растаскивая ее. Для современной элиты

Литвы характерно бежать от общества и закрыться в узком кругу. Социально ущемленные слои и группы, испытывающие тяготы и лишения, не проявляют рвения к объединению с теми преуспевающими олигархическими группами.

Ужасает тот факт, что существует опасность стать «культурой неравенства» обязательной составной частью общей культуры общества. Во-первых, нищета в Литве уже стала наследственным объектом, передающимся из поколения в поколение, а, говоря словами директора Департамента статистики А. Шеметы, «в Литве унаследование нищеты является частым явлением» [6, с. 2]. Более того, появились «новые бедные». Это не бомжи и не представители низкой квалификации. К ним могут быть причислены учителя, врачи, преподаватели, а также граждане, не сумевшие стать преуспевающими. Поглощенные повседневными заботами о своем выживании, они лишены времени и возможности полноценно участвовать в гражданской деятельности и не могут добиться их включения в политическую повестку дня. Исключение такой большой части сильного интеллекта из поля политики, гражданского общества во многом объясняет и причины бедности самой политики, и причины бедности политической элиты, и указывает на еще не задействованную потенциальную силу гражданского общества.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для Литвы актуальна проблема «социального гражданства», требующая такой публичной политики, которая тесно увязывала проблемы свободы и равенства. Тем более, что ценности демократии и социального благополучия общества органически связаны. Иными словами, «социальное гражданство» должно обеспечить прочное приобщение граждан к демократическому государству, реализующему справедливую социальную политику, не допускающую противостояния граждан в результате неконтролируемого роста социального неравенства [7]. Но для этого необходимы амортизаторы социальной политической бедности, которые в Литве отсутствуют, поскольку гражданское общество слабо развито. Рост «политической бедности» приводит к тому, что функция принятия политических решений выводит из-под контроля общества и концентрируется в узком кругу правящей элиты. В результате кризис демократии углубляется.

В ситуации политического неравенства человек теряет реальную возможность воплотить интересы своего бытия, поскольку их воплощение находится в прямой зависимости с объемом личного капитала, который и становится настоящей реальностью свободы [5, 169-174]. Люди не видят возможности воплотить интересы своего бытия – кризис «молодой демократии» усиливает еще и синдром отсутствия необходимой гражданской сплоченности. Об этом свидетельствует и опросы жителей Литвы, которые считают гражданские инициативы «скучным и пустым занятием» [4, с. 35] (45 проц. респондентов).

Необходимо отметить, что неравенство в политике, как в других сферах общественной жизни, в полной мере неустранимо, так как его истоки, в конечном счете, восходят к естественным различиям природных задатков и способностей людей. Рыночная экономика представляет собой благоприятную среду для трансформации этих различий в социальное и политическое неравенство. Как отмечает Р. Даль, рынок «способствует проявлению неравенства» [8, с. 13].

В каких-то пределах, не подрывающих циркуляцию политической элиты, неравенство в политике даже играет позитивную роль, способствуя селекции и состоятельности субъектов политического процесса, выражающих плюрализм интересов и стремлений различных общественных слоев и групп. Однако существуют границы, за которыми социальное неравенство наносит обществу ущерб, в том числе и в политическом пространстве. Речь идет об «избыточном неравенстве», обусловленном низкими доходами тех слоев

населения, которые не оказывают существенного влияния на макроэкономические изменения. Иными словами, «избыточное неравенство» — это часть общего неравенства, обусловленная бедностью. Как показал опрос по качеству жизни, произведенный в 28 Европейских странах, Литва занимает одно из пяти последних мест среди самых бедных государств Европы [9], где почти каждый третий взрослый человек не может свести концы с концами. Число людей, живущих ниже относительного уровня нищеты, постоянно растет. В 2005 г. ниже этого уровня (который составляет 363 лита в месяц) жили около 577 тысяч людей. На 25 тысяч больше чем в 2004 г. Социальная дифференциация между богатыми и нищими выросла в 8,4 раза [10, с. 10].

Неожиданные и еще недостаточно опознанные и изученные стороны демократии

Феномен демократии уже сегодня наполнен смыслом будущего. Потому, говоря словами американского политолога Джона Дьюна, «необходимо снова и снова изучать саму идею, сам смысл демократии. Демократию надо постоянно открывать и переоткрывать заново... Если демократия не движется вперед, если пытается остаться неизменной, она вступает на путь регресса, ведущий к ее угасанию» [11, с. 23].

Попытки прочесть новые знаки современной демократии делает американский политолог Фарид Закария. Он заявляет, что пришла пора признать, что прогресс свободы сегодня не тождественен успехам демократии. «Исторический опыт свидетельствует, что наиболее быстро и гармонично развалились те общества, в которых не попирались права граждан, но и не ограничивались возможности для реализации их способностей. Сегодня демократия не может обеспечить такой гармонии. Демократизация ведет к предпочтению известности — славе, богатства — справедливости, заискивания перед невежеством — поиску истины, пресмыкания перед посредственностью — возвышению над толпой. Лидеры все чаще прибегают к тому, чтобы не убеждать общество в своей правоте, а манипулировать им, проникаясь психологией большинства и незаметно для себя перенимая не только его способ мышления, но и меру его невежества» [12, с. 283].

Закария говорит о существовании нового феномена демократии. Режимы, «в которых перемешаны выборность и авторитаризм», он называет «нелиберальными демократиями» [Там же, с. 89]. Согласно подсчетам экспертов, на которых ссылается Закария, число таких нелиберальных демократий на протяжении последних пятнадцати лет выросло в несколько раз — с 22 процентов всех стран мира в 1990 г. до почти 50 процентов в конце десятилетия [Там же, с. 99]. Рассуждая о причинах становления нелиберальных демократий, американский политолог не пытается искать их в «культуре» того или иного народа, не ищет их и в авторитарных наклонностях отдельных правителей [Там же, с. 47-48]. Фундаментом нелиберальных демократий он считает структуру экономики соответствующих стран — как правило, основанную на сырьевом секторе. «Правительствам стран, располагающих изобилием ресурсами недр, богатство достается слишком легко... Они жируют... им не приходится решать куда более сложную задачу создания рамочного законодательства и институтов, способствующих процветанию всей нации» [Там же, с. 71]. Главные опасности, которые таит в себе нелиберальная демократия, состоят, с одной стороны, в том, что народ, видящий, как власти манипулируют его мнением, приходит к глубокому разочарованию в демократии как таковой [Там же, с. 284].

Унификация и стандартизация процессов демократизации

Эта проблема связана, во-первых, с демократизацией по образу западной либеральной демократии. Но наименее вероятной представляется в обозримом будущем

унификация и нивелирование форм этого процесса в различных цивилизационных ареалах. Оценка демократий на основе хрестоматийных моделей западной демократии является ошибочной, и речь следует вести о различных моделях демократии. Сегодня в странах «молодой демократии» понятия «либерализация» и «демократизация» произносятся как синонимы, не задумываясь, насколько обусловлена такая эквивалентность. Хотя на практике господствующей либеральной идеологии - свобода больше культивируется не в сторону расширения прав человека, сколько на рост потребностей капитала. Она ограничена экономической силой, т. е. размерами управляемого личного капитала. Таким образом, создается некоторое несоответствие между либерализмом декларируемых уже упомянутых принципов и идеологией свободы личности, которая ограничивается лишь провозглашением юридической, т. е. формальной свободы [13, с. 169-174]. Так что, сегодня уместно говорить не только о кризисе демократии, но и о кризисе идеологии. Френсис Фукуяма поспешил объявить о «завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [14].

С проблемой унификации и стандартизации процессов демократизации связано и политическое давление. Запада ускорить их «демократизацию». Результатом такого «ускорения» становится построение иллюзорной демократии, представляющей собою одну из наиболее опасных и порочных политических практик современности. Развитие демократии не должно, во-первых, предшествовать становлению основ гражданского общества и, во-вторых, подрывать этих основ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Huntington, Samuel P. „Democracy's Third Wave" in: Journal of Democracy, 1991, no 2.
2. Putnam, R. Kad demokratija veiktu: pilietinés tradicijos šiuolaikinėje Italijoje. (Iš anglų kalbos vertė J. Novagrockienė ir A. Ramonaitė). Vilnius: Margi raštai, 2001.
3. Sverdiolas A. Lėkštutė lėkštelė: keli dabartinės Lietuvos viešosios erdvės ypatumai. Vilnius: Versus aureus, 2006.
4. Žiliukaitė R., Ramonaitė A., Nevinskaitė L., Beresnevičiūtė V., Vinogradnaitė I. Neatrastagalija. Lietuvos pilietinės visuomenės žemėlapis, Vilnius: „Versus aureus“, 2006.
5. Читать подробнее: Д. Эйдукене. Старая новая проблема или вызовы и парадоксы нового времени / Nowoczesnosc. Spoleczenstwo obywatelskie w Europie Srodkowej i Wschodniej. Liublin: Wydawnictwo KUL. – 2007.
6. Skursta – per pusė milijono. In „15 min.“. Vilnius, 2006 gruodžio 12 d., antradienis.
7. См.: Democratic Equality: What Went Wrong? Ed. By E. Broadbent. Toronto, 2001.
8. R. Dahl. Toward Democracy. In: A journey. Vol. 1. Berkley, 1997.
9. По данным опроса людей, живущих в недостатке больше всех в Болгарии (58%), в Турции (47%), в Латвии (44%), в Румынии (40%), в Литве (34%). Доход в этих странах тоже самые низкие в Европе. См.: <http://www.eurofound. Eu.int/publications/files/EF04105EN.pdf>
10. N. Adomaitis. Gilėjanti praraja gresia politiniiais sukrėtimais. In „Verslo žinios“. Vilnius, 2006 04 25.
11. Цит. по: Э. Баталов. Глобальный кризис демократии? // «Свободная мысль – XXI». М., № 2.
12. Ф. Закария. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. Перевод с английского под редакцией В. Л. Иноземцева. - Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004.
13. Читать подробнее: Даля Эйдукене. Кризис современной демократии / Системная трансформация общества: исторический опыт и современность. Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. – Брест: издательство БрГУ. – 2006.
14. Ф. Фукуяма Конец истории? // <http://www.atredis.narod.ru/person/fukuyama.html>.

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

А.И. Сьтник

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

Под «модернизацией» на современном этапе развития социально-гуманитарных наук понимают совокупность разного рода экономических, политических, государственно-правовых, психологических, культурологических изменений и превращений конкретного общества в направлении его постоянного усовершенствования; приближения социальных и политических систем и их фрагментов к максимально возможному уровню развития.

В наиболее общем терминологическом плане модернизация понимается современной наукой как процесс приобретения менее развитыми обществами особенностей, характерных для более развитых обществ; направление в политической деятельности ряда стран. Наиболее плодотворно разработка концепций модернизации представлена в аспектах «социологии развития» [Т. Парсонс, Ш. Эйзенштадт, Д.Лернер и др.] и «политологии развития» [Г. Алмонд, С. Верба, С. Хантингтон и др.]

Современная социология развития исходит из того, что модернизация – это своеобразный комплекс совокупных общественно-исторических, государственно-правовых, морально-психологических и культурологических изменений, к которым относятся, с одной стороны, освобождение науки, искусства, школы от контроля религии и, с другой стороны, рост разделения труда и объёма промышленности в общесоциальном развитии.

Представители политического рассмотрения модернизации рассматривают её как часть общего процесса модернизации, когда превращения происходят во всех основных компонентах социальной системы, но выбор модернизационного развития начинается и совершенствуется именно в сфере политики.

Теория модернизации прошла несколько этапов своего развития. На первом этапе (50-60 гг. XX ст.) состоялся процесс зарождения и становления теории модернизации, разработка на её основе конкретно ориентированных моделей социально-политического развития.

На втором этапе развития теории модернизации произошла переоценка идей первого этапа, а также анализ просчётов, выявленных общественно-политической практикой. Было доведено, что модели экономического развития и политической институционализации выявились сами по себе, малоэффективными и не сработали практически нигде в том виде, как они были задуманы теоретиками.

Третий этап развития теории модернизации дал понимание необходимости учёта геополитических, социальных, культурных и других особенностей развития. Теории модернизации получают чётко выраженный социально-культурный характер.

Как показывает мировой опыт, моделирование модернизации как реального процесса происходит в двух основных измерениях: 1) спонтанно, через последовательное накопление предпосылок в определённых сферах общественной жизни; 2) сознательно, благодаря волевым усилиям влиятельных общественных групп или властвующих элит.

В современном понимании политическая модернизация означает:

1) комплекс научно-методологических средств, направленных на объяснение источника, характера и направлений политических изменений на исторической, современной и постсовременной стадиях общецивилизационного развития с

адекватным раскрытием на уровне отдельно взятых социумов всей совокупности взаимоотношений: государство – международная система; государство – гражданское общество; государство – личность, общество – личность, индивидуум – индивидуум;

2) практическое воплощение элементов рационализации власти и политической бюрократии путём соединения политических, экономических и духовных факторов социального развития; возрастание способности политической системы постоянно и успешно адаптироваться к новым образам социальных целей; дифференциацию политической структуры, ориентированную на создание эффективности институционально-ролевой системы.

Таким образом, комплексный характер политической модернизации связан с тем, что она не ограничивается политической сферой, а охватывает собой экономическую, социальную, правовую, культурно-духовную и другие сферы общественной жизни.

Наряду с понятием «политическая модернизация» в полемическом категориально-политическом поле происходит кристаллизация новых понятий, которые существенно дополняют и конкретизируют понятие «политическая модернизация». Попытка их систематизации может базироваться на выделении трёх родственных групп.

К первой следует отнести понятия, которые так или иначе дублируют уже рассмотренные нами или же тесно соотносятся с ними и раскрывают модернизацию как процесс. К этой группе следует отнести понятие «политическое развитие», которое рассматривается в политологии как процесс взаимодействия политических сил, в результате которого осуществляются изменения в политическом поведении, политической культуре, в самой политической системе общества.

Ко второй группе категорий принадлежат дихотомические понятия - оппозиции, которые объясняют механизм и характер осуществления модернизации. К наиболее важным следует отнести: «традиционное – современное общество», «стихийная – целенаправленная модернизация», «органическая – неорганическая модернизация».

Традиционное общество представляет собой социум, который тяготеет к статике.

Современное общество – это качественно новый тип социума, который стремится к социальной динамике.

Третью группу категорий, которые сопровождают базисные понятия модернизационной теории, составляют разнообразные научно-публицистические характеристики. К ним относятся «контрмодернизация», «антимодернизация», «псевдомодернизация» и другие.

Среди общих характеристик процесса политической модернизации важное место занимает рационализация и обеспечение эффективности власти. Для осуществления модернизации рационализация и эффективность власти стоят не меньше, чем её подконтрольность и ответственность перед обществом.

Характерной особенностью политической модернизации выступает также дифференциация политической структуры, которая предлагает формирование системы социально-экономических, политических и других институтов современного общества, направленных на обеспечение стабильности и социального порядка.

Сущностным признаком процесса модернизации считается структурное превращение политической системы, направленное на раскрытие всех её потенциальных возможностей, формирование политической структуры социального действия.

Важным признаком структурного изменения политической системы и модернизации общества является обеспечение широкого участия граждан в политической жизни. Последняя в большинстве демократических государств обеспечивает способность власти к мобилизации человеческих и материальных ресурсов для решения важных общественных задач.

Ещё одной составляющей изменения политической системы с традиционной в модернизированную выступает создание целостной системы политической социализации. Она должна быть направлена на обеспечение обратной связи личности с политической системой, на создание определённого количества ответственных социально-политических субъектов.

Объективной основой модернизации в современном мире является целостность человечества, взаимозависимость его отдельных частей.

Современное украинское общество стоит перед необходимостью формирования новых и синтеза существующих фрагментов постсовременности. Необходимо переосмыслить прошлое, глубоко осознать историческую правду со всеми её противоречиями и соотнести его с современностью. Это необходимо совершить с целью переориентации социально-исторического опыта в плоскость практической политики относительно функционирования гражданского общества на основе соединения целенаправленных и спонтанных двигателей общественного развития.

Гуманистическую альтернативу жестокости предыдущих эпох в условиях постсовременного развития Украины составляют: 1) отход от иррационализма, утопии в сторону признания суверенности и самоценности отдельной личности, рассмотрение возможностей моральной оценки социального выбора; 2) склонение весов мирового развития в пользу эволюционной парадигмы развития; 3) формирование и постоянное усовершенствование духовного потенциала общества, открытости последнего для постоянного диалога, поиска консенсуса.

Демократическое соединение политики и морали сегодня и в будущем должно ориентироваться на такие критерии: отрицание абсолютного характера истинности моральных убеждений; невозможность навязывания диктата субъективно-ценностного измерения политики.

В перспективе эмоциональной трансформации украинского общества на плюралистической основе возможно возникновение качественно нового, рационалистического, активистского сознания и соответствующих социально-политических позиций, способных рациональным образом влиять на структуру политического участия. К возможным направлениям данной ориентации можно отнести: 1) формирование гражданской позиции, что предполагает активные действия, направленные на помощь органам государственного управления в деле ликвидации негативных явлений; 2) умение различать конструктивно-консолидирующую роль подконтрольных электорату элит и деструктивно-активистскую направленность изменений демократической активности граждан; 3) интенсификацию гражданской ориентации индивидов, повышение меры заинтересованности их общественными делами, а также стимулирование желания придерживаться норм человеческого общежития; 4) переориентацию традиционно ориентированной культуры на «культуру участия», которая предполагает создание сложной модели поведения; 5) участие населения в политической жизни в рамках местных сообществ с целью решения конкретных проблем, непосредственно связанных с индивидуальными или семейными интересами; 6) гармоничное соединение мобилизованного и автономного участия, ориентированного на высокий уровень привлечения индивида в структуру социального взаимодействия ради создания механизации социального действия; 7) развитие права общественных интересов, которое предполагает деятельность, направленную на проведение правовой реформы, ликвидацию правовой неграмотности и оказание правовой помощи населению.

В условиях глобализации современного мира украинское общество постепенно переходит от этапа становления национальной государственности к этапу расширения зоны своей ответственности за пределами собственного социально-государственного пространства.

Исходя из необходимости для личности поиска гарантий в современном мире, определим основные задачи личности исходя из необходимости достижения гармонического бытия в условиях постсовременности:

1. Преодоление остатков внешней и внутренней несвободы.
2. Развитие индивидуально ориентированного образования, личной компетентности на всех уровнях и, особенно, в политической сфере.
3. Приоритет духовного (постматериального) начала перед материальным.
4. Формирование общественного мнения как возможности личностного влияния на развитие и совершенствование политической ситуации и общественно-политических отношений.
5. Развитие гражданской самодеятельности, суверенности личности.

Пронзительное развитие украинского общества характеризуется на современном этапе «кризисным синдромом модернизации». Это требует объединения представителей власти и всего общества вокруг жизненно важного задания – преодоления основных кризисов общественно-политического развития (идентичности, легитимности, участия, проникновения и распределения). Консолидация общества вокруг решения этой проблемы даст возможность вывести украинское общество из зоны неопределённости, обусловит ориентацию власти на поддержание социальных сил, заинтересованных в настоящей модернизации и готовых обеспечить осуществление социальных преобразований.

KOHABITACJA W SYSTEMIE POLITYCZNYM POLSKI

dr Agnieszka Konopelko¹

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Wprowadzenie

Kohabitacja, koabitacja (fr. *cohabitation* - współzamieszkiwanie) w polityce oznacza współistnienie w obrębie władzy wykonawczej, czyli współpracę prezydenta i rządu, pochodzących z przeciwnych obozów politycznych. Sytuacja taka ma miejsce, kiedy w trakcie trwania kadencji prezydenta zostaje wybrany parlament, w którego izbie niższej przewagę uzyskuje partia opozycyjna (lub koalicja partii) w stosunku do prezydenta. Wtedy prezydent zmuszony jest powołać premiera i rząd popierany przez większość parlamentarną, a następnie współpracować z nim oraz dzielić kompetencje władzy wykonawczej [10, s. 159].

Instytucję *cohabitation* stworzyła V Republika Francuska. We francuskiej konstytucji prezydent Francji, pochodzący z wyborów powszechnych, posiada silną pozycję i władzę (prezydent powołuje premiera, przewodniczy obradom rządu, wydaje dekrety). System ten nazywany jest półprezydenckim (semi-prezydenckim). Jeżeli w parlamencie dominuje prezydencka frakcja polityczna, to on decyduje, kto będzie premierem oraz określa cele polityczne rządu. Może też rozwiązać parlament w dogodnym dla siebie terminie (parlament nie ma takiego uprawnienia wobec prezydenta). Kiedy jednak frakcja prezydencka stanowi mniejszość w parlamencie, głowa państwa jest zmuszona wyznaczyć premiera z opozycji [8].

Pojęcia „kohabitacja” po raz pierwszy użyto w odniesieniu do współrządzenia prezydenta socjalisty François'a Mitterranda i konserwatywnego premiera Jacquesa Chiraca z lat 1986-1988. Prezydent skoncentrował się na sprawach zagranicznych i bezpieczeństwie, a premier Chirac kontrolował politykę wewnętrzną. Później kohabitacja wystąpiła w następujących

¹ Email: agacon@tlen.pl

relacjach: prezydent socjalista François Mitterrand i premier Édouard Balladur (1993-1995), prawicowy prezydent Jacques Chirac i socjalista Lionel Jospin (1997-2002). Wszystkie one miały jednak łagodniejszy przebieg, gdzie stopniowo władza prezydenta był ograniczana. Po pięcioletnim okresie "cohabitation" w latach 1997-2002, kiedy to prawicowy prezydent i lewicowy premier dzielili władzę, francuscy wyborcy i politycy dostrzegli wady takiego współrzędzenia: nieefektywność agencji rządowych, spadek autorytetu państwa, pogorszenie porządku społecznego i stale wysoka stopa bezrobocia [9].

Typowy problem związany z kohabitacją jest taki, że każdy lider chce realizować własną politykę po to żeby wygrać kolejne wybory. Podczas gdy liderzy tego samego spektrum politycznego, wykonując władzę jednocześnie, pomagają sobie nawzajem w podejmowaniu decyzji, kohabitacja może prowadzić do spadku autorytetu narodowego i spowodować pojawienie się poczucia braku bezpieczeństwa w kraju.

Teoria kohabitacji nie jest ograniczona tylko do systemu Francji, ale w nie wielu krajach z konstytucyjnymi strukturami może zaistnieć² [1].

W wielu młodych demokracjach Europy Wschodniej funkcjonują instytucje podobne do francuskiej kohabitacji. Aczkolwiek, jeżeli wybory prezydenckie i parlamentarne odbywają się w tym samym czasie, kohabitacja jest mniej widoczna.

Współpraca rządu i głowy państwa w okresie transformacji

W polskim systemie politycznym zjawisko kohabitacji występowało kilkakrotnie od 1989 r.

W okresie tym obowiązywały trzy ustawy zasadnicze odmiennie precyzujące rolę i znaczenie głowy państwa: konstytucja PRL z 1952 r., znowelizowana w 1989 r., "mała konstytucja" obowiązująca w latach 1992-97 i obecna ustawa zasadnicza, która weszła w życie w dniu 17 października 1997 r. Żadna z nich nie dawała prezydentowi takich uprawnień jak konstytucja V Republiki Francuskiej. Polska "cohabitation" między rządem a prezydentem bierze się stąd, że do konstytucyjnego ustroju państwa wpisano instytucję prezydenta wybieranego w wyborach powszechnych i bezpośrednich.

Od lipca 1989 r. do grudnia 1990 r. prezydent Wojciech Jaruzelski musiał współpracować z Tadeuszem Mazowieckim z „Solidarności”. Można było się spodziewać, że będzie ograniczać działania premiera reformującego kraj, a tymczasem współpraca układała się bezproblemowo. Jaruzelski nie wykorzystywał jednak swoich prerogatyw, by ograniczać przedsięwzięcia rządu. Kiedy 27 grudnia 1989 r. Sejm przyjął najważniejsze ustawy składające się na założenia „planu Balcerowicza”, zatwierdzone przez Senat, prezydent złożył na nich swój podpis by od 1 stycznia 1990 r. mogła się rozpocząć polska transformacja z gospodarki nakazowo-rozdziałowej do wolnorynkowej. Problemów nie nastęrczył też pakiet tzw. ustaw policyjnych, uchwalonych przez Sejm w 1990 r., które przekształcały Milicję Obywatelską w Policję, a w miejsce Służby Bezpieczeństwa utworzyły Urząd Ochrony Państwa. Prezydent podpisał też zmiany w konstytucji PRL, dzięki którym powrócono do nazwy "Rzeczpospolita Polska", określając ją mianem "demokratycznego państwa prawa, urzeczywistniającego zasady sprawiedliwości społecznej", a usunięto ideologiczny wstęp o strategicznych sojuszach, przewodniej roli PZPR oraz o socjalizmie i gospodarce planowej [6].

² Fińska konstytucja z 2000 r. ograniczyła władzę prezydenta poprzez przekazanie uprawnienia wyboru premiera parlamentowi. Kohabitacja pojawia się często odkąd w systemie fińskim występują silne partie i nie ma zbyt dużego rozróżnienia pomiędzy lewą i prawą stroną oraz kadencje parlamentu (4 lata) są krótsze niż prezydenckie (6 lat). Prezydent powinien pozostać bezpartyjnym i prezydenci zwykle rezygnują z członkostwa podczas sprawowania urzędu

Prezydent Lech Wałęsa współpracował z premierem Waldemarem Pawlakiem, a potem z koalicją lewicową Sojuszu Lewicy Demokratycznej i Polskiego Stronnictwa Ludowego pod rządami Józefa Oleksego. Wałęsa dążył do maksymalnego wzmocnienia ośrodka prezydenckiego (np. „falandyzacja” prawa, czyli takie interpretowanie prawa, by zwiększyć kompetencje prezydenta). Narastający konflikt z prezydentem charakteryzował także wcześniejszy okres premierostwa Jana Olszewskiego z Porozumienia Centrum [11].

Jako prezydent, Lech Wałęsa był niechętny silnym ugrupowaniom i chciał ustroju z dominującą pozycją prezydenta. „Mała konstytucja” przewidywała tzw. resorty prezydenckie: obrony, spraw wewnętrznych i spraw zagranicznych, przy których obsadzie należało zasięgać opinii prezydenta. Trwały spory, czy prezydent może tylko opiniować kandydatury, czy wręcz ma prawo obsadzania tych resortów swoimi ludźmi. Polem starcia prezydenta Wałęsy z powołanym w 1993 r. rządem SLD-PSL stały się sprawy obronności. Działania Wałęsy, który chciał wyjść daleko poza to, co dawała mu „mała konstytucja”, stały się przedmiotem badań sejmowej komisji obrony narodowej. Prezydent odszedł z urzędu w grudniu 1995 r. [6].

W 1995 r. prezydentem został Aleksander Kwaśniewski z SLD. Po wyborach w 1997 r. i po uchwaleniu obecnie obowiązującej Konstytucji, to Aleksander Kwaśniewski w latach 1997-2001 musiał współpracować z premierem Jerzym Buzkiem z koalicji Akcja Wyborcza „Solidarność” – Unia Wolności. Kwaśniewski, w przeciwieństwie do swojego poprzednika, wykazał wiele dobrej woli we współpracy z szefem rządu z opozycji, zrażając tym często do siebie przedstawicieli własnej opcji politycznej. Prezydent wiedział, że nie zapewni sobie reelekcji wyłącznie w oparciu o głosy zwolenników jednej partii. Okres kohabitacji prezydenta z rządem w latach 1997–2001 nie był więc czasem ostrych starć z tego powodu, że po obu stronach przeważała wola poszanowania uzyskanych w państwie pozycji ustrojowych. Z kolei, następująca po tym okresie „szorstka przyjaźń” premiera Leszka Millera z Aleksandrem Kwaśniewskim, wywodzących się z tego samego ugrupowania, stała się symbolem ostrych sporów na linii rząd-prezydent. Kiedy jednak chodziło o kwestie ważne dla ustroju państwa i rozwiązanie palących problemów społecznych, o zgodę było dość łatwo. Prezydent podpisał ustawę upoważniającą do ratyfikacji konkordatu, podpisał nowelizację ustawy o wyborach gminnych, powiatowych i wojewódzkich. Nie skorzystał z prawa weta, ani w 1998 r., przy ustawie o powszechnym ubezpieczeniu zdrowotnym, ani przy ustawie o rentach i emeryturach. W 2001 r., kiedy od roku trwała druga kadencja prezydentury Kwaśniewskiego, władzę znów objęła koalicja SLD-PSL. Koniec kohabitacji, czyli powrót rządów SLD-PSL, nie oznaczał „miodowych lat”. Stosunki między rządem a prezydentem bywały trudne [11].

Źródła konfliktu między prezydentem a premierem

Niespodziewany wynik przyspieszonych wyborów w 2007 r., odsunięcie od władzy PiS i wygrana PO, zakończyły dwa lata harmonii między dwiema najważniejszymi osobami w państwie, kiedy władzę wspólnie sprawowali bracia Kaczyńscy. Za rządów PiS-u rola Lecha Kaczyńskiego wydawała się istotniejsza niż rzeczywista rola prezydenta w naszym systemie, ponieważ działania prezydenta – jako „reprezentanta pewnego programu” – zbiegały się z polityką PiS-u i jego brata – premiera.

Kiedy doszło do kohabitacji prezydenta i premiera wywodzących się z przeciwnych obozów politycznych, Lech Kaczyński stara się podkreślać swoją siłę, zwłaszcza na jednym polu – w polityce zagranicznej. Wydaje się, że jednym z głównych źródeł konfliktów na linii rząd-prezydent jest obecne uregulowanie konstytucyjne: kontrast między skromnymi uprawnieniami prezydenta a jego silnym mandatem (wybór w głosowaniu powszechnym). Prezydent nie chce pełnić wyłącznie funkcji reprezentacyjnej.

Chociaż źródłem największych napięć pomiędzy dwoma ośrodkami władzy jest polityka zagraniczna: W sprawach krajowych politycy PO zarzucają Lechowi Kaczyńskiemu, że broni racji tylko jednej opcji politycznej i nie można nawiązać z nim dialogu. Prezydent twierdzi, że rząd nie ma konkretnych rozwiązań, poza tym PO to partia bogatszej części społeczeństwa.

Zaczął się od błyskawicznej desygnacji; potem był konflikt o ambasadorów (odmowa prezydenta podpisania niektórych nominacji), generałów (Lech Kaczyński odrzucił większość kandydatur przedstawionych przez MON), Rada Gabinetowa w sprawie służby zdrowia, wojna o Traktat Lizboński (prezydent długo nie mógł się zdecydować na to, co robić w sprawie Traktatu Lizbońskiego, którego kształt osobiście negocjował), prezydencka polityka wschodnia (zwłaszcza względem Rosji), samodzielna polityka prezydencka w sprawie Gruzji (prezydent wysłał do Tbilisi bez porozumienia z rządem swoich ludzi i po ustaleniach z prezydentem Litwy zaplanował własną misję), czy ustawa medialna [5].

Premier Donald Tusk twierdzi, że "trzeba rozpocząć debatę konstytucyjną i przedyskutować, kto ma mieć więcej władzy prezydent czy premier". Premier chce, by koalicja, opozycja i prezydent wspólnie zaczęli się zastanawiać nad zmianą konstytucji, bo obecny podział kompetencji między szefem rządu a głową państwa jest niejasny [12].

Powstaje jednak pytanie co w obecnej konstytucji jest niejasne?

Polski system polityczny w odróżnieniu od systemu francuskiego jest systemem parlamentarno-gabinetowym. Zgodnie z art. 146 pkt 1 Konstytucji RP Rada Ministrów prowadzi politykę wewnętrzną i zagraniczną państwa, a więc faktycznie rządzi. Z kolei, prezydent reprezentuje państwo w stosunkach zewnętrznych, ale art. 133 pkt 3 precyzuje, że w tym względzie prezydent musi współdziałać z szefem rządu i właściwym ministrem. Obowiązek współdziałania Konstytucja nakłada przede wszystkim na prezydenta, a nie na premiera. Tam, gdzie rozkład funkcji jest nie do końca oczywisty, rząd cieszy się domniemaniem kompetencji (art. 146 pkt 2) [3].

Ze strony premiera padają zapewnienia, że jest gotów współpracować z prezydentem „w każdej istotnej dziedzinie” oraz, że ministrowie jego rządu i on wykazują „maksymalną cierpliwość i wyrozumiałość wobec niektórych nietaktów ze strony Kancelarii Prezydenta” [13].

Zdaniem byłego prezydenta Aleksandra Kwaśniewskiego kohabitacja jest obowiązkiem mądrych polityków. Każda mądra rada jest tutaj do rzeczy, a każda głupia rada powinna być odrzucona. Kwaśniewski zauważył, że prezydent "ma bardzo precyzyjnie określone swoje prerogatywy, które są o tyle trudne w egzekwowaniu, bo nie dysponuje aparatem (...). Rząd ma tysiące ludzi, ma ministerstwa. Prezydent jest właściwie samotnie, jednoosobowo odpowiedzialny za wszystkie sprawy. Więc on się nie tyle rozpycha, prezydent musi wypełniać swoje obowiązki. Nie może reprezentować państwa polskiego (...) nie mając informacji ze strony rządu". Lech Kaczyński wspólnie z Donaldem Tuskiem powinni więc stworzyć "system przekazywania informacji na tyle bliski i praktyczny, żeby to działało" [4].

Jednym z ostatnich przykładów braku kohabitacji jest kwestia uczestnictwa Polski w szczycie Unii Europejskiej poświęconym Gruzji. Na szczyt pojechali obaj politycy, a każdy z nich ma inne zdanie na to, jak Unia powinna zareagować na rosyjską agresję w Gruzji. Prezydent uważa, że należy obłożyć Rosję sankcjami gospodarczymi. Rząd zaś twierdzi, że aż tak daleko nie należy się posuwać. Niejasne było kto ma przewodniczyć polskiej delegacji w Brukseli. Prezydent uważa, że to on powinien być szefem delegacji, bo tak wynika z protokołu dyplomatycznego. Z kolei, rząd chce, aby delegacji przewodniczył premier, bo to on był inicjatorem zwołania nadzwyczajnego szczytu UE. Według Wicemarszałka Sejmu Jerzego Szmajdzińskiego z SLD Polska daje sygnał całemu światu, że jej władze prowadzi dwie polityki zagraniczne („dwuwładza” w Polsce).

Podsumowanie

Zjawisko "kohabitacji" powstaje w przypadku dualizmu władzy wykonawczej, niezależnie wybranego prezydenta i premiera, który musi zostać zaakceptowany, zarówno przez prezydenta, jak i legislaturę. Badacze wskazują, że kohabitacja może ograniczać stagnację „rozbitych większości”, która może często pojawiać się w systemach prezydenckich.

W Polsce współpraca rządu i głowy państwa wywodzących się z przeciwstawnych obozów nieraz układała się lepiej niż wtedy, gdy wywodzili się z tych samych ugrupowań. To wynika, nie tyle specyfiki polskich rozwiązań prawnych, ile siły osobowości i ambicji polityków. Nigdy jednak nie dochodziło do tak gwałtownych konfliktów na linii prezydent-premier jak obecnie [11].

Stosunki między prezydentem a premierem toczą się od konfliktu do konfliktu. Obie strony podkreślają swoje dobre intencje i gotowość współpracy, nie wychodzą jednak poza deklaracje. O tym, jak źle postrzegane są relacje między prezydentem i premierem, świadczą badania opinii publicznej. Większość Polaków badanych w grudniu 2007 przez TNS OBOP (59%) stosunki i współdziałanie prezydenta i premiera ocenia jako złe. Tylko jedna czwarta (23%) ocenia je jako dobre [7].

Dotychczas dobrą praktyką było, że prezydent starał się zachowywać neutralność w odniesieniu do innych ugrupowań obecnych w parlamencie. Jak wynika z sondażu "Rzeczpospolitej", przeprowadzonego przez GfK Polonia, aż połowa Polaków w sporach między szefem rządu a prezydentem, przyznaje rację premierowi. To prezydent musi więc zadbać o to, by jego działania były lepiej postrzegane przez społeczeństwo, by ta tendencja się nie pogłębiała [2].

Obecny prezydent ma w czym wybierać. Obowiązująca konstytucja daje mu prawo wetowania ustaw, reprezentowania państwa na zewnątrz, ale bez możliwości podejmowania jakichkolwiek zobowiązań, np. finansowych, paktów międzynarodowych czy wysłania wojsk. Jest też zwierzchnikiem sił zbrojnych, wydaje akty urzędowe, które wymagają podpisu premiera.

W sprawie prowadzenia polityki zagranicznej konstytucja nie pozostawia złudzeń: prezydent musi współdziałać z premierem i ministrem spraw zagranicznych. W dalszym ciągu należy się jednak spodziewać problemów we współpracy prezydenta i rządu w obszarach polityki gospodarczej i społecznej. Pomyślnie premiera prezydent zawsze może zarzucić, że są zbyt „liberalne”. Przede wszystkim jednak, konflikty będą następować w dziedzinie polityki zagranicznej, która ostatnio stała się obszarem szczególnego zaangażowania Lecha Kaczyńskiego. To może okazać się najbardziej szkodliwe, bo przynajmniej za granicą najważniejsi polscy politycy powinni mówić jednym głosem. Zatem, koniecznym warunkiem normalnego funkcjonowania Polski na arenie międzynarodowej jest unormowanie relacji rządu i premiera z prezydentem Lechem Kaczyńskim.

LITERATURA

- [1] Elgie, R., Political Institutions in Contemporary France, OUP, Oxford 2003
- [2] GfK Polonia, <http://www1.gfk.pl/index.php>, 28.08.2008
- [3] Konstytucja RP z 2 kwietnia 1997 roku, Dz. U. nr 78 poz. 483
- [4] Kwaśniewski: Koabitacja jest obowiązkiem mądrych polityków, Gazeta.pl, <http://wiadomosci.gazeta.pl/Wiadomosci/1,80708,4744175.htm> 2007-12-08, 25.08.2008
- [5] Margraf M., Rząd kontra prezydent: pół roku przepychanek, <http://politbiuro.pl/politbiuro/1,85402,5241090.html>, 2008-05-23, 25.08.2008
- [6] Mateja A., Koabitacja po polsku, Tygodnik Powszechny 30.10.2007
- [7] OBOP, <http://www.tns-global.pl>, 27.08.2008
- [8] Oficjalna strona Prezydenta Francji, <http://www.elysee.fr>, 19.08.2008
- [9] People's Daily Online, "France Bids Farewell to Right-Left 'Cohabitation'", June 17, 2002, http://english.people.com.cn/200206/17/eng20020617_98010.shtml, 29.08.2008
- [10] Skrzydło W., Ustroje państw współczesnych, Wyd. UMCS, Lublin 2005
- [11] Stanisławska J., Wirtualna Polska, Prezydent z premierem, jak pies z kotem, 2008-02-01, 26.08.2008
- [12] Szelecki Ł., TOK FM, Konstytucja ma przestrzegać polityków?, <http://politbiuro.pl/politbiuro/1,85402,4960872.html>, 2008-02-25, 29.08.2008
- [13] Wirtualna Polska, <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1342>, 2008-01-30, 30.08.2008.

CZYNNIKI WZMACNIAJĄCE DOSKONALENIE ZAWODOWE W ROZWOJU REGIONALNYM POLSKI WOBEC WYMOGÓW UNII EUROPEJSKIEJ¹

Dr Tadeusz Kowalewski, Dr Ewa Glińska
Wydział Zarządzania, Politechnika Białostocka

Wprowadzenie

Akcesja Polski do UE spowodowała potrzebę ujednoczenia standardów prawnych w wielu obszarach życia społeczno-gospodarczego. Jednym z takich obszarów jest edukacja, w tym także edukacja na płaszczyźnie doskonalenia zawodowego, która jest jednym z istotnych celów Unii Europejskiej w dziedzinie oświaty. Doskonalenie zawodowe jest ściśle powiązane z podnoszeniem poziomu wykształcenia ogólnego, a także z rozwojem kwalifikacji. W każdym kraju odbywa się ono według wewnętrznych priorytetów krajów członkowskich. W Polsce jest regulowane zapisami reformy nauczania i kształcenia. W polskim doskonaleniu zawodowym najczęstszą praktyką są przede wszystkim szkolenia w miejscu pracy oraz kursy przekwalifikowujące i przygotowawcze do rynku pracy. Szkołący się pozyskując nowe umiejętności i możliwości nauczania się języków państw członkowskich UE tworzą w coraz większym stopniu konkurencyjną siłę roboczą w obszarze UE².

Doskonalenie zawodowe spełnia przede wszystkim istotne znaczenie w środowisku regionalnym: Odpowiednio wykwalifikowana siła robocza stanowi bowiem niewątpliwą wartość w dużej mierze decydującą o atrakcyjności inwestycyjnej danego obszaru (także kraju). Jednocześnie jednak motywacje podejmowania doskonalenia zawodowego częściej występują wśród mieszkańców regionów charakteryzujących się najbardziej dynamicznym rozwojem gospodarczym (plasowanych najwyżej w rankingach atrakcyjności inwestycyjnej).

Kształcenie ustawiczne w Polsce

Warto podkreślić, że w chwili obecnej w Polsce zaledwie ok. 5,2%, tj. poniżej 1 milion osób w wieku 25–64 lat bierze udział w edukacji i szkoleniach, co klasyfikuje Polskę wśród krajów UE o najniższym poziomie uczestnictwa w kształceniu ustawicznym. Wyraźnie także widoczne jest zróżnicowanie regionalne jeśli chodzi o odsetek osób uczestniczących w kształceniu ustawicznym. Najczęściej podwyższają swe kwalifikacje mieszkańcy województw: mazowieckiego, dolnośląskiego (po 6,2%) oraz lubelskiego (5,8%), najrzadziej zaś województw: podkarpackiego (3,7%), warmińsko-mazurskiego (3,9%) oraz opolskiego (4,0%)³.

Tabela 1. Udział osób uczących się i doksztalających się w liczbie ludności w wieku 25–64 lat w latach 2003–2005 (w %)

	2003	2004	2005
Polska	4,8	5,3	5,2
Dolnośląskie	5,3	6,4	6,2
Kujawsko-Pomorskie	5,3	5,6	5,3
Lubelskie	4,6	6,6	5,8
Lubuskie	4,0	5,0	4,5
Łódzkie	4,6	5,3	5,2
Małopolskie	4,7	4,8	4,7
Mazowieckie	6,3	6,2	6,2
Opolskie	4,0	5,0	4,0

¹ Artykuł powstał w ramach pracy własnej T. Kowalewskiego nr WWZ/14/08 oraz pracy własnej E. Glińskiej nr WWZ/7/08.

² Lasok D., Zarys prawa Unii Europejskiej, Wydawnictwo TNOiK „Dom Organizatora”, Toruń 1995, s. 226-227.

³ Program Operacyjny Kapitał Ludzki 2007 -2013, Warszawa 7 września 2007, s. 35-36.

	2003	2004	2005
Podkarpackie	3,7	3,7	3,7
Podlaskie	4,4	5,3	4,8
Pomorskie	4,9	5,2	5,7
Śląskie	5,1	5,4	5,7
Świętokrzyskie	3,5	4,3	4,1
Warmińsko-Mazurskie	3,4	3,6	3,9
Wielkopolskie	4,2	4,8	4,2
Zachodniopomorskie	4,1	5,7	5,2

Źródło: Program Operacyjny Kapitał Ludzki 2007-2013

Europejskie procesy edukacyjne

Edukacja na przełomie stuleci nie jest tylko i wyłącznie prawem, ale kluczem do świadomego i aktywnego udziału w życiu społeczno-gospodarczym XXI wieku. Szczególnie w drugiej połowie lat dziewięćdziesiątych ubiegłego wieku, jak i na początku nowego stulecia zarówno sygnatariusze „Deklaracji Hamburgskiej”, jak i autorzy raportu UNESCO pod przewodnictwem J. Delorsa „Edukacja. Jest w niej ukryty skarb” oraz Strategii Lizbońskiej i Deklaracji Bolońskiej zauważają szczególną rolę edukacji w nowoczesnym społeczeństwie. Istotne jest wzmocnienie umiejętności uczestnictwa w transformacji ekonomii, kulturze i społeczeństwie. Realizacja tych celów zakłada stworzenie poszczególnym jednostkom możliwości samokontroli, oparcia się na własnym dziedzictwie kulturalnym, wartościach i wcześniejszych doświadczeniach. Uczestnicy V Konferencji Oświaty Dorosłych w Hamburgu koncentrowali swoją uwagę na szerokim spektrum zagadnień, a szczególnie interesowała ich problematyka dotycząca: edukacji i wyzwań XXI wieku w kontekście uczenia się dorosłych, jakości uczenia się dorosłych i doskonalenia warunków, ekonomicznych podstaw kształcenia dorosłych oraz wsparcia międzynarodowej solidarności i współpracy⁴.

Natomiast raport J. Delorsa na prośbę nauki przez całe życie wyróżnił cztery podstawowe filary opierające się na następujących założeniach: uczyć się, aby wiedzieć, uczyć się, aby działać, uczyć się, aby żyć wspólnie, uczyć się, aby żyć⁵.

Istotnym aktem prawnym z 1999 roku jest Deklaracja Bolońska podpisana przez ministrów edukacji 29 krajów w tym także i Polski. Podpisanie Deklaracji Bolońskiej rozpoczęło proces boloński, który zmierza do utworzenia Europejskiego Obszaru Szkolnictwa Wzszęgo do 2010 roku. Stworzenie tego obszaru znacznie ułatwi mobilność studentów i pracowników akademickich a uczelnie umożliwią swoim studentom pełny rozwój ich osobowości i zdobycie umiejętności dostosowawczych do potrzeb rynku pracy⁶.

Zaś w 2000 roku w Lizbonie Rada Europy założyła stworzenie najbardziej konkurencyjnej gospodarki na świecie w Europie, której głównym motorem dynamicznego rozwoju miała być edukacja. Zakładano wówczas, że celami strategii mają być zrealizowane do 2010 roku m. in. poprzez nakłanianie ludzi w wieku aktywności zawodowej (25-64 lat) do dokończania się, tak aby ich odsetek osiągnął 12,5%; osiągnięcie progu minimum 85% populacji osób w wieku 20 lat, posiadających pełne wykształcenie średnie; zmniejszenie odsetka osób kończących przedwcześnie naukę do 10%⁷.

⁴ Solarczyk-Ambrozik E., Kształcenie ustawiczne w perspektywie globalnej i lokalnej. Między wymogami rynku a indywidualnymi strategiami edukacyjnymi. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2004, s. 21.

⁵ Delors J., Edukacja. Jest w niej skarb ukryty. Raport dla UNESCO Międzynarodowej Komisji do Spraw Edukacji dla XXI wieku, Stowarzyszenie Oświatowców Polskich Wydawnictwa UNESCO, Radom 1998, s.85-98

⁶ Kowalewski T., Kształtowanie europejskiej przestrzeni edukacyjnej z polskiej perspektywy, w: Współczesna Europa w procesie zmian. Wybrane problemy, pod redakcją J. Polakowskiej-Kujawy, Difin, Warszawa 2006, s. 519-521

⁷ Białecki I., Edukacja, Polskie Forum Strategii Lizbońskiej, witryna internetowa <http://www.pfsl.pl/news.php> stan na dzień 13.07.2008.

* Realizacja powyższych celów jest nie lada wyzwaniem dla społeczeństwa polskiego. Polscy pracownicy w przeważającej większości nie widzą bowiem potrzeby ciągłego podnoszenia i uzupełniania swych kwalifikacji zawodowych. Nawyk dokształcania się po uzyskaniu wykształcenia formalnego nie jest rozpowszechniony. Głównymi motywami pracowników, jeśli chodzi o uczestnictwo w różnorodnych formach szkoleniowych, są przede wszystkim: spodziewany awans, oczekiwanie podwyższenia wynagrodzenia lub pragnienie zmiany miejsca pracy⁸.

Polityka edukacyjna

Proces uzgadniania polityki edukacyjnej w procesach integracji i rozwoju UE pozwolił na sformułowanie i skodyfikowanie w dokumentach programowych Unii zasad i kierunków wyznaczających dalszy rozwój edukacji w skali ogólnej⁹. Zostały przyjęte priorytety, zgodnie z którymi UE powinna zmierzać m.in. do: rozwoju europejskiego wymiaru edukacji, poprzez nauczanie i rozpowszechnianie języków państw członkowskich; popieranie wymiany studentów i nauczycieli między innymi poprzez uznawanie na uczelniach dyplomów i okresów studiów; wspierania wymiany doświadczeń państw członkowskich w zakresie oświaty¹⁰.

Powyższe priorytety odnoszą się do ogólnych zasad funkcjonowania systemu edukacyjnego UE. Odrębną sprawą są działania ukierunkowane na rozwiązywanie problemów będących następstwem przemian społeczno-ekonomicznych poszczególnych państwach członkowskich, które były skutkiem rozwoju gospodarczego i zmian w sferze świadomości społecznej.

Wsparcie UE

W obszarze kształcenia zawodowego w swoich założeniach UE wspiera i uzupełnia odpowiedzialną działalność państw członkowskich. Odpowiedzialność tych państw dotyczy treści i organizacji szkolenia zawodowego. Działalność UE w tym zakresie powinna zmierzać do¹¹: przystosowania się do zmian w przemyśle przez przekwalifikowanie i kształcenie zawodowe, poprawy wstępnego i ustawicznego kształcenia zawodowego w celu ułatwienia integracji zawodowej i reintegracji z rynkiem pracy, łatwiejszego dostępu do kształcenia zawodowego, mobilności instruktorów i kształcących się, zachęcania do współpracy w dziedzinie kształcenia między instytucjami edukacyjnymi lub kształcenia zawodowego a przedsiębiorstwami, wzrostu wymiany informacji i doświadczeń we wspólnych kwestiach dla systemów kształcenia państw członkowskich UE.

W polskim Narodowym Planie Rozwoju na lata 2007-2013 zaprojektowano uruchomienie Programu Operacyjnego Kapitał Ludzki, którego jednym z istotnych priorytetów jest „Rozwój wykształcenia i kompetencji w regionach”.

Zakończenie

Analiza danych statystycznych z ostatnich kilku lat ukazuje dynamiczny wzrost stopnia wyższego wykształcenia w polskim społeczeństwie: Ponadto w ciągu ostatnich lat wyraźnie wzrasta zainteresowanie usługami szkoleniowymi wśród osób indywidualnych w Polsce. Według danych z badania zrealizowanego w styczniu 2006 r., 45% Polaków jest zainteresowanych poszerzeniem swoich kwalifikacji i umiejętności (31% w 2000 r.). Najwięcej osób chce uczyć się języków obcych, poszerzać specjalistyczne kwalifikacje zawodowe, rozwijać umiejętności informatyczne oraz poszerzać kwalifikacje potrzebne do zdobycia pracy. Najślinniejszą grupą zainteresowaną poszerzeniem swoich kwalifikacji są wciąż ludzie młodzi – w wieku 25-29 lat¹².

⁸ Por. Program Operacyjny Kapitał Ludzki 2007 -2013, Warszawa 7 września 2007, s. 35-36.

⁹ Schneider M., Transformacja edukacji w Polsce na tle dążeń do integracji europejskiej. Tezy – poszukiwania – stan – perspektywy, Bydgoszcz 2005, s. 73-74.

¹⁰ Tamże, s. 74.

¹¹ Doliwa-Klepacki Z. M., Integracja europejska, Wydawnictwo Temida 2, Białystok 1999, s. 208-209.

¹² Por. Program Operacyjny Kapitał Ludzki 2007 -2013, Warszawa 7 września 2007, s. 35-36.

Należy podkreślić także, że Rozporządzeniem Ministra Edukacji Narodowej i Sportu z dnia 13 czerwca 2003 r. w Polsce utworzono pewien system kształcenia ustawicznego¹³. Funkcjonują publiczne placówki kształcenia ustawicznego (centra kształcenia ustawicznego, ośrodki doksztalcania i doskonalenia zawodowego) oraz publiczne placówki kształcenia praktycznego (centra kształcenia praktycznego), które umożliwiają uzyskanie lub uzupełnienie wiedzy ogólnej oraz umiejętności i kwalifikacji zawodowych. Centra kształcenia ustawicznego prowadzą ustawiczne kształcenie, doksztalcanie i doskonalenie osób dorosłych a ośrodki doksztalcania i doskonalenia zawodowego, prowadzą doksztalcanie młodocianych pracowników oraz realizują zadania z zakresu doskonalenia zawodowego osób dorosłych.

Duże szanse na wzrost odsetka Polaków podejmujących kształcenie ustawiczne tworzy realizacja wspomnianego powyżej unijnego Programu Operacyjnego Kapitał Ludzki na lata 2007-2013. W ramach tego programu planuje się bowiem finansowanie zmniejszenia dysproporcji w upowszechnieniu kształcenia ustawicznego, zwłaszcza na terenach wiejskich i miejskich zagrożonych degradacją. Programy te mają być skierowane do osób dorosłych, a ich celem ma być umożliwienie uzupełniania lub podwyższania kwalifikacji formalnych (ogólnych i zawodowych), jak też zapewnienie usług doradczych i informacyjnych w zakresie formalnego kształcenia ustawicznego. W ramach programu planuje się także wsparcie placówek prowadzących formalne kształcenie ustawiczne poprzez podniesienie jakości oferowanych przez nie usług, dostosowanie usług do potrzeb regionalnego rynku pracy oraz wdrażanie innowacyjnych form kształcenia ustawicznego.

LITERATURA

1. Białecki I., Edukacja, Polskie Forum Strategii Lizbońskiej, witryna internetowa <http://www.pfsl.pl/news.php> stan na dzień 13.07.2008
2. Delors J., Edukacja. Jest w niej skarb ukryty. Raport dla UNESCO Międzynarodowej Komisji do Spraw Edukacji dla XXI wieku, Stowarzyszenie Oświatowców Polskich Wydawnictwa UNESCO, Radom 1998
3. Doliwa-Klepacki Z. M., Integracja europejska, Wydawnictwo Temida 2, Białystok 1999
4. Kowalewski T., Kształtowanie europejskiej przestrzeni edukacyjnej z polskiej perspektywy, w: Współczesna Europa w procesie zmian. Wybrane problemy, pod redakcją J. Polakowskiej-Kujawy, Difin, Warszawa 2006
5. Lasok D., Zarys prawa Unii Europejskiej, Wydawnictwo TNOiK „Dom Organizatora”, Toruń 1995
6. Program Operacyjny Kapitał Ludzki 2007 -2013, Warszawa 7 września 2007
7. Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej i Sportu z dnia 13 czerwca 2003 r. w sprawie rodzajów, organizacji oraz sposobu działania publicznych placówek kształcenia ustawicznego i publicznych placówek kształcenia praktycznego, w tym publicznych ośrodków doksztalcania i doskonalenia zawodowego na podstawie art. 68 ust. 2 ustawy z dnia 7 września 1991 r. o systemie oświaty (Dz. U. z 1996 r. Nr 67, poz. 329, z późn. zm.) §1 pkt 1 i 2
8. Schneider M., Transformacja edukacji w Polsce na tle dążeń do integracji europejskiej. Tezy – poszukiwania – stan – perspektywy, Bydgoszcz 2005
9. Solarczyk-Ambrozik E., Kształcenie ustawiczne w perspektywie globalnej i lokalnej. Między wymogami rynku a indywidualnymi strategiami edukacyjnymi. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2004

¹³ Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej i Sportu z dnia 13 czerwca 2003 r. w sprawie rodzajów, organizacji oraz sposobu działania publicznych placówek kształcenia ustawicznego i publicznych placówek kształcenia praktycznego, w tym publicznych ośrodków doksztalcania i doskonalenia zawodowego Na podstawie art. 68 ust. 2 ustawy z dnia 7 września 1991 r. o systemie oświaty (Dz. U. z 1996 r. Nr 67, poz. 329, z późn. zm.) §1 pkt 1 i 2

Wprowadzenie

Według danych GUS w 2007 roku w Polsce było 891² miast czyli prawie 900 produktów miejskich walczących o udział w świadomości turystów, studentów, potencjalnych mieszkańców czy inwestorów. To jednocześnie 900 miast wystawionych na ryzyko nieadekwatnej oceny i niebezpieczeństwo przypadkowych opinii. Aby im zapobiec, konieczne jest zaplanowanie takich strategii i działań, które umożliwią skuteczne i efektywne zdobycie i utrzymanie silnej pozycji na specyficznym rynku miast.³

W obecnych uwarunkowaniach funkcjonowania miast w Polsce niezbędne staje się więc poszukiwanie nowatorskich sposobów zarządzania na szczeblu lokalnym. Jednym z takich sposobów jest przyjęcie orientacji rynkowej, a ściślej marketingowej, która pozwala oprzeć koncepcję zarządzania jednostką terytorialną na dorobku nauk o zarządzaniu przedsiębiorstwem. Jednym z najistotniejszych celów marketingowego zarządzania jednostką terytorialną staje się kreowanie jej założonego wizerunku w percepcji społecznej. Jednak pojęcie wizerunku i niezerowalnie związana z nim kategoria tożsamości zyskują nieco inną interpretację w marketingu miejsca niż w klasycznym marketingu komercyjnym.

W powyższym kontekście celem niniejszego artykułu jest ukazanie specyfiki pojęcia „wizerunek” i „tożsamość” w relacji do specyficznego przedmiotu działań marketingowych jakim jest miasto. Artykuł ma charakter teoretyczny. Zawarte w nim rozważania oparto o literaturę przedmiotu z zakresu marketingu terytorialnego.

Wizerunek miasta

Wizerunek (image) jest niezwykle popularną kategorią współczesnego marketingu. A. Szromnik uogólniając szereg definicji tego pojęcia spotykanych w literaturze marketingowej wskazuje na następujące właściwości wizerunku określonego podmiotu (m.in. społeczności, organizacji, marek, dóbr, jednostek osadniczych itd.):⁴

- jest to wyobrażenie ukształtowane w umysłach ludzi,
- jest to obraz pojęciowy realnego zjawiska, przedmiotu, osoby, procesu itd.,
- jest mentalnym odbiorem rzeczywistości w świadomości otoczenia,
- jest swoistym skojarzeniem, jakie nasuwa się na myśl o osobie lub instytucji,
- jest subiektywnym odwzorowaniem rzeczywistości w świadomości adresatów,
- jest emocjonalnym odbiorem obiektu bez zniekształcania jego istoty.

Wizerunek w relacji do miasta jest to zbiór refleksji, wyobrażeń, które ludzie odnoszą do danego miejsca. Kształtowany jest w długim przedziale czasu. Jest to obraz wytworzony na podstawie wielu doświadczeń, skojarzeń czy informacji związanych z danym miastem. Image jednostki osadniczej jest rezultatem indywidualnych wyobrażeń człowieka, czyli wewnętrzną projekcją miasta oraz jego mieszkańców. Jest to wynik procesów komunikowania się z nim oraz poprzez udział w różnorodnych wydarzeniach. Wizerunek miasta jest pojęciem subiektywnym. Może być on rezultatem postrzegania miasta poprzez środki masowego przekazu, a także nieformalnych przekazów informacyjnych.⁵

¹ Artykuł powstał w ramach pracy własnej E. Glińskiej nr W/WZ/7/08 oraz pracy własnej J. Zalejskiego nr W/WZ/28/08.

² Stan na 1.01.2007, http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbr/gus/PUBL_powierzchnia_ludnosc_teryt_2007.pdf

³ E. Glińska, M. Florek, A. Kowalewska, *Kształtowanie wizerunku miasta*, Wolters Kluwer, Warszawa 2008 (pozycja w druku).

⁴ A. Szromnik, *Marketing terytorialny – Miasto i region na rynku*, Wolters Kluwer Polska Sp. z o. o., Kraków 2007, s. 133.

⁵ Tamże, s. 132-135.

Należy odróżnić wewnętrzny wizerunek miasta (czyli sposób postrzegania danej jednostki terytorialnej) od wizerunku zewnętrznego (czyli sposobu percepcji danej miejscowości przez takie grupy jak turyści inwestorzy, mieszkańcy innych miejscowości jako usługobiorcy itd.).

W literaturze przedmiotu podkreśla się, że wizerunek miasta składa się z czterech komponentów, takich jak:

- komponent poznawczy (czyli co dana osoba wie na temat miasta),
- komponent afektywny/emocjonalny (jakie są odczucia danej osoby wobec określonego miejsca),
- komponent oceniający (jak dana osoba ocenia określone miasto),
- komponent behawioralny (czy dana osoba rozważa migrację z określonej miejscowości, czy też zamierza podjąć w niej pracę, rozpocząć inwestycję, potraktować ją jako cel turystyczny itd.).

Wszystkie powyższe elementy składowe wizerunku miasta są ze sobą nierozzerwalnie powiązane, a ich oddzielenie jest możliwe tylko na płaszczyźnie akademickiej. W praktyce bowiem wiedza na temat danego miejsca implikuje określony stopień sympatii wobec danej miejscowości, co z kolei wpływa na decyzje powiązane z zachowaniami wobec danej jednostki terytorialnej.⁶

Pojęcie i struktura tożsamości miasta

Pojęcie tożsamości miasta i określenie jej znaczenia w kształtowaniu wizerunku zaczerpnięte zostało z rozważań na temat wizerunku i tożsamości organizacji. Tożsamość organizacji uznawana jest jako efekt nowego spojrzenia na marketing i marketingowe strategie działania. Zarządzanie tożsamością, powinno więc być podstawowym kierunkiem działań zarządzających organizacjami i zarazem priorytetowym wśród wielu innych działań o charakterze marketingowym.⁷

Tożsamość organizacji definiowana jest jako „strategicznie zaplanowany i operacyjnie określony system autoprezentacji zorientowany zewnętrznie i wewnętrznie, oparty na instrumentach komunikacji marketingowej”.⁸ System ten uwzględnia cechy i właściwości (strukturalne, funkcjonalne), które w sposób jednoznaczny i efektywny umożliwiają określenie pozycji organizacji wśród innych podmiotów rynku. Te atrybuty umożliwiają z jednej strony rozpoznanie organizacji i jej identyfikacji rynkowej, a z drugiej – wyróżnienie spośród innych organizacji, które mają podobny zakres działania.⁹

Biorąc pod uwagę dotychczasowe rozważania, można uznać, że tożsamość miasta „to kompleksowy, wielowymiarowy obraz ukształtowany w wyniku długotrwałego, planowanego i racjonalnego działania polegającego na przekonaniu i upowszechnianiu w otoczeniu jego charakterystycznych cech, właściwości i funkcji. To celowo zestawiony zbiór informacji o miejscu, wysyłany do wszystkich grup odbiorców wewnętrznych i zewnętrznych w celu uzyskania pożądanego efektu zbudowania właściwego, zgodnego z założeniami wizerunku”.¹⁰

Tożsamość miasta powinna charakteryzować się pewnymi trwałymi elementami, będącymi swoistym szkieletem dla innych jej składowych, podatnych na zmiany, w zależności od sytuacji w otoczeniu oraz teraźniejszej lub zakładanej pozycji miasta (elementy zmienne).

W tożsamości miasta traktowanej jako kompleksowy zbiór informacji o mieście, wyróżnić można następujące obszary aktywności, które są istotne dla mieszkańców oraz gości:

- atrakcyjność (osadnicza, inwestycyjna, turystyczna, handlowa itp.),
- transport i zaopatrzenie,
- telekomunikacja,

⁶ E. Avraham, E. Ketter, *Media Strategies for Marketing Places in Crisis*, Elsevier, 2008, s. 20.

⁷ por.: G. Agniszewska, *Zagrożenie tożsamości a konkurencja*, „Firma i Rynek”, 1999, nr 13, s. 13.

⁸ A. Łuczak, *Istota tożsamości miasta*, „Samorząd Terytorialny”, 2000, nr 10, s. 47.

⁹ Tamże, s. 47-48.

¹⁰ A. Szromnik, *Marketing terytorialny: miasto i region na rynku*, tamże, s. 136.

- targi i wystawy,
- ochrona zdrowia i opieka społeczna,
- administracja,
- kultura i wypoczynek,
- wspieranie przedsiębiorczości.¹¹

Informacje o tych obszarach stanowią podstawę koncepcji tożsamości miasta, która jest oparta na trzech segmentach. A. Topfer i R. Muller wymieniają odpowiednio:

- „town design” – jednolity obraz (oblicze miasta),
- „town communications” – system komunikowania się z grupami docelowymi,
- „town behaviour” – system „zachowania” się miasta (wszystkich jego elementów składowych).¹²

R. Junghardt definiuje „town design” jako „sumę powtarzalnych, ważnych elementów formalnych i treściowych, za pomocą których instytucja, w tym wypadku miasto, prezentuje się na zewnątrz lub do wewnątrz”.¹³ Elementy te zapewniają jednolity obraz miasta w oczach obserwatorów i nadają mu oblicze, dzięki któremu jest w każdej sytuacji rozpoznawalne i odróżniane od innych. Do ważnych środków kształtowania obrazu miasta należą konsekwentnie stosowane symbole, nazwy, slogany, specyficzne kolory (barwy miasta), pomniki i elementy infrastruktury.

Drugim segmentem jest system komunikacji marketingowej (town communications), czyli „całokształt form, środków i technik wymiany informacji z docelowymi grupami interesantów wewnętrznych i zewnętrznych”.¹⁴ Bezpośrednie formy przekazu informacji opierają się na środkach „direct mail”, spotkaniach i wiecach, bezpośrednich konsultacjach, rozmowach, dyskusjach i telefonach specjalnych. Ponadto ważną formą są działania z zakresu propagandy gospodarczej miasta, a więc public relations, publicity i sponsoring.

Trzeci segment współtworzący tożsamość miasta (town behaviour) to „uogólniony system zachowania wszystkich podmiotów miasta, jego mieszkańców, grup społecznych, przedstawicieli władz, kadry menedżerskiej i wszystkich instytucji”.¹⁵ System ten jest określane także mianem „kultura miasta”, ponieważ obejmuje obowiązujące i respektowane w danym mieście normy społeczne i prawne, zasady etyczne, zwyczaje i lokalne tradycje. Kulturę miasta wyznaczają także wzory zachowań społecznych, takie jak styły zarządzania realizowany przez władze miasta, kultura osobista mieszkańców i ich nastawienie do innych grup (terytorialnych, etnicznych), stosunek do patologii społecznej, przestrzeganie zasad porządku publicznego, ochrona środowiska naturalnego itd.

Zakończenie

Tożsamość miasta ma charakter dynamiczny. Oznacza to więc, że jest ona pewnym procesem. W związku z tym w literaturze przedmiotu spotkać się można z określeniem „strategia kształtowania tożsamości”. Stanowi ona szczegółowo zaplanowany, wynikający z realizacji badań rynkowych zbiór instrumentów, które poprzez realizację celu – jakim jest tworzenie pożądanego wyobrażenia o mieście – pozwalają na zrealizowanie pozostałych celów strategicznych rozwoju miasta.¹⁶

¹¹ Tamże, s. 137

¹² cyt. za A. Łuczak, Wizerunek, marka i pozycjonowanie jednostki terytorialnej, [w:] Marketing terytorialny, pod red. T. Markowskiego, Komitet Przestrzennego Zagospodarowania Kraju PAN, Warszawa 2002, s. 107.

¹³ R. Junghardt, ABC promocji gmin, miast i regionów, Fundacja Im Eberta, Gliwice 1996, s. 120

¹⁴ M. Kubasik, Komunikacja z mieszkańcami, „Wspólnota”, 1997, nr 7, s.10.

¹⁵ B. Junghardt, ABC promocji gmin, miast i regionów, tamże, s. 121

¹⁶ A. Stanowicka-Traczyk, Bariery w budowaniu tożsamości miasta, „Marketing i Rynek”, 2007, nr 4, s. 15.

Tożsamość stanowi więc zbiór czynników (obejmujących zarówno elementy stałe – niezmiennie właściwości miasta, jak też elementy zmieniające się w czasie) oraz zespół działań podejmowanych w celu wykreowania pożądanego obrazu miasta, czy to w środowisku wewnętrznym, czy też zewnętrznym wobec danej miejscowości. Efektem realizacji założonej strategii tożsamości jest zmiana percepcji miasta w społecznym odbiorze, co stanowi jeden z najistotniejszych celów marketingowych miasta. Pozytywny wizerunek jest bowiem swoistą wartością dodaną jednostki osadniczej, niematerialnym elementem przewagi konkurencyjnej wobec innych ośrodków miejskich.

LITERATURA

- Abraham E., Ketter E., *Media Strategies for Marketing Places in Crisis*, Elsevier, 2008.
- Agniszewska G., Zagrożenie tożsamości a konkurencja, „Firma i Rynek”, 1999, nr 13.
- Glińska E., Florek M., Kowalewska A., *Kształtowanie wizerunku miasta*, Wolters Kluwer Polska, Warszawa 2008 (pozycja w druku).
- Junghardt R., *ABC promocji gmin, miast i regionów*, Fundacja im Eberta, Gliwice 1996.
- Kubasik M., *Komunikacja z mieszkańcami*, „Wspólnota”, 1997, nr 7.
- Łuczak A., *Istota tożsamości miasta*, „Samorząd Terytorialny”, 2000, nr 10.
- Łuczak A., *Wizerunek, marka i pozycjonowanie jednostki terytorialnej*, [w:] *Marketing terytorialny*, pod red. T. Markowskiego, Komitet Przestrzennego Zagospodarowania Kraju PAN, Warszawa 2002.
- Stanowicka-Traczyk A., *Barьеры в budowaniu tożsamości miasta*, „Marketing i Rynek”, 2007, nr 4.
- Szromnik A., *Marketing terytorialny – Miasto i region na rynku*, Wolters Kluwer Polska Sp. z o. o., Kraków 2007.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Назаров З.И.

Стерлитамакская государственная педагогическая академия, г. Стерлитамак, Россия

Глобализация, являясь основной тенденцией современного мирового развития, сопровождается процессами интеграции.

В переводе с латыни слово *integratio* означает сращивание, восполнение, *integrare* – превращать в целое. Таким образом, интеграция – процесс объединения, сращивания частей в некоторую целостность.

Интеграция является одной из наиболее значительных частей процесса глобализации. Интеграция в первую очередь предполагает государственных участников. Государства интегрируются на основе подписания межгосударственных соглашений, глобализация же не предполагает таких соглашений. Процесс интеграции подразумевает сотрудничество между государствами в различных сферах, областях и формах. П.А. Цыганков классифицирует виды интеграции по следующим основаниям:

по предмету – политическая, экономическая, научно-техническая (и т.п.);
по географическому принципу – глобальная, региональная, субрегиональная интеграция [1; 91].

Современные интеграционные процессы происходят на всех континентах, являясь составной частью всемирной глобализации со всеми ее достижениями, но и со всеми ее трудностями и проблемами.

Государства побуждаются к интеграции прежде всего наличием общих проблем, решения которых облегчается совместными усилиями, а иной раз только и возможно в результате объединения совместных усилий.

Не менее важной причиной, побуждающей к интеграционным процессам, является заинтересованность средних и малых государств в увеличении своего международного влияния, поскольку для таких стран объединенными усилиями воздействовать на международные процессы значительно легче, чем в одиночку.

Уход в прошлое формулы «два мира – две системы» дал основание для теоретических изысканий относительно взаимоотношений пространств, континентальных масс (Европа, Америка, Африка и т.п.) как цивилизационных образований (европейское, атлантическое, евразийское, исламское и т.д.). В геополитическом и геоэкономическом плане появились понятия «большого хозяйственного пространства», «системы пространств» (ЕС – Россия), «постсоветского пространства».

Категория пространства – понятие многомерное, включающее в себя и материальные (географические), и социально-экономические (производственные и институциональные, и, наконец, духовные (цивилизационные)). Пространство как физическую категорию известный российский ученый В.И. Даль понимал как «сочетание или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место. Самое место – это простор, ширь и глубь, место по трем изменениям своим».

Современная наука дает пространству и другие измерения: экономическое, социальное, правовое, политическое, а также цивилизационное. Все они взаимосвязаны, но не всегда адекватны, так как имеют различное содержание. Экономическое пространство связано с производством, социально-политическое – с общественными отношениями. А цивилизационное пространство – категория прежде всего духовная, так как связана с культурой, религией, системой ценностей.

Пространство не статично, его следует рассматривать в движении, с позиций исторических ритмов Ф. Броделя [2; 127].

Региональная интеграция обозначает не просто географические границы той или иной организации. Региональные объединения различаются по глубине и характеру сращивания экономик стран – партнеров, по выбранной интеграционной стратегии, институциональному устройству, по сферам и масштабам деятельности, по количеству государств – членов, по социокультурным признакам.

Региональная общность стран – соседей создает объективные возможности для формирования адекватных времени крупных политико-экономических образований, которые, по мнению экспертов, в ближайшем будущем окажутся более эффективными субъектами международных отношений, чем национальные государства, способными обеспечить формирование нового полицентрического и более стабильного, чем ныне существующий, миропорядка.

Страны, не использующие огромный потенциал региональной интеграции, не способны выстоять в современной глобальной конкуренции, противостоять вызовам глобализации.

Взгляд на интеграцию как на процесс, развивающийся от простых к более сложным формам, позволил Б. Балаши, известному западному экономисту, осуществить классификацию стадий развития региональной интеграции, выделив пять основных типов (форм) интеграционных соглашений:

- 1) зона свободной торговли (free trade zone);
- 2) таможенный союз (customs union);
- 3) общий рынок (common market);
- 4) экономический союз (в наиболее зрелой форме) экономический и валютный союз (economic and monetary union);
- 5) полная экономическая и политическая интеграция [3; 20].

Небезынтересной в этой связи является точка зрения доктора экономических наук, профессора, референта Правительства РФ В.Д. Андриянова, который пишет: «Советский Союз задолго до создания Европейского Союза соответствовал всем критериям регионального интеграционного объединения. В бывшем СССР существовали:

зона свободной торговли, таможенный союз; единое экономическое пространство с четырьмя степенями свободы (движение товаров, капитала, услуг и рабочей силы). Кроме того, фактически был единый рынок, наднациональные органы управления, единая макроэкономическая, внешнеэкономическая, налоговая, социально-экономическая политика, единая валюта» [4; 10].

Но волею судеб распад Советского Союза, дезинтеграция республик, входящих в его состав, совпали по времени с завершающим этапом европейской интеграции – созданием Экономического и валютного союза (ЭВС).

Подписание Маастрихтских соглашений об условиях конвергенции в Евросоюзе и подписание Беловежских соглашений о создании СНГ, что привело к ликвидации Советского Союза, произошло практически в одно и то же время – в декабре 1991 г.

Несомненно, что распад единой экономики Советского Союза создал очень много серьезных производственных, экономических и социальных проблем для государств, возникших на его основе. Однако нереалистичным является представление о том, что все экономические связи, формировавшиеся в условиях иной социально-экономической и политической системы и в рамках другого государства, можно восстанавить. Специалисты выражают сомнение в самой целесообразности поставки такой задачи, поскольку возникли новые государства со своими экономическими комплексами, товарными и факторными рынками. Предполагать, что все хозяйственные отношения, существовавшие в «прежней жизни» окажутся эффективными, было бы недальновидной иллюзией [5; 29].

Ретроспективно можно констатировать, что создание СНГ обозначило выбор республиками бывшего СССР интеграционного пути развития дальнейших взаимоотношений. Вместе наши страны могут представлять собой крупнейшее евроазиатское суперобъединение. При общем населении почти в 300 млн. человек вполне можно создать емкий суперрынок с набором производств с полным циклом. Страны СНГ унаследовали единую транспортную сеть и пусть не современную, но все-таки общую инфраструктуру. СНГ может стать уникальным транспортным коридором между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Сегодня, на наш взгляд, наиболее перспективна линия не на вхождение России, Украины, Белоруссии и ряда других постсоветских государств в Евросоюз (неважно вместе или поодиночке). Можно согласиться с Н.П. Шмелевым в том, что намного более реалистичным и обещающим является курс на развитие параллельных и относительно (но только относительно!) автономных процессов интеграции на Западе и на Востоке евразийского континента, т.е. в рамках Евросоюза и СНГ. Автономность эта, конечно, ни в коем случае не должна подразумевать сохранение старых и возведение каких-то новых барьеров между двумя объединениями. Напротив, и то и другое интеграционное движение должны быть встречными, и в перспективе это, возможно, приведет к их слиянию в нечто общее и единое, способное уравновесить весь мировой расклад сил [5; 31].

Перспективы и результаты экономических преобразований в России, ее место в мировой экономике во многом определяются тем, насколько успешными будут усилия по сохранению и упрочению позиций на рынках ближнего зарубежья, превращению связей с ними в одну из движущихся сил экономического развития.

Для новых независимых государств емкий российский рынок является не только привлекательным, но зачастую и безальтернативным для экспорта и импорта многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, энергоносителей, сырья и материалов.

На современном этапе для придания интеграции на постсоветском пространстве «нового дыхания» необходимы:

- совместные поиски долгосрочной ниши группировки новых независимых государств в мировом хозяйстве, во взаимоотношениях с другими интеграционными группировками, коллективная защита своих интересов от дискриминации, недобросовестной конкуренции и других опасностей, исходящих от третьих стран;

- скоординированная перестройка межреспубликанской специализации и структуры производства;

- выработка и реализация крупных экологических программ.

Интенсификация интеграционного процесса в Содружества, повышение результативности взаимодействия его участников – это базовая предпосылка для преодоления отставания экономической интеграции в СНГ от требований времени, для успешного вхождения в структуру модернизированного нового мирового хозяйства.

Можно согласиться с теми аналитиками, которые полагают, что в настоящее время практически закладываются основы нового политического устройства мира. По их мнению, суперрегионы движутся в направлении так называемых интегрий – наднациональных политических объединений со своей валютой, моделями экологического регулирования, правовыми институтами, структурами управления, системами безопасности. Это ведет к перспективе создания если не государственных, то квазигосударственных образований в формах союзов или конфедерации – конкретная форма является не столь уж важной [3; 65]. Исходя из вышеизложенного, России в ее взаимодействии с многополюсным миром необходима многовекторная интеграция, которая предполагает:

- 1) лидерство в СНГ, на евразийском пространстве;
- 2) активное сближение с ЕС, очевидно, в форме какого-либо партнерства (формирование Общего европейского экономического пространства);
- 3) расширение и углубление участия в азиатско-тихоокеанской интеграции (АТЭС), членом которой Россия уже является.

Глобализация мировой экономики и регионализм представляют собой серьезные вызовы как для России, так и для всех стран СНГ. Без правильного отношения к экономической глобализации и регионализму, без учета этих тенденций при разработке мер по дальнейшему развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве странам СНГ не только не занять достойного места в глобализирующейся экономике, но и не решить проблем внутриэкономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыганков А.П. Теория международных отношений: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.
2. Глухарев Л.И. Европа в системе пространств//Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов; монография. Под ред. Глухарева Л.И.; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Крафт+, 2006. – 350 с.
3. Международная экономическая интеграция: учеб. пособие/ под ред. д-ра экон. наук, проф. Н.Н. Ливенцева. – М.: Экономистъ, 2006. – 430 с.
4. Андриянов В.Ф. Современные проблемы и перспективы формирования единого экономического пространства стран СНГ// Формирование интеграционных объединений стран СНГ – финансовый, валютный, банковский аспекты. Научный альманах фундаментальных и прикладных исследований. – М.: «Финансы и статистика», 2006. – 365 с.
5. Некипелов А. Процесс глобализации и выбор странами СНГ сценариев социально-экономического развития// Общество и экономика. 2002. №2. С. 18-31.
6. Шмелев Н.П. Россия и современная Европа: взгляд с двух сторон// Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов; монография. Под ред. Глухарева Л.И.; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Крафт+, 2006. – 350 с.

МУЖЧИНА И ГЕНДЕРНЫЙ ДИССОНАНС В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М.Г. Соколовская

Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

В настоящее время белорусское общество переживает радикальную ценностную трансформацию. Эти изменения происходят как на макроуровне – в экономической, социально-политической и культурной сферах, так и на микроуровне – во взаимоотношениях между людьми, в межличностных коммуникациях, в самодетерминации и самореализации отдельной личности.

Эти изменения не могли не коснуться столь важной и чувствительной сферы жизни любого общества – отношений между мужчиной и женщиной. Социальные изменения естественным образом меняют «стандарты», «образцы», «модели» доминирующих в обществе образов «настоящих мужчин» и «идеальных женщин», равно как и специфику восприятия ими друг друга. Изучение подобной проблематики именуется в социальной науке «гендерным анализом».

Очень часто мужчины и женщины воспринимают личности друг друга, основываясь на собственном предположении о том, какими они должны быть и что должны делать, или же на собственных пожеланиях видеть гендерных партнеров такими, какими их хочется увидеть. В последнее время общество осознало, что подобные социальные стереотипы крайне условны, эвристически ущербны и ограничены. Поэтому игнорировать существование гендерных различий нелогично, а проведение исследований по данной проблеме следует считать оправданным и крайне необходимым.

Отметим, правда, что в современной социологии в интерпретации практически любого гендерного исследования присутствует феминистическая тенденция, исторически укорененная в женские социальные движения XIX и XX вв., сфокусированные на ущемлении прав женщины: ее подчиненное семейное положение, несправедливое разделение и оплату труда, дискриминацию ее политических прав, возможностях получения образования и т.п. Как следствие этого, для гендерных исследований традиционной (и преобладающей) оказалась «женская проблематика», чего нельзя сказать об изучении специфически «мужских проблем», что создавало представление об их незначительности или же полном отсутствии. Как иронически утверждал американский критик и публицист Генри Менкен: «Мужчинам живется намного лучше, чем женщинам. Во-первых, они позже женятся. Во-вторых, раньше умирают». Вместе с тем, все больше современных исследователей пишут о «кризисе маскулинности», выражающемся в том, «что так называемые традиционные нормы мужского поведения, формирующие стереотип мужественности... все в меньшей степени обеспечивают успешность или даже простую адаптацию взрослого мужчины в обществе» [1, с. 165].

Но так ли действительно беспрепятственно существование мужчин? Для того, чтобы дать объективный и беспристрастный ответ на этот вопрос, целесообразно обратиться к результатам социологического опроса. Социологами Брестского государственного университета им. А.С.Пушкина под руководством автора этой статьи было опрошено по 350 мужчин и женщин, принадлежащих к различным возрастным и профессиональным группам, проживающих в различных регионах Брестской области. Первая часть полученных социологических данных, свидетельствующих о социальном, гендерном и личностном самочувствии белорусских женщин уже опубликована [2]. В данной статье представлена социологическая информация о восприятии современными белорусскими мужчинами себя и женщин сквозь призму гендерных отношений.

Результаты проведенного социологического исследования предельно противоречивы и не позволяют говорить о безоблачном существовании белорусских мужчин. На первый взгляд, свыше двух третей опрошенных (68,4%) демонстрируют удовлетворенность своей жизнью и способность соответствовать маскулинному идеалу (активность, ум, оптимизм, успех, сила, секс и др.).

Более детальное социологическое изучение этого вопроса вызывает сомнение в первоначальном оптимизме мужчин и свидетельствует скорее об их скрытности, нежели о реальном положении дел. Очевидно, что не все так прекрасно в «Датском королевстве», т.е. в «мужском мире». Действительно, с одной стороны, 62,3% белорусских мужчин говорят о своей сексуальной удовлетворенности, и это в целом неплохо. Но с другой стороны, среди женщин таковых обнаруживается только 44,1%. Но ведь сама направленность, само существо, сам «образец» сексуальной активности мужчины направлены на получение собственного удовольствия через высшее удовлетворение женщины, а не без или же отдельно от нее. Обнаруживается, таким образом, неспособность определенной части белорусских мужчин выполнить одно из важнейших своих предназначений.

Очевидно также, что в белорусской историко-культурной традиции мужчина является основным «добытчиком». В своем большинстве современные мужчины признают это: 65,8% из них полагают, что их основная обязанность – «материальное обеспечение семьи». Однако в реальности, как показало социологическое исследование, удовлетворение от выполнения этой задачи испытывают меньше половины опрошенных (43,8%). Это не может не вызывать у них глубоких переживаний, тем более что 62,3% мужчин исходят из того, что их «сексуальная привлекательность зависит от толщины кошелька», а 77,2% полагают, что «социальная ценность мужчины определяется величиной заработной платы».

Исторически ум считался ключевым маскулинным качеством мужчины. С этим в полной мере согласны и современные белорусские мужчины; 71,9% из которых полагают, что «настоящий мужчина» должен быть обязательно умным. Но когда они же отходят от идеала и обращаются к прозе жизни, то только 22,8% респондентов приходят к заключению, что ум в наибольшей степени присущ современным белорусским мужчинам. Женщины еще скептичнее относятся к интеллектуальным качествам своих гендерных партнеров. Не здесь ли коренятся истоки женского лидерства во многих белорусских семьях?!

По убеждению почти двух третей опрошенных, «настоящий мужчина» должен быть обязательно и «хорошим мужем и отцом». Однако реальность в этом социальном пространстве расходится с идеальными представлениями. Удовлетворение от выполнения отцовских функций испытывают только 43,3% респондентов. К тому же, в представлении мужчин, удовольствие, получаемое от дружеских кампаний (на это указали 50,0% опрошенных), существенно превосходит удовольствие от семейной жизни (36,0%).

Естественно, исторически считалось, что мужчина отнюдь не обязательно должен иметь красивую внешность; вполне достаточно быть «чуть красивее обезьяны». В целом с этим тезисом солидарны и современные белорусские женщины [2, с. 46]. Но что не вызывало сомнения, так это необходимость мужчине быть физически сильным. Это подтвердил и данный социологический опрос. Так, на вопрос, «Обязательно ли современному мужчине быть физически сильным», утвердительно, пусть и с оговорками, ответили 79,8% опрошенных мужчин. Однако при этом почти половина из них (49,3%) боится «часто» и «время от времени», что однозначно указывает на проблемы в этой сфере. Болезнь и сила понятия и феномены суть несовместимые.

Не лучше дело обстоит с гражданской самореализацией мужчин, удовлетворение от которой испытывают 43,8% респондентов. А ведь еще в античности мужчин, находящихся за пределами политического поля, называли идиотами.

Все эти факторы не могли не порождать у многих белорусских мужчин глубокую неудовлетворенность, а вместе с ней – стрессы, внутренние переживания. При всей своей закрытости 57,8% мужчин испытывают страдания «часто» и «время от времени». В представлении 43,9% из них, даже их болезни вызваны главным образом стрессами.

Очевидно, таким образом, что внешне декларируемое современными мужчинами удовлетворение жизнью в реальности таковым не является. Кто или что является препятствием на пути к их «счастливой жизни», полного удовлетворения от выполнения своего мужского предназначения?

В представлении наших респондентов таковых препятствий несколько. В первую очередь претензии адресуются обществу в целом (в нашем случае – власти), которое, по мнению 57,0% опрошенных не обеспечивает столь значимую для мужчины «достойную зарплату». С этим утверждением можно согласиться, поскольку в Беларуси именно государство является основным работодателем. Острота «материального вопроса» отчетливо выступила и при анализе причин, вызывающих наибольшее неудовлетворение в сфере профессиональной деятельности. На первое место здесь вышла зарплата (на это указали 45,6% опрошенных), а только потом – содержание работы (25,4%), отсутствие перспектив роста (21,1%) и отношение начальства (19,3%).

Претензии к обществу не ограничиваются только материальной сферой. В представлении мужчин, которые по своей природе являются одновременно и амбициозными и легко ранимыми, проявление их социальной сущности ограничивается и тем, что общество «стимулирует протекцию и блат» (44,7%), а также «подавляет социальную инициативу» (18,4%).

Справедливости ради отметим, что, адресуя свой упрек обществу, белорусские мужчины достаточно самокритичны, полагая, что во многих собственных бедах виноваты сами. В первую очередь, они указывают на неумение решать возникающие перед ними проблемы. Ярким свидетельством этого является их склонность скрывать от окружающих свои чувства и переживания, главным образом по той причине, чтобы не показаться слабыми в глазах окружающих. Но ведь это одно из проявлений комплекса неполноценности и личностной неуверенности.

Кроме этого, по утверждению 70,5% опрошенных, мужчины склонны «снимать стрессы» с помощью алкоголя, что, как известно, их только усугубляет. И это несмотря на то, что, по мнению 32,5% респондентов, именно пьянство является основной причиной того, что в современной Беларуси мужчины живут на 12 лет меньше, чем женщины.

Еще одним из способов поведения мужчин в трудных ситуациях являются, по мнению 50,4% респондентов, хамство и агрессия, что также приводит к разрушению межличностных связей.

Очень часто мужчины следуют «страусиной позиции», т.е. в сложных обстоятельствах они не активно воздействуют на обстоятельства, а либо «погружаются в депрессию», или же «делают вид, что ничего не происходит».

Бесспорно, что жизнь современных мужчин отягощает уход от традиционной роли ответственной личности за себя и близких людей. Собственно говоря, это подтверждают сами мужчины (47,0% опрошенных).

Сложность мужского существования отчетливо обнаруживается также в построении ими отношений с женщинами. Овладение искусством эффективных межгендерных коммуникаций является для мужчин жизненной необходимостью, поскольку почти 80% опрошенных признают наличие существенных различия между мужчиной и женщиной, обладающими в их понимании «уникальными (и несхожими) мирами».

Значительная часть опрошенных мужчин полагают, что существенную долю ответственности за гендерный диссонанс несут близкие им женщины, откровенно демонстрирующие свой эгоизм, а иногда и глупость, вместо построения гармоничных отношений, примеряя «мундир фельдфебеля».

Кроме этого, в социологическом исследовании зафиксирован определенный разрыв на уровне установок по отношению к гендерным партнерам, что неизбежно приводит к дисгармонии в межличностных отношениях между представителями обоих полов. Настоящий мужчина (по мнению мужчин) должен быть непременно умным (71,9%), ответственным (49,1%), мужественным (48,2%), умеющим зарабатывать деньги (37,7%) и т.д. Но все эти качества, по мнению женщин, как раз в наименьшей степени присущи современным белорусским мужчинам. В представлении прекрасной половины человечества наибольшей ценностью обладают качества, ориентированные на гармонизацию отношений: мужчина должен быть «верным и преданным», «заботливым и нежным». В реальности же в наибольшей степени им характерны, в представлении женщин, сексуальная активность (43,1%), амбициозность (40,1%), умение починить домашнюю технику (37,0%), физическая сила (26,7%). Это и неудивительно, так как данный перечень является достаточно устойчивым, традиционным для мужского сообщества и соответствует полярным стереотипам, принятым в белорусской гендерной культуре. Новые ролевые нормы, которые хотели бы видеть в мужчинах женщины, более ориентированы на эмоции, чувства, а они, как правило, входят в «репертуар» женских моделей поведения.

Социологическое исследование отчетливо демонстрирует, что, несмотря на стремление соответствовать маскулинному идеалу, предполагающему психическую устойчивость, в действительности белорусские мужчины достаточно эмоционально уязвимы. Источником их страданий обычно являются психические факторы, такие как непонимание (44,0%), семейные проблемы (28,9%), предательство близких людей (25,5%), которые, в свою очередь, порождены достаточно высокой степенью эгоцентричности как современных мужчин, так и женщин.

Все это приводит к тому, что только треть мужчин в трудных жизненных ситуациях ощущают поддержку женщин, выступающих в роли жены либо любимой женщины. Безусловным лидером при этом являются родители и родственники (на это указали 40,3% респондента). Несмотря на всю предрасположенность к мужским дружеским кампаниям, на друзей в «трудную минуту» могут рассчитывать только 21,1% опрошенных мужчин.

Выше уже отмечалось, какими хотят видеть женщины мужчин. Любопытно, однако, каких они выбирают в действительности. Мы попросили наших респондентов определить категории мужчин, пользующихся наибольшим успехом у современных женщин. В результате социологического опроса выяснилось, что в ситуации реального выбора, по мнению мужчин, женщины руководствуются преимущественно меркантильными соображениями, отдавая явное предпочтение богатым и влиятельным, что не может не строить между слабой и сильной половиной человечества основательные ментальные барьеры.

Одновременно очевидно, что в настоящее время многие женщины, мечтая о гармоничных отношениях с мужчинами, о любви, поддержке и нежности, надежном «мужском плече», в реальности проповедуют более практичный и прагматичный подход к жизни, полагая, что в ситуации выживания, в которой они находятся, одних чувств недостаточно. Позитивные эмоции хороши и привлекательны, но только на хорошем материальном фундаменте. Более того, даже тогда, когда женщина говорит о любви, как показали социологические исследования (2001 г.), проведенные под руководством автора статьи, зачастую в ее понимание любви вкладывается потребительский компонент, т.е. женщина безусловно любит блага, исходящие от мужчины, сама же не проявляя по отношению к нему должной заботы и нежности [3, с. 369].

Женский меркантилизм и утилитаризм подтверждается также в ситуации брачного выбора. Безусловно, белорусских мужчин радует та часть женщин (39,5%), для которых именно любовь является основным мотивом заключения брака. Однако недалеко от этого мотива ушли материальные соображения (37,7%) и беременность (36,9%). Неправильным будет утверждать, что беременность не может быть следствием сексуальных отношений людей, которые искренне любят друг друга. Но она может быть использована в качестве эффективного средства для принуждения молодого человека к заключению брака. В этом случае на благополучные семейные отношения можно только надеяться.

По мнению наших мужчин, важным мотивом вступления женщины в брак является удовлетворение сексуальной потребности (на что указали 28,0% опрошенных), связанное с желанием придать сексуальным отношениям социальный характер. Однако здесь скорее всего проявляется феномен проекции, поскольку сами же женщины опровергают этот тезис: только 3,3% из них называют удовлетворение сексуальных желаний в качестве мотива вступления в брак.

Определенный диссонанс в отношении между мужчиной и женщиной вносит, как выявило данное исследование, тот факт, что для большинства мужчин семья не является комфортной средой обитания, проигрывая дружеским компаниям. У женщин же семья вне всякой конкуренции: ей отдают предпочтение около двух третей опрошенных.

При этом, без сомнения, не может не радовать тот факт, что 86% опрошенных мужчин считают, что они обязаны заниматься воспитанием детей. Замечательно и то, что 89,5% мужчин выразили готовность разделить с женой бремя домашних работ, а 85,1% высказались за недопустимость насилия мужчин над женщинами. Они допускают рукоприкладство исключительно в «профилактических» целях, а именно — в случае пьянства жены. Любопытно то, что употребление алкоголя «сильным полом» они считают допустимым, а иногда и попросту необходимым («для облегчения общения», «снятия стресса» и т.п.). Женское же пьянство ими безусловно осуждается.

Но гендерное насилие все-таки существует и вызвано отнюдь не склонностью женщин к употреблению горячительных напитков. Причины могут быть совершенно разные. Это и пьянство самих мужчин (на него указали 44,9% опрошенных мужчин), и низкий уровень культуры (44,0%), и стремление мужчин к самоутверждению (23,9%), и др.

Позитивным моментом для укрепления семейных отношений является то, что значительная часть респондентов к числу «мужских обязанностей» отнесли материальное обеспечение семьи (68,5%) и моральную поддержку жены (43,5%), т.е. функции, которые имеют огромное значение для установления гармоничных семейных отношений.

Что же мешает белорусским мужчинам перейти в отношениях с женщинами как в семье, так и по-за ней от благих побуждений к реальным поступкам, им соответствующим?

Во-первых, мужчины в подобных отношениях часто используют практику дистанцирования в той ситуации, когда от них ждут понимания и поддержки, что психологически воспринимается женщинами как проявление эгоизма и эгоцентризма.

Во-вторых, некоторым из них присущ инфантилизм и обыкновенная бездеятельность, порождаемые банальной ленью. Как показывают результаты социологического опроса, именно за лень (42,1%) чаще всего женщины ругают «своих мужчин».

В-третьих, отношения между мужчиной и женщиной в значительной степени отягощают хамство, грубость и эмоциональная несдержанность «сильной половины».

В-четвертых, то, что часть мужчин, нацеленных на эффективное выполнение функций «семейного добытчика», столкнулись с действием закономерности, согласно которой, чем больше денег зарабатывает мужчина, тем меньше времени он уделяет семье и детям. Именно по этой причине только 47,3% опрошенных мужчин высказали свою удовлетворенность участием в воспитании детей.

В-пятых, в обществе, особенно в эпоху постмодерна, происходит снижение значимости традиционной установки на семью как основную жизненную ценность и растет приоритетность внесемейных ценностей – образование, работа, карьера, независимость и др. Кроме этого, эта эпоха лишила романтического ореола образ женщины, заменив его «глянцем» и «гламуром».

В-шестых, гедонизм и эгоизм как мужчины, так и женщины. Характерной чертой современного мира, прощающего с традиционными ценностями, является акцентация внимания на получении максимального объема и качества индивидуальных удовольствий и наслаждений, благо этому благоприятствует постоянно растущий уровень жизни населения. У части мужского сообщества существует целевая установка не обременять себя обязанностями по отношению к женщинам, а использовать их главным образом в качестве инструмента, средства получения позитивных эмоций. Все это, безусловно, разрушительно сказывается на построении прочных и ответственных отношений.

Все это факторы вкпе зачастую приводят мужчин к неспособности в полной мере выполнить свои гендерные роли, к дисфункциям в семейных отношениях и в отношениях с женщинами, что не может не приводить как к личностной деградации некоторой части мужского сообщества, так и негативно влиять на «женский мир».

ЛИТЕРАТУРА

1. Митина О.В., Касперт А., Низовских Н.А. Идеология маскулинности в современной России: постановка проблемы и экспериментальное исследование// *Общественные науки современность*. – 2003. – № 2. – С. 164-175.
2. Соколовская М.Г. Идентификация мужчины: взгляд женщины// *Вестник Брэсцакага дзяржаўнага ўніверсітэта*. – 2004. – № 2 (39). – С. 43-49.
3. Соколовская М.Г. Современная белорусская женщина: определение любви// *Методологія, тэорыя та практыка сацыялагічнага аналізу сучаснага суапільства. Матэрыялы 7-й навукова-метадичнаў канферэнцыі*. – Харків, 2001. – С. 368-372

ГРИМАСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.В. Майсюк

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Обычно под термином «глобализация» рассматриваются позитивные или негативные процессы, охватывающие территорию всего земного шара. При несомненной адекватности этого термина реалиям нашего времени, остаются малоизученными вопросы: кто кого глобализует, каковы плюсы и минусы глобализации?

Между тем, глобализация – это своеобразная социальная болезнь, вирусы которой, подобно эпидемии, обесценивают понятия суверенитета, независимости, национальности, ведут к деградации и коррозии культуры и нравственности, исчезновению многовековых традиций народов, трансформации идеалов и ценностей, отмиранию самобытности народов Земли, нивелированию человеческой психологии, усилению конфликтного фактора в межгосударственных, межнациональных, межконфессиональных и межцивилизационных взаимодействиях.

Пространство глобализации можно назвать рыночным пространством, где все и вся становится товаром, в том числе и такие духовные ценности, как совесть, честь, стыд, достоинство и вера. Принцип выгоды становится доминирующим на уровне всех социальных институтов, милосердие и сострадание отходят в разряд атавистических пережитков прошлого, сохраняющихся кое-где лишь в религиозных сообществах.

Истоки глобализации коренятся в конкретном месте и возникают в конкретное время. Конкретное место – Соединенные Штаты Америки, конкретное время – вторая

половина XX века, конкретные приемы — политика двойных и тройных стандартов в отношении других народов и государств. Например, в отношении мусульманского мира нельзя не видеть открытую полистандартность:

- открытая поддержка косовских мусульман — албанцев в их борьбе за государственную независимость;
- обструкция и агрессивная риторика в отношении мусульманского Ирана;
- нейтралитет по отношению к дискриминации мусульман — курдов, добывающихся государственной независимости от «демократической» Турции;
- более чем тесные торгово-экономические и политические связи с мусульманской Саудовской Аравией;
- защита мусульманского Кувейта от агрессии мусульманского же Ирака.

Как видно, свои интересы США обеспечивают так, как считают нужным, игнорируя нормы международного права. История Соединенных Штатов Америки как суверенного государства показательна тем, что в ней никогда не было эпизодов защиты от нападений извне: государство всегда боролось с врагами внутренними — расистами, коммунистами, сепаратистами и уголовниками.

В то же время, ощущая свое могущество и, главное, безнаказанность, США проводили и проводят грубую и бесцеремонную политику государственного террора в отношении любого неудобного им по тем или иным причинам режима или движения.

Вкратце перечислю некоторые вехи американского «большого пути»: 1946г - разгром повстанческого движения на Филиппинах, 1947г. — разгром повстанцев в Парагвае, 1948г. — оккупация Коста — Рики, 1950-1953г.г. — война в Корее. Далее следовали Иран, Гватемала, Таиланд, Конго, Панама, Куба, Вьетнам, Гренада, Никарагуа, Ливия, Югославия, Ирак... В этом послужном списке «самой демократичной страны в мире» мы видим также финансирование оппозиции в странах бывшего «социалистического лагеря» и «цветных революций» на постсоветском пространстве. В планах на будущее — акции различного характера против государств, посмевших не пресмыкаться перед «дядюшкой Сэмом» и его сателлитами — в этот список включена и Республика Беларусь.

Слов нет, лидером в мировой экономике и в военной сфере являются США — это бесспорный и общепризнанный факт. Американцы публично заявляют, что их «интересы» имеются в любом государстве и в любом месте земного шара и что «защита» этих интересов — первейший долг государства. По своей глубинной сути история США — это перманентная история экспансии доллара и собственной товарной продукции, история «привязки» национальных экономик к экономике США: «господин доллар» непокорных не любит и уничтожает.

Однако существует и другой, внеэкономический и вневоенный, аспект американской глобализации, именуемый «распространением духовных ценностей западной демократии». Имеется в виду прежде всего так называемая «массовая культура», грязные потоки которой пробуждают низменные инстинкты, развращают детей и молодежь и напрямую ведут человечество к тотальной нравственной деградации.

И это начинают понимать везде и особенно обостренно и болезненно — в мусульманском и латиноамериканском мире. Нельзя не согласиться с мнением покойного аятоллы Хомейни, который писал: «Все мы должны знать, что свобода на западный манер, которая развращает и разлагает молодежь — наших сыновей и дочерей — осуждается исламом и разумом человеческим....Нельзя допускать свободы, которая приносит вред и разрушает» [1, стр.78].

Действительно, распространение разврата, игорных и питейных заведений, публичных домов, алкогольных напитков, бесконтрольной и порочной «желтой» прессы и не менее аморальных передач по телевидению: — все это в совокупности представляет собой никогда не виданную ранее «ярмарку разврата и морального нигилизма».

Как это ни странно, но площадку для внедрения новых ценностей и стандартов на территории бывшего СССР, готовит отечественная интеллигенция, вышедшая из «советской шинели» и сегодня рвущая эту шинель в клочья. Выдерживая из этого прошлого исключительно негативные факты, сознательно замалчивая достижения, извращая советскую реальность во всей ее совокупности, современные российские мастера пера и эфира всячески расчищают поле глобализации в ее западно-американском обличье.

Их экскурсы в «советское прошлое» отличаются односторонностью, убожеством анализа и алчным трупоедством. Например, для вскормленного этим прошлым В. Костикова, оно представляется как сплошные «очереди за мукой, кефиром, дешевым ситчином, бараки, гулаговские лагеря, тотальная система доносов и сексотов», «молодежь загоняли в комсомол, а рабочих в партию» [2; стр.11] и в том же духе. Одновременно демонстрируется раболепие перед Западом, давшим своим восточным соседям все, без чего нет культуры: «фильмы», «литературу», «музыку», «театр», «дворянскую интеллигенцию», «конституцию», «законы», «святых и великомучеников» [см. там же]. Ныне таких «костиковых», «сванидзе» и иже с ними – легион.

Попытки представить американскую и западноевропейскую глобализацию в качестве юности – демократа с привлекательным человеческим лицом выглядят фарисейскими и не соответствующими истинному положению и статусу американизма и вестернизма как таковых, как феноменов, рожденных насилием и порождающих насилие.

Гримасы американской глобализации на руинах социализма проявляют себя не только в извращенных видах человеческих взаимоотношений (гомосексуализм, лесбиянство, профессиональный бокс, публичные дома), но и в организации грязных зрелищ, главными «героями» которых, наряду с людьми, выступают животные (бои быков, собак), птицы (петушиные бои) и даже монстры-роботы, крушащие все и вся.

Исследования специалистов свидетельствуют, что городские дети до 10 лет успевают увидеть по телевидению 10 000 эпизодов убийства 100 000 сцен насилия. Если же к этому добавить Интернет, криминальную периодику, книги по уголовной тематике и подобного рода видеодискеты, то вышеназванные цифры возрастают многократно. В конечном счете, молодежь с раннего детства приучается к насилию как естественному явлению.

Культ насилия не может не привести к печальным и отвратительным последствиям. И уже сегодня он стал обыденным явлением в святой святых общества – в семье, где жертвами насилия являются более слабые, т.е. женщины. «По данным ООН, как минимум 20 % женщин в мире, а это каждая пятая, когда-либо подвергалась физическому или сексуальному насилию или жестокому обращению со стороны своих мужей. В США каждые пятнадцать секунд женщина подвергается побоям – как правило, со стороны мужа или сожителя. В Великобритании еженедельно от рук мужей или сожителей погибают две женщины... В Египте 35 % замужних женщин как минимум один раз в жизни избивались мужьями... В России 36 тысяч женщин ежедневно подвергаются побоям со стороны супругов или сожителей» [3, стр. 35]. В родной Беларуси «от грубых форм насилия в семье страдают 25 – 30% белорусок...» [3, стр. 34].

Раскрепощенности кулаков способствует раскрепощенность в отношении спиртных напитков. Наверное, не существует фильмов и телесериалов, в которых персонажи не прикладывались бы к рюмке. Равнодушное отношение к увеличивающимся объемам потребления алкоголя (в Беларуси – 80 граммов в день на душу населения, включая младенцев) таит в себе опасность исчезновения народа с демографической карты мира – как жертвы всеобщей алкоголизации.

Еще в прошлом веке американское общество характеризовалось американскими же социологами как общество аномическое, которому присущи безнравственность, бездуховность, апатия, распад системы ценностей, преступность и разрыв социальных связей. Не изменилось это общество и в XXI веке.

Глобализация приводит к тому, что состояние аномии может поразить общество в любом государстве – если не принимать энергичных мер по противодействию, в том числе и у нас, в Республике Беларусь.

Американские и западно-европейские стандарты культуры имеют качественное отличие от стандартов иных культур: славянской, арабской, китайской и т.д. Культ денег, силы, сексуальной и иной вседозволенности зародился именно на Западе и стал там привычной, обыденной и повседневной нормой бытия. Индустрия пошлости и бездуховности бесперебойно выдает «духовный товар» запредельного цинизма, но это никого или почти никого уже не шокирует, не удивляет, не возмущает. Даже религиозные «святыни» стали объектом глумления, осмеяния и низкопробной эксплуатации – робкие попытки церкви повлиять на ситуацию ничего не меняют.

Все бы ничего, если бы подобного рода продукция ограничивалась пределами территории изготовителей: пусть едят, что хотят, что им нравится. Однако проблема в том, что в эпоху глобализации все эти зловонные отходы культуры смогли прорвать национальные границы и стали или становятся фактором бытия обществ и государств, имевших до этого совершенно иную ментальность. Особенно благодатной почвой оказались страны бывшего Союза ССР, народы которых устали от жесткой и многолетней цензуры и начавшие с неконтролируемой всеядностью поглощать любое импортное дерьмо.

Этому способствовал и продолжает способствовать агрессивный маркетинг, включающий в себя не только всестороннее и интенсивное изучение спроса, но и рекламу, а также современные средства хранения и транспортировки любых товаров в любую точку мира.

Глобализация по-американски опасна для человека во всех отношениях. Ее строжайшим принципом является принцип максимума свободы и минимума ответственности. Все сферы духовной деятельности зиждутся на тотальном отрицании общепризнанных этических и эстетических норм и канонов. Полярные противоположности меняются местами: безобразное становится прекрасным, ничтожное – великим, порицаемое – восхваляемым, иррациональное – разумным и т.д. Тенденция попрания многовековых табу прослеживается повсюду: в политике, в искусстве, в юриспруденции, в философии, в педагогике, в лингвистике, в демографии, в религии...

Весь этот порочный и мерзопакостный товар навязывается другим народам в упаковке «естественной и необратимой глобализации». Эту угрозу быть погребенными заживо ощущают и осознают прежде всего в странах с самодостаточной и многовековой культурой.

Наглость вкупе со свинством и самодовольством – визитная карточка на все времена для сильных государств мира сего. На современной лицевой стороне этой карточки явно просвечивают лики сатанизма – порождения «американской мечты», следствие бездуховности и извращенных моральных ценностей американской «демократии». Демонстрируя свою приверженность к Богу, производители псевдодуховной продукции наводняют землю книгами, брошюрами, фильмами, рок-группами, песнями, в которых центральными темами пропаганды являются оккультизм, сатанизм, дьяволизм, магизм, шаманизм и зомбизм – с обязательным сексизмом. «Сатанинская Библия» и различные учебники по

магии в книжном мире стали весьма востребованным товаром: сатанизация мира в противовес его христианизации и исламизации переплюнула по своим масштабам и темпам процессы секуляризации и атеизации человечества, наблюдавшиеся в недалеком прошлом. Как всегда, главным потребителем и жертвой сатанистов была и остается молодежь.

В настоящее время характерным ответом на глобализацию является терроризм. Призрак терроризма сегодня не дает спать спокойно никому – и в том числе государствам с многолетними демократическими традициями.

Давно замечено, что многие террористические акции XX и XXI веков обусловлены внешними обстоятельствами, никак не связанными с внутренними проблемами государств или регионов, в которых базируются или проживают террористы. Почему это так? Скорее всего, в данных случаях имеет место месть тем «глобализаторам», которые, по мнению лидеров террористических организаций, грубо попирают нормы, законы, ценности, традиции других обществ с иным менталитетом, пытаются навязать им свои, более «прогрессивные» ценности. Не имея других способов противодействия, террор на территории «врага» оказывается формой протеста против его политики. Естественно, борьба слабого с более сильным врагом исключает открытое вооруженное противостояние. Соединенные Штаты Америки и их сателлиты могут позволить себе бомбежки Ирака, Ливии, Югославии, Афганистана... Россия могла годами бомбить Чечню и проводить там «зачистки»... Турция десятилетиями уничтожает своих собственных граждан, курдов... Понятно, что террористическая деятельность против сильнейшего не велась и не может вестись в цивилизованных формах. К слову, белорусские партизаны не отличались в выборе средств в борьбе с фашизмом – и никому в голову не придет ставить им это в вину. Осмелюсь предположить, что по мере развертывания глобализационных процессов партизанско-террористическая борьба будет усиливаться – несмотря ни на какие заклинания об объединении усилий по ликвидации терроризма военными средствами.

Можно ли противостоять глобализации или хотя бы нейтрализовать ее отрицательные последствия? Думаю, что можно и нужно. При этом следует сделать оговорку: слепая защита своего, и не менее слепое сопротивление всему чужому обрекают любое общество и любое государство на неминуемое поражение. До тех пор пока зарубежная промышленная и сельскохозяйственная продукция будет качественнее и дешевле отечественной, она и будет пользоваться спросом. Следовательно, создание собственной конкурентоспособной продукции – задача архиважной важности, решение которой возможно только на научной основе. Опираясь именно на науку, было совершено «экономическое чудо» азиатскими «тиграми» (Японией, Сингапуром, Южной Кореей, Китаем и др.), опыт которых не грех было бы изучить белорусским специалистам.

Что касается противодействия американской экспансии в сфере нравственности и культуры, то, по моему глубокому убеждению, это противодействие невозможно без жесткой авторитарной позиции властных структур государства, которые совместно с социальными институтами могут и обязаны заниматься воспитанием и спасением белорусского народа от чумы американизации (читай «глобализации»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Хомейни Р.М. Религиозное и политическое завещание. - М., 1999.
2. «Аргументы и факты», 2008; № 8.
3. А. Максимова. По законам домостроя. «Благодать», 2007, №11-12.

PROTOKÓŁ DYPLOMATYCZNY W PROWADZENIU BILATERALNYCH NEGOCJACJI MIĘDZYNARODOWYCH, JAKO STAŁY ELEMENT EWOLUJĄCEJ RZECZYWISTOŚCI STOSUNKÓW MIĘDZYNARODOWYCH

Marcin Szczepański

Jednym z nieodłącznych komponentów negocjacji międzynarodowych, szczególnie negocjacji politycznych, jest protokół dyplomatyczny, czyli ogół zasad zachowania się i postępowania przyjęty w kontaktach między podmiotami stosunków międzynarodowych, oraz ich reprezentantami. Reguły funkcjonowania dyplomacji międzynarodowej istniały od wieków, jednak dopiero na kongresie wiedeńskim zostały zunifikowane.

Bardzo ważną rzeczą w kontaktach dyplomatycznych jest ustalenie procedencji, czyli kolejności ważności służbowej wszystkich osób biorących udział w negocjacjach. Pozwala to określić funkcjonowanie danego człowieka podczas rozmów.

Procedencja decyduje o sposobie ulokowania w samochodzie, przy stole konferencyjnym, podczas przyjęcia, a także o udziale w rozmowach, jeśli ograniczony jest krąg osób towarzyszących szefowi delegacji podczas negocjacji. Uchybienia i pomyłki w zakresie procedencji prowadzą często do bardzo przykrych konsekwencji, które mogą odbić się na stosunkach między państwami.

Oto niektóre aspekty organizacyjno – protokolarne dotyczące samych rozmów. Planując rozmowy należy przewidzieć, w jakiej formie powinny być prowadzone.

Protokół rozróżnia następujące formy rozmów:

-rozmowa w cztery oczy – jest spotkaniem dwóch polityków, którym ewentualnie mogą towarzyszyć tłumacze lub osoby zapisujące przebieg rozmów (tzw. notetakers)

-rozmowy w wąskim gronie – prowadzone są z udziałem jednego doradcy, lub ministra i ambasadora każdej ze stron; mogą brać w nich udział również tłumacze i protokolanci;

-rozmowy plenarne – z udziałem całych delegacji. Mogą się rozpoczynać już w trakcie trwania rozmów w cztery oczy lub w wąskim gronie. Do czasu pojawienia się szefów delegacji rozmowom przewodniczą najstarsi ranga członkowie delegacji;

-rozmowy w grupach tematycznych – prowadzone w trakcie rozmów w cztery oczy lub w wąskim gronie, bądź też przed rozpoczęciem rozmów plenarnych. Po rozmowach prowadzonych w tej formule przewodniczący grup referują na spotkaniach plenarnych ustalenia przyjęte w grupach tematycznych.¹

Przed rozpoczęciem wizyty należy ustalić skład zespołów delegowanych do prowadzenia rozmów w poszczególnych formach. Przyjmuje się przy tym zasadę zachowywania równowagi liczbowej stron.

Stół, przy którym prowadzone mają być rozmowy, jeśli nie jest wystarczająco elegancki, może być nakryty zielonym sukniem. Umieszcza się na nim kartoniki z nazwiskami uczestników obrad. Kartoniki te powinny być odpowiedniej wielkości i opisane obustronnie. Dzięki temu ułatwiona jest identyfikacja rozmówców. Można także rozłożyć przybory do pisania. Na stole nie stawia się porożców. Można natomiast w sali obrad umieścić flagi krajów gościa i gospodarza.²

W czasie rozmów podaje się tylko napoje chłodzące oraz kawę i herbatę. Nie powinno się serwować słodczy, paluszków itp. W wypadku dłuższego trwania rozmów, można w sąsiednim pomieszczeniu przygotować bufet, z którego negocjatorzy mogą skorzystać podczas przerwy w obradach. Podczas rozmów nie wypada palić, w związku, z czym na stole nie stawia się popielniczek. W niektórych państwach, w tym w Polsce palenie w salach obrad jako miejscach publicznych, jest ustawowo zabronione.³

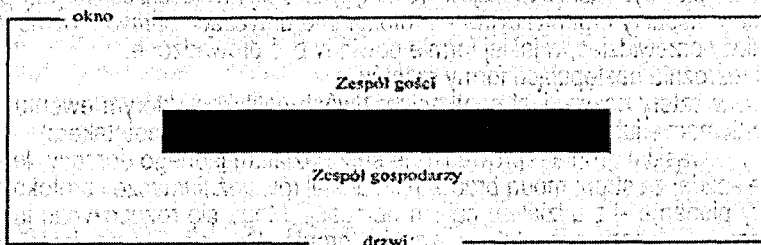
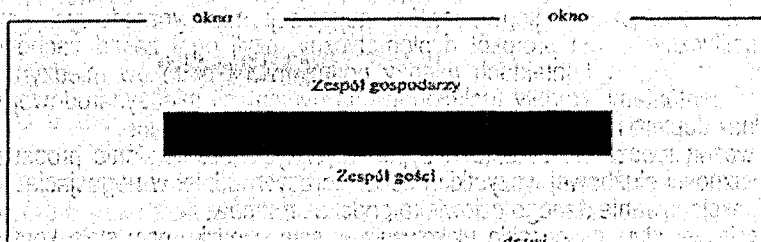
¹ Cezary Ikanowicz Jan W. Piekarski Protokół dyplomatyczny i dobre obyczaje w biznesie. Agencja Promocji Turystyki MART Warszawa 1997, s. 90.

² Ibid. s. 90.

³ Ibid. s. 90.

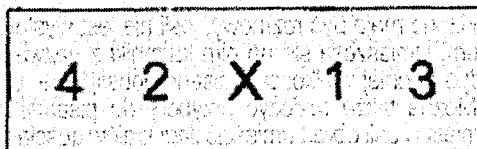
Jest niezmiernie ważną rzeczą, aby obok sali obrad przygotowane zostały pomieszczenia wypoczynkowe, oddzielne dla poszczególnych delegacji. Możliwość odizolowania się w takich pomieszczeniach podczas przerw daje negocjatorom poczucie bezpieczeństwa, ułatwia zrelaksowanie.

Delegacji gości oferuje się honorowe miejsca tzn. po prawej stronie, jeśli wejście jest od szczytu stołu lub też vis a vis okien, jeżeli w sali jest stół ustawiony wzdłuż głównego okna.⁴

Rozplanowanie miejsc zespołów negocjacyjnych w zależności od typu pomieszczenia.
 Źródło: Ewa Małgorzata Cenker, *Negocjacje*, Cenker, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Komunikacji i Zarządzania w Poznaniu Poznań 2002, str. 124.

Członkowie delegacji zajmują miejsca przy stole rozmów według zasady prawa – lewa. Najstarszy rangą członek delegacji siada po prawej stronie przewodniczącego, następnym w kolejności po jego lewej ręce, i dalej przemiennie.⁵

X - miejsce przewodniczącego delegacji

Rozsądzenie delegacji według zasad procedencji. X – miejsce przewodniczącego delegacji, 1,2,3 – kolejne miejsca w hierarchii ważności. Źródło E. Pietkiewicz *Protokół dyplomatyczny*. Ministerstwo Spraw Zagranicznych Warszawa 1998, s. 50.

⁴ Ibid. s. 91.

⁵ Ibid. s. 91.

Jeżeli w rozmowach bierze udział tłumacz, jego miejsce jest z lewej strony szefa własnej delegacji. To miejsce zajmuje podczas kontaktów, do których dochodzi na stojąco, rozmów przy stole konferencyjnym oraz podczas posiłku. Jeśli jest tylko jeden tłumacz jego miejsce jest po lewej stronie gościa. Należy pamiętać, że miejsce tłumacza nie jest wliczane do rozsadzania gości według zasad precedencji. Istnieje również, obecnie rzadko stosowana, praktyka usadzania tłumacza podczas przyjęć nie bezpośrednio przy stole, lecz nieco z tyłu, z lewej strony za gospodarzem i gościem na specjalnie dostawionym krześle. Tłumacz jest najbardziej obciążonym członkiem delegacji, jego bezustanne funkcjonowanie wymaga ciągłego skupienia a popełnione ewentualnie błędy są natychmiast wychwytywane przez drugą stronę i mogą mieć dalekosiężne konsekwencje. Z uwagi na to trzeba zadbać o zapewnienie mu odpowiednich warunków funkcjonowania. Tłumacz musi mieć nieco czasu na wypoczynek i zjedzenie posiłku. Jeśli tłumacz źle wywiązuje się ze swoich zadań, należy wyjaśnić nieporozumienia, przerwać negocjacje i wymienić tłumacza.⁶

Przed rozpoczęciem wizyty należy przygotować niezbędne dokumenty, jak materiały do rozmów, oficjalne toasty, plan i terminarz rozmów i przetłumaczyć je na język gości. Projekty dokumentów przygotowywane są na ogół na szczeblu ministerstwa spraw zagranicznych. W celu poinformowania opinii publicznej o programie wizyty i związanych z nią oczekiwaniach merytorycznych należy przed rozpoczęciem wizyty zwołać konferencję prasową.⁷

Ważną kwestią jest ustalenie języka rozmów. Z reguły używa się jednocześnie języków ojczystych obu stron, wynika to z zasady suwerenności państw. Najczęściej tłumacz przekłada wypowiedź członka własnej delegacji na język obcy. Czasami tłumacze wolą przekładać na swój ojczysty język. Najlepszym rozwiązaniem jest zapewnienie tłumacza symultanicznego. Jeżeli nie pozwalają na to warunki stosuje się tłumaczenie konsekutywne przy stole.

Jeżeli uczestnicy spotkania się nie znają, gospodarz po słowach powitania powinien przedstawić swoich współpracowników, wymieniając funkcję, imię i nazwisko oraz ewentualnie dodając kilka słów charakterystyki. Następnie to samo powinien uczynić szef delegacji gości. Po zakończeniu kurtuazyjnych powitań i prezentacji, zgodnie z ogólnie przyjętą zasadą, gospodarz udziela najpierw głosu gościowi. Od tej zasady mogą być wyjątki. Jeśli inicjatorem rozmów i kolejnych poruszanych tematów jest strona przyjmująca, wówczas ona dokonuje wprowadzenia do tematyki rozmów. Rozmowy prowadzi szefowie delegacji. Osoby niższej rangą zabierają głos jedynie wówczas, gdy zostaną o to bezpośrednio poproszeni, z reguły dla referowania konkretnych zagadnień z zakresu swoich kompetencji.⁸ Podczas prowadzenia rozmów należy pamiętać, o używaniu w stosunku do członków własnego zespołu, jak i partnerów właściwej tytułatury, należy również wykorzystywać odpowiednie bilety wizytowe.

Oddzielną, również istotną kwestią, która wykracza poza ramy tego artykułu, jest protokolarna organizacja całej wizyty – przejazdu delegacji, konferencji prasowej, podpisania umowy, jeżeli takowa zostanie zawarta, a także przyjęć dyplomatycznych.

Mimo pojawiających się głosów sugerujących zbędność protokołu w dzisiejszym świecie, gdzie rzeczywistość zmierza do maksymalnego uproszczenia form interakcji, protokół dyplomatyczny pozostaje jednak stałym elementem stosunków międzynarodowych jest, bowiem narzędziem politycznym dyplomacji i nie można z niego zrezygnować.⁹

⁶ Ibid. s. 45-46. Por. też Jan Barcz Urzędnik i biznesmen w środowisku międzynarodowym: wybrane aspekty pragmatyki zawodowej. Warszawa Prawo i Praktyka Gospodarcza 2002 s. 118-119.

⁷ Cezary Ikanowicz Op. cit. s. 91.

⁸ Ibid. s. 92.

⁹ Edward Pietkiewicz Protokół dyplomatyczny. Ministerstwo Spraw Zagranicznych Warszawa 1998. s.319.

LITERATURA

- Barcz Jan: Urzędnik i biznesmen w środowisku międzynarodowym: wybrane aspekty pragmatyki zawodowej. Warszawa Prawo i Praktyka Gospodarcza 2002.
- Bryła Jolanta: Negocjacje Międzynarodowe. Wydaw. Terra Poznań 1999.
- Cenker Ewa Małgorzata: Negocjacje. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Komunikacji i Zarządzania w Poznaniu Poznań 2002.
- Góralczyk Wojciech: Prawo międzynarodowe publiczne. Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1989.
- Ikanowicz Cezary, Piekarski Jan: Protokół dyplomatyczny i dobre obyczaje w biznesie. Agencja Promocji Turystyki MART Warszawa 1997.
- Pietkiewicz Edward: Etykieta menedżera. Wydawnictwo „Twój styl” Warszawa 1993.
- Pietkiewicz Edward: Protokół dyplomatyczny. Ministerstwo Spraw Zagranicznych Warszawa 1998.
- Pietkiewicz Edward: Savoir-vivre dzisiaj. Wydawnictwo prawnicze Warszawa 1990.
- Salacuse Jeswald W.: Negocjacje na rynkach międzynarodowych. Państwowe Wydawnictwo Ekonomiczne Warszawa 1994.
- Sutor Julian: Prawo dyplomatyczne i konsularne. Wydawnictwo Prawnicze LexisNexis Warszawa 2004.
- Sutor Julian: Pokojowe załatwianie sporów międzynarodowych. Wrocław Zakład Narodowy im. Ossolińskich 1979.

III. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ, ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИЯ, ЗНАНИЕ, МЕНТАЛЬНОСТЬ

А.А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Индустриальная эпоха, эпоха НТР и процессы активного конструирования «второй природы» – понятия по существу однопорядковые. В характеризуемый ими период индустриально-технологическая основа форм производства и жизни доминирует в определении идеалов науки, индивидуального и общественного сознания, характера и тенденций социально-культурного развития. А. де Сен-Симон, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Кларк и другие теоретики индустриального общества выделяли, к примеру, такие его признаки. Во-первых, оно заботится о производстве; во-вторых, в нем превалирует порядок, уверенность и четкость; в-третьих, оно организовано «новыми людьми» – инженерами, промышленниками, проектировщиками; в-четвертых, оно опирается на знания. Во всем обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами, упор делается на успех и личные достижения, критерии эффективности определяются по наименьшим затратам, а рациональный учет проникает во все области управления. Иначе говоря, индустриальное общество – это сугубо экономическое общество, организованное вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения больших результатов из меньших вложений и выбора наиболее рационального типа действий.

Подчеркивая роль науки и знаний в индустриальном обществе, в первую очередь следует обратить внимание на востребованность их технико-производственных приложений, то есть речь идет фактически лишь о прагматических прикладных возможностях науки, интенсивном применении технических и технологических знаний к производственной сфере. В этом смысле можно говорить и о технократизме как отличительной черте индустриальной эпохи, имея в виду уже сферу организации власти и управления, где управление вещами, экономико-технологический рационализм доминируют над рационализмом духовно-культурным и даже политическим. В таких условиях, естественно, теряют смысл рассуждения о многих гуманистических ценностях и интересах.

Издержки социально-культурного, духовно-нравственного, гуманистического, экологического характера представляют неполный набор признаков серьезного кризиса индустриальной эпохи и его современных продолжений и последствий. По мнению ряда специалистов, индустриальная эпоха изживает себя, поставив человечество перед выбором новой стратегии жизни. Требуется новая модель развития, согласующаяся с приоритетами человеческих ценностей, императивами безопасных социо- и антропоприродных отношений, гуманитарной экспертизой определенных видов деятельности, возникших в эпоху техногенного прогресса.

Уже после Второй мировой войны становление сервисной экономики и растущая роль информации и знаний привели к пониманию того, что отход от принципов индустриализма реален в ближайшие десятилетия, и это не будет сопряжено с отступанием от достигнутого, а, напротив, ознаменует переход к новому уровню организации общества и социального порядка. В начале 60-х годов XX века сформировались важнейшие методологические основы, которые позволяли оценить тенденции социальных изменений с позиций отхода от традиционного индустриализма. Во внимание принимались динамика развития сферы услуг, гуманизация научно-технического прогресса, возвышение роли образования, информации и знаний в общественном развитии, кардинальная трансформация технологий социальной коммуникации. Новая технологическая и информационно-эпистемологическая природа общества нашла свое отражение в понятиях постиндустриального и информационного общества.

Основополагающей компонентой в теоретических реконструкциях постиндустриального общества выступают представления об особом статусе информации и знаний, роли и месте науки в развитии социума вообще. Кстати сказать, индустриальная эпоха также обязана прежде всего науке и поэтому вместе с критикой в адрес индустриализма в разряд отверженных нередко попадает и наука, и научная рациональность в целом. Следует подчеркнуть, что к ряду негативных черт индустриального общества, справедливо относят факты неудачной «эксплуатации» научных знаний в сугубо производственных интересах, попытки использования императивов науки в политических и идеологических целях, конструирование всеохватывающих методологических приемов, в основу которых помещается безукоризненность, полнота и завершенность научных доказательств. Поэтому с отвержением принципов индустриализма следует отвергать не науку, а великую претензию на ее использование в качестве завершенных решений многих проблем, в том числе и социального характера. Одна из масштабных и по-прежнему актуальных философско-мировоззренческих задач в том и состоит, чтобы продолжать утверждать идею принципиальной невозможности окончательного объяснения. Потому что, как правильно отмечал К. Поппер, всякое объяснение может быть в дальнейшем объяснено за счет законов более высокой универсальности. Не может быть объяснения, не нуждающегося в дальнейшем объяснении, ибо невозможно самообъясняющее описание сущности [1; 102].

Кстати, К. Поппер как нельзя лучше показал и роль научных знаний в системе человеческого мироощущения и мироотношения. Согласно учению Поппера, взаимодействие между тремя его известными мирами осуществляется посредством человеческого разума. Состояния «второго мира», ментального мира верований, установок и предрасположенности, любви и ненависти, удовольствий и боли функционируют как некоторые системы контроля тела, а продукты «третьего мира», в особенности наши научные теории, — как некоторые системы контроля разума.

С переходом к постиндустриальному развитию изменяется отношение к науке, к ценности и самооценности знания вообще и теоретического в особенности. Если индустриальное общество основано на технологии машинной, то постиндустриальное — на технологии интеллектуальной. И если, как отмечал известный американский социолог, один из основателей концепции постиндустриального общества Даниел Белл, капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знания — основа общества постиндустриального. При этом автор четко отделял роль и значение знания от роли и значения информации. По его мнению, информация может выступать основным производственным ресурсом постиндустриального общества, тогда как знание остается внутренним источником его прогресса. [2].

Позитивно оценивая роль и значение знания в постиндустриальных инновациях, важно обратить внимание и на ряд противоречивых тенденций, которые в связи с этим

возникают. В предыдущие периоды развития человеческого общества доминирующую роль играл процесс накопления знаний. Не случайно, что именно в прошлом были в общих чертах созданы те системы объяснения реальности, которые с небольшими изменениями дошли до нашего времени и играют по-прежнему основную роль в процессе накопления объективной информации об окружающем мире. Принципиальное отличие постиндустриальной эпохи заключается в ином – сейчас неизмеримо больше коммуникаций, строящихся в основном на процедурах передачи информации. Тиражирование, но не создание интеллектуального продукта, передача сведений о нем посредством печатных изданий, телеграфа, радио, телевидения, лекций и семинаров в рамках системы образования, а теперь еще и сети Internet – вот что коренным образом отличает современное общество и демонстрирует сущность предпосылок феномена деэпистемологизации социальной активности.

За словом «знание» сегодня все чаще скрывается понятие «информация» как необязательно рефлекслируемое человеческим сознанием (пониманием) сообщение, передаваемое (улавливаемое) с помощью технологий коммуникации. Отсюда, к примеру, следующий парадокс: более информированный человек сегодня – это не тот, кто обладает большим объемом знаний, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций. Особенность этих коммуникаций такова, что их информационная основа не содержательна («знание») и не предметна («продукт»). Информация в структуре подобных коммуникаций выполняет лишь операциональную функцию.

В традиционном обществе информация никак не могла претендовать на ту роль, что играет теперь. Только как коммуникация, а не как знание информация способна вызывать новые операции. Люди действуют, используя информацию, а коммуникационные потоки не только не поглощаются как ресурс деятельности, подобно сырьевым или энергетическим ресурсам, а напротив – умножаются и ускоряются. Это происходит потому, что информация не столько интеллектуально-знаниевый ресурс, сколько стимул (мотив) деятельности.

Иначе говоря, в постиндустриальную эпоху информация все чаще ассоциируется с коммуникацией как слабо рефлекслируемым информационным обменом. В связи с этим, становится понятным, почему главным феноменом компьютерной революции стал Internet, а не обещанные футурологами базы знаний или искусственный интеллект. Сегодня хорошо известно, что в глобальной сети Internet фактически не создается никакого знания, но зато многократно увеличиваются возможности осуществления коммуникаций.

«В организованном подобным образом информационном потоке, – пишет по этому поводу Д.В. Кузнецов, – на первое место выходит не передача данных о свойствах товара или услуги, т.е. рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизующего скорее аффективные коннотации. Именно образ приносит прибыль в современной экономике и стимулирует развитие рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий» [3; 96]. По меткому замечанию М. Мак-Люэна, сделанному еще в 60-х годах XX века, действительным содержанием сообщения является сам сообщаемый. [4]

Иначе говоря, одной из характерных сторон современного информационно-коммуникативного процесса является попытка дистанцирования от его эпистемологической адекватности. Получается, что не в знании, а в создании привлекательных образов заключается сила современного субъекта социальной активности. Оценивая данную ситуацию, А. Турен, видимо, не случайно пытается избежать терминов «информация» и «знание», когда пишет, что в постиндустриальную эру социальные конфликты возникают по поводу «символических благ» [5].

То, что коммуникация как создание образов играет в постиндустриальном обществе важнейшую роль, подтверждает и концепция нынешнего лидера теоретиков информационного общества М. Кастельса. Кастельс начинает свой труд с тезиса о переходе от капитализма к информационализму, в условиях которого успех зависит в первую очередь от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Однако наряду с этим утверждением, анализ новых форм экономики и культуры вынуждает Кастельса все же опираться на понятия «коммуникационная система», «сетевое общество», «образы» и т.п. [6].

Феномен десубъективизации знаний обусловлен также достаточно заметной тенденцией символизации социального пространства, то есть быстрого роста различных знаковых референтов, заменяющих непосредственные, «живые» связи, отношения, ощущения, восприятия и т.п. Этому процессу трудно противостоять, как фактически невозможно противостоять стремлению к познанию, которое затем нуждается в объективировании своих результатов с помощью различных техник кодирования, имеющих определенные культурно-смысловые нормы и значения. По этой причине то пространство, в котором мы живем, является в значительной степени символизированным и сконструированным. «Человек, – пишет по этому поводу Э.Кассирер, – живет... не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта... Человек уже не противопоставляет реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу... Вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сферах. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов и: сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди фантазий и грёз...» [7; 470].

«Искусственный посредник», о чем говорит Э.Кассирер, действительно становится неотъемлемым элементом нашей жизни. Социально-нормативное творчество с его участием наиболее удачно реализовалось в научно-рационализированных формах сознания, где традиции научного поиска были неотделимы от выработки механизма кодирования информации, что обычно выражалось в соответствующем категориально-понятийном аппарате науки, методах и формах ее исследования и функционирования в обществе, находило и продолжает находить понимание (расшифровку) в социально значимых контекстах человеческой культуры. Хуже и, может быть, опаснее обстоит дело с кодированием и трансляцией в обществе «воображаемых эмоций», «иллюзий», «надежд», «страхов» и т.п. Этот процесс чаще всего имеет глубоко личностный смысл и не всегда может быть эксплицирован в системе общепринятых социально-нормативных представлений. В этом смысле указанный процесс может не поддаваться социальному регулированию, а поиск методик декодирования индивидуальных значений становится, в таком случае, актуальной задачей.

Совершенно прав А.Тоффлер, утверждая следующее: «Мы можем не опасаясь предположить, что потому как общества имеют более сложные и многочисленные коды для передачи образов от человека к человеку, соотношение незакодированных сообщений, получаемых обычными людьми, уменьшается в пользу закодированных. Другими словами, мы можем предположить, что сегодня большая часть наших образов извлекается из искусственных сообщений, а не из личных наблюдений «сырых», «незакодированных» событий». [8; 125]

Это одна из серьезных проблем постиндустриального общества, характеризующегося интенсивными темпами роста информации, в создании и образно-знаковом объективировании (кодировании) которой принимает участие несоизмеримо меньшее количество людей в сравнении с теми, на кого она ориентирована и кто не создает, а усваивает готовые смыслы. Данная тема имеет самый широкий контекст анализа: от моральной и профессиональной ответственности "производителей" информации до проблемы свободы, связанной с изменением возможностей выбора, во-первых, между использованием «закодированной» и «незакодированной» информации, во-вторых, между участием в создании ментальных образов и использованием уже готовых, в-третьих, между многочисленными смыслами, формируемыми теми или иными информационными источниками.

Кстати, если через эту призму посмотреть на ментальную структуру сознания человека, то следует подчеркнуть, что ментальный образ феноменов действительности не может быть сформирован на основе пассивного присоединения предлагаемого или, что еще хуже, навязываемого смысла. В свое время по этому поводу хорошо сказал М.К. Мамардашвили. «Знание, – отмечал он, – не пересаживаемо из головы в голову в силу одного простого онтологического обстоятельства: никто вместо другого не может ничего понимать, понять должен сам... И этот акт понимания... должен совершиться или не совершиться, т.е. знание не перекачиваемо в другую голову, как в некую пустоту перекачивалась бы жидкость» [9; 12].

Трудно, конечно, предположить, что голова человека – это некая пустота. Тем не менее, такая ассоциация вполне допустима в случае отсутствия у индивидуума ментальной активности, т.е. постоянного формирования индивидуальных образоструктур сознания и активизации на этой основе его (сознания) рефлексивных функций.

Отсутствие ментальной активности навязывает человеку зависимость и в этом смысле – утрату свободы. Все другие определения свободы, как правило, обусловлены наличием внешних условий и обстоятельств. В частности, применительно к теме постиндустриального развития нередко встречается мнение, например в работах А.Тойнби, относительно того, что человек постепенно теряет свою свободу, имея в виду утрату выбора в условиях сравнительной стандартизации и универсализации жизни. Действительно, наука и развиваемая на ее основе технология объективно содержат в себе общезначимость и единообразие истинных посылок, разделяемых обществом вне зависимости от возможностей дифференциации и индивидуализации его социальной структуры. Развиваемые на этой основе признаки стандартизации особенно характерны для индустриальной эпохи с ее массовым производством и идентификацией феноменов культуры. Современные тенденции глобализации и универсализации социума, массовая культура, нивелировка национально-этнических особенностей и т.п. также наводят на мысль о постепенной утрате выбора.

Вместе с тем, сегодня все более заметны и другие признаки общественного развития. Они связаны с фрагментированием, сегментизацией материальной и духовной сферы общества в зависимости от индивидуальных ценностей и потребностей человека. То есть, «на рынок выбрасывается» бесчисленное множество нестандартизированных товаров и услуг, которые не были известны ранее и которые имеют тенденцию к усиливающемуся разнообразию. В противоположность А.Тойнби, в данном случае прав, скорее, А.Тоффлер, утверждая, что «человек будущего может пострадать не только от отсутствия выбора, но и от парализующего избытка его» [8; 209], то есть – от сверхвыбора. Но и того, и другого автора объединяет все же одно: человек не становится более свободным ни в случае утраты выбора, ни в случае избытка его.

Проблема свободы уходит своими корнями в сферу ментальной активности человека как возможности продуцировать индивидуальные смыслы на основе базовых образоструктур сознания и его рефлексивной функции. Смысл рождает выбор...

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппер, К. Реализм и цель науки / К. Поппер // Современная философия науки. - М., 1996.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. - М., 1999.
3. Кузнецов, Д.В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания / Д.В. Кузнецов // Философия и общество. - №3. - 2004.
4. McLuhan, M. The medium is message / M. McLuhan. - N.Y., 1967.
5. Touraine, A. The waning sociological image of social life / A. Touraine // International journal of comparative sociology. - 1984. - N 1-2. - Vol.25.
6. Castells, M. The information age: economy, society and culture / M. Castells. - Oxford, 1996-1998. Vol. 1-3.
7. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. - М., 1998.
8. Тоффлер, А. Футуришок / А.Тоффлер. - СПб., 1997.
9. Мамардашвили, М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. - Тбилиси, 1984.

INTERNATIONALISATION OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES – CHALLENGES FOR RESEARCH AND RESEARCH POLICIES IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Dr. Michael Kuhn

Bremen, University of Bremen, Germany

In the context of globalisation and systemic transformation of the world community international collaboration in the social sciences and humanities (SSH) is currently meeting with increased public attention; expectations and funding. It seems that in a world where social phenomena increasingly possess a transnational dimension, an international and interdisciplinary research orientation becomes mandatory for analysing and explaining them. Recent technological, political, economic and social developments have created new necessities, yet also new possibilities for international exchange. However, preconditions for and effects on international research collaboration in the SSH have not yet been sufficiently discussed. The planned publication aims to fill this gap by addressing some of the fundamental challenges for research and research policies that result from the internationalisation of the social sciences and humanities in different parts of the world. In so doing, it will give special attention to countries and regions outside the traditional 'centres' of academic knowledge production and introduce the specificities of selected research communities in 'Non-Western' countries to an international audience.

International collaboration in the social sciences and humanities is of course no new phenomenon. SSH have engaged in international activities since they emerged from philosophy and differentiated into disciplines in the context of the creation of modern nation states. The extent to which international activities played a role in the past certainly varies across disciplines. While some disciplines, like anthropology, have always been international due to the nature of their topics, some other disciplines have only recently expanded their international activities.

Under the current conditions of globalisation and systemic transformation international collaboration in the social sciences and humanities faces two major challenges: firstly, internationality is no longer limited to comparing similar phenomena across different nation-based societies; instead, because of the globalisation of social reality, internationality be-

comes part of the nature of the social sciences phenomena themselves. Reflecting on international aspects thus is no longer an additional optional scientific activity, but becomes a necessary ingredient of investigating social reality. This implies, secondly, that international collaboration in the social sciences is no longer mainly a matter of exchanging ex post views about the outcomes of research carried out in national contexts; instead the collaborative generation of knowledge about the international nature of the phenomena social sciences and humanities are dealing with becomes a sine qua non for scientific work.

These trends can be considered paradigmatic changes of scientific work in the social sciences and humanities that are widely underestimated. They create fundamental challenges for research as well as for research policies that have not yet been fully understood.

As of today, internationality in SSH research is commonly still defined by the multiplicity of research subjects' national backgrounds, thus – unconsciously and certainly unwillingly – re-introducing national categories as the guiding perspective, into international academic activities. This relapse into national perspectives is not only still dominating research agendas, but also research policies that promote international partnership.

The conceptualization of international collaboration on the basis of national categories and the construction of research agendas that serve the needs of individual nation states have most obviously severe implications for constructing an international research agenda. Very often, aims and topics of international research cooperation are dominated by the agendas of a limited number of countries, which define what should be considered the major concerns of a globalised world. In order to solve this important problem and meet the global challenges, social sciences have to give strong responses and provide a platform to discuss and explain the nature of the fundamental changes in the social reality and social sciences.

These changes and challenges affect all the regions. If we apply this thesis to Belarus, then we can talk about some special global and regional challenges here.

1. Global challenges to Belarus. Primarily, the global challenges for research mean the changes in the world economy that influence – directly and indirectly – the financial situation for research in a particular “third” country. Belarus, like many other countries; is interested in the new “global” topics such as global illegal migration, trafficking, unemployment, ecological and moral issues, and the like. Belarusian scholars can contribute their knowledge to the transnational projects on these global issues. The problem is that Belarusian scholars do not have enough resources for SSH.

2. Regional challenges. These challenges are also very important. For example, the Belarusian post-soviet region differs from the Central-European region such as Poland (although both belonged to the socialist camp). Scholars from each region can easily understand each other and cooperate because of their common background (in case they are not politically biased). It makes sense to work together in the Central-Eastern European region regardless of the fact what countries belong to the European Union, and what are not. Actually, in the post-soviet region all the scholars are experiencing the shortage in financing their research. That is why it is necessary for Belarusian scholars to cooperate with the partners from the European Union in any topic that is available at this moment.

3. National challenges. Of course, Belarus as a post-soviet developing country is aimed to improve the standard of living, and Belarusian scholars are oriented to perform better research, contribute to their country benefits, improve the system of education, etc. In order to achieve the national goals, Belarusian scholars need the international support.

In case the country, region, and the global community of scholar can properly understand these challenges and act accordingly, then there is a chance for social sciences for further successful development under the new complexity of the global world.

ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОКУЛЬТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.И. Акинчиц

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Во второй половине XX столетия возникает нетрадиционная религиозность или новые культы как своеобразная реакция на кризисные явления в мировых религиях, обусловленная неудовлетворенностью многих людей, особенно молодежи предлагаемой традиционными конфессиями программой социальной и личной жизни, системой духовно-нравственных ценностей. Сначала новые культы появились в основном в США, затем распространились в странах Западной Европы, а после распада СССР – в суверенных республиках бывшего великого государства. В Беларуси ныне насчитывается около 600 различного рода объединений неоекульт, причем абсолютное большинство из них функционирует под видом общественных, просветительских, лечебно-оздоровительных, спортивных и других движений. Каждое из них включает от 50 до 200 и более человек. Лишь незначительная часть этих объединений зарегистрирована в соответствии с законодательством Республики Беларусь, а остальные действуют нелегально, особенно те, которые проповедуют «новую религиозную истину».

Функционирующие в Беларуси нетрадиционные религиозные объединения можно условно разделить на следующие течения: неоориенталистские, псевдонаучные, христологические. К новым восточным культам относятся: «Международное Общество Сознания Кришны», «Общество трансцендентальной медитации», «Всемирный духовный университет Брахма Кумарис», «Центр мира Шри Чинмой», «Лига духовного возрождения санатана дхарма», «Миссия Шри Рам Чандра» и другие. Эти течения предлагают специфическое решение важнейшей проблемы бессмертия через перевоплощение, перерождение и мистический опыт достижения божественного состояния. В их деятельности прослеживается тенденция противопоставления в основном индуизма христианству. В этих течениях утверждается, что каждый человек имеет в себе божественное начало и поэтому необходимо обращаться именно к собственному «Я». Следовательно, здесь проповедуется также крайний индивидуализм.

К псевдонаучным течениям относятся: «Учение Живой Этики», Великое Белое братство, сайентологическая церковь, входящая во всемирное оккультное движение «New Age», а также различные немногочисленные по своему составу теософические культы. Все они претендуют на религиозные истины в последней инстанции. В процессе медитации каждый адепт псевдонаучных культов стремится перейти «от темного состояния сознания к просветленному», чтобы занять особое место в церковной иерархии.

К христологическим культам относятся: «Богородичный центр» или «Вселенская церковь Божьей Матери Преображения», «Церковь объединения», «Дети Бога», а с 1978г. – «Семья любви», «Церковь последнего завета», «Церковь Христа» и другие. Как антипод не только традиционным, но и новым христологическим культам в республике активно действует «Церковь Сатаны».

Основателем «Богородичного центра» был московский еврей Вениамин Яковлев, который еще в 1984 году сам себя возвел в сан архиепископа и стал называться Иоанном Береславским. Основу учения данного течения составляют «откровения Богородицы», которые в течение 10 лет якобы получал Иоанн. В соответствии с ними Богородица замещает И. Христа и провозглашается мессией и спасительницей, посредницей между Богом и человеком. Она же предстает в качестве создательницы Церкви. Иоанн также утверждает, что Дева Мария является женой Бога. Богослужение последователей Иоанна Береславского постоянно сопровождается гимнами и маршевыми ритмами. В проповедях настойчиво воспитывается ненависть к матери

как к «источнику первородного греха и энергетическому вампиру». Дети изображаются как «родовые упыри», а семья – как «порождение Сатаны». Новоявленный архиепископ, ссылаясь на Священное Писание, утверждает, что Адам и Ева сожительствовали вне брачных уз. Вовлеченные в это объединение молодые люди, как правило, уходят из дома, отрекаются от своих родителей.

«Церковь унификации (объединения)» основал корейский проповедник Сан-Мён-Мун, опубликовавший книгу «Божественные принципы», в которой изложил сущность нового вероучения. В нем отрицается воскресение И.Христа, а его второе пришествие трактуется как приход нового мессии, т.е. самого Муна. Близкий конец света новоявленный мессия отождествляет с третьей мировой войной. Только «смирив себя перед Муном, служа Муну, повинився Муну и любя Муна», человек может достичь спасения, причем именно здесь, на земле. Мун обещает создать единую религию, установить царство божье при условии служения ему как Богу. «Мун есть Бог» - таков основной принцип «Церкви унификации». По Муну, современная семья является творением Сатаны. И.Христос, как посланец Бога, не смог помочь людям. Только Мун может это сделать, т.е. создать идеальные семьи и установить рай на земле. А находящиеся вне «Церкви унификации» люди – сатанисты, и они не имеют права на существование. Мунисты же должны отвергнуть милость христианского Бога и следовать Евангелию от Муна.

Секту «Дети Бога» основал американский проповедник Дэвид Брант Берг, делая упор на апокалипсические идеи. Но с конца 70-х гг. XX в., изменив название секты на «Семья любви», начал проповедовать о спасении человечества. Главной вероучительной книгой «Семьи» является Библия. Адепты этой секты признают христианское представление о Боге, считают его творцом видимого и невидимого мира, но его главным атрибутом считают дух любви. Поэтому крещение прозелитов совершают этим духом. В общинах всех новообращенных переводят на минимальное низкокалорийное питание, на сон отводят небольшой отрезок времени. Каждый из прозелитов усиленно штудировал Библию и религиозную литературу секты. Затем всех их заставляют отказаться от семьи, прежних друзей, от работы или учебы. В общинах идет разрушение социально значимых качеств личности. Члены общины должны быть безразличными по отношению к государству и народу, ибо секта отрицает общественные идеалы и ценности. В издаваемой «Семьей» литературе проповедуются сексуальная свобода вплоть до кровосмешения. Одной из стратегических целей «Семьи любви» является установление мирового господства. Ее идеологи заявляют: «Сейчас мы просто готовимся к тому, чтобы потом управлять Землей».

«Церковь последнего завета» возникла в России в мае 1990 года. Ее основателями стали сотрудники Минусинского уфологического центра, объявившие «контактера с внеземным разумом» Сергея Торопа «отцом Виссарионом». Он утверждает, что ныне заканчивается «царство силы», именуемое также периодом Ветхого и Нового Заветов. На смену приходит «царство души» или время «Последнего Завета». Для того чтобы войти в это царство, всему человечеству необходимо пережить «духовный взлет и осознать истину». А она заключается в следующем. Первоначально Бог в силу незрелости человеческой души разделил истину на части и дал народам четыре основные религии: даосизм, буддизм, христианство и ислам. Каждая из этих религий сохраняет часть истины. Их объединение и создание единой религии ведет в «царство души», где будет открыта всему человечеству «Великая Истина», заключающаяся в том, что во Вселенной существует «Единый дух жизни, Бог, Сын и Дух святой». Отец Виссарион утверждает, что Бог является творцом Вселенной, но он материален и потому в нем нет ни добра, ни зла. Кроме него существует еще Творец человеческих душ - Отец небесный. Именно от него исходит добро, Святой дух и Дух жизни. Дух жизни породил Сына божьего, который соединился с энергией Сердца

«Земли-матушки». Зло имеет материальное начало, оно имеется только на Земле и исключительно среди людей. Оно есть порождение греховных помыслов человека. Отец Виссарион отождествляет зло с дьяволом. Главным элементом культа «Церкви последнего завета» является «Священный круг». Взявшись за руки, последователи этого учения образуют замкнутый круг и погружаются в состояние медитации, прославляя «Отца великого», род человеческий и «землю-матушку». В повседневной жизни они не употребляют в пищу мясо, рыбу, молоко, яйца, сахар, чай, кофе, дрожжевой хлеб. Это приводит к ослаблению организма и физическому истощению. Ссылаясь на религиозные убеждения, они не обращаются к врачам за медицинской помощью. Их дети не посещают общеобразовательные школы.

«Церковь Христа» основал американский пастор Кин Мак-Кин. В Беларуси ныне действует ее региональное отделение под названием «Церковь учеников Иисуса Христа». В качестве главной цели ее идеологи считают «построение истинной церкви Христа в каждой стране». Основу вероучения составляют следующие положения: а) Библия – единственное вдохновенное слово Бога; б) только крещенные в общине люди, могут быть членами истинной церкви; в) каждый прозелит должен иметь учителя, поскольку у Христа были апостолы; г) каждый член «Церкви» должен активно участвовать в восстановлении первоначального христианства. «Церковь» держит под строгим контролем свободное время каждого адепта, следит за получаемой им извне информацией, культивирует у него чувство вины.

Основоположником сатанинской концепции мироздания считается Алистер Кроули, член Ордена Золотого Руна, выделившегося из масонской ложи Розенкрейцеров. Он разработал довольно сложную систему магических ритуалов в целях «подчинения себе сатанинской космической энергии». Первая «Церковь Сатаны» появилась в 1966 году в Сан-Франциско. Ее возглавил Энтони Лавей, опубликовавший сначала «Сатанинскую Библию», «Сатанинские ритуалы» и, наконец, фундаментальное сочинение по магии. В Беларуси сатанисты появились в середине 90-х гг. прошлого столетия. Они считают, что дьявол не является чудовищем. Напротив, он вселяет в людей уверенность в себе, делает их сильными и стойкими духом. Поэтому необходимо поклоняться Сатане. Адепты этого течения утверждают, что еще неизвестно, кто победит в последней битве – Христос или Сатана. И даже в случае поражения этого падшего ангела и его воинства, по мнению последователей сатанизма, их ожидают княжеские почести в аду. Основным девизом для них служит изречение: «Лучше быть князем в аду, чем рабом в раю». Во время «черных месс» сатанисты приносят в жертву не только животных и птиц (кошек, собак, петухов), но нередко и людей. Под влиянием сатанизма находится ныне значительная часть молодых людей в возрасте 14 – 25 лет. Сатанизм заимствует многое из христианской, особенно библейской символики, но по своему содержанию, обрядности и эмоционально-психологической настроенности прямо противоположен христианству. Его деструктивная деятельность несет угрозу безопасности личности и общества.

Таким образом, при всем многообразии новых христологических культов можно выделить многие черты, характеризующие их общую сущность, которые их принципиально отличают от традиционного христианства своей деструктивностью. Во-первых, в каждом таком культе время, предшествующее его возникновению, расценивается как период заблуждений и страданий. А то или иное новое течение возникло именно потому, что необходимо людям открыть истину.

Во-вторых, акцентируется внимание на то, что основатель культа есть тот человек, которому открылась абсолютная истина. Рядовые адепты считают его великим пророком или даже богом. А он «изрекает» своим последователям эту истину и гарантирует их спасение, но лишь при условии строгого выполнения ими различных предписаний. Благодаря этому они становятся «святыми», входят в состав «истинной элиты человечества».

В-третьих, во всех новых нетрадиционных культах наше время считается переходным, т.е. временем космической борьбы зла и добра. Причем добро отстаивают только адепты данного течения. Благодаря их деятельности в конечном итоге добро восторжествует и мир станет радикально преобразованным. Все, кто не принял данного вероучения, будут или уничтожены, или подчинены адептам данного культа.

В-четвертых, все неопиты ведут активную миссионерскую деятельность. Их идеологами разработана система вовлечения в общины новых членов, которым «гарантируется» райская жизнь уже здесь, на Земле. Им обещают всевозможные радости и блаженства.

В-пятых, вероучение и культовая практика этих течений пронизана мистицизмом. Здесь имеет место и мистическое единение со сверхъестественными силами, и чудесное избавление от страданий и болезней, и получение всевозможных земных благ.

В-шестых, во всех этих культах эксплуатируются идеи и представления традиционных религий, которые в данном случае эклектически перемешиваются и выдаются за правильное понимание «абсолютной истины». Характер такого произвольного соединения зависит главным образом от духовного лидера, его образования, стиля мышления, прагматических установок, его харизмы. В результате образуется своего рода «синкретический суррогат», сочетающий не только религиозные идеи, но и псевдонаучные концепции. Поэтому все нетрадиционные культы имеют оккультно-мистическую окраску.

Наконец, все новые христологические культы отличаются деструктивизмом. Их деятельность создает угрозу безопасности личности и общества. В общинах нередко применяются внушение, гипноз и даже наркотические вещества. Кроме того, используется технология изменения физического и психического состояния человека (посредством регламентации питания, сна, медитации, ограничения информации о внешнем мире и т.д.), что неизбежно приводит к снижению интеллектуальных способностей. Эта технология разрушает нормы и правила общечеловеческой морали, духовную культуру общества. Пройдя через эту деструктивную технологию, человеку практически невозможно вернуться к нормальному образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басилов В.Н. Избранники духов. - Москва: Политиздат, 1984. - 208 с.
2. Блаватская Е.П. Теософия и практический оккультизм. - Москва, 1993. - 465 с.
3. Григулевич И.Р. Пророки «Новой истины». - Москва: Политиздат, 1983. - 303 с.
4. Итц Р.В. Шепот Земли и молчание Неба. - Москва: Политиздат, 1990. - 320 с.
5. Неокультовые объединения в Беларуси. - Минск. - Изд-во «Четыре Четверти», 1999. - 116 с.
6. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. - Киев: София, 1998. - 384 с.

ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ И ИХ ОБОСНОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В современной культуре происходят фундаментальные сдвиги в понимании природной и социальной действительности, места в ней человека и сущности происходящих в мире процессов. Наблюдается отказ от многих классических стереотипов и традиционных способов познания и оценок окружающего мира, самого человека, его поведения и мотивации. В неклассической культуре произошли серьезные изменения в механизмах трансляции социокультурного опыта, обнаруживающие себя в первую очередь в отсутствии преемственности ценностей и ценностных ориентаций. Само чувство ценности приобрело размытые границы, в то время как любой социальный

субъект, а в особенности молодой человек, нуждается в постоянной корреляции собственных ценностей с той системой ценностей, которая доминирует в данном обществе. В ситуации, когда ясно очерченной системы и тем более выстроенной и одобренной иерархии ценностей в обществе фактически не существует, личностный выбор ценностей оказывается весьма затрудненным.

Вместе с тем само понятие ценности не является четко определенным в философской литературе, несмотря на богатейшую историко-философскую традицию в его осмыслении. В современных изданиях насчитывается более двухсот определений ценности, многообразие которых, очевидно, объясняется интегральностью и многосторонностью самого этого феномена. Представители баденской школы неокантианства развивали аксиологический трансцендентализм, согласно которому ценность представляет собой идеальное бытие, которое соотносится не с обыденным сознанием и поведением, а с нормативным, проявляется не как сущее, а как должное. В качестве идеальных предметов ценности не зависят от индивидуальной воли и потребностей, но в то же время они не являются обычными фактами реальности. В Дильтей исходил из принципа аксиологического плюрализма, т.е. множественности равноправных ценностных систем, которые распознаются с помощью сравнительно-исторического метода. С такой точки зрения невозможна общая теория ценностей, в которой была бы закреплена некая подлинная система ценностей, абстрагированная от конкретного культурного и исторического контекста. В учениях натуралистически-психологической направленности в качестве побудительных мотивов ценностных предпочтений человека рассматриваются его естественно-природные импульсы. В экзистенциализме Сартра ценности выступают как своего рода нормативная реальность, производная от свободного волеизъявления человека. В марксизме и неомарксизме подчеркивается общественный характер ценностей, а в постструктурализме и постмодернизме предпринимается попытка вывести проблему ценностей за рамки философии на основе принадлежности аксиологических вопросов к специфическому строю классической европейской мысли.

В советской и российской литературе ценности, как правило, относятся к сфере должного, которое выступает в виде нормы, идеала или цели. Обзор различных точек зрения производит О.А. Музыка в своей книге «Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы»¹. Автор выделяет следующие позиции: 1) сущность ценности связана с тем, что она указывает на состояние, определенное целью (О.Н. Бакурадзе); 2) ценности – это идеалы общественной жизни, а на этой основе и личной деятельности (М.В. Богуславский); 3) ценность представляет собой самостоятельный по отношению к отдельному субъекту инвариант оценочного опыта, объективированный в искусственных формах специфической предметности (Н.С. Розов); 4) ценность есть устойчивое убеждение, позволяющее ориентироваться в желательности-нежелательности способа поведения (Р. Рокич); 5) ценностный статус имеют предметы и явления социума, включенные во внутренний мир и деятельность личности; 6) ценность – это предметная форма существования общественных отношений (Л.И. Боголюбов, О.Г. Дробницкий). В учебной литературе по философии и культурологии ценность определяется как значимость предмета, явления или отношения для личности, включенной в социальный контекст. Ценность – это материальный или идеальный объект, который в сконцентрированном виде содержит в себе социальный опыт, может выступать в качестве посредника при общении между людьми, а также способствует развитию родовых сущностных качеств человека. Ценностями также называют те материальные объекты, процессы и состояния, без которых невозможно само существование человека как биологического организма (вода, воздух и пр.), а также его функционирование как социального существа.

Субъектом ценностного сознания, по представлению М.С. Кагана, может выступать: 1) конкретная личность; 2) небольшая контактная группа людей; 3) большая неконтактная группа людей; 4) человечество в целом; 5) частичный субъект как элемент индивидуального субъекта (суб-субъект)². Иначе говоря, действительным субъектом ценностного сознания является не изолированный индивид как самостоятельная единица, а социум в конкретных формах своего проявления. Ценности общества не могут изменяться с высокой скоростью, поэтому мгновенные или быстрые изменения личностных ценностей также представляются затруднительными. Каждая новая ступень в развитии общества создает возможности для обогащения существующих систем ценностей, при этом в качестве определенного ценностного образца выступают общечеловеческие ценности. Существование таковых невозможно отрицать хотя бы с той позиции, что человечество образует собой единый биологический вид, общие закономерности развития которого обеспечивают относительную целостность культуры. Социальный опыт человечества также содержит универсальные компоненты, поэтому в основании культуры любого народа находятся общие для всех культур духовные ценности, которые выступают в роли ценностных универсалий. Безусловно, интерпретируются они по-разному в зависимости от тех социальных условий, в которых они воспроизводятся, но сохраняют статус общечеловеческих. К таким ценностям относятся святость человеческой жизни, свобода, красота, любовь, добро, истина, которые выступают как имманентные регуляторы деятельности людей и оказывают влияние на их поведение независимо от их отражения в сознании. Вполне возможны при этом расхождения между декларируемыми ценностями и теми личностными установками, которые реально побуждают человека к деятельности. Причины таких расхождений различны — это, во-первых, неадекватность осознания и вербализации субъектом ценностей в силу ограниченности его интеллектуальных возможностей или действия защитных психологических механизмов; во-вторых, отсутствие возможностей реализовать альтернативные или противоречивые ценности; в-третьих, неадекватная репрезентация ценностей из-за затруднений в общении; в-четвертых, наличие конкурирующих компонентов сознания и поведения. В силу этого система личностных ценностей может оказаться слабо структурированной, а рефлексия — невыраженной, что не позволяет личности адекватно определить реальную значимость тех или иных ценностей в ее жизни. Кроме этого, значимость конкретных ценностей может быть субъективно преувеличена или преуменьшена. Таким образом, о сформированных ценностных ориентациях личности можно говорить только в том случае, когда субъект имеет осознанные представления о собственных ценностях и адекватные способы их вербального выражения.

Среди ценностных представлений особое место занимают ценностные стереотипы, которые отражают ожидания, предъявляемые личности определенной социальной группой (начиная с семьи) или обществом в целом. В сознании одного человека могут ужиться различные системы ценностных стереотипов в силу того, что социальные роли каждой личности многообразны. С другой стороны, и сами ценностные стереотипы не являются абсолютными, так как существует широкий спектр восприятия систем ценностей представителями различных социальных групп. Еще один важный момент заключается в том, что личность не является пассивным объектом регуляции собственного поведения, а выступает в качестве субъекта, способного адаптировать ценности, осознавать и одобрять (не одобрять) собственные ценности и моделировать свое поведение в будущем.

Система ценностей отдельной личности имеет две стороны — объективную и субъективную. Объективная система ценностей представляет собой определенный набор ценностей, поддерживаемый обществом в целях его сохранения и функционирования, и

реотипов самой личности, определяющая ее поведение и когнитивно-эмоциональные особенности. Приведение субъективной системы ценностей в соответствие с объективной – это процесс ценностной адаптации. В упомянутом исследовании Музыка О.А. выделяет две основные стратегии ценностной адаптации: 1) изменение объективной системы ценностей, выражающееся в стремлении субъекта преобразовать внешние условия в соответствии со своими ценностными убеждениями; 2) изменение субъективной системы ценностей, которое заключается в реформировании субъектом своих внутренних конструктов. Стратегии ценностной адаптации различаются также с точки зрения их конструктивности или деструктивности: 1) активно-конструктивная, когда субъект по своей воле участвует в созидательных изменениях внешней среды; 2) активно-деструктивная, когда субъект так же осознанно участвует в разрушении внешней среды; 3) пассивно-конструктивная, когда субъект адаптируется к положительным социальным изменениям в процессе самосовершенствования; 4) пассивно-деструктивная, когда личность разрушает собственный внутренний мир или стремится к более трудным условиям существования³.

Успешная ценностная адаптация выражается в способности личности выстроить ценностную шкалу, т.е. дифференцировать ценности по степени их значимости. Необходимость такого разделения ставит индивида в альтернативную ситуацию, когда важно определить, являются ли ценностями какие-либо конкретные значимые для него объекты, либо ценность является таким свойством, которое может быть отнесено к различным объектам. Не менее значимой является дихотомия индивидуального и надиндивидуального в статусе ценностей. Если ценность понимать исключительно как индивидуальную реальность, определяемую сознанием субъекта, то особая роль в ценностной адаптации будет отведена личностному выбору. Если же ценность рассматривать как характеристику (свойство, проявление) социальной общности, то ценностная адаптация будет сведена к интериоризации существующих ценностных стереотипов и образцов. Соответственно в системе ценностей личности достаточно четко выделяются личностные ценности и социальные ценности. Первые формируются как потребности в рамках личного опыта субъекта, однако отражают не только его динамические аспекты, но и универсальные компоненты социального опыта. Социальные ценности осознаются индивидом как общественные идеалы, детерминируют личную жизнедеятельность и санкционируют поступки. Иными словами, в жизненном мире личности социальные ценности выполняют две основные функции – лимитации и легитимации оценок. Их функциональный характер определяется системными задачами общества – интеграцией, совместным достижением целей, поддержанием ценностного образца, воспроизводством собственных структур, снятием скрытых напряжений и адаптацией к внешней среде. Они формируют поле социального взаимодействия и правила ориентации в нем, поэтому можно утверждать, что в них находят выражение основополагающие начала человеческой жизни.

Ценностная адаптация не может быть признана завершенной, если человек не в состоянии самостоятельно высказывать оценочные суждения. Положительное, отрицательное или нейтральное отношение субъекта к какому-либо объекту, т.е. осознание его как ценности, выражается в виде оценки (оценочного суждения), т.е. высказывания; устанавливающего абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта. Оценочные понятия называют также аксиологическими категориями или оценочными модальностями, а ценностный статус объекта выражается абсолютными аксиологическими понятиями «хорошо», «плохо» и «безразлично»⁴. Относительный ценностный статус выражается аксиологическими понятиями «лучше», «хуже» и «равноценно». Абсолютные и относительные аксиологические понятия образуют две независимые системы координат, поскольку не определены друг через друга. Используя эти системы координат, индивид выносит свои оценки, при этом система абсолютных оценочных понятий в большей степени

поскольку не определимы друг через друга. Используя эти системы координат, индивид выносит свои оценки, при этом система абсолютных оценочных понятий в большей степени близка к реальным человеческим действиям, что выражается и в их взаимосвязи с нормативными понятиями «обязательно», «разрешено» и «запрещено».

Оценки не имеют такой степени объективности, которая характерна для эмпирических описательных суждений, однако они не являются и преимущественно субъективными, т.е. оценки могут быть более или менее объективными и субъективными. Степень объективности оценок в большой степени зависит от их обоснованности, поскольку ценности не являются объектом непосредственного познания. В обосновании ценностей применяются различные приемы:

- неполная индукция путем перечисления, применяемая, когда на основании ценности объектов какого-либо класса делается заключение о ценности рассматриваемого объекта, относящегося к данному классу;

- оценочная аналогия, в процессе которой на основании того, что первый предмет имеет определенную ценность, делается вывод, что и сходный с ним в каких-либо отношениях второй предмет обладает такой же ценностью;

- апелляция к образцу, т.е. к такому поведению лица или группы, которому надлежит следовать; при этом следование образцу может быть спонтанным и осознанным, одни образцы рассчитаны только на узкий круг людей, а другие предназначены для всеобщего подражания;

- сравнение со стандартами, определяющими, какими должны быть объекты данного рода;

- целевое обоснование, т.е. обоснование позитивной оценки ссылкой на то, что с помощью этого объекта может быть получен другой объект, имеющий позитивную ценность;

- «практический силлогизм», в котором первая посылка фиксирует цель, которую ставит перед собой действующий субъект, вторая посылка описывает его представление о средствах, необходимых для достижения цели, а в заключении предписывается то конкретное действие, которое субъект должен совершить.

Возможно также теоретическое обоснование оценок: 1) дедуктивное обоснование - выведение обосновываемого оценочного утверждения из иных, ранее принятых оценок; 2) системное обоснование, т.е. включение оценок в хорошо обоснованную систему оценочных утверждений; 3) обоснование совместимости оценок не только с уже принятыми оценками и системами, но и с определенными общими принципами (привычками, красоты и т.д.). И, наконец, в обосновании оценок применяются контекстуальные аргументы, а именно: аргумент к традиции, аргумент к авторитету; аргумент к интуиции; аргумент к вере; аргумент к здравому смыслу; аргумент к вкусу.

Тем или иным способом обоснованная личностная система ценностей является объективной основой социализации и конструктивной социальной деятельности. На уровне социума развитая ценностная система выступает как необходимое условие его консолидации и успешного функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Музыка О.А. Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. - 240 с.
2. См.: Каган М.С. Философия культуры. - СПб., 1996.
3. Музыка О.А. Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы. - Ростов н/Д, 2006. - С. 29-31
4. Ивин А.А. Аксиология. - М., 2006. - С. 26-27.

THE CURE FOR CIVILITER MORTUUS: COMPLEMENTAR VALUES OF PHENOMENOLOGY AND DEMOCRACY

M. Briedis

Vilnius Gediminas Technical University, Vilnius, Lithuania

Although I understand that phenomenology first of all is a method and democracy is a process of decision making and any comparison seems like some kind of category mistake (when things of one kind are presented as if they belong to another), but I will begin from well known facts about phenomenology and democracy and then I will try to underlie common ground for these two and it's relevance to the problems of citizenship. In this presentation I will explore the interaction between phenomenology and democracy as a foundation for a new kind of virtue theory.

Phenomenology, as is well known, represents one of the anti-metaphysical trends of modern philosophy. Its purpose is not a system, but efforts to define a context in which human knowledge begins. Discovers the basic conditions under which knowledge is possible. Phenomenology is kind of practical philosophy, attentiveness to one's own experience, rather than scientific approach.

The existence of global world mediated through media and the various aspects of everyday activity are arranged with the demands of the democracy. However it is not clear what the notion democracy exactly means or how it could and should be exercised. It is clear enough that democracy embraces certain values like consensus, liberty, equality, correct representation, civil activity and etc.); and of course autonomy.

On the other hand the goal of a phenomenology is to describe, "what is really going on", or put it differently, uncover the essence of various processes presented in my consciousness and seek correct interpretation of oneself and the other (hermeneutics) what calls for these values or in the case of individual citizenship – virtues.

I argue that the adequate approach to such values is culminated in phenomenological philosophy which enables examine democracy as something more than it's political version or the dilemmas around the majority rule.

The very possibility to educate herself, be able to open up new possibilities and life-paths and become full member of social cooperation is no longer possible on the metaphysical grounds of monadic individuals but rather through phenomenological reconstruction of the self heading for a desubstantialised self while reflecting on everyday socio-cultural interactions.

The word *Demos* in "democracy" means first of all not majority but ruling held by personality, that is, person with certain values or virtues which enable him make a decisions about his life and life of his fellow citizens adequately. This requirement for a new kind of Citizen was well known in ancient Greek where not all human beings could participate in self-governance, but it is almost forgotten now under the pressure of the popularity of *majority rule*.

Democracy as a process presupposes not only the vision of society without the need of external violence but also guaranty the opportunity to reshape individual and collective identities. Phenomenological method uncovers the elements of individual identity, it's cultural conditions, and at the same time gives a perspective to reevaluate traditional values, everyday practices, individual habits, social roles beyond the satisfaction of narrow utilitarian needs.

Phenomenology seldom deals with the practical spheres where various aspects of this "living" human being are most sharply manifested. – meal, conversation and etc. According to phenomenology unarticulated attitudes and eventually following practices shape individual paradigm of intentional processes and are correlative with personal identity. Attitudes take form of traditions (for groups) and habits (for individuals) which is reflected in everyday ethics and aesthetics. It is crucial for the authentic comprehension and cognition of oneself and the other to reevaluate these usually unarticulated attitudes.

In phenomenology it is held that the flow of intentional processes is dependent upon some presuppositions, which we will call „attitudes“ including cognitive, axiological and volitional approaches, „past“, „future“ and „present“ temporal modes, „us“ and „them“ divisions and etc.

Phenomenology can uncover those individual and cultural attitudes (in the form of traditions, customs and individual habits) which are usually unarticulated but really uphold culture and guide its member's patterns of behavior. From phenomenological point of view it is a mistake to reduce one's theoretical and practical preferences to static opinions about things because phenomenological *epoche* can be extrapolated to any phenomena.

The actuality of this specific case of intentionality (individual self) "identity" which is not described theoretically but discloses itself practically and this usually means pre-reflectively. Pre-reflective sphere is always under the power of various attitudes so we can conclude that identity first of all consists of these attitudes which determinate intentional processes and eventually the whole of practice.

Intellectual and ethical duty of every cosmopolitan agent is to understand this pre-reflective state and its "outside" roots (influences) and reevaluate the specific attitude toward the wholeness of environment. For this, firstly, we need to make our own attitude an issue (usually in conflict with the other attitudes on the same object), secondly – deconstruct it and thirdly – validate it (or not). This enterprise can reveal our attitude as the case of rationalization (in Freudian sense), ideology or just a simple mistake.

Finally the position of intense observance of everydayness not only suspends traditions, customs and habits but also can repudiate them if the observance does not end with obvious evaluation.

The implied in democracy respect to the social partners demands correlative methodological element: suspension (*epoche*) of any attitude shaped by metaphysical tradition towards the *other*, be it left-handed person, her sexual orientation, social class, generation, geographical and physical parameters and etc.

Every cultural identity can be divided into different attitudes which can be grouped or analyzed in isolation. Basic ones usually are attitudes towards gender, race, environment and etc. Careful observance (as the second step of analysis after the problematic aspects of something that was obviously clear are posed) of such attitudes can uncover that they are seen as attitudes of, for example, supremacy. Further reexamining of everyday positioning towards the other can (depending on context) evaluate intelligence rather than power (love), such features as care and mutual assistance rather than competition (gender), gratitude, respect and care rather than exploitation (ecology). Therefore the primal primitive attitude of dominance or supremacy can be changed with egalitarian one, which is the core of democratic attitude.

It is important that we can constantly reevaluate and change our attitudes eventually reshaping our everyday life. For this one ought to maintain hers ignorance and work with herself (in Socratic sense). Although it is difficult to change our attitudes as the basis for traditions (for groups) and habits (for individuals), it's necessary for overcoming our lack of intensive relation to the world which is the basis for the possibility to transform our own identity what in turn is the goal of such processes as democracy.

According to the phenomenology both empirical and metaphysical accounts on values are misleading. Empiricists seek to root values in natural words while presenting it as the only objective reality. Metaphysical attitude on the other hand is too formal, abstract and transcendent in traditional sense.

This fact that every state or act of consciousness has its correlate as an intended object means that subjective - objective dichotomy no longer holds. Secondly, phenomenology states that the valuation always is an experiencing of something, what is already given to consciousness.

Secondly, in ethics of phenomenology as in Kantian ethics, all basic notions are senseless without postulated freedom. What is added to Kant is the uncovered fundamental human condition, showing that the freedom is the very constitution of human consciousness. This means that the main criteria for choosing concrete values are the respect of other person and the responsibility before him as the center of certain practice and correlate of my own "world".

Phenomenology seeks to uncover the meanings of already presented moral experiences eventually opening new possibilities for action. Human mode of being is pure actuality, not individual substance, and this actuality realizes itself due to the structured flow of the acts of consciousness. If we identify person with this flow the main personal characteristics become attentiveness, critical attitude and openness.

This mode of human being transcends Kantian *pure reason* and eventually transcends formal ethics. Values are of emotional nature which attunes human being with reality, life in all its concrete forms. Values stripped from emotional content and left with formal clothing are destructive (as with democracy *only* as a right to vote).

The thing is that according to phenomenology emotions are kind of value attitudes, that is, intentional processes. But again, moods and feelings usually are habitual (once we learn to feel something we will feel it every time it will appear in our horizon of experience), and if they are value attitudes we must constantly reflect on them, and many intended objects (correlates of emotions) has their *culturo-contextual* characteristics.

Real phenomenological values are those (aesthetical, juridical, cognitive and etc.) which binds human beings together in *rational, educational and cultural coexistence*. But all this is about the value of a person rewritten anew for the age after the substantial notion of the self. This person is not reducible to nothing or no one else, he is the absolute and the concrete centre of all acts. On the other hand the value of a person is arranged with responsibility for constant critical reevaluation of myself as the institution which could be in a position to decide her own life and life of the others. This is the absolute fundament of all other values and this is where phenomenology and democracy embraces each other.

As Socrates was mentioned, I find important complementarity between phenomenology and democracy and Greek virtue ethics. Here virtues are in some sense values in itself, they are prior to duty or definite conditions of valuable life (knowledge, talk, friendship, or a simple walk). The possession of such values ensures authentic living as well as the ground for proper functioning of democratic mechanisms, such as communication, free play of ideas, development of distinctive individuality and a spread of spirit of social cooperation, reciprocity of diverse views and experiences. Such an outlook gives a new meaning to phenomenology as practical philosophy: constantly reinterpret living world, underlie new possibilities and reevaluate the democratic ideal itself.

МЕНТАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

М.Н. Чернявска

Белостоцкий политехнический университет, г. Белосток, Польша

Анализ трансформации в странах Центральной и Восточной Европы ставит ряд вопросов в общественных науках. Какова связь между формой государственного строя и менталитетом общества? Является ли изменение человеческого менталитета необходимым условием трансформации на макросоциальном уровне? А если это так, в каком направлении изменяется менталитет?

Измерением менталитета, в контексте которого обоснованным представляется анализ изменений в политической системе постсоциалистических стран, является противостояние между индивидуализмом и коллективизмом. Конструкт индивидуализм-коллективизм указывает на два качественно различных принципа, определяющих отношения между личностью и группой. Дж. Хофстеде (Hofstede, 1980) определяет коллективизм как

склонность к постановке потребностей группы над потребностями личности, индивидуализм – как склонность к постановке потребностей личности над потребностями группы. Дифференциация этих потребностей связана, по мнению автора, с типом межличностных связей, характеризующих данную культуру. Индивидуализм характеризуется свободными отношениями между людьми, в коллективизме, в свою очередь, акцентируется значимость отношений между личностью и социальным окружением.

Конструкт индивидуализм-коллективизм модифицирует широкий класс переменных: познание, понятие «я», мораль, ценности, установки и поведение. Он осмысливается также в контексте экологических и макросоциальных переменных, таких как общественная, идеологическая, политическая и экономическая система. И здесь возникает вопрос: какая из этих двух форм менталитета способствует экономическому развитию и развитию демократии?

Индивидуализм является основополагающим признаком либеральной доктрины, в которой «общее благо» понимается как сумма личностных стремлений, а не как результат их подавления. Права личности ненарушаемы и стоят над обществом, ненарушаема и неограниченна свобода человека (Szacki, 1994). Экономическая версия либерализма (а такая в первую очередь интересует страны Центральной и Восточной Европы) относится к функционированию обществ в особом измерении. Она демонстрирует принципы, которые играют важную роль в экономической продукции, т. е. принципы рыночной экономики, соперничества и получения максимальной прибыли. Они – как легко заметить – сильно связаны с капитализмом. «Двигателем развития» капитализма считается – по крайней мере в истории западного общества – индивидуалистский менталитет (Ślomszyński и соавторы, 1996). Подтверждение подобной зависимости мы находим в работе Дж. Хофстеде (Hofstede, 2001). Он показывает, что уровень национального дохода коррелирует с уровнем культурного индивидуализма. С другой стороны, индивидуалистский менталитет признается следствием экономического успеха. По мнению Г.Ц. Триандиса (Triandis, 1994), богатство стран становится необходимым условием развития индивидуалистской культуры. Достаток освобождает от групповой зависимости и делает возможной реализацию индивидуальной активности, а та, в свою очередь, влечет за собой инновации и экономическое развитие (Cohen, 1998). Индивидуализм, таким образом, сильно связан с развитием капитализма: он способствует экономическому развитию и сам является эффектом такого прогресса (Ślomszyński и соавторы, 1996). Одновременно, как утверждают И.А. Ванделло и Д. Коэн (Vandello, Cohen, 1999), индивидуалисты в сфере идеологии имеют в большей степени склонность к акцептации либерализма.

С индивидуализмом связаны не только технический прогресс и благосостояние, но также тип политического строя, сложность форм культуры и отношение к традициям. По мнению многих теоретиков, демократия (во всяком случае в ее либеральной версии) требует принятия характерных для индивидуализма межличностных связей и личностных свойств (Hofstede, 1980; Boski, 1999; Reykowski, 1993). Одновременно в индивидуалистских культурах становится возможным проявление главных для демократии ценностей, которыми являются свобода и права человека. В свою очередь, отношение к демократии и оценка собственного функционирования в этой системе в значительной мере зависят от уровня акцептации индивидуалистских ценностей, которые лежат в основе таких психических черт, как стремление к свободе и независимости, самоконтроль, чувство личной ответственности и креативность (Skarżyńska, Chmielewski, 1994; Urban, 2005; Крамник, 2000).

Н.А. Бердаев (Bierdajew, 1981), характеризуя индивидуалистский менталитет с позиции философских наук, указывает, что для индивидуалиста «свобода является, прежде всего, правом на неравенство. Равенство является, прежде всего, покушением на свободу, ограничением свободы. Свобода живого существа, а не математического пункта, реализуется в качественной инаковости, в возвеличивании в праве на увеличение размера и качества жизни. В свою очередь, равенство выступает против всякого рода качественного отличия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвеличивание» (с. 48). Подобную характеристику на социологическом уровне представил Х. Доманьски (Domański, 2000): «Индивидуалист – это тот, кто в своих действиях, касающихся профессиональной карьеры и материальных дел, занимается самим собой, действуя с убеждением, что собственные усилия и упорство в стремлении к цели являются лучшей гарантией достижений. Он ощущает себя хозяином своей судьбы. Индивидуалисты ставят перед собой долговременные цели, отделяя их от судьбы семьи, профессиональной группы, народа или вообще коллектива; если же учитывают интересы общности, в которой функционируют, то помещают ее на второй план». Определяющей чертой индивидуалистского менталитета является, таким образом, направленность действий личности на достижение и успех, являющиеся результатом собственных усилий, что в дальнейшем детерминирует экономическое развитие, цивилизационный, научный и технологический прогресс целых обществ. Аргументация такого рода популярна со времен Д. Мак-Клелланда (McClelland, 1985), который полагал, что мотивация достижений является необходимым условием экономического развития. Низкий уровень мотивации достижений исключает четкое функционирование рыночной экономики, в то время как возрастание мотивации создает надежду на улучшение экономического развития. Более поздние исследования, осуществленные в различных странах мира, подтверждают тезис о связи между усилением мотивации достижений в данной культуре и экономическим развитием (Росс, Нисбетт, 2000).

В индивидуализме ценность человека измеряется его достижениями, которые, в свою очередь, связаны с умениями, которыми обладает человек. Типичная для индивидуализма концентрация на компетенции личности и ее совершенствовании очень важна с точки зрения экономического развития. Каждому человеку дается шанс развития и демонстрации своей компетентности, которую можно осуществить наилучшим образом путем свободного соревнования и конкуренции. Соперничество способствует большей креативности и продуктивности, вовлечению в бизнес и рыночное предпринимательство (Daab, 1993; Дилигенский, 1999; Крамник, 2000).

Индивидуалист полагается в большей степени на самого себя. Такого человека характеризует стремление к экономической независимости, склонность к самостоятельному определению стандартов и целей и независимость в их реализации. Следствием являются большее доверие к самому себе, большая отвага и креативность. Такая типичная для индивидуалиста черта личности как ментальная открытость, увеличивает терпимость личности, к социальным переменам и возможности приспособления к конкретным условиям нового экономического строя – в особенности к широко понимаемому «рынку» (Reykowski, 1992; Jarumowicz, 1999; Дейнека, 2000).

В связи с представленными выше рассуждениями, изменения менталитета посткоммунистических обществ в направлении индивидуализма уничтожают важный барьер в трансформации государственного строя. Оправданным представляется, одновременно, вопрос, почему коллективистский менталитет должен был бы препятствовать изменениям в общественной системе. Либо иначе, можно ли считать коллективистский менталитет одной из психологических причин политико-экономических проблем в странах Центральной и Восточной Европы?

В период, предшествующий трансформации, в странах этого региона апробировалась коллективистская идеология, согласно которой идентичность человека определялась через его групповую принадлежность (семья, организация, посредством которой он функционировал, или государство). Устанавливался определенный образец отношений личности и государства: личность подчинялась государству, государство, в свою очередь, отвечало за личность, заботилось о ней и обеспечивало безопасность. Подчеркивалась роль социальной группы (общества), что приводило к доминированию групповых целей над личными. Большое значение в функционировании общества придавалось следующим ценностям: социальная гармония, групповая солидарность, чувство ответственности, то есть тем, которые противодействуют групповым конфликтам и обеспечивают безопасность (Androka, *ср.* Sallay и соавторы, 2001). Высоко оценивалось одобрение определенной идеологии, а также поведение, соответствующее общепринятым нормам (Jarymowicz, 1999).

Требование солидарности, единства, гармонии, правильности, конформизма в отношении общественных потребностей и уважения традиций обеспечивает безопасность, однако ограничивает свободу личности (право принимать решения) и детерминирует рецептивную установку: люди становятся осторожными, ищут помощи и отказываются от своих честолюбивых притязаний. Таким образом, коллективизм опирается на ценности, ориентированные на продолжение, способствуют в большей мере стагнации и «стиранию различий», нежели переменам, ограничивают стремление к плюрализму и возможности распоряжаться самим собой (самостоятельности, самоопределения), соперничества и конкуренции. Коллективистские ценности противодействуют конфликтам между людьми, однако, одновременно, могут ограничивать реализацию принципов демократии (демократические принципы ориентированы на плюрализм, свободу и права личности) и тормозить развитие капитализма (принципы экономического либерализма ориентируются на индивидуальные достижения и опираются на конкуренцию) (Reukowski, 1993; Sallay и соавторы, 2001). Преодоление коллективизма в сфере менталитета должно, таким образом, способствовать развитию демократических установок, помочь гражданам стать независимыми от государства и развить активность в достижении собственных целей (предприимчивость) и, как следствие, привести к экономическому развитию страны.

Вышеприведенная аргументация представляется теоретически целостной, тем не менее, она отражает исторический опыт только части обществ. И хотя не подлежит сомнению, что триада: капитализм-демократия-индивидуализм присутствовала в развитии западных стран, это не означает, что экономический прогресс может иметь место лишь в индивидуалистски ориентированных странах. На это указывают хотя бы успехи в экономической области стран Дальнего Востока, то есть тех, которые отличаются крайним коллективизмом. К примеру, И. Мисуми (Misumi, *ср.* Kim, 1994) отмечает, что экономический прогресс в Японии был достигнут благодаря сильным связям между людьми, связям, которые не опирались на негативные эмоции, связанные с конкурентным подходом к жизни. В случае этих стран потребность достижений признаётся также за важную психологическую причину экономического развития, однако определяется она в групповых категориях. Успеха добивается не личность, а группа, к которой личность принадлежит. Люди привыкли к кооперации, солидарности и ответственности по отношению к членам группы. И, что интереснее всего, неудачи (а не успех) влияют на более сильную мотивацию усилий: критика, таким образом, носит конструктивный характер (*ср.* описание коллективизма, приведенное выше). В свете этих фактов можно задуматься, не являются ли страны Центральной и Восточной Европы «недостаточно» коллективистскими.

Не вполне очевидным является ответ на вопрос, почему индивидуалистский менталитет должен способствовать развитию демократии. Демократия реализует идеи свободы и автономии личности, которые ассоциируются с индивидуализмом, но одновременно реализуются и идеи равенства и братства, которые, в свою очередь, можно считать показателями коллективизма. Принцип соединения демократии с индивидуализмом был опровергнут в публикации П. Боского (Boski, 1999). Он указывал, что – по крайней мере на польской почве – индивидуализм является негативным предсказателем демократической ориентации, хотя позитивным – для ориентации капиталистической. Одновременно люди, настроенные против бизнеса, характеризовались более сильными демократическими социальными установками. По мнению автора, результаты исследования разрушают миф о неразлучности политической демократии и рыночной экономики. Обе сферы жизни имеют противоположные психологические механизмы: рыночной экономике способствует индивидуализм, за демократию отвечает иное измерение менталитета, определяемое понятием гуманизма. Гуманизм характеризуется, в свою очередь, сильным родством с коллективизмом. В контексте приведенных результатов исследований можно сделать вывод, что изменения в менталитете в направлении индивидуализма желательны скорее с точки зрения экономических перемен (и то в том случае, если опустить информацию об «азиатском чуде»). Связь индивидуализма с демократией носит уже, по крайней мере, спорный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейнека О.С. Экономико-психологические последствия политики переходного периода // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 2000.
2. Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый. Личность в постсоветском социуме // Политические исслед. – 1999. – № 3.
3. Крамник В.В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
4. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – М.: Аспект Пресс, 2000.
5. Bierdajew M. (1981). *Filozofia nierówności*. Kraków: Zdanie.
6. Boski P. (1999). *Humanizm w kulturze i mentalności Polaków*. W: B. Wojciszke, M. Jarymowicz (red.), *Psychologia rozumienia zjawisk społecznych*. Warszawa: PWN.
7. Cohen D. (1998). Culture, social organization, and patterns of violence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75, 408-419.
8. Daab W.Z. (1993). *Indywidualizm a poglądy społeczno-polityczne*. W: J. Reykowski (red.), *Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN.
9. Domański H. (2000). *Negatywne aspekty indywidualizmu*. W: M. Malikowaki, Z. Seręga (red.), *Konflikty społeczne w Polsce w okresie zmian systemowych*. Rzeszów: WSP.
10. Hofstede G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage.
11. Hofstede G. (2001). *Culture's consequences. Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. Thousand Oaks: Sage Publications.
12. Jarymowicz M. (1999). *O godzeniu wody z ogniem: związki kolektywizmu z indywidualizmem*. W: B. Wojciszke, M. Jarymowicz (red.), *Psychologia rozumienia zjawisk społecznych*. Warszawa: PWN.
13. Kim U. (1994). Individualism and collectivism. Conceptual clarification and elaboration. In: U. Kim, C.H. Triandis, C. Kagitcibasi, S-H. Choi, G. Yoon (Eds.), *Individualism and Collectivism*. Thousand Oaks, London, New Delhi: SAGE Publication.

14. McClelland D.C. (1985). Human motivation. Glenview, IL: Scott, Foresman.
15. Reykowski J. (1992). Kolektywizm i indywidualizm jako kategorie opisu zmian społecznych i mentalności. Przegląd Psychologiczny, 35, 147-171.
16. Reykowski J. (1993). Zmiany systemowe a mentalność polskiego społeczeństwa. W: Reykowski J. (red.). Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe. Szkice z psychologii politycznej. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN.
17. Sallay H., Munnich A., Oppenheimer L. (2001). Self-construal in a changing society. Studia Iagellonica Humani Cultus Progressus, 5, 35-51.
18. Skarżyńska K., Chmielewski K. (1994). Młodzież a demokracja w Polsce. Studia Psychologiczne, 35, 47-64.
19. Słomczyński K.M., Janicka K., Mach B.W., Zaborowski W (1996). Struktura społeczna a osobowość. Psychologiczne funkcjonowanie jednostki w warunkach zmiany społecznej. Warszawa: IFiS.
20. Szacki J. (1994). Liberalizm po komunizmie. Kraków: Znak.
21. Triandis H.C. (1994). Culture and social behavior. New York: McGraw-Hill.
22. Urban M. (2005). Indywidualistyczne i kolektywistyczne poglądy polityczne młodzieży a przekonania i strategie socjalizacyjne rodziców. W: U. Jakubowska, K. Skarżyńska (red.), Demokracja w Polsce – doświadczenie zmian. Warszawa: Wydawnictwo SWPS „Academica”.
23. Vandello J.A., Cohen D. (1999). Patterns of individualism and collectivism across the United States. Journal of Personality and Social Psychology, 77, 279-292.

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный экономический университет,
Институт социально-гуманитарного образования, г. Минск, Республика Беларусь

В XXI столетии человечество столкнулось с новыми опасными вызовами, противостоять которым возможно только обеспечив глубинный межкультурный и межконфессиональный диалог различных народов мира, их взаимопонимание, уважение, ценностный плюрализм и толерантность по отношению друг к другу. Прежде всего, отметим, что под *устойчивым развитием следует понимать глобально управляемое развитие всего мирового сообщества с целью сохранения биосферы и существования человечества, его непрерывного развития* [4, 31]. Устойчивым может быть только мировое сообщество в целом, ибо биосфера и ноосфера – единый организм планеты Земля.

Национальный императив устойчивого развития, или обязательное требование к стране, нации в целом, состоит в том, чтобы, активно и конструктивно участвуя в мировом процессе перехода к устойчивому развитию, определить цели и механизмы развития страны посредством выработки стратегии устойчивого развития, объединяющей в одно целое культурологическую, социальную, экономическую и экологическую политику, интегрирующей усилия нации на достижение социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности.

Поиск новых путей, механизмов и форм сотрудничества, взаимодействия и интеграции, открытого диалога культур и религий с национальными и религиозными организациями и вместе с тем обеспечение бережного отношения к национально-культурной самобытности и самостоятельности отдельных стран и народов – *основа и стратегический приоритет устойчивого развития современного мира*. При этом важно выявить и проанализировать реальные механизмы налаживания межкультурного

диалога в целях устойчивого развития и оценить вклад национальных законодательств, систем образования, науки в диалог между культурами и религиями, гармонизацию национальных и религиозных отношений на государственном и международном уровнях, формирование национального самосознания и уважения к другим народам.

Переход к устойчивому развитию - длительный эволюционный процесс, требующий целенаправленной, осознанной деятельности всего человечества. Главным механизмом его реализации могут и должны быть *национальные стратегии устойчивого развития, использующие высоконравственный гуманный разум объединенного человечества*, всевозможные мировые и национальные социально-экономические, политические, технические и другие средства.

В современной философии и культурологии особенно актуальными и злободневными становятся исследования по выработке механизмов развития культур стран и народов на основе содействия процессам культурно-духовного диалога и выработки таких систем ценностных ориентаций, которые действительно сближают все культуры, способствуют их взаимопониманию и взаимоуважению. К счастью, в культуре последней трети XX века параллельно глобализационным процессам в цивилизациях, начались совершенно мирные, не конфликтные интеграционные процессы в культурных взаимодействиях современного мира, что в полной мере отвечает природе культуры как основополагающего для всего человечества социального явления. Это дает надежду на то, что интеграция культур вместе с нарастающими процессами идентификации каждого народа и каждой личности будет представлять собой естественный процесс и результат свободного и непринужденного взаимодействия культур, взаимообогащающихся в процессах их интеграции и диалоговых отношений народов, стран и континентов [2,23].

В соответствии с этими ценностными установками для Беларуси наряду с задачами совершенствования государственности, формирования сильного эффективного правового государства, построения социально ориентированной рыночной экономики, развитых отношений демократии и гражданского общества, восстановления экологического равновесия, *развитие культуры, построение адекватной международным стандартам национальных и межрелигиозных отношений является одним из стратегических приоритетов государственной политики.*

Республика Беларусь является активной участницей многосторонних международных конвенций в области культуры и соответствующих соглашений в рамках СНГ, а также многочисленных двусторонних договоров о сотрудничестве в культурной сфере. Создана законодательная база, *направленная на развитие белорусской культуры, обеспечение и защиту конституционного права каждого гражданина на участие в культурной жизни, доступ к культурным ценностям, межкультурный и межконфессиональный диалог с представителями различных стран и народов.* Четкая и последовательная политика белорусского государства в области национально-культурного развития *национальных общностей страны, межэтнических и межконфессиональных отношений* направлена на создание необходимых условий для развития всех этносов республики как единого белорусского народа, а также на духовное и культурное развитие белорусской диаспоры за рубежом.

Среди принятых нормативных правовых актов регулирующие эти вопросы, *Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь «О гражданстве», «О Национальных меньшинствах», «О свободе совести и религиозных организациях»* и другие.

Республика Беларусь — *многонациональное государство.* По данным переписи населения 1999 года белорусы в структуре населения страны составляют 81 процент. В современном мире такой процент титульного населения является достаточно высоким. 19 процентов — представляют более 140 национальностей. В том числе: 11% — русские; 3,9% — поляки; 2,4% — украинцы; 0,3% — евреи; более 10 тысяч — армяне и татары; около 10 тысяч — цыгане; более 6 тысяч — литовцы и азербайджанцы; более 4 тысяч — молдоване и немцы; 3 тысячи — грузины. 41 национальность представлена количеством человек от 10 и менее.

В настоящее время ведется разработка проекта Закона Республики Беларусь «О соотечественниках, проживающих за рубежом». Принятие этого нормативного правового акта будет содействовать совершенствованию отношений государства с белорусской диаспорой и национальными общностями. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 мая 1993 г. № 354 одобрена Государственная программа сотрудничества с соотечественниками, которые проживают за рубежом, — «Белорусы в мире», рассчитанная на 5 лет (с 2005 по 2010 годы).

Государственно-церковные отношения в стране строятся на принципах уважительного отношения к чувствам верующих и неукоснительного соблюдения законодательства о религии и церкви. Принятый в 2002 году Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» обеспечивает и защищает конституционные права на свободу совести и вероисповедания, представляет собой юридические нормы, благоприятные для реализации сбалансированного варианта взаимоотношений государства и религиозных организаций. При его разработке учитывался европейский и мировой опыт государственно-церковных отношений.

В законе соблюден принцип равенства всех религий, а также определенным образом защищается историческое представительство традиционных для нашей страны религий: православия, католицизма, ислама, иудаизма, протестантизма. Именно эти конфессии внесли значительный вклад в историческое становление и развитие духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, формируя у белорусского народа веротерпимость и уважение к человеческому достоинству. Благодаря взаимодействию этих конфессий сложился неповторимый белорусский менталитет.

С начала 90-ых годов прошлого века в Республике Беларусь отмечается рост религиозности всех слоев населения. Религиозный фактор начинает играть важную роль в общественно-политической, духовной жизни Республики Беларусь. Это связано с демократизацией общественной жизни, одним из характерных проявлений которого стало изменение отношения государства, общества в целом к религии и церкви. На смену критике религии и церкви пришли идеи о том, что религия является важной основой национальной культурной традиции, тесно связана с морально-этическими, духовными ценностями народа.

Беларусь — страна многоконфессиональная. По состоянию на 1 января 2005 года в республике зарегистрированы общины 25 религиозных направлений, в то время как в 1989 г. были представлены лишь 9 направлений. В соответствии со своими уставами действуют 142 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение: религиозные объединения, монастыри, миссии, братства, сестричества, духовные учебные заведения. Четыре из них были зарегистрированы в 2004 году (3 православных монастыря и 1 миссия ХВЕ). Общая численность религиозных организаций в республике достигла 2829.

Ведущее место в религиозной жизни страны занимает Белорусская Православная Церковь, которая объединяет более 80 процентов верующих и имеет 1315 приходов и 1092 действующих православных храма, 162 находятся в стадии строительства.

В последние годы в обществе укрепились позиции римско-католической церкви, с которой государственные органы развивают конструктивные отношения. Римско-католический костел объединяет сегодня 433 общины. В 2004 году в республике насчитывалось 410 костелов, 41 находится в стадии строительства, значительное количество костелов реставрируется и ремонтируется. Злободневной остается проблема пополнения католического клира из числа граждан Республики Беларусь. В 2003 году среди 350 священнослужителей насчитывалось 196 иностранных граждан, в большинстве граждане Польши. Кроме этого, по приглашению Римско-католической церкви страну в 2004 г. посетило 409 иностранных граждан, из них 282 приглашались для нерелигиозной деятельности.

В целом римско-католическая конфессия является одной из самых активных в республике. Происходит становление римско-католических приходов в исторически традиционных регионах их деятельности.

Идеи протестантизма проникают в Беларусь в 16 в. В последние годы возросло количество протестантских организаций (зарегистрировано 40 общин), которые в республике представлены 14 направлениями, объединяющими 955 общин. Кроме этого продолжают действовать без регистрации 28 общин Совета Церквей ЕХБ. Наиболее многочисленным среди протестантских направлений является объединение христиан веры евангельской (482 общины).

Ислам в Беларуси исповедует белорусские татары. Их проникновение на территорию современной Беларуси началось в XIV веке при Витовте, который пригласил татар к себе на военную службу. В последние годы оживилась деятельность и этого немногочисленного в республике религиозного течения. В 1991 году было создано объединение белорусских татар «Аль-Китаб», самостоятельный Муфтият Республики Беларусь. Зарегистрировано 27 мусульманских общин. Белорусские татары стремятся возродить свою культуру, этническую самобытность. В 1997 году было торжественно отмечено 600-летие поселения татар в Беларуси и Литве.

С XIV века в Беларуси проживают евреи, исповедующие иудаизм. В 1993 году состоялась учредительная конференция Белорусского объединения еврейских организаций и общин, цель которого усматривалась в возрождении национальных и культурных традиций еврейского народа. Объединение охватывает более 100 различных организаций (культурных, научных, религиозных и т.д.). В Беларуси существует около 20 воскресных еврейских школ, при некоторых школах существуют еврейские классы. Общество «Сохнут» проводит молодежные спортивно-оздоровительные лагеря. В Минске действует духовное училище. Общины поддерживают тесные контакты с Израилем, получают материальную помощь от еврейских общин других стран. В Беларуси действуют общины ортодоксального и прогрессивного иудаизма (всего 25).

Поликонфессиональность Республики Беларусь является важной отличительной особенностью ее социокультурного пространства. Поэтому чрезвычайно важным и актуальным является вопрос государственного-правового регулирования религиозных процессов в республике. В настоящее время в нашем обществе реально осуществляется принцип свободы совести. Гарантом этого является Конституция РБ, закон «О свободе совести религиозных организациях», принятый в 2002 году, который утверждает равенство всех религий перед законом, обеспечивает право личности на свободный выбор вероисповедания и свободное отправление религиозного культа. Необходимо отметить, что принятый Закон Республики Беларусь «О свободе совести слова и религиозных организациях» не ограничивает права верующих и позволяет в равных условиях развиваться всем конфессиям.

Правоприменительная практика нового законодательства о свободе совести и религиозных организациях, созданные правовые основания государственной перерегистрации и ее результаты свидетельствуют о создании в республике благоприятных условий для деятельности религиозных организаций и обеспечения конституционных прав граждан на свободу совести и вероисповеданий, соблюдении международных стандартов в этой области.

В современном белорусском обществе высоко оцениваются нравственные составляющие религии. При всем том, что основную массу верующих представляют пожилые люди, женщины, в последние годы отмечен рост религиозности всех слоев населения, в том числе, молодежи.

В условиях поликонфессионального общества идет постоянный взаимный поиск точек соприкосновения, механизмов сотрудничества между государственными органами власти и религиозными организациями.

Каковы основы и механизмы кросскультурного и межконфессионального диалога в контексте принципов устойчивого развития?

1. Важным фактором, обеспечивающим межкультурный и межрелигиозный диалог в контексте устойчивого развития национальных государств и сообществ, является создание культурных, экономических, социальных, правовых и других условий для гармоничного развития и социально позитивного образа жизни личности, реализации общепризнанных мировым сообществом конституционных прав и свобод человека. Развитию личности в интересах общества способствует поступательное развитие межкультурного и межконфессионального диалога, экономики, формирование сильного национального государства, обеспечение социальной консолидации, которая является необходимым условием как укрепления демократических институтов, так и становления гражданского общества. Следует иметь в виду, что *межкультурный диалог во многом имеет религиозное измерение* и зависит от эффективных шагов по сохранению атмосферы терпимости в отношении между народами, религиями и культурами на основе равенства и взаимного уважения. Ключевым условием диалога культур и религий как основы устойчивого развития современного мира является формирование общего культурного пространства.

2. Трансформационные процессы в мире, *развитие межкультурного и межрелигиозного диалога разворачиваются на фоне глобализации*, которая детерминирует процессы и механизмы национальной, культурной и религиозной самоидентификации, подрывает традиционный образ жизни, рушит барьеры на пути к общению и открытому диалогу отдельных религий и народов. Такая близость контактов разных культур и религий может стать источником взаимообогащения, но может быть и источником конфликтов, рождающихся в результате незнания глубинных основ иных культур и религий или может быть использована экстремистами в политических целях. Для преодоления таких негативных тенденций и укрепления взаимного понимания особенно важен межкультурный и межконфессиональный диалог в контексте глобализации современной жизни.

С середины 90-х годов вполне отчетливо обозначилась тенденция к замыканию постиндустриального мира, о чем свидетельствует статистика мировой экономики. На индустриально высокоразвитые страны Запада сегодня приходится: 76 % прямых иностранных инвестиций; 73 % объемов международной торговли; 88 % всех регистрируемых в мире патентов; свыше 90% пользователей глобальной сети Интернет [1,61-74].

3. Важнейшим фактором культурной динамики, основой обеспечения Национального могущества государств являются сегодня новейшие информационные технологии. Современная экономическая система основывается на знаниях и *информационных технологиях*, которые все активнее превращаются в важнейший ресурс хозяйственной, интеллектуальной и духовной деятельности, затрагивая всю систему общественных отношений.

4. Активность информационных процессов к концу XX – началу XXI века стала столь высокой, что возникает необходимость адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству: *Изменяется традиционная система культурной коммуникации, в результате чего начинается разрушение локального характера культуры* [3, 23]. Формируется общее коммуникационное пространство, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации.

5. Глубокие изменения в глобализационных и геополитических стратегиях, трансформация социокультурного и социально-политического пространства позволяют говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного человечества в качественно новую фазу своего развития. Важнейшим ресурсом постиндустриального общества оказывается не традиционное географическое пространство с закрепленными на нем физическими людьми и производственными мощностями, а интеллект, информация и финансы, не знающие материальных границ и легко перемещающиеся в виртуальном пространстве с помощью информационных технологий.

6. В сложившихся условиях все более очевидной становится необходимость сохранения национальных традиций и культурологических приоритетов, локальных культур определенных наций, сложившихся на протяжении их исторического развития на основе этнической культуры. Так, белорусская национальная культура сложилась на основе культуры белорусского этноса во взаимодействии с культурами других этнических групп — русских, литовцев, украинцев, евреев, татар и др. Своеобразие белорусской культуры определили ее тесные взаимоотношения с другими народами, «пограничный» характер. Отсюда специфика культурной самоидентификации, представляющей собой соотносительность человека с определенной культурой, его принадлежность к этой культуре и осознание этого факта. Особенности самоидентификации белорусов определяет пограничный характер их культуры, постоянный тесный контакт с другими цивилизациями, особое положение белорусских земель, находящихся на перекрестке торговых путей, водоразделов Черного и Балтийского морей, в географическом центре Европы, наличие воинственных соседей и мощных военных государств, размещавшихся по всему периметру белорусских границ.

7. Сохранение самобытности, национального «Я», оригинальности и неповторимости культурно-цивилизационного феномена, выстраивание отношений с другими культурами и религиями на основе диалога, поликультурности, поликонфессиональности — необходимая задача для культуры сегодня. В нынешних условиях необходимо развивать модель поликультурализма, расширять пространство различных культурных практик, предоставляя тем самым индивиду право выбора собственной идентичности. Социокультурная многовариативность этого пространства должна сыграть свою позитивную роль и в формировании особенностей менталитета народа, как особого способа мышления и отношения определенного этноса к действительности [6, 56].

Проблема национального государства, в какой-то мере, становится вопросом государственной безопасности. Основная цель и основная ценность ее — это возможность нации выжить и развиваться, укреплять тот фундамент, на котором основывается государство, и укреплять те области, в которых и дальше остаются реальные силы и права национального государства. Национальное государство в современных условиях является объектом определенного исторического испытания эпохи. Об этом в один голос говорят сегодня аналитики, исследующие духовное состояние современной молодежи стран Балтии, Германии и Беларуси [5].

Наиболее значительная для культурной динамики форма культурной коммуникации — это *взаимодействие или диалог культур, религий*. Особое значение для процессов взаимодействия культур и религий приобретают изменения культурных форм социальной организации, набора областей деятельности, систем ценностей той и другой культуры, становление новых форм культурной активности, инновационных духовных ориентиров и моделей образа жизни под влиянием глобализационных процессов.

Диалог, а не диктат культур особенно важен в контексте современных глобализационных процессов. Диалог культур и религий взаимообогащает их, обеспечивая развитие общечеловеческой системы культуры и в то же время обеспечивает углубленное понимание собственной культуры и ее ценностных оснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцев В.Л. Глобальная экономика-2008: ощущение неопределенности. // Свободная мысль, 2008. № 1, с.61-74.
2. Киященко Н.И. Может ли быть толерантным диалог цивилизаций? //Философские науки, 2008, № 4, с. 23.
3. Миронов В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии //Вопросы философии, 2006, №2, с.27-43.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. - Минск, 2004. - с.31.
5. Системная трансформация общества: исторический опыт и современность. Брест, 2006.
6. Яскевич Я.С. Становление идеологии белорусского государства и национальная идея: традиции и новации. – Минск. - 2004, с.56.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Л.Г.Титаренко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

В условиях современных глобализационных процессов и продолжающейся трансформации постсоветского общества в Беларуси (как и других постсоветских странах) происходит процесс изменения идентичности и социокультурных ценностей населения. Прежде всего, речь идет о формировании стабильной национальной белорусской идентичности, т.е. того ее типа, который в зарубежной литературе связывается со страной, с принадлежностью гражданина тому или иному национальному государству (nation-state). Поскольку на протяжении последних десятилетий прошлого века национальные государства считались субъектами международных отношений, которые исчезают с исторической арены под напором глобализации, данный тип идентичности считался неперспективным: ему на смену должна была прийти глобальная идентичность. Новый век убедительно доказал, что национальная идентичность по-прежнему актуальна, а для новых государств – субъектов международных отношений она вообще незаменима. Ни глобальная, ни европейская идентичность не заменяют национальную, сегодня они могут сосуществовать в тех странах, которые включены в глобальную и европейскую интеграцию. Однако поскольку идентичность, как и мир, постоянно меняется [1, 100], содержание национальной идентичности в начале двадцать первого века существенным образом отличается от того содержания, которое вкладывалось в это понятие Б.Андерсоном [2]. Основной тезис данной статьи состоит в том, что сегодня наиболее значимой для современного национального государства становится национальная идентичность, понимаемая как гражданская. Именно такой тип идентичности постепенно формируется в современной Беларуси.

Идентичность как особое качество группы, общества, народа формируется двояко: во-первых, как общность со схожими, подобными группами, обществами («мы» - группа), во-вторых, как различие с чужими, другими группами, обществами («они» - группа). Коллективное самосознание группы, народа должно включать в себя (на сознательном или бессознательном уровне) некие устойчивые архетипы отношения и к себе, и к иным социокультурным и национально-этническим группам; миру в целом.

Беларусь не является исключением. Важнейшей особенностью формирования национальной идентичности здесь является тот факт, что до 1991 года Беларусь по сути никогда не выступала на мировой арене как самостоятельная держава (ни ВКЛ,

ни БНР, ни БССР не отвечали в полной мере этому критерию). За долгие предшествующие века территорией, на которой жили предки современных белорусов (кривичи, дреговичи, другие племена и этносы), правили чужие (или чуждые) элиты, господствовали чужие государственные структуры. Вполне естественно, что подобная государственная идентичность не может служить историческим фундаментом формирования собственно белорусской национальной идентичности: в 21-м веке. Историческое сознание белорусского народа хранит культурные традиции и обряды, верования и обычаи прошлого, но не память о выдающихся правителях, полководцах, царях государств, в которых народ жил. В отличие от русских, до сих пор считающих Петра Первого одной из величайших фигур своей истории [3], или поляков, преклоняющихся перед И.Пилсудским, белорусам и в голову не придет относиться подобным образом ни к польским государственным мужам, ни к российским царям. Эта история, ее фигуры остались «чужими», с которыми белорусы себя никогда не отождествляют. Даже деятели советского прошлого, оставшиеся в исторической памяти россиян, практически исчезли из памяти населения нынешней Республики Беларусь: ни о Сталине, ни о Ленине народ в целом не вспоминает (исключение составляют лишь отдельные социальные группы, тогда как в России – это большинство). «Свое» прошлое белорусов – это их культура, сформировавшаяся за века в составе разных государств, но не потерявшая своей специфики, а также последняя большая война, которая унесла миллионы жизней белорусов, но показала жизнестойкость народа, его мужество. Поэтому среди событий «своей» истории белорусы чаще всего вспоминают именно эту войну и победу в ней, которая была и победой белорусского народа.

Процесс складывания национальной идентичности белорусов происходил и поныне происходит иначе, нежели в странах, следовавших классической модели формирования идентичности в эпоху формирования национальных государств: если там общая территория и язык были важными признаками государства, а оно само навязывало т.н. национальную идентичность, то у белорусов ее раньше в подобной форме просто не существовало. «Нормальную» национальную (государственную) идентичность заменяла территориально-локальная идентичность тутэйших. Тутэйшие – жители той же местности, того же городского или сельского поселения, «малой родины», среди которых могут быть лица любого этнического происхождения, разного гражданства, ведь главное, что их объединяет, – это территория, локальность. Данный тип и сегодня имеет место в ряде стран, он репрезентирует важность локального уровня идентичности людей, живущих, как правило, на периферии современных наций-государств [4; 148]. Наши предки, жившие на данной территории во времена ВКЛ, Польши или России, чувствовали себя не поляками и россиянами, а тутэйшими (местными) жителями. Эта идентичность была очень популярной среди белорусского населения и в XIX, и в XX вв. [5; 6]. Она сохранилась и сегодня, замещая не сложившуюся у тех или иных групп населения гражданскую идентичность.

Отметим еще одну важную особенность. В ситуации выбора «мы» - групп белорусы, лишённые своего национального государства, всегда мирно жившие совместно с представителями других этносов, делали смысловой «перенос»: вместо идентичности с большой социальной группой по критерию этничности или государства они предпочитали отождествление с «мы» - группой по социокультурным критериям: вероисповедания, нравственных принципов, образа и уровня жизни, сходным обычаям. Эти социокультурные критерии групповой идентичности и сегодня остаются чрезвычайно важными у белорусов: они занимают более высокую позицию, чем типы идентичности по этнонациональному или гражданскому критериям. Поэтому для белорусов и сегодня национальная идентичность есть одновременно (а, может быть, прежде всего) и их социокультурная «мы» - группа (или несколько таких групп). Пока РБ окончательно не укоренится на международной арене как самостоятельная страна, пока

четко не решится вопрос о статусе надгосударственного союза Беларуси и России, новая национальная идентичность по типу классической модели (гражданство) не станет доминировать. На это потребуется не один десяток лет (так, в Бельгии, которая образована более 100 лет назад, и сегодня идентичность по этническому происхождению бывает важнее национальной, гражданской). Но процесс этот успешно начался: молодое поколение до 20 лет (первое постсоветское поколение) чаще старшего (50 и выше) поколения определяет себя подобным образом. И если за промежуток времени менее двух десятков лет четверть населения страны пришла к тому, что часто идентифицируется как с «мы» - группой именно с гражданами Республики Беларусь, то это уже немалое достижение. Можно предположить, что данный процесс будет успешно развиваться и далее, если наша республика будет функционировать как самостоятельное государство на мировой арене, добиваясь экономических успехов и культурных достижений, укрепляя у всего населения (независимо от этнического происхождения) чувство гордости за свою страну.

Третья важная особенность белорусской национальной идентичности – ее т. наз. пограничный характер. Белорусы как народ, на культуру и историю которого оказали большое влияние и западная (латинско-католическая) и восточная (византийская) цивилизации, не замыкается ни в одной из них [7,141; 8,148]. Эта особенность во многом обусловила тот факт, что население Беларуси, которая не является широко вовлеченной в процессы глобализации и международной интеграции, тем не менее имеет т. наз. множественную идентичность. Это означает, что здесь ни один отдельно взятый критерий и тип идентичности не превалирует. Идентичность всех больших социальных групп населения имеет этот характер: она совмещает, объединяет несколько видов идентичности, причем в рамках одного и того же критерия нельзя выделить один какой-либо тип, который бы сильно превосходил по своей популярности другие типы. Например, среди имеющихся типов национальной идентичности сегодня количественно не имеется больших различий между локальной (туземной, малая родина), регионально-территориальной (жители Беларуси), гражданской (граждане РБ) и советской (последняя хотя и потеряла своих сторонников в последние годы, но еще получает от 15 до 25% поддержки). Среди основных типов социокультурной идентичности «мы» - группы единомышленников по вере, читательским вкусам, нравственным принципам также не сильно различаются. Наконец, среди собственно социальных типов самоидентификации не выходят за 10-процентный барьер различия между теми, кто выбирает людей своего поколения, своей профессии, своего образа жизни, образования в качестве значимых критериев своих «мы» - групп.

Сегодня у белорусов язык не выступает важнейшим критерием дифференциации на «мы» и «они» - группы, уступая первенство более общему критерию – культуре. Это яркое подтверждение того, что язык для жителей Беларуси является средством общения, коммуникации, а не средством разделения на оппозиционные группы. То же можно сказать и о различиях в политических взглядах (хотя их отметили более 10% людей в 2007 и еще больше в 2006, в настоящее время население предпочитает умеренность и индифферентность к сугубо политическим баталиям). В принципе, это можно считать и показателем неразвитости политической идентичности белорусов (слабого уровня политической дифференциации через политические партии, другие политические институты), однако в контексте нашей темы важно лишь подчеркнуть, что политический тип идентичности не функционален для большинства жителей нашей республики.

Таким образом, культура – важнейший идентификационный принцип реального выделения типов национальной идентичности. Эмпирическое подтверждение данного

тезиса было нами получено несколько лет назад, при проведении сравнительного исследования культуры нескольких народов Восточной и Центральной Европы [9]. Тогда этот вывод казался коллегам ошибочным, поскольку в Чехии и Болгарии язык был важнее всего в национальной самоидентификации. Однако позднее данные исследования Института социологии НАН, других социологов подтвердили этот вывод. Самоопределение белорусского народа не детерминировано национальным языком, и эту его особенность необходимо принимать во внимание.

Ввиду отмеченных выше особенностей формирования белорусской идентичности имеет место еще одна черта белорусского народа, которую нельзя обойти молчанием в анализе современных типов идентичности. Речь идет о превалировании малых групп в процессе самоопределения, самоидентификации белорусов. На первом месте из малых референтных групп у белорусов (впрочем, как и у большинства других народов) находится семья: она – абсолютный лидер, так как более четырех пятых населения чаще других групп выбирают ее как свою «мы» - группу. На втором месте находятся друзья: данную группу часто выбирают до двух третьих населения. «Отрыв» этих двух групп от третьей (коллеги по учебе или работе) составляет более 20%, что подтверждает значимость для белорусского населения выбора самых близких людей (родных, друзей) как «мы» - группы. Такой способ самоидентификации на уровне индивида показывает важность указанных малых групп как средоточения основного социального капитала населения Беларуси, источника его социальной устойчивости, фундамента выживания в разные трудные времена. Белорус ищет помощи у семьи, друзей, он не ждет ее от социальных институтов, оставаясь в несколько большей степени индивидуалистом, чем это присуще сегодня россиянам [10, 53]. Одновременно такая особенность вновь свидетельствует и о том, что процесс формирования национальной белорусской идентичности как идентичности на уровне больших социальных групп еще очень далек от завершения, ибо в обществе превалируют самоидентификации на уровне индивида и малой группы.

Подытожим все вышесказанное.

Сегодня эмпирически подтверждается наличие, как минимум, следующих типов национальной белорусской идентичности:

(1) гражданская (самоотождествление с гражданами Республики Беларусь, которую часто выбирает около четверти опрошенных),

(2) территориальная (отождествление «мы» - группы с жителями Беларуси, которую выбирает более пятой части респондентов),

(3) локально-тутэйшая («мы» - группа как жители малой родины, т.е. своей деревни, города, которую «часто» выбирает пятая часть населения),

(4) советская («мы» – советский народ), данный тип идентичности остается часто выбираемым значительной группой населения (в 2007 – до 15%), хотя он по естественным историческим причинам является исчезающим.

Можно отдельно говорить о национально-этнической идентификации, но для белорусского народа на практике она несущественна, ибо более 4/5 населения – белорусы. Да и этот критерий, судя по данным последнего национального опроса, «часто» выбирают менее четверти белорусов; тогда как большее число респондентов выбирает его «редко» или затрудняется в оценке его значимости.

Ни один из указанных типов национальной белорусской идентичности не доминирует, все типы статистически значимы, но изменчивы и динамичны.

По возрастному критерию гражданскую идентичность предпочитает самое молодое (постсоветское) поколение, которое и социализировалось в новом государстве. А советскую – люди 50 лет и особенно те, кто еще старше, кто хранит ностальгию по

прошлому. Территориальную идентичность разделяют так или иначе люди всех социальных групп, по возрасту – только те, кто старше 30 лет. Локальную идентичность чаще выбирают жители села, чем горожане, и люди старше 50 лет.

Отметим закономерности процесса изменения идентификации населения Беларуси, выявленные в ходе теоретического и эмпирического анализа.

Первое. Сегодня национальная белорусская идентичность не есть по преимуществу этнонациональная. Не принижая значения этого примордиального качества (этничность), укажем, что для белорусов он важен скорее дескриптивно (уточнить, «кто мы» и «откуда родом»), но не в активистски-поведенческом, практическом аспекте. Это означает, что в белорусском обществе, где четыре пятых жителей являются этническими белорусами, этничность не важна как критерий выбора «мы» - группы. «Своими» принимаются люди любого этнического происхождения, ибо не этничность, не национальность, а другие признаки признаются важными в самоопределении (не примордиальные признаки, а современные, модернистские, показывающие социальный капитал – образ жизни, общность с коллегами, своей профессиональной группой, людьми общих моральных принципов). Людей же своей национальности как «мы» - группу выбирают скорее «реже», чем «чаще».

В отличие от Беларуси, в сложной по национальному составу России этнонациональный критерий намного более важен: его выбирают как важный 55%, по данным 2007 г. [11, 12], однако такой высокий выбор является «компенсацией» за «дефицит общегражданской идентичности». В Беларуси компенсация подобного рода не нужна, т.к. здесь не было единой доминирующей общегражданской идентичности.

Второе. Прежде популярная для периферийной (в границах Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза) Беларуси «тутэйшая» (территориально-локальная) идентичность постепенно замещается на гражданскую: происходит (хотя и очень медленно) поворот в самоопределении от «тутэйшых» к «гражданам РБ». Это огромный сдвиг модернизационного плана, хотя пока он дает о себе знать лишь в тенденции.

Третье. Среди социальных вариаций самоидентификации у населения преобладают абстрактные вторичные группы (люди одной профессии, одного образа жизни, одного поколения, уровня достатка), а также иные абстрактные вторичные группы, выделяемые не по «чисто» социальным, а по социокультурным основаниям. Так, единство с лицами, разделяющими такие же нравственные принципы, либо читательские интересы, часто отмечают респонденты в возрасте от 30 до 50 лет. Это означает, что современные критерии, популярные в эпоху модерна, становятся все более важными, а такие традиционные критерии, как религия, соседство, национальная принадлежность, теряют сторонников (их чаще выбирают сельские жители, чем горожане).

Единственное возможное исключение – возраст: такую возрастную «мы» - группу как «люди своего поколения» («мое поколение» - это люди моего возраста) часто выбирает более одной трети опрошенных. Однако здесь может быть важен не только единый возраст, но и общие ценности и подходы, которые формировались на определенном промежутке исторического времени в процессе сходной социализации.

Четвертое. Если согласиться с мнением российских ученых, что когда возрастает важность духовно-нравственных ценностей как критериев идентификации с «мы» - группой, то это свидетельствует, что данные ценности становятся не интегрирующими, а дифференцирующими [11], то этот факт имеет место и в России, и в Беларуси. Если более трети респондентов часто выбирают эти ценности, значит, именно по нравственным ценностям проходит «разлом» в современном обществе. Косвенным образом такой разлом свидетельствует и о переменах в наборе ценностей населения,

и об усилении противоборства между традиционными моральными ценностями и новыми, современными. Ни те, ни другие в Беларуси не доминируют, но приверженцы разных ценностей ощущают это противостояние.

Пятое. Таким же дифференцирующим потенциалом обладают социально-классовые критерии выбора «мы» - групп (уровень достатка, статус). Эти критерии «часто» выбирают от одной четверти до одной пятой белорусов. Можно ли считать это показателем высокой социально-классовой дифференциации общества? Для точного ответа надо рассмотреть показатели в динамике. Если сравнить 2006 и 2007 годы, то оба показателя уменьшились примерно на 5%. (в 2006 г. «часто» выбирали статус 25% и достаток 32% белорусов). Но поскольку в 2007 г. вообще все показатели выборов были количественно ниже, чем в 2006 г., постольку нельзя утверждать, что эти 5% различий представляют значимую величину: по сути, это «пороговое различие», которое можно толковать в обе стороны – и как постоянную величину социальной дифференциации белорусского общества, и как знак снижения значимости показателей социально-классовой дифференциации. Будущее покажет, насколько это расслоение важно для белорусского общества и для белорусского сознания. Однако и сегодняшние 20-25%, которые «часто» выбирают свою «мы» - группу по принципу социальной дифференциации населения, - показатель более высокого расщепления белорусского постсоветского общества (и социального неравенства в нем), чем при советской власти. [12]. Вряд ли можно считать этот рост результатом глобальных влияний на Беларусь. Скорее, это результат рыночных (пусть и не радикальных) реформ в белорусском обществе. Данный тренд показывает, что главный критерий, выбираемый как важный большим числом постсоветских граждан, - социальное равенство, - становится скорее абстрактным принципом, чем воплощенной реальностью.

Шестое. Абсолютно доминируют как «мы» - группы семья (ее «часто» выбирает 85% респондентов) и друзья (57% выборов «часто»), т.е. малые группы. Это означает, что национальная идентичность на уровне большой социальной группы в Беларуси еще находится в процессе ранних этапов своего формирования и осознания. При условии целенаправленной работы всего общества, его политической элиты в этом направлении, она может оформиться именно как тип гражданской идентичности, который может заместить такие типы идентичности, как «жители Беларуси» и «жители своего города, села».

Седьмое. Идентификацию с советским народом сохраняют сегодня только люди от 50 лет и старше. Отметим, что данный тип идентичности постоянно теряет своих приверженцев, и не только в Беларуси. По данным 2007г., и в России такой тип идентичности разделяют менее одной пятой населения [11, 12], что подтверждает ее уходящий характер, несмотря на сохраняющуюся у части населения ностальгию по советским временам.

Теоретический и эмпирический анализ процессов смены идентичности в условиях глобализации и трансформации белорусского общества показывает, что нынешние изменения национальной идентичности в Беларуси не имеют разрушительного характера. Они не опасны для социальной устойчивости общества, а имеющиеся в этом процессе проблемы и противоречия отражают новые постсоветские условия развития страны и многочисленные внешние воздействия на нее в эпоху глобализации. Формирующаяся многосетевая идентичность означает не полный отказ от прежних типов идентичности, а, напротив, сосуществование множества типов: ренессанс некоторых традиционных социокультурных типов (религиозного, локального), дополнение их новыми типами (гражданская белорусская идентичность, европейская, возможно - глобальная), наряду с сохранением некоторого социального пространства и для таких типов идентичности, важность которых исторически уходит в прошлое (советская).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.Н. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. 2008. №6. С.100-114.
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.
3. Гудков Л. Негативная идентичность. - М., 2004.
4. Jasinska-Kania A. Zmieniajace sie identyfikacje europejczykow: globalne, europejskie, narodowe, regionalne i lokalne // Globalizacja i co dalej. W-wa; 2004. S.146-162.
5. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам // <http://txt.knihi.com/abdziralic/>
6. Титаренко Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе. - Мн., 2006.
7. Pawluczuk W. The Polish-Belarusian Frontier in the Civilization Context // The New Europe: uncertain identity and borders. Bialystok, 2007. С.141-146.
8. Yevarouski V. The West and the Rest: Belarusian perspective / The New Europe: uncertain identity and borders. Bialystok, 2007. С.147-160.
9. Klicperova M., Kovacheva S., Titarenko L. Democratic Citizenship in Comparative Perspective. San Diego, 2003.
10. Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. №3. С.50-58.
11. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. 2008. № 3. С.9-28.
12. Терборн Е. Глобализация и неравенство: вопросы концептуализации и объяснения // Социология. 2008. №2.

ДА ПРАБЛЕМЫ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ ВА ўМОВАХ ТРАНСФАРМАЦЫІ СУЧАСНАГА ГРАМАДСТВА

І.М.Малашук

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Бабруйскі філіял, г. Бабруйск, Беларусь

Больш чым дзесяцігадовы вопыт самастойнага дзяржаўнага жыцця Беларусі са ўсёй упэўненасцю паказвае, што дзяржава не можа існаваць і паспяхова развівацца без сваёй ідэалогіі. За гэты час грамадскасць краіны ўсвядоміла вострую неабходнасць сістэматычнай працы па фарміраванню і аднаўленню дзяржаўнай ідэалогіі Рэспублікі Беларусь як неабходнай перадумовы ўнутранай стабільнасці, адзінства і росквіту народа. Адначасова ўсталявалася разуменне таго, што ідэйныя каштоўнасці грамадства не ствараюцца штучна і адразу, а выпяваюць у ходзе гістарычнага развіцця народа, вынікаюць з вопыту яго дзяржаўнага і грамадскага жыцця, адлюстроўваюць яго духоўныя каштоўнасці. Таму сёння, ва ўмовах трансфармацыі грамадства, як ніколі раней, адчуваецца неабходнасць пазнання беларусамі сваіх каранёў і першавытокаў. Адным з важнейшых сродкаў асэнсавання гэтага з'яўляецца даследаванне народных звычаяў і абрадаў. Мэтазгодна звярнуць увагу на агульнаславянскія традыцыі, звязаныя з першавобразам сонца, таму што славяне пакланяліся сонцу, абагаўлялі яго і салярны культ з'яўляецца неад'емнай часткай светасузірання далёкіх продкаў.

Сонца, па ўяўленню першабытнага чалавека, было галоўным божствам, таму час яго памірання і ажывання, а разам з тым і ўсёй прыроды пакладзены ў аснову язычніцкіх святаў. Яны групуюцца вакол зімняга і летняга сонцаваротаў, прычым пе-

равага аддаецца змяняму сонцавароту, як часу, калі «замест старога сонца нараджаецца новае, з яго нараджэннем дні пачыналі прыбываць, ночы змяншацца» [1, с.187]. У гэты час, у снежні, сонца паварочвае на лета, пачынае мацней грэць зямлю. Разам з чым ажывае ўся прырода. «Балгары называюць снежань «коложогь», гэта значыць месяц запальвання сонечнага кола, час, калі нараджаецца сонца» [2, с.212]. Безумоўна, што паводле старажытных уяўленняў самая значная частка жыцця сонца заключалася ў межах першых шасці месяцаў. Веснавы цыкл абрадаў у земляробчых народаў пачынаўся з набліжэння вясны, калі неабходна было рыхтавацца да працы ў полі. У гэты час выконваліся абрады, накіраваныя на тое, каб выгнаць, пахаваць зіму – багіню змроку і смерці – і сустрэць вясну, якая несла святло, цяпло і абуджэнне прыроды. «У рускіх Уладзімірскай губерні ў дзень першага сакавіка было прынята «сустракаць вясну». Для гэтага... прыносяць з лесу сухі, якімі паляць у печы, каб вясна была цёплая. У Куйбышаўскім раёне Калужскай губерні нават быў вядомы асаблівы абрад «грэць вясну», які заключаўся ў запальванні рытуальных вогнішчаў у дзень Сарака мучанікаў ці на Блажавешчанне... У шэрагу вёсак вогнішчы, якімі «грэлі вясну», не проста палілі ў полі, але і сплаўлялі, пускалі іх па рацэ.

Больш папулярнымі падобныя формы былі на Карпатах і на ўсходзе Балкан. Так, у румын сэрбскага Банату ў дзень Сарака мучанікаў жыхары палілі вогнішчы з двух бакоў сяла, пераскоквалі праз іх і крычалі: «Вылазь, цяпло, лерамажы зіму». У балгар Банату напярэдадні першага сакавіка і затым яшчэ 12 дзён запар палілі вогнішчы і гаварылі: «*грейми Марта*» (давайце грэць бабу Марту) і прыгаворвалі пры гэтым: «Баб Марто, я тебе грея днес, ти мене утре!» Баба Марта, сягоння я грэю цябе, а ты мяне заўтра!». У Странджы першага сакавіка жанчыны, імкнучыся пазбавіцца ад шэраню, небяспечнага для дрэў, якія расцвілі, перад узыходам сонца вылівалі на дварэ кацялок з варам, гаворачы: «Баба Марта да попары сланата!» (Няхай Баба Марта апарыць шэрань!)» [3, с.111].

Саграванню зямлі маглі садзейнічаць і некаторыя рытуальныя дзеянні. У розных мясцовасцях Балгарыі на Блажавешчанне, у дзень святога Трыфана і другія веснавыя святы жанчыны выносілі ў сад гарачае вуголле і запальвалі анучы, сагравваючы такім чынам зямлю.

Вядома, што на Гомельшчыне вясну пачыналі гукаць яшчэ ў лютым месяцы. Акадэмік Я.Карскі лічыў пачаткам вясны свята Дабравешчання (25 сакавіка па старому стылю) [4, с.251]. Несумненна, што такое меркаванне мела рацыю. У еўрапейскіх народаў у адпаведнасці з хрысціянскім календаром праводзіны зімы ладзіліся перад пастом: у рускіх – гэта масленіца, у заходнееўрапейскіх народаў – карнавал. Найбольшае развіццё масленіца атрымала ў рускіх, у адрозненне ад украінцаў і беларусаў. Неабходна асобна адзначыць адзін з найбольш істотных кампанентаў масленіцы – запальванне вогнішчаў, прычым на высокім месцы – гары, узвышэнні. Высокім імкнуліся зрабіць і вогнішча. Таксама на высокіх месцах запальвалі веснавыя і іванаўскія вогнішчы ўсе еўрапейскія народы. Лічылася, што гэтым магчыма прыблізіць агонь да сонца, злучыць агонь зямлі і неба і паскорыць набліжэнне цяпла. Вогнішчы павінны былі асвятляць як мага большую прастору, прынесці палеткам святло і цяпло. У некаторых месцах у сярэдзіне вогнішча замацоувалі шост з запаленым колам – сонечным знакам.

Некаторыя даследчыкі выказваюць думку наконт таго, што бліны на масленіцу – знак ажыўшага сонца, але гэта не мае сур'ёзных падстаў, так як гэта рытуальная ежа ўжываецца на пахаваннях і звязана з кльтам продкаў.

Агні ігралі вялікую ролю ў паўднёвых славян. Балгары, як і рускія, запальвалі вогнішчы на высокім месцы, на краю сяла, галавешкі ж раскідвалі па сялу, думалі, што гэта садзейнічае ўраджаю; сербы, чарнагорцы і харваты вогнішчы і факелы запальвалі пасярод вёскі, праз іх скакалі – «для здароўя», каля іх здзяйснялі трапезу па памёрлых: «Археалагічныя знаходкі таксама пацвярджаюць захаванне рэшткаў салярнага культу. Напрыклад, у Балгарыі каля Варны быў знойдзены некропаль, якому 8 тысяч гадоў. Усе рэчы, раскапаныя там, выключна залатыя, прычым многія звязаны з салярным культам. Знаходжанне іх у месцы захавання памёрлых яшчэ раз пацвярджае, што старажытныя людзі абсалютна верылі ў сваё адраджэнне пасля смерці, як і ў адраджэнне сонца кожную раніцу» [5, с.75]. Здаўна на Беларусі існаваў звычай маліцца кожную раніцу на ўсход.

У некаторых паўночнарускіх рэгіёнах вогнішчы на масленіцу замяняліся першамайскімі вогнішчамі, якімі сустракалі лета (з-за складаных прыродных умоў Поўначы праводзіны зімы пераносіліся на больш позні час, калі вясна ўжо наступіла). Запальванне вогнішчаў звязана са зменай стану сонца, з думкай аб апладняльнай і жыватворнай яго сіле. Майскія вогнішчы павінны былі стымуляваць урадлівасць (аграрная магія).

З пачаткам вясны звязваюцца рэдкія ў славян касмалагічныя павер'і аб штогадовым стварэнні Сусвету. Так лічылася, што сонечны бог, народжаны ў дзень зімовага сонцапавароту, у дзень веснавога раўнадзенства памірае і зноў уваскрасае і ўзносіцца на неба, каб даць сваю моц і новую сілу будучым пладам зямлі. Для міфалогіі ранне-вясенняга цыклу ў аднолькавай ступені значная і сімволіка пачатку, і сімволіка аднаўлення, якія не заўсёды нават можна правільна разлічыць, бо ўсё залежала ад «паводзін» сонца. З аднаўленнем жыцця і прыроды атрымлівалася, што нібыта аднаўлялася і сонца, яно быццам бы зноў нараджалася пасля зімовага «памірання». Гэты матыў мы ўжо прыгадвалі пры разгляданні каляднага абраду, аднак такі паўтор цалкам апраўданы, таму што ў старажытнасці пачатак года адзначаўся першага сакавіка і, вядома ж, быў звязаны, найперш, са становішчам свяціла на небе. Перша-вобраз сонца да нашых дзён захаваў многія асаблівасці ад тагачаснага светапогляду продкаў на Сусвет і ролю сонца пры ягоным «зараджэнні».

З тэмай стварэння Сусвету, новага перыяду жыцця, магчыма, і звязана вядомае некаторым славянскім народам магічная працэдура: першага сакавіка (у першы дзень вясны і ў стары Новы год) жанчыны з самай раніцы, калі толькі ўзыходзіць адраджае сонца, сучаць і прадуюць шарсцяную нітку, якая павінна асацыяравацца з ніткай лёсу на пачатку жыцця чалавека. Гэтае кола вераванняў і магічных абрадаў знаходзіць месца і ў папулярным ва ўсходніх і заходніх славян звычай падвешваць да столі плеченае саламянае ўпрыгожванне, якое называлі «павуком» (паколькі павук нібыта «свет снаваў») ці «кругам» (круг «сонца»).

З міфалагічнай тэмай стварэння / аднаўлення Сусвету звязаны, хутчэй за ўсё, і такі традыцыйны для ранняй вясны звычай, як пабелка жылля чалавекам, у гэтым можна ўбачыць асацыяцыю штогадовага зараджэння «белага свету», які пачынаўся пры актыўным удзеле сонца. Таксама лічылася, што сонца нараджаецца кожную раніцу, а ўвечары памірае. А. Фамінцын адзначае характэрныя рысы старажытнага светапогляду: «Па народнаму ўяўленню сонца раніцай нараджаецца ці загараецца, а ўвечары апускаецца ў мора, на адпачынак: «Устань прабудзіся», – кліча маладзец у сербскай песні, – «родило се сунце»... «Солнце се в море купае», «солнце спочило», – гавораць галіцыя і ўгорскія русіны. Успомнім уяўленні латышоў: аб сонцы, якое кладзецца вечарам у залаты чайноук, а раніцай, узыходзячы на небе, пакідае на хвалях чайноук пастым» [6, с.161]. Як сведчаць міфы многіх народаў свету, душы памёрлых, каб трапіць у замагільны свет, павінны былі пераадолець перашкоду ў выглядзе вады. Адпаведна агульнаславянскаму звычайу нябожчыкаў хаваюць да заходу сонца, каб

душы памёршых з яго дапамогай маглі трапіць у іншы свет. «Старажытныя выявы сонечнай лодкі, звязаныя з павер'ямі, якія ўзыходзяць да неалітычнай эпохі, ёсць і ў Егіпце, і ў Скандынавіі» [7, с.51].

У асобных рэгіёнах да ранневеснавых дат прымеркавана, здаецца, тыпова калядная варажба аб жыцці і смерці. І ў аснове таксама ляжыць паміранне і ажыванне сонца. «На Віцебшчыне, напрыклад, традыцыйная калядная варажба з лыжкамі (чыя лыжка за ноч перавярнецца, той не дажыве да наступных Каляд) адбываецца ў масленічнае загавенне. У сербаў Алексінацкага Памараўя вечарам на масленіцу члены сям'і, седзячы за сталом, спрабавалі ўбачыць на сцяне ўласны цень: калі цень быў без галавы, то гэта прадказвала ім хуткую смерць» [3, с.139].

Таксама ў кантэксце тэмы вясенняга «новачасу» і адроджанага сонца характэрныя звычаі, якія датычацца распазнавання або варажбы адносна долі – індывідуальнага лёсу чалавека, таго, як ён будзе жыць, паводле традыцыйных прадказанняў, увесь наступны год. Гэтак прысвечаны «балканаславянскі звычай, аналагічны ўсходнеславянскаму «кусанню капіты» (звычай называўся ламкане, хамкане, ацкане і інш). Гаспадар ці гаспадыня падвешваюць на нітцы хлеб, яйка, халву, яблык, сыр ці што-небудзь іншае, прымацоўваюць нітку другім канцом да сталёвай бэлькі і моцна разгойдваюць яе (нітку – І.М.). Астатнія члены сям'і... імкнуцца адхапіць сабе кавалачак шчасця ці долі... у балканскіх славян матуў «адкусвання долі» на наступны год звязаны з пачаткам вясны, перыядамі з'яўлення актыўнага сонца» [3, с.139-140].

Яшчэ адным з найбольш распаўсюджаных свят з'яўляецца свята летняга сонцавароту – Іван Купала. Аб яго значэнні сведчыць той факт, што ў Францыі іванаўскае вогнішча запальваў сам кароль. Многія павер'і Іванава дня звязаны з сонцам. У беларусаў і ўкраінцаў існавала павер'е, што ў гэты дзень сонца на ўсходзе іграе – зіхаціць усімі колерамі вясёлкі, скача, хаваецца ў вадзе і зноў з'яўляецца.

Цэнтрам купальскага абрада становілася ўпрыгожанае дрэва, каля якога «драўняным» агнём, г.з. ад трэння, распальвалі вогнішча. Вогнішчы з'яўляліся зямным падабенствам сонца, таксама служылі і сродкам ачышчэння (праз вогнішчы скакалі, каб ачысціцца перад жнівом). Ужо ў XIX стагоддзі ў некаторых месцах на Украіне сталі скакаць не праз вогнішча, а праз уваткнуты ў зямлю куст ці пук крапівы. Даследчыкі тлумачаць гэту замену тым, што на Украіне царкоўныя ўлады катэгарычна забаранялі купальскія вогнішчы, спасылаючыся на няшчасныя выпадкі пры скаканні праз іх. Аднак крапіва як замена вогнішча з'явілася, відаць, даўно, яна таксама лічылася абярэгам, яе клалі ад ведзьмаў, таму скаканне праз яе было такім жа ачышчальным абрадам, як і скаканне праз агонь. Акрамя вогнішча адным з элементаў сонечнага культу быў і салярны знак – кола, пасаджанае на жэрдку, каб яно высока гарэла. Як трапна зазначыў А.Афанасьеў: «І кола і полымя – сімвалы сонца. Адыходзячы на зіму, яно страчвае свой яркі бляск, становіцца бледным, што і працягваецца да той пары, пакуль са зваротам вясны ні выкупаецца яно ў дажджавой вадзе: толькі тады стане сонца «краснае» і заблішчыць на небе залатым чырвонцам. Паэтычнае ўвасабленне сонца з вогненным колам выклікала звычай запальваць у вядомыя гадавыя святыя колы – звычай, што да гэтага часу захоўваецца паміж нямецкімі і славянскімі плямёнамі... У некаторых мясцовасцях Маларосіі існуе звычай, які заключаецца ў тым, што на свята Купалы аджочваюць ад запаленага вогнішча кола, адлюстроўваючы такім сімвалічным знакам паварот сонца на зіму. Тое ж перадавалася і... скачваннем вогненнага кола ў раку: пасля павароту свайго летняе сонца пачынала спускацца з вяршыні нябеснай гары, і гарачыя прамяні яго таксама тушыліся ў дажджавых струменях надыходзячай восені, як полымя сплужчанага з гары кола памірала ў хвалях ракі» [1, с.210-212]. Ачышчальным было і купанне, таму што вада ў гэты час мела асаблівую сілу – у гэты дзень сонца нібыта купалася на святанні.

У рускіх не было калектыўных абрадаў і асноўнага элемента купальскага рытуалу – вогнішчаў, існавалі толькі павер’і аб раслінах на Купалу.

Свята Купалы бярэ пачатак ад старажытнага свята Яна. «Ян (Яна) – старажытнейшы культ сонечнага свята, сонца. Першапачаткова яго шанавалі як апекуна цяпла і жыцця. Гэты вобраз і свята былі прынесены ў Еўропу старажытнымі жывёлаводамі-пацінамі з Азіі (у Паўднёва-Усходняй Азіі захаваліся архаічныя вобразы багоў пад назвай «Ян», «Янь» – «гаспадароў» водных крыніц. Старажытнарымскі «Янус» захаваў функцыю стваральніка рэк і ручаёў, падаўчы сонечнага свята. Пад уплывам хрысціянства яго пачалі называць «Іаанам Хрысціцелем» [8, с.209-210]. Старажытныя рымляне святкавалі дзень Януса ў час зімнага сонцавароту (і ад яго крыху пазней быў названы месяц «январь»). Сучасныя італьянцы здзяйсняюць абрад у гонар Януса ў час летняга сонцастаяння – 24 чэрвеня, аднак называюць гэта свята Іаанам Хрысціцелем. Адсюль вынікае, што архаічны Ян (Янус) святкаваўся старажытнымі жывёлаводамі двойчы на год – на летняе і зімнае сонцастаянне, славяне запазычылі толькі летняе свята Яна (24 чэрвеня), які быў у большай ступені звязаны з земляробствам, аб чым сведчаць абрады падскоквання «на доўгі лён» (у чэхаў і славакаў), абыход ворыўнай зямлі з плугам, ужыванне абрадавай ежы з ячменнага зерня. Старажытныя славяне, што жылі на Дунаі – радзіме праславян – побач з пацінамі, захавалі архаічную назву свяшчэннага вобраза – Ян. Нават пасля рассялення гэта назва захавалася ў чэхаў, славакаў, палякаў і лужычан. Ва ўсходніх славян свята называлася «Іван», аднак у абрадавых купальскіх песнях часта выконваўся прыпеў – канцоўка: «Яна, Яна, Яна». У палякаў і ўсходніх славян захаваўся найбольш архаічны звычай пасля купальскай ночы ўзбірацца на пагоркі і адтуль глядзець на ўзыходзячае сонца і на яго «ігру», славячы штогадовы прыход нябеснага свяціла.

Разам з Купаллем успрымаўся як адзіны святочны цыкл Пятроў дзень, чья абраднасць блізкая да купальскай. Асноўны пятроўскі абрад – «пільнаваць сонца». Грукат, шум, крыкі – старажытныя прыёмы адпугвання нечысці – асноўны змест звычайу «пільнаваць сонца». Можна сцвярджаць, што Купала і Пятроў дзень паходзяць з адной крыніцы, магчыма, са свята ў гонар Ярылы – бога сонца, падаўчы жыцця і пладаводства. Яго ўяўлялі на тэрыторыі Беларусі як маладога, прывабнага юнака, які ездзіў у белым уяўлячы, на галаве вянок, у руках – каласы, ногі босыя.

Паколькі сёння, ва ўмовах трансфармацыі грамадства, для беларусаў прыярытэтнымі з’яўляюцца такія каштоўнасці, як дзяржаўнасць, мова, уласная гісторыя, нацыянальныя традыцыі, звычаі, знаёмства з духоўнай спадчынай садзейнічае фарміраванню уяўленняў аб месцы і ролі народа ў сусветным гістарычным працэсе, станаўленні яго этнічных, а затым і нацыянальна-культурных асаблівасцей у кантэксце развіцця сусветнай цывілізацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. – М.: «Индрик», 1994-1995. – Т. 1-3.
2. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. – М.: «Индрик», 1996. – 638 с.
3. Агапкина Т.А. Мифологические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М., 2002. – 816 с.
4. Карскі Я. Беларусы. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – 640 с.
5. Казакова І.В. Сімволіка і семантыка славянскіх міфалагем (на матэрыялах беларускага фальклору). – Мінск: «БОФФ», 1999. – 221 с.
6. Фаминцын А.С. Божества древних славян. – С.-П.: Алетейя, 1995. – 240 с.
7. Голан А. Миф и символ. – М., Иерусалим: Тарбут, Русслит, 1994. – 375 с.
8. Мифологический словарь / М.Н. Ботвинник, М.А. Коган, М.Б. Рабинович, Б.П. Се-лецкий. – Минск: Университетское, 1989. – 255 с.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

Т.И.Предко

Белорусский государственный университет, г. Минск

Автор продолжает анализ данной проблемы, начатый в статье «Характер воздействия глобализации и интеграции на диверсификацию религиозного сознания», опубликованной в IV выпуске сборника научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук БрГУ «Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы». - Брест, 2007. - С.95-98.

Современная Беларусь неуклонно втягивается в процесс глобализации и ощущает практически все ее последствия. Одновременно здесь происходит системная трансформация общества. В связи с этим возникает ряд проблем, требующих незамедлительного решения. Естественно, Президент и его «вертикаль» ищут наиболее правильные пути построения «стабильной и процветающей Беларуси». Но не остаются в стороне от этих проблем церковные объединения, действующие в республике. Они предлагают в их решении руководствоваться в основном религиозными принципами. Православные богословы дают догматическое обоснование необходимости их участия в гуманизации общества. Их концепция получила название «христианское служение миру». Следуя ей, Белорусский экзархат наряду с духовно-нравственным воспитанием верующих все более активно участвует в общественной жизни страны. По инициативе патриаршего экзарха всея Беларуси, митрополита Минского и Слуцкого Филарета разработана программа «христианского служения семье». В ней главное внимание уделено созданию «домашней церкви» (I Кор., 16:19), рассматриваемой в контексте деятельности прихода. Ее основное назначение заключается в том, чтобы формировать у каждого члена семьи «христианский характер». А современного верующего церковь рассматривает как «соратника Бога» в деле постоянного совершенствования его творения.

Для католицизма в Беларуси новый отсчет времени начался 30 октября 1994 года, когда папа римский Иоанн Павел II возвел в сан кардинала Казимира Свёнтека, который сразу же определил главное направление деятельности клира в республике. На смену универсально-народной религиозности он выдвинул концепцию будущности мира и места человека в нем на основе более тесной связи Бога и человека. Взяв в качестве исходного постулата энциклики Иоанна Павла II «*Laborum exercens*» и «*Centesimus annus*», он констатировал, что мораль нашего общества значительно отстает от темпов развития материального производства. Преодолеть разрыв между техническим прогрессом и нравственной отсталостью в условиях глобализации и системной трансформации можно лишь в результате укрепления личной веры. А для этого необходимо изменить нравственные ориентации «*homo sovietikus*», дать людям гражданские свободы.

Деятельность протестантских конфессий в Беларуси в условиях глобализации и системной трансформации обусловлена концепцией построения «ответственного общества». Этот термин был введен в протестантское богословие еще на первой Генеральной ассамблее ВСЦ (Амстердам, 1948 г.) с целью выражения христианского общественного идеала, который был бы принят любой микрогруппой независимо от ее общественно-политической ориентации. Этим термином определялось общество, в котором «свобода является свободой людей, признающих ответственность перед справедливостью и общественным порядком, и где те, кто имеет политический авторитет и экономическую власть, ответственны за их применение перед Богом и народом, ибо их благосостояние зависит от последних» [Цит. по: 1, с.218-219]. В такой интерпретации ответственного общества имеется установка на личную ответственность каждого протестанта за совершаемые поступки. Правда, протестантские идеологи неизменно подчеркивают, что их социальная доктрина не завершена, поскольку в Евангелиях не содержится учения об обществе. Иисус Христос обращался непосредственно к каждому человеку.

Однако не только религиозная вера, установки богословов, но и секулярные принципы оказывают влияние на характер религиозности. Надо при этом учитывать и то обстоятельство, что около 50% населения республики остается на позициях свободомыслия. Поэтому новые тенденции в идеологических построениях христианских богословов и деятельности клира не всегда находят отклик у рядовых верующих. Но все же «религия сегодня стала неотъемлемой частью жизни нации, воплощением ее самобытного характера... В белорусском национальном характере находят отражение, причудливо переплетаясь, и православная соборность, и протестантский индивидуализм, и динамизм католицизма, и униатская склонность к компромиссам» [2, с.141]. В условиях глобализации и системной трансформации белорусского общества такое смешение в национальном характере основных постулатов христианских конфессий приводит к тому, что многие верующие становятся на позиции внеконфессиональной религиозной веры. Например, согласно результатам проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2004 году республиканского социологического мониторинга, «подлинно воцерковленными (т.е. одновременно религиозными и церковными) можно признать только 6,8% от общего количества опрошенных; почти 50% признающих себя верующими, можно отнести к числу религиозных, но не церковных, поскольку они крайне редко посещают церковь, причем не по убеждениям, а в силу случайных обстоятельств» [Там же, с.150].

Внеконфессиональная религиозность, ставшая неотъемлемым компонентом повседневной жизни этих верующих, нередко становится первой ступенькой на их пути к неомистицизму. Мистицизм начинает формироваться еще в языческие времена. Тогда мистика охватывала широкий круг феноменов познавательной деятельности, являясь, с одной стороны; неизбежным дополнением к положительным знаниям о человеке и непосредственно окружавшем его мире и образуя мировоззренческую и обрядовую основу языческих верований, с другой. Например, в те времена знахари-лекари, стремясь сохранить за собой монополию на знания, дополняли их различными домыслами и тем самым подчеркивали непостижимое для соплеменников их таинственное происхождение. В дальнейшем мистика самым причудливым образом переплетается с научными знаниями и начинает играть значительную роль не только в личной, но и социальной жизни. Причем она проявляется в форме астрологии, мантики, каббалы и т.д., а в новое и новейшее время – в форме спиритуализма, теософии, антропософии, чародейства, различных видов мантики. Наиболее распространенным видом мистицизма становится предсказание будущего.

В условиях глобализации мистика не только удерживает свои прежние позиции, но и постоянно их укрепляет, особенно в трансформирующемся обществе. Видимо, данное укрепление свидетельствует о духовном кризисе нашего общества. Общеизвестно, что эпоха «советского социализма» была тесно связана с грандиозными «эсхатологическими ожиданиями» советского народа, который верил в неизбежность создания рая на земле. Эта вера помогала советским людям переносить все тяготы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, репрессии 30-40-х годов, военное лихолетье, упорно восстанавливать в кратчайшие сроки разрушенное войной народное хозяйство, а также жить предчувствием торжества главной идеи в эпоху «развитого социализма». Социализм вроде был построен «полностью и окончательно», однако обещанного рая люди не дождались. К концу XX столетия разрыв между народными чаяниями и реальным положением дел оказался настолько большим, что возникла необходимость в новых идеях. В нашей республике вслед за суверенитетом окрепла идея «сильной и процветающей Беларуси». Она сопровождается своеобразным религиозным ренессансом. Но он имеет одну специфическую черту. К началу XXI столетия около 80% верующих составили последователи православия [8, с.3]. А в современной Беларуси происходят процессы огосударствления православия и «оправославивания» государства. Это объективно порождает мысль о сопротивлении данному процессу. Поэтому многие верующие, и

в первую очередь православные уходят от «официальной» религии в мистицизм. В этом заключается одна из важных причин укрепления мистицизма в трансформирующемся белорусском обществе. Разумеется, немаловажную роль играют также условия жизни, приводящие к мистике тех людей, которые потеряли уверенность в завтрашнем дне. В связи с этим у населения пользуются особым спросом пособия по астрологии, медитации, восточным диетам. Внимание таких людей привлекают рассказы о снежных людях и звездных пришельцах. Они пытаются установить «энергетический контакт» с космосом, постичь сущность полотна Ильи Глазунова «Сто веков», назначение «Агни-Йоги» Елены Рерих, смысл «Тайной доктрины» Елены Блаватской и т.д.

Произвольно синтезируя науку и религию, восточные и западные учения, неомистицизм рисует картину будущего, но одновременно оглядывается на те времена, когда человек находился в естественной гармонии с природой. Неомистики утверждают, что язычники были людьми ясновидящими, а мы в условиях глобализации окончательно утратили этот дар. Но, с другой стороны, они заявляют, что благодаря вышеуказанному синтезу можно раскрыть паранормальные способности личности. Они убеждены, что дальнейшая эволюция человечества будет происходить в условиях использования мистиками новейших достижений науки и техники.

В нашей республике, в том числе на Полесье действуют различные группы неомистиков, претендующих на владение эзотерическими знаниями, которые они якобы получили на основе мистического опыта. Им, как правило, присущ холистический подход к объяснению мироздания, т.е. неомистики рассматривают Вселенную как органическое целое, в котором каждая отдельная часть находится в неразрывной связи с универсумом. Они также считают, что окружающую среду нужно беречь главным образом для того, чтобы облегчать контакты с космосом и совершать «энергетический обмен» с деревьями и минералами. Более того, исповедуя внеконфессиональную веру, они призывают охранять религиозные храмы, поскольку в них «сосредоточена целительная энергия космической любви». Сторонники Агни-Йоги (живой этики) верят в реальность существования Шамбалы. Для установления с ней контакта, например, брестские приверженцы этого учения совершают групповую медитацию по принципу спиритического сеанса. Они убеждены, что Земля контролируется инопланетными цивилизациями с более высоким уровнем развития, а неопознанные летающие объекты – это посланники Шамбалы из других миров [6, с.70].

В Бресте в последнее десятилетие заметно активизировали свою деятельность сторонники учения Праджапита Брахма Кумарис. Это мистико-религиозное течение было зарегистрировано как общественная организация. Но в своей деятельности эта группа неомистиков руководствуется учением Брахма Кумарис (дочери Брахмы), согласно которому Праджапита Брахма - это воплощение бестелесного бога Шивы. Их мистицизм восходит к идее существования всевышней души, которая одновременно является «матерью и отцом индивидуальных душ». В культовой практике они применяют раджа-йогу как «королевский путь» самореализации личности.

Относительно широкое распространение на Белорусском Полесье получило сатанинское движение. Оно также пропитано духом мистицизма. Основатель первой «церкви Сатаны» Энтони Лавей написал «Сатанинскую Библию», «Сатанинские ритуалы» и фундаментальный труд по магии, используемый ныне как руководство в практической деятельности всеми поклонниками Сатаны. В Барановичах, Березе, Бресте, Дрогичине и других населенных пунктах сатанисты совершают «черные мессы», во время которых приносят в жертву животных и даже людей, а затем оскверняют символы христианства. В соответствии с рекомендациями Э.Лавей его последователи считают возможным совершение любого действия, если оно доставляет им физическое или интеллектуальное удовольствие. Они убеждены, что Сатана является великим богоборцем, которому следует возносить хвалу и

поклоняться ему. Они полагают, что с каждым днем сила христианского Бога убывает, а сила Сатаны растет. Иисус Христос изображается ими как талантливый мистификатор, убедивший «обремененных» людей поверить в его лживые рассказы. Наконец, они заявляют, что в случае поражения Сатаны каждому человеку лучше быть князем в аду, нежели рабом в раю. Их цвет – черный, символизирующий плотские увлечения, в отличие от белого, который является символом чистоты и трансцендентности в христианстве. Гнев необходим для самосохранения, а алчность и зависть – для повседневных дел. По их мнению, проявление заботы о других людях следует считать либо наивностью, либо лицемерием того или иного человека.

В то же время следует отметить, что некоторые неомистические движения, несмотря на миссионерское усердие их руководителей, вообще не были восприняты белорусским обществом. Так, участники Международного слета «Белая Русь – край мира, здоровья и согласия» обратились к президенту А.Г.Лукашенко с проектом, цель которого «формирование малозатратной индустрии нравственности, социально-психологического и физического преобразования нашего народа» [4, с.51]. Участники слета пообещали, что под непосредственным руководством президента они решат социальные, экономические, образовательные, экологические и другие проблемы без привлечения дополнительных материальных ресурсов. Однако, как отмечает проанализировавший данный проект В.М.Макаров, его философско-идеологической основой является эклектический набор древних мифов, оккультно-мистических идей, а также псевдонаучных учений, взятых из далекого прошлого [Там же, с.52]. Не находят последователей в Беларуси и многие другие неомистические культы, несмотря на многочисленные попытки их внедрения в культовую практику верующих. Здесь можно назвать «Центр мира Шри Чинмоя», «Миссию Шри Рам Чандры» и т.д.

Однако в целом по республике численность лиц, верящих в паранаучные и паралегальные феномены, среди верующих людей в условиях системной трансформации белорусского общества постоянно возрастает. Например, согласно данным республиканского социологического мониторинга, опубликованным Л.Г.Новиковой, в 1994 г. верили в астрологию 19,9% опрошенных, а в 1998 г. – 32,6%, в экстрасенсорнику – соответственно 15,5% и 27,5%, в гадания – 19,5% и 42,1%, в ворожбу, порчу, сглаз – 47,0% и 57,3% [5, с.35]. Итоговые данные наших опросов верующих, проведенных на Белорусском Полесье в 2008 году, выглядят следующим образом: вера в астрологию – 37,1%, в гадание – 55,3%, в НЛО – 22,7%, в сглаз и порчу – 61,5%.

Таким образом, тенденция, наметившаяся в 90-е годы прошлого века, в начале XXI столетия не изменилась. Глобализация и происходящая в Беларуси системная трансформация значительно влияют на данный процесс. Все большее и большее количество верующих подвергается воздействию неомистиков. В этом проявляется одно из направлений диверсификации современного религиозного сознания.

Вторую ветвь внеконфессиональной религиозности образовали сторонники неоязычества. Обращение к нему наглядно свидетельствует о более глубоком осознании причастности индивида или микрогруппы к культурно-исторической традиции, возникшей на данной территории и обусловленной рядом этнических норм. Представляя собой одно из направлений диверсификации современной религиозности, неоязычество оказывает существенное влияние на формирование новой идентичности этноса в условиях глобализации и системной трансформации. Неоязычники пытаются органически сочетать народные традиции и христианские ценности, что в значительной мере отвечает идеологическим потребностям молодого суверенного государства.

В свое время С.Н.Булгаков писал о том, что основными чертами язычества являются космизм и антропоморфизм [См.: 3, с.287]. В неоязычестве эти черты получили дальнейшее развитие и привлекли внимание многих верующих, перешедших в последнее

время от «церковной» религиозности к внеконфессиональной. В современных космогонических мифах, созданных неоязычниками, таких верующих привлекает главным образом описание пространственно-временных параметров Вселенной, т.е. условий, в которых живет и действует человек, а также помещается всё, что становится объектом мифотворчества. Данное понимание космозизма направлено на то, чтобы снять противопоставление сакрального и секулярного и соединить божественное и человеческое, воссоздав таким методом их «первоначальное» единство. Именно в таком его понимании космозизм сочетается с антропоморфизмом, в котором присущие человеку свойства переносятся на различные природные феномены, а христианские культовые образы подвергаются народной интерпретации. Например, неоязычниками крест Е.Полоцкой, сделанный Л.Богшей, трактуется как символ творения мира Абсолютом в течение шести дней. Представленное в таком виде неоязычество отвечает духовным запросам многих людей. Оно становится неотъемлемым элементом их культуры и во многом способствует укреплению их внеконфессиональной общности.

Представляется правильной точка зрения Л.Г.Новиковой, согласно которой «подлинно верующим может считаться лишь человек, обнаруживающий единство веры, культового поведения и конфессиональной идентичности, т.е. тот, чья вера институционализована (на чем, собственно, настаивают священнослужители)» [5, с.19]. Такая религиозность по сравнению с внеконфессиональной значительно меньше подвергается диверсификации. Но все же и здесь наметились определенные тенденции. Первая из них – обращение «традиционных» верующих к новым христологическим культам. В постсоциалистической Беларуси появились такие течения как «Воля Иисуса», «Христиане полного Евангелия», «Церковь учеников Иисуса Христа» и другие. Их прозелитами стали в основном бывшие последователи православия и в значительно меньшей мере неверующие люди. Этим неопитов характеризует стремление более глубоко и осознанно изучить Священное Писание, найти неоспоримые доказательства земной миссии Иисуса Христа. Они верят в его очень скорое второе пришествие и живут эсхатологическими ожиданиями. Они убеждены в том, что глобализация и системная трансформация белорусского общества подтверждают слова апостола Петра о наступлении времени, когда «небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2-ое Петра, 3:10). Отличаясь чрезмерным усердием в миссионерской деятельности, последователи этих христологических учений довольно часто цитируют известного богослова Кеннета Тэйлора: «Через смерть Иисуса Христа нам всё прощено. От нас требуется лишь вера в нашего Спасителя, и у Бога мы будем без всяких грехов и недостатков» [7, с.36]. А затем, приглашая своего собеседника на молитвенное собрание, как правило, добавляют: «Спасется всякий, кто до Судного дня придет к нам и примет Иисуса Христа своим сердцем». Следовательно, третьим основным направлением диверсификации современного религиозного сознания является активизация миссионерской деятельности «воцерковленными» верующими на основе более детального изучения Библии в общинах новых христологических течений.

Однако большинство верующих не испытывает существенного влияния глобализационных процессов, относительно спокойно воспринимает системную трансформацию белорусского общества и удовлетворяет свои религиозные потребности в рамках сложившихся в их конфессиях традиций. Разумеется, изменение общественного строя обусловило некоторое изменение ценностных ориентаций этих верующих. Ныне в среде «традиционалистов» очень высоко ценятся личностные качества, особенно стремление человека быть самим собой, действовать во имя самореализации. Культивируется стиль жизни, основанный на индивидуальной инициативе и предприимчивости. Служение

обществу не находит должного признания. Все более и более проявляющееся «обмирщение» сознания этих верующих свидетельствует о размывании их религиозности. Так, согласно данным Ю.В.Никулиной, 53,2% опрошенных по-прежнему заявляют о своей конфессиональной принадлежности, но их вера во многих случаях не подкрепляется культовыми действиями [2, с.144]. В этом находит свое отражение специфика диверсификации религиозного сознания основной массы верующих.

Таким образом, в условиях глобализации и системной трансформации белорусского общества диверсификация религиозного сознания осуществляется по четырем основным направлениям. Во-первых, формируются новые виды мистицизма на основе эклектического соединения религии и новейших достижений науки. Во-вторых, возрождается язычество, сочетающее религиозные верования с этническими традициями. В-третьих, появляются новые христологические течения, акцентирующие внимание на необходимости глубокого изучения Библии и активизации миссионерской деятельности. В-четвертых, «размывается» религиозность традиционных верующих в связи с «обмирщением», их сознания. В начале XXI столетия этими процессами охвачены верующие всей республики, а не только Белорусского Полесья. Следовательно, исчезает специфика полесских верований, обусловленная прежней изолированностью данного региона и образом жизни автохтонного населения. Современная внеконфессиональная и институционализируемая религиозность полешуков вызвана к жизни общими для всех верующих республики причинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акинчиц И.И. Современный верующий. - Брест, 1999. - 244 с.
2. Бабосов Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е.М.Бабосов – Мн.: Право и экономика, 2005. - 230 с.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. - М.: Республика, 1994. - 415 с.
4. Макаров В.М. Проект "Белая Русь – край мира, здоровья и согласия" и комментарии к нему // Неокультовые объединения в Беларуси. - Мн.: Изд-во «Четыре четверти», 1999. - с.51-53.
5. Новикова Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект / Л.Г.Новикова – Мн.: «БТН-информ», 2001. - 132 с.
6. Прокошина Е.С. Агни-Йога. Живая Этика. Иерархия света // Неокультовые объединения в Беларуси. - Мн.: Изд-во «Четыре четверти», 1999. - с.70-72.
7. Тейлор К. Про небо, принца и многое другое. - 4-е изд. - Корнталь: Изд-во «Свет на Востоке», 1990. - 107 с.
8. Янович И.И. Религиозная ситуация в республике // Исторические судьбы христианства и современность. - Брест, 2000. - с.3-6.

PROBLEMY CZASU WOLNEGO

Alina Borowska

Politechnika Białostocka, m. Białystok Polska

W dzisiejszych czasach systematycznie wzrasta ilość wolnego czasu. Związane jest to ze skracaniem czasu pracy i z wydłużeniem czasu życia. Skracanie czasu pracy związane jest z rozwojem nowych technologii i przewiduje się, że tendencja ta będzie wzrastała, ponieważ rewolucja informatyczna i komunikacyjna gwarantują większą ilość produkcji przy mniejszym zatrudnieniu. W wyniku bezrobocia technologicznego oraz krótszego tygodnia pracy, zwiększa się sukcesywnie ilość wolnego czasu. Czas ludzi traci swoją wartość

rynkową. Spełnia się oto to, co powiedział Herbert Marcuse na początku rewolucji komputerowej: „Automatyzacja grozi możliwością odwrócenia relacji między czasem wolnym a czasem pracy. Czas pracy może stać się marginalny a czas wolny <pełnoetatowy>”. [8, s.279] Praca nadawała i nadaje wciąż sens ludzkiemu życiu. W społeczeństwie czasu wolnego należy na nowo nadać sens ludzkiemu życiu.

Czas wolny w powszechnym pojęciu, to czas wolny od pracy i zajęć obowiązkowych. Według Aleksandra Kamińskiego [6] czas wolny – to ta część budżetu czasu, która nie jest zajęta przez pracę zarobkową normalną i dodatkową ani przez systematyczne kształcenie się, ani przez zaspokajanie potrzeb elementarnych, fizjologicznych, ani przez stałe obowiązki domowe i może być spożytkowana bądź na swobodne wczasowanie, bądź na życie rodzinne, obowiązki społeczne i aktywność przynosząca wyraźne korzyści.

Wczasy (pojęcie wprowadzone przez A. Kamińskiego) to treści wypełniające czas wolny. Natomiast wczasowanie to rekreacja czyli czas, który swobodnie i dobrowolnie poświęcony jest na zabawę, odpoczynek (bierny czy aktywny) oraz podejmowaną z własnej potrzeby, dla własnego rozwoju pracę umysłową (samokształcenie), aktywność artystyczną, sportową czy techniczną.

Kamiński nawiązując do źródeł greckich, uważa, że czas wolny pełni trzy wzajemnie uzupełniające się funkcje: wypoczynkową, ludyczną i autokreacyjną.

Odpoczynek czyli rekreacja, to odreagowanie zmęczenia fizycznego i psychicznego dzięki wszelkim zajęciom rekreacyjnym.

Funkcja ludyczna czyli naturalna zabawa jest bardzo ważnym elementem psychicznego i społecznego życia człowieka bowiem uwalnia ona ludzką wyobraźnię, by stworzyć wspólne wartości. Jest podstawowym rodzajem zachowań ludzkich, bez którego nie może istnieć cywilizacja.

Natomiast funkcja autokreacyjna oznacza samorozwój czyli wszelkie zajęcia rozwijające i kształtujące jednostkę, służące wyzwoleniu talentów i zdolności drzemających w człowieku, prowadząca do samorealizacji.

Głównym problemem związanym z wzrastającą ilością czasu wolnego jest to, że ludzie zaskoczeni tak dużą ilością czasu wolnego, nie umieją go wykorzystać konstruktywnie. Kamiński już w latach siedemdziesiątych analizując te zjawiska, stwierdził, że ilość czasu wolnego wyprzedza na ogół umiejętności jego wykorzystania. Ludzie umieją wykorzystywać efektywnie czas pracy, ponieważ w tym zakresie byli i są szkoleni (socjologia pracy, organizacja pracy, zarządzanie czasem). Jak dotąd, ludzie nigdy nie byli instruowani jak wykorzystać czas wolny, ponieważ zawsze było go za mało.

Z badań [3] wynika, że ludzie mimo iż tęsknią za czasem wolnym, to nie mają z niego tyle radości i satysfakcji jak z pracy. Okazuje się że to praca dostarcza najczęściej satysfakcji, zwłaszcza wtedy gdy ludzie rozwiązują ponadprzeciętne zadania, gdy „muszą” być aktywni i kiedy wykorzystują swoje możliwości i talenty. Natomiast w czasie wolnym, gdy oddają się biernym rozrywkom takim jak czytanie, telewizja, spotkania ze znajomymi czy udział w kulturze, najczęściej doświadczają apatii, czują się bierni, znudzeni i niezadowoleni. Mihaly Csikszentmihaly stwierdza, że: „Masowa rozrywka, masowa kultura, a nawet kultura elitarna, traktowana biernie i tylko z zewnętrznych powodów – na przykład, by zademonstrować swój status społeczny – nie będą niczym innym niż pasożytami umysłu. Absorbują naszą energię psychiczną nie dając nic w zamian. Zostawiają nas jeszcze bardziej wyczerpanymi i zrezygnowanymi”. [3, s.283]

Jednym z głównych problemów związanych z powiększającą się ilością czasu wolnego jest to, że czas wolny staje się niepostrzeżenie czasem konsumpcji. O wolny czas jednostki najsukuczniej i najbardziej „naukowo” zabiega rynek. Tworząc coraz nowe produkty i usługi, tworząc tak zwane „falszywe potrzeby”, prowokując do zakupów kompulsywnych i impulsywnych, rynek najbardziej dba o swoje interesy i przeprowadza efektywny drenaż umysłów i kieszeni obywateli.

Rynek stara się o to, aby zaspokoić jak najwięcej potrzeb człowieka i wypełnić funkcje czasu wolnego, tworząc tzw. malle¹, czyli centra handlowe, w których oprócz towarów proponuje się konsumentom również rozrywkę, zabawę i relaks i wszelkiego rodzaju przeżycia. Człowiek ulega więc „aksamitnej tyranii konsumpcyjnego totalitaryzmu” jak mówi Benjamin Barber, w całkiem przyjemnych okolicznościach, bez świadomości, że w ogóle komuś lub czemuś ulega, bez świadomości, że jest skutecznie manipulowany.[1]

Wielkie międzynarodowe korporacje dążą do uczynienia ze społeczeństwa, biemych obywateli posłusznych wszelkim manipulacjom. Ludzie mają biernie poddawać się narzuconym wzorom życia społeczeństwa konsumpcyjnego. Narzędziem, które jest najbardziej skuteczne w indoktrynacji i manipulacji społeczeństwa w kierunku konsumpcjonizmu jest telewizja (która dociera do 60% ludzi na świecie), a która powoduje dezaktywację ludzi, spadek aktywności umysłowej oraz obniżenie zmysłu krytycznego. Kultura masowa, której ojczyzną są USA, za pomocą współczesnych środków przekazu rozprzestrzenia się globalnie. Jej głównym zagrożeniem jest to, że promuje ona konsumpcyjny styl życia.

Korporacje globalne – ci współcześni kolonizatorzy aby zwiększyć swoje zyski i upłynnić swoje produkty, dążą do ustanowienia konsumpcjonizmu² na całym świecie i w związku z tym globalne wydatki na reklamę już osiągają wartość zbliżoną do wydatków na zbrojenia. W USA wydatki na reklamę równe są 2,3% produktu krajowego, niemal połowie wydatków na edukację i wzrastają przeciętnie o 6% rocznie.[5]

Badacze twierdzą, że za pomocą telewizji, „programujemy mózg całej cywilizacji, być może całego gatunku, co doprowadzi do ewolucyjnej stagnacji i katastrofy ekologicznej”. Wykorzystanie telewizji w celu promowania wyłącznie materialistycznych wartości stało się największym problemem w sferze życia psychicznego i zdrowia publicznego w Stanach Zjednoczonych i na całym świecie. [4, s.25]

W efekcie konsumpcyjnego stylu życia, współcześni Amerykanie, jak pisze Jeremy Rifkin to społeczeństwo ludzi otyłych, leniwych, nieruchomości, którzy spędzają większość czasu na snuciu marzeń o sukcesie, lecz nie są zdolni do „zapłacenia niezbędnej ceny” jaka jest osobiste zaangażowanie w świadome kształtowanie swojego życia.[7, s.53]

Według badań dotyczących czasu wolnego przeprowadzonych w Polsce, Polacy najczęściej spędzają czas wolny w sposób bierny, a najbardziej popularny sposób, to oglądanie telewizji, czytanie gazet i tygodników. W badaniach przeprowadzonych w roku 2003, pojawiła się nowa forma spędzania czasu wolnego, mianowicie zakupy w dużych centrach handlowych oraz spacerowanie po nich. Wydatki na konsumpcję czasu wolnego mają tendencję wzrostową i dotyczy to wszystkich warstw społecznych. [2, s.300]

Konsumpcja towarów i usług, związana jest również z konsumpcją kultury masowej, która za pomocą mediów „edukuje” społeczeństwo w jaki sposób należy wykorzystywać czas wolny z korzyścią nie dla jednostki lecz dla rynku.

¹ Jedno a największych centrów handlowych świata, West Edmonton Mall w Kanadzie jest największą na świecie sceną produkcji kulturalnych. Na ogromnym obszarze mieści się największe na świecie wesole miasteczko pod dachem, park wodny, flota okrętów podwodnych, największe pole golfowe pod dachem, 800 sklepów, 11 domów towarowych, 110 restauracji, lodowisko, kaplica ekumeniczna, hotel z 360 pokojami, 13 nocnych klubów i 20 sal kinowych. W tym sztucznym, lukrowanym świecie oprócz zakupów można bawić się, doznawać wielu różnorodnych wrażeń, uczestniczyć w wielu różnych spektaklach, być kimś, kim chciałoby by się być (choć na chwilę), ponieważ karta kredytowa działa tak samo jak zaklęcie „sezamie otwórz się”. [9]

² Konsumpcjonizm to nadmierna konsumpcja dóbr materialnych i usług, a więc taka, która nie jest usprawiedliwiona rzeczywistymi potrzebami ludzkimi i nie liczy się z kosztami ekologicznymi, społecznymi i indywidualnymi.

Kultura masowa usiłuje (coraz skuteczniej) zawiądnąć umysłami i emocjami ogromnych rzesz ludzi. Tworzy się tzw. telesektor informacyjny, który za pomocą wszelkich środków przekazu ma wpływ na rzesze bezkrytycznych odbiorców. Następuje komercjalizacja dóbr kultury i dążenie rynku do tego, aby wszystkie relacje nabrały charakteru ekonomicznego. Benjamin Barber [1, s. 124] stwierdza, że wielu ludzi, a w krajach rozwiniętych jest to przeważająca większość, o wiele za dużo czasu spędza codziennie w któryś z komercyjnych przybytków: przed telewizorem, w centrum handlowym, w kinie, czy restauracji, a o wiele za mało albo wcale nie przebywa w takich przybytkach jak: kościół, szkoła, biblioteka, boisko, siedziba organizacji społecznej czy klub zainteresowań. Bo tylko te miejsca są środowiskiem sprzyjającym rozwojowi jednostki zarówno indywidualnemu jak i społecznemu oraz miejscem powstawania kapitału społecznego. Ponadto jak pisze Jeremy Rifkin: „Rozrywka dostarczana przez rynek jest raczej biernym, prywatnym doświadczeniem, a nie aktywnym, wspólnotowym. Wyłączenie zabawy przez siły rynkowe grozi masową dewaluacją jej kulturowego sensu, a co za tym idzie, utratą sfery kultury, którą ta zabawa zrodziła i wyhodowała” [9, s.277]

Utożsamianie czasu wolnego wyłącznie z konsumpcją i poświęcanie go wyłącznie na konsumpcję, przynosi wielorakie szkody, zarówno jednostkowe, społeczne jak i środowiskowe. Biorąc pod uwagę klasyczne funkcje czasu wolnego, jeśli nie są one wypełniane harmonijnie, to człowiek nie rozwija się, nie regeneruje swoich sił i nie nawiązuje prawdziwych więzi, jakie powstają w trakcie zabawy. Jednostka ulega atomizacji a bez trwałych więzi społecznych nie powstaje kapitał społeczny.

Czas poświęcony nadmiernej konsumpcji to czas stracony, bowiem wzrastająca ilość czasu wolnego – czyli kapitału, poprzez konsumpcję dóbr, usług czy kultury masowej, służy wyłącznie wzrostowi i bogaceniu się właścicieli korporacji.

Czas to kapitał, to ogromna ilość społecznej energii, która mogłaby być efektywnie zainwestowana dla dobra jednostki i społeczeństwa. Problemem jest brak społecznej edukacji w zakresie wolnego czasu i dlatego w społecznej świadomości zamiast pojęcia „jak zainwestować czas”, funkcjonuje pojęcie „jak zabić czas”.

O problemach społecznych związanych z czasem wolnym pisał już w latach siedemdziesiątych znany polski pedagog, Aleksander Kamiński. Twierdził on, że ludzie nie są przygotowani (już wtedy) do zagospodarowania swego czasu wolnego i dlatego niezbędne jest kształcenie w tym kierunku. Efektem wychowania dla wczasów³ powinno być stale podwyższanie poziomu kultury czasu wolnego jednostek, grup i społeczeństwa. Jego zdaniem wychowanie do wczasów powinno polegać m.in. na:

- pobudzaniu do wartościowych wzorów przy wykorzystaniu wielorakich bodźców psychicznych, społecznych i kulturalnych;

- manipulowaniu społecznie wartościowymi wzorami wczasów przez zaszczepienie nowych wzorów, sublimowaniu wzorów istniejących i zwalczaniu wzorów szkodliwych.

Pisał on, że skoro „czas wolny jest wielkim darem, jaki nowoczesnym społeczeństwom ofiarował postęp techniczny i walczący o lepsze życie proletariata”, to społeczeństwa te są zobowiązane do tego, aby stworzyć warunki do pożytecznego wykorzystania tego czasu, zarówno dla jednostki jak i dla społeczeństwa. Warunki te, to:

- przygotowanie ludzi do umiejętnego spędzania czasu wolnego pod względem zdrowotnym, moralnym i kulturalnym;

- stworzenie instytucji, które wspomagałyby dążenia człowieka do uzyskiwania wyższej jakości życia.

³ Według A. Kamińskiego, wczasy, są to zajęcia i zachowanie się w czasie wolnym od pracy zarobkowej – normalnej i dodatkowej.

A. zatem: to: edukacja kreuje pewien standard potrzeb kulturalnych, edukacyjnych i tych dotyczących aktywności społecznej czy fizycznej, które umożliwiają właściwe wykorzystanie czasu wolnego. To właśnie państwo za pomocą telewizji publicznej powinno wziąć odpowiedzialność za edukację społeczeństwa. Telewizja publiczna a nie komercyjna i odpowiednie nakłady finansowe mogą być skutecznym narzędziem w celu zapobiegania szerzeniu się konsumpcyjnego stylu życia, który jest zagrożeniem dla kultury narodowej, życia społecznego, zdrowia psychicznego i fizycznego jednostki oraz w ogromnym stopniu dla środowiska. To państwo musi obronić swoich obywateli przed kolonizatorami jakimi są międzynarodowe korporacje, to państwo musi dostarczyć alternatywnych wzorów wykorzystania czasu wolnego i za pomocą edukacji społecznej pomagać w tworzeniu zdrowego społeczeństwa.

LITERATURA

1. Barber B. R., *Dżihad kontra Mc Świat*, Wyd. Literackie MUZA, Warszawa 1997.
2. Bylok F., *Konsumpcja w Polsce i jej przemiany w okresie transformacji*, Wyd. Politechniki Częstochowskiej, Częstochowa 2005
3. Csikszentmihalyi M., *Przepływ*, Biblioteka Moderatora, Taszów 2005.
4. Elgin D., *Collective Consciousness and Cultural Healing, A Report to the Fetzer Institute*, San Anzelmo, California: Millenium Project, October 1997.
5. Elliot S., *Advertising: Healthy Economy Show Up in a Vital Sign: Ad Spending*, The New York Times, 18 czerwiec 1997, s.D4.
6. Kamiński A., *Czas wolny i jego problematyka społeczno- wychowawcza*, Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1965.
7. Rifkin J., *Europejskie marzenie*, Wydawnictwo Nadir, Warszawa 2005.
8. Rifkin J., *Koniec pracy schyłek siły roboczej na świecie i początek ery postrykowej*, Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław, 2003.
9. Rifkin J., *Wiek dostępu. Nowa kultura hiperkapitalizmu, w której płaci się za każdą chwilę życia*, Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław 2003.

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЁЖЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Г.В. Жук, М.Г. Соколовская

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Молодёжь как особая социальная группа всегда находится в фокусе исследования социологов, т.к. именно она является чутким индикатором происходящих перемен и определяет в целом потенциал развития общества.

Ценностные ориентации молодёжи, её трудовые свершения, гражданский и нравственный облик оказывают заметное влияние на социальные и экономические процессы. Не случайно многие страны проводят целенаправленную политику в отношении подрастающего поколения, начинают активно «вмешиваться» в жизнь юношества, а его заботы становятся важнейшей частью единой государственной политики.

Не исключением в этом плане является и Республика Беларусь. Вступление страны на путь рыночных реформ не могло не отразиться на этой категории населения, которая в силу специфики своего статуса оказалась менее устойчива перед формирующимися в обществе новыми социально-экономическими, политическими и духовно-нравственными реалиями. Нынешнюю ситуацию в Республике Беларусь можно определить как стадию борьбы между старой системой ценностей, дающей существенные сбои, и новой, которая ещё только формируется. Сегодня часто можно услышать критику в адрес современной молодёжи, которую принято ругать за равнодушие, пессимизм, радикализм, девиантное поведение и т.д. Так какая она, современная белорусская молодёжь? Каковы ценности, которыми руководствуются молодые люди и которые определяют их обыденное сознание и повседневные представления о настоящем и будущем?

Для ответа на этот вопрос мы воспользовались методом социологического опроса (было опрошено 350 респондентов в возрасте 16-25 лет, проживающих в г. Бресте). Молодым людям было предложено распределить перечисленные общечеловеческие ценности в иерархической последовательности:

Таблица 1.1.

Ценность	Позиция в рейтинге
Здоровье	1
Семья	2
Любовь	3
Образование	4
Дружба	5
Деньги	6
Карьера	7
Статус	8
Религия	9
Патриотизм	10

На первое место, как это не парадоксально, у молодых людей вышло здоровье. Как принято полагать, молодость – это и есть здоровье. Если проанализировать социологические данные 70-х – 80-х годов, то станет очевидным тот факт, что о здоровье молодые люди думали, но никак не в первую очередь! Сегодня, когда ставка делается на определённую личность, её персональную ответственность за своё собственное благополучие, пришло понимание, что именно от состояния здоровья будет в значительной степени зависеть собственное жизненное обеспечение.

На втором месте – семья. Такая тенденция вселяет оптимизм. Даже несмотря на те проблемы, с которыми сталкивается современная семья (разводы, экономические проблемы, пьянство и т.д.), на непрерывную атаку некоторых средств массовой информации на традиционную семью, на постоянную рекламу свободных отношений, семья остается приоритетной ценностью для молодых людей. Учащаяся молодежь рассматривает семью как самую стабильную категорию (чего нельзя сказать о работе, деньгах, карьере, статусе и т.д.).

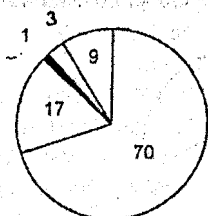
Переход к рыночным отношениям не мог не сказаться на положении молодежи на рынке труда. 89 % опрошенных испытывают чувство тревоги и неуверенности перед проблемой будущего трудоустройства. Высшее образование в настоящее время воспринимается как императивное требование работодателя, как необходимое, хотя и недостаточное условие получения рабочего места в эффективном сегменте рынка труда. (Не случайно образование занимает третью позицию в рейтинге ценностей!).

Итак, согласно полученным ответам, первый план составляют ценности, имеющие личностную направленность. Между тем, состояние социального транзита, в котором мы все пребываем, настоятельно требует выдвижения ценностей, предающих не только личностный смысл жизни, но и идеалов, способных сплотить общество. В массовом сознании сейчас наблюдается большой разброс мнений относительно стратегии развития общества. Налицо острый дефицит идеалов, способных объединить народ и направить его усилия на обустройство и совершенствование жизни.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что патриотизм в системе ценностей у молодого поколения занял последнее место. Является ли это сигналом тревоги? Действительно ли патриотизм для молодых людей напорочь утратил ценность? Если это так, то что с этим делать? Что может способствовать формированию патриотизма у молодежи? Какую роль может сыграть в этом введение обязательного курса в учебных заведениях «Основы идеологии белорусского государства».

В этой связи интересна позиция самих молодых людей. Так, например, на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя гражданином Республики Беларусь?», были получены следующие результаты:

**Рисунок 1.2. Диаграмма ответов на вопрос:
«Чувствуете ли Вы себя гражданином РБ?»**

70% – «Да»
17% – «Скорее да»
9% – «Затрудняюсь ответить»
3% – «Скорее нет»
1% – «Нет»

Как видно на рис. 1.2., большинство респондентов все-таки видят себя в статусе гражданина. Это говорит о том, что в государстве создаются определенные условия, в рамках которых молодые люди начинают осознавать себя полноправными субъектами государства.

На вопрос: «Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите «Республика Беларусь?» наиболее популярными ответами были: «страна», «моя страна», «Родина», «государство», «мой край» и т.п., причем большинство добавляли слово «моя», «мое», т.е. воспринимали Беларусь как неотъемлемую часть своей жизни. Некоторые респонденты указывали на национальную символику – «флаг», «герб», другие употребили такие распространенные определения Беларуси как «синеокая», «озерная», «чистая» или же обращались к любимому корнеплоду в республике – к «картошке». Многие вспоминали «детство», «родителей», «мой дом», или же писали о достижениях страны – «тракторы», «Атлант», «Горизонт», «центр Европы». В общем можно сказать, что ответы были разнообразны и интересны, однако в большинстве своем преобладало положительное отношение к своему государству.

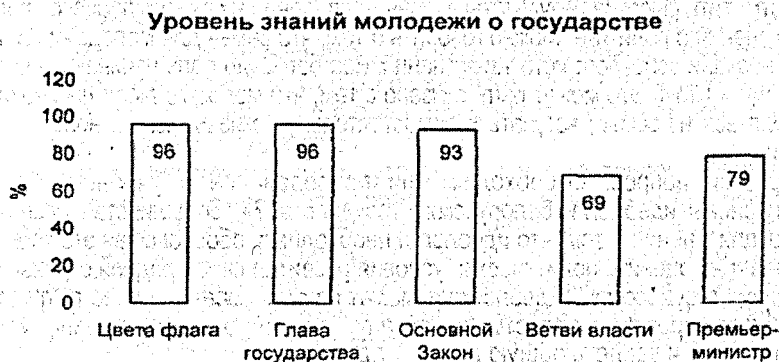
Высказывания на просьбу «Назовите наиболее известных людей Беларуси» можно объединить в несколько групп. Указывались:

- государственные деятели, особенно много раз было упомянуто имя А.Г. Лукашенко (49%), К. Сумара, С. Сидорского, а также имена лидеров оппозиции;
- писатели и поэты (Я. Купала, Я. Колос, С. Полоцкий, В. Быков и др.);
- спортсмены (Ю. Нестеренко, М. Мирный и др.);
- певцы (Д. Колдун, К. Ситник, Р. Алехно, П. Смоллова и др.).

Вышеуказанные результаты могут говорить о том, что у респондентов относительно высок уровень осознания себя частью государства и отношение к своей родине у них позитивное.

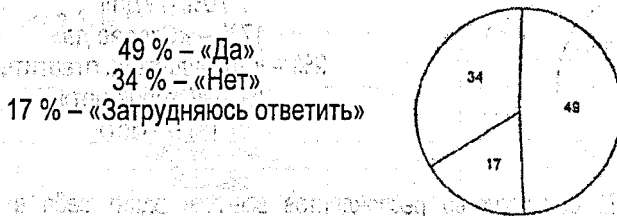
Следующие вопросы касались определения уровня знаний молодежи о своем государстве. Результаты приведены на табл. 1.3.

Таблица 1.3. Гистограмма определения уровня знаний молодежи о государстве

На рис. 1.4. представлены результаты определения уровня заинтересованности молодежи политикой.

Рисунок 1.4. Диаграмма степени заинтересованности молодежи политикой

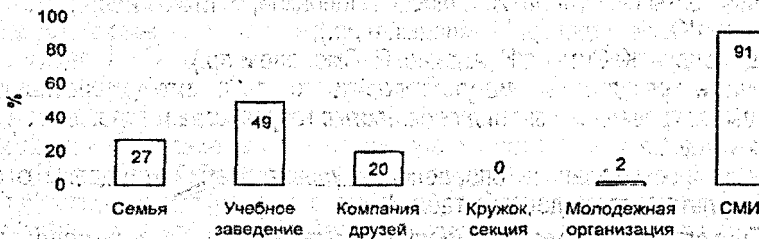

Представленные данные указывают на то, что заинтересованность политикой не превышает 49%. Следует отметить, что это низкий результат. Он может быть связан с несколькими причинами. Во-первых, в нашем государстве не выработаны четкие механизмы повышения заинтересованности молодежи в получении знаний о политике. Во-вторых, возможно некоторое отторжение ассоциируется с негативными моментами («политика – грязное дело»). В-третьих, респонденты находятся еще в возрасте, когда им нечасто приходится проявлять активную гражданскую позицию, т.е. хотя некоторые из них уже обладают правами и обязанностями граждан, не все из них принимают участие в политической жизни своей страны.

Весьма интересно было выявить основные источники получения молодежью информации о своём государстве (рис. 1.5.).

Рисунок 1.5. Гистограмма степени значимости для молодежи определенных институтов для получения информации о политике

Где Вы получаете больше сведений о своем государстве и ситуации в нем?

Можно отметить высокие результаты учебных заведений и семьи в процессе получения молодежью знаний о политике. Можно говорить о том, что семья для молодежи постепенно утрачивает позиции основного источника знаний. Все большую роль начинают играть учебные заведения и СМИ. Это может быть связано с тем, что молодые люди начинают постепенно выделяться из семьи, вступать в самостоятельную жизнь, искать новые источники информации.

На открытый вопрос: «Необходимо ли преподавание в учебных заведениях предмета «Основы идеологии белорусского государства?», большинство респондентов (93%) высказали мнение о том, что идеология необходима, обосновывая это тем, что она поможет «реально оценить политические условия развития своей родной страны, а также политику других государств», «идеология поможет сформировать чувство патриотизма», «поможет сформировать гордость за страну, в которой мы живем», «поможет объединить людей и увидеть общую цель» и т.д.

Суммируя всё вышеизложенное, можно сделать некоторые выводы:

1. В сложном трансформирующемся мире учащаяся молодёжь сохранила приоритет общечеловеческих ценностей;

2. Молодые люди сегодня недостаточно подготовлены к современным реалиям рынка труда, поэтому государство и общество не должны пассивно ждать самонастройки молодежного рынка;

3. Патриотизм не выпадает у молодёжи из приоритета ценностей, но для повышения его рейтинга необходима целенаправленная комплексная работа, где системе образования отводится одно из первых мест. Несмотря на признание необходимости и важности курса «Основы идеологии белорусского государства», остаётся проблема его наполняемости содержательности, а также качества преподавания.

4. Говорить о гражданском обществе в современном понимании этого слова можно лишь с момента появления гражданина как самостоятельного; сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного комплексом прав и свобод и, в то же время, несущего перед обществом моральную или иную ответственность за все свои действия. Но в сознании индивида часто просто не укладывается, что ему по существу принадлежит решающая роль в образовании общественных и политических движений вокруг него. Очень важно осознать, что в действительности именно он (индивид) является той осью, вокруг которой вращается общество и история. Ибо в этом случае каждый из нас будет нести персональную ответственность за все то, что происходит.

Эрих Фромм считал, что «цель человеческой жизни следует понимать как раскрытие сил и возможностей индивидуума в соответствии с законами природы». Но сила и возможности человека раскрываются в определенных условиях. И такие условия должно создавать, прежде всего, государство, хорошо продуманным законодательством, выверенной системой запретов для одних и поощрений для других.

НЕМЕЦКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ: ПОИСКИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Б.В.Петелин

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

С 3 октября 1990 г. ежегодно немцы празднуют День германского единства. «Wir sind ein Volk» («Мы – один народ») – этот лозунг лучше и объективнее всего говорит об истинных мотивах объединения. Если бы не было осознания общей национальной идентичности, то вполне допустимо, что развитие событий пошло бы иным путем и судьба ГДР могла бы оказаться схожей с бывшими социалистическими странами, встроившимися постепенно в структуры европейской интеграции. Тем более, что среди немцев было немало тех, кто с антипатией отнесся к возникновению «нового германского национального государства».

По данным Алленсбахского института демоскопии на вопрос: «Является ли для Вас воссоединение Германии скорее поводом для радости или для беспокойства?», что задавался с апреля 1990 г. в Западной Германии, большинство опрошенных отвечали: «Скорее для беспокойства» [1. 42-43.]. Чувства единения, проявившиеся бурно осенью 1989 г. быстро ушли. Возможно, это объяснялось тем, что само объединение произошло простым включением новых земель в существовавшую политическую и социально-экономическую систему, отсюда утверждения о «колонизации»,

«аншлюсе», «поглощении» и т. д. Когда улеглись эмоции, у большинства в сознании это событие отложилось как расширение «старой ФРГ», а не как появление «новой Германии». К тому же действительность для восточных немцев, привыкших к патернализму государства, оказалась иной. Пришлось столкнуться с массовой безработицей, падением жизненного уровня, распадом прежних связей и отношений, что было характерно для ГДР.

Проблема немецкой идентичности предстает весьма сложной в своих трактовках, подходах и оценках. Немецкий политолог М. Мертес, освещая в своей книге различные аспекты национальной проблемы в истории Германии, считает, что вопрос об идентичности «относится к феноменам кризиса: он возникает тогда, когда коллектив или индивидуум теряет ориентацию и тяжело переживает чувство глубокой неуверенности или даже потерянности» [2: 34]. Отсюда идентичность – осознание принадлежности к определенной нации, не есть величина постоянная и неизменная. Преодоление прошлого, растянувшееся на десятилетия, стало для немцев серьезным испытанием. Как отметил известный политолог В. Вайденфельд, вопрос о «политическом настоящем прошлого после объединения Германии еще в большей степени, чем раньше, стал вопросом нашей идентичности, как индивидуальной, так и коллективной».

Разумеется, западные и восточные немцы и до объединения по-разному воспринимали понятие нации. Для западных немцев, это больше абстракция, нечто само собой разумеющееся. Тогда как для восточных – стремление к нации выражалось конкретно, в повседневной практике, в форме социальных улучшений. Германский вопрос при таком подходе всегда был социальным вопросом. Не удивительно, что в ГДР переход на западногерманскую марку с 1 июля 1990 г. праздновался так же бурно, как и падение Берлинской стены.

Дискуссии 1967/68 гг. в ФРГ, как пишет об этом историк Х. А. Винклер, показали, что идеи «нации», «национального государства», «национального самосознания» не привлекают большинство [4: 244-245]. Население предпочло свободу, материальный достаток, западную культуру. «Экономическое чудо», стабильная марка, интеграционные успехи были более зримыми и ощутимыми и закрепляли особую «западную», «европейскую» идентичность. ГДР, другая Германия, отдалась в сознании граждан ФРГ, чему способствовали и средства массовой информации, например, передачи баварского радио «So sieht es der Westen» и «So lebt man im Osten».

Спустя почти два десятилетия после объединения социальные различия между восточными и западными землями Германии утратили свою первоначальную остроту. К тому же и в новых землях появились современные предприятия, свои «регионы роста», как это наблюдается в Дрездене, Ростоке и, особенно, Берлине. Да, материальное благополучие по-прежнему выше в Западной Германии, но разговоры об «ущербности» восточных немцев, неумении и нежелании их работать ушли, и остались разве что в анекдотах про «осси» и «весси». Социально-экономическое пространство стало единым, в этом отношении самоидентификация, то есть закрепление в сознании и повседневной жизни неразрывной связи с потребительским обществом, состоялась. Тем не менее, политологи убеждают в том, что раскол на самом деле не преодолен, и говорить об общей идентичности пока рано.

Проблема собственной немецкой идентичности наложилась на проблему «европейской идентичности». Расширение Европейского союза, вступление в него государств Юго-Восточной Европы, Балтии, граждане которых являются носителями иной культуры, было продиктовано преимущественно политическими соображениями. Да, можно согласиться, что в строительстве единой Европы должны участвовать все европейцы. Но каков будет конечный результат, если будет утрачено все ее разнообразие? Евростандарт лишь условно можно отнести к достижениям европейской цивилизации. Коллективная идентичность, а именно о ней идет речь, нуждается в общих убеждениях, правилах, общественном устройстве и – *общей истории.*

Вернемся вновь к германской проблеме. Раскол, как пишет в своей статье Е.Уфимская, «безвозвратно похитил у немцев возможность накопить коллективную память послевоенного существования... Потому что выстраданная история и прошлое укрепляют нацию сильнее всего остального» [5. 286-287]. Двойную историю немцев нельзя преодолеть отдельно, должно измениться различное восприятие нации, связанное с различным кругозором в прошлом. При этом прошлое должно оцениваться адекватно. В Германии после объединения в сознании всех немцев намеренно закреплялось, что ГДР – это «тоталитарный режим», и иных каких-либо суждений быть не должно. «Их история не была нашей историей, – писал франкфуртский философ Хабермас, – а для моих детей она является еще более чужой. Это следует принять без сентиментальности». Для западных немцев, по его мнению, в послевоенной истории Италии, Франции или США больше общего, чем с ГДР [4. 632].

О том же пишет политолог Вайнденфельд. По его мнению, сорокалетняя история старой ФРГ дает разнообразные возможности идентификации. Она является источником гордости и удовлетворенности достигнутым, тогда как это нельзя сказать про граждан ГДР, которые совершили «прыжок в современность (die Moderne), не проанализировав все этапы злополучной истории ГДР, не говоря уже о том, чтобы их осмыслить» [3. 252].

Сближение немцев после объединения шло через культуру. В начале этого процесса были опасения, что произойдет «западная колонизация» и восточные немцы окажутся в плену «массовой культуры», которая в ГДР, как и в других странах реального социализма, характеризовалась «буржуазной» и «низкопробной». Да, «банализация» восточно-германской культуры произошла, ибо поменялись ценностные ориентации, изменился стиль и содержание самой жизни. Изменилось и само значение культуры. Литература, театр, кино, живопись утратили свою назидательность, стали более «легковесными», развлекательными, как того требует потребительское общество и рынок. Но главное – культура стала разнообразной. Большинство актеров, певцов, режиссеров, художников из ГДР не потерялись в объединенной Германии. При коммунистическом режиме многие из них испытали на своем творчестве давление властей, поэтому с падением Берлинской стены «восток Германии с головой и энтузиазмом окунулся в необъятное море форм культурной жизни, пришедших с запада». Но звучали и голоса, что угрозу немецкой идентичности несет не восточно-германская культура, а та мультикультурность, что стала характерным явлением в западногерманском обществе.

Стремление Европы быть открытой для всех культур и одновременно отречься от собственных традиций формирует комплекс проблем, которые уже сегодня меняют ее лицо. К Германии это имеет прямое отношение. Расширение Европейского союза, когда его членами стали почти все страны Восточной Европы, причем большинство из них построили свои экономические расчеты в надежде на немецкую помощь, нескончаемый поток иммигрантов из Турции, афро-азиатских стран создали совершенно новую ситуацию в формировании немецкой идентичности. Сразу после объединения Германии выказывались опасения о неизбежной «германизации Европы». Кое-кто заговорил о «возрождении национализма», появлении «четвертого рейха» и тому подобных вещах. Действительно, впервые в своей истории немцы создали свое национальное государство, но, как пишет в своей книге Хаген Шульце, это государство впервые «необратимо связано с Западом». Переворот в ГДР показал, что «люди в Восточной Германии хотят принадлежать не только экономической системе, но и к политической культуре Запада» [6. 233-234].

Роль Германии в европейских и международных делах после 1990 г. несомненно возросла. Но разговоры о «германской Европе» прекратились. Не без горестных интонаций М. Мертес заметил, что «у Федеративной Республики Германия больше нет энергии для того, чтобы наложить на континент свой отпечаток, даже если бы у нее и были подобные амбиции».

Страна в 90-е гг. пережила глубочайшую внутреннюю трансформацию, которая поставила под сомнение прежнюю уверенность в собственной национальной самобытности. Стал уже данностью тот факт, что Германия превращается в страну мигрантов. Объясняют это потребностями экономики. Для того, чтобы поддерживать численность лиц трудоспособного возраста на стабильном уровне, страна нуждается в притоке 200 тыс. человек ежегодно, и цифра эта не убывает. Однако все надежды на интеграцию вновь прибывших в немецкое общество, по сути, провалились. Так, турецкая община в Германии бурно прореагировала на публичное высказывание канцлера Ангелы Меркель о том, что «мечети не должны быть выше кирхи».

Власти в Германии осознают сложность проблемы. Но в обществе, в котором дискуссии о сохранении немецкой культуры в качестве «ведущей» («Leiterkultur»), пресекаются еще не начавшись, другого ожидать трудно. Например, стоило только правительству Коля в 1983 г. принять закон, стимулирующий выезд из страны иностранных рабочих, как политическая оппозиция обрушилась с критикой: репарация была названа безразличной, нарушающей права человека [7. 238].

Сегодня приходится констатировать, что большинство западноевропейцев лишь номинально относят себя к христианам, подтверждением тому современный уклад жизни, где нет места евангельским заповедям. Возможно ли в Европе на иной основе формирование нового самосознания? «Коллективная идентичность, – по высказыванию Юргена Хабермаса, – скорее создается, а не обнаруживается. Однако она может устанавливать единство только между разнородными. Даже среди членов одной общины каждый для каждого является другим и имеет право на то, чтобы оставаться другим» [8. 35].

В мире «толерантности» и «плюрализма» идентичность не может быть окончательно заданной, но национальная в ней всегда будет самой значимой стороной. В Европе идентичность долгое время понималась как часть идентичности «свободного Запада» [9. 3-14]. Немцы, несмотря на зигзаги в своей истории, в конце XX века эту проблему для себя решили. Их история – часть европейской истории, пусть и сохраняются опасения ее «германизации». Но национальная история поляков, чехов, балтийских народов, румын, болгар и других практически по настоящее время не включена в европейскую историю. Процесс этот сложен и противоречив, хотя раскол Европы уже пройден давно. Видимо потребуются немало лет, прежде чем возникнет подлинное чувство европейской общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Единство в зеркале демоскопии // Deutschland/Германия. 1995. № 4.
2. Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. - М., 2001.
3. Вайденфельд В. Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии//Россия и Германия в Европе. - М., 1998.-С. 252.
4. Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Bd. 2. Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. - München, 2002. S. 244-245.
5. Уфимская Е.В. К вопросу о немецкой идентичности: западные и восточные немцы после объединения Германии 1990 г.//Дневник Алтайской школы политических исследований. № 18. Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщины и выборы. Мат. Междунар. науч.-практ. конф. - Барнаул, 2003.
6. Шульце Х. Краткая история Германии. - М., 2004. - С. 233-234.
7. Клейн А. Широка земля Евросоюза//Наш современник. 2007. № 10. С. 238.
8. Цит. по: Кеммерер А. Что объединяет Европу? Internationale Politik. 2007. № 1. С. 35.
9. Ферхойген Г. Новая идентичность Европы// Internationale Politik. 2006. № 3.

О РАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В.С.Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Цель написания данной статьи заключается в изучении такого важного аспекта функционирования национальных культур, как роль рационального и эмоционального начал. Такая постановка проблемы рождает ряд сложных исследовательских вопросов, связанных с соотношением обоих компонентов: в национальных сообществах люди объединены рациональными мотивами или чувствами; является ли одно из упомянутых начал определяющим? От ответа на них, от понимания внутреннего механизма процесса, зависит то, насколько объективно будет описаны динамика событий национальной жизни, межнациональных конфликтов и т.п.

Исследователей природы национальной культуры можно разделить на два противоположных лагеря. Сторонники одного из них утверждают, что нация имеет иррациональное происхождение, основанное на чувстве родоплеменной солидарности. Их противники говорят о том, что нация представляет собой интеллектуальную конструкцию, в программу воплощения которой ее создатели вовлекают потенциально возможное сообщество людей. В первом случае в качестве связующей силы выступают трудно определяемые дух нации, национальный характер, национальные чувства. Во втором принято отводить эту роль национальной идее, национальному идеалу. Национальное единство в первом случае описывается как группа лиц, объединенных особыми коллективными чувствами, во втором, как группа лиц, разделяющих представления о ментальном конструкте (идее, связанных с ней жизненных целях и планах).

В ходе становления национальных институтов определить, что собой представляют внутренние механизмы национальной культуры легче, чем при анализе уже устоявшихся образований. История белорусского и украинского движений первых десятилетий после исчезновения Российской империи представляет в этом смысле особый интерес. Поднятая проблема будет рассмотрена на примере восточнославянских национальных движений на западнобелорусских землях польского государства.

В тестах, созданных авторами 20-30-х годов XX века, призывы к конструированию новой действительности нередки: Кристаллизация национальной идеи осуществляется на основе конструктивной оппозиции к актуальным проблемам современности. Однако программа национального движения шире решения сиюминутных проблем, это стратегия долговременного развития. В статье «У чым наш ратунак?», опубликованной 20.05.1931 г. в газете «Беларускі звон», описаны мотивы, побуждающие людей к участию в национальном строительстве: «Ход событий принуждает белорусов раньше или позже стать на путь общенациональной политической концентрации, на путь создания единого политического фронта. Но мы понимаем, что к этому тяжело прийти. Поэтому начнем теперь с создания хотя бы постоянного общенационального культурного фронта» [18, 59].

В ряде случаев обращалось внимание на то, что национальная борьба предполагает долгосрочное планирование. Члены национального сообщества должны учитывать также и то, что им придется прилагать усилия не только до момента обретения желаемых результатов, но и для отстаивания достижений. Для того, чтобы акцентировать внимание на этом вопросе, лидер русской молодежи г.Гродно Николай Седляревич использовал самые веские слова: «народ, теряющий национальность и национальную культуру, презираем другими» [9, 102].

Осуществление стратегии национального развития зависит от принятия ее большинством членов общества, т.е. от осознания своей национальной принадлежности и

собственной роли в функционировании нации. В уже упоминавшейся статье газеты «Белорусский звон» читаем: «Оружие у нас только одно: развитие национальной сознательности широких масс и создание национальных культурных ценностей» [18, 85]. Выбранные методы реализации национального проекта действительно приводили к ожидаемому эффекту: «Проведенная отдельными белорусскими деятелями агитация, направлена на пробуждение у масс национального самосознания, достигла в целом достаточно весомого результата, так что сейчас действительно трудно встретить крестьянина белоруса пассивного в вопросе возрождения Беларуси» [3, 100об]. Степан Щиглинский из Волковысского повета писал в газету «Искра», что насилие польской власти над национальными меньшинствами закончится ничем, поскольку белорус уже «национально зрелый».

«Наиболее действенным источником построения национального сознания и возрождения» национальные деятели считали школу [17, 71]. Эти оценки многократно повторяются. Радный гмины Скидель, Георгий Цецко говорил на окружном съезде ТБШ в Гродно следующее: «Белорусское общество страдает из-за того, что белорусские дети растут без (национальной – авт.) науки, т.к. не будет иметь сознательных граждан своего отечества» [7, 113].

Единый национальный образовательный стандарт лежит в основе массовой культуры. Создание национальной культуры предполагает создание массовых, общенациональных организаций. Национальная интеграция и кооперация видятся одним из средств преодоления стоящих перед обществом проблем. Подтверждения тому находим в высказываниях национальных деятелей межвоенного периода. Во время выступления перед избирателями украинский посол от Полесского воеводства С.Хруцкий отмечал: «Эффективность борьбы за права украинской нации связана со стремлением к слиянию в единое целое разобщенного в восточных воеводствах Польши украинского населения. Только общество, объединенное правотой своей идеи, создает силу» [13, 28].

Хочется отметить, что в известных нам описаниях призывов к организационной работе, долгосрочному планированию национальной жизни, работе над созданием национальной школы, проведении курсов и конференций наблюдателями констатируется довольно спокойная обстановка. Подтверждением данных слов может служить оценка наполненного конструктивными предложениями выступления украинского посла Скрыпы в Домачево [12, 53].

С другой стороны, есть данные, свидетельствующие о многочисленных случаях коллективного выражения чувств деятелями национальных движений. Наиболее совершенной формой чувственной выразительности обладает искусство. Поэтому во время событий национальной жизни активно использовались разные его виды.

Наиболее почетное место среди видов искусств в национальном каноне отводилось художественной литературе. Традиционно на белорусских торжествах в центре зала находился украшенный портрет национального литературного гения Янки Купалы. Рядом с портретом помещали ленты с цитатами из его произведений. Одними из наиболее излюбленных были слова: «Будзе ўнукаў панаванне там, дзе сягоння плача дзед». С разных сторон говорилось о том, что удовольствие, которое дарует чтение литературы, имеет важное национальное значение. На собрание кружка ТБШ в Ельцовизне Белостокского воеводства приехал 20 января 1933 года член правления этой организации Георгий Ширма. Он выступил с речью перед присутствующими. Ширма призвал обратить пристальное внимание на белорусскую литературу. По его мнению, искусство – это действенное средство изменения человеческой жизни. Творчество Тургенева и Толстого непосредственно повлияло на обретение русским крестьянством социальных и гражданских свобод, а творения Сенкевича предопределили появление польского государства. Литературный гений Янки Купалы сумел выразить в произведении «Жывая крыніца» дух белорусского народа. В завершение, выступающий призвал сохранять родную речь и петь белорусские песни [8, 27].

Желание исполнять национальные песни было массовым и неподдельным. Кружки ТБШ в Полесском воеводстве даже обращались со специальной просьбой к правлению выслать им текст гимна «Ад веку мы спалі» [1, 93]. Этим гимном завершались окружные и поветовые съезды ТБШ [6, 61; 8, 249]. Его исполняли во время встреч с избирателями белорусские послы в Сейм Дворчанин, Гаврилюк и Тарашкевич. Посол Ян Станкевич и известный национальный деятель Винцент Годлевский неоднократно долгими часами пели белорусские песни со своими единомышленниками в разных деревнях. Регулярное обращение к песне было характерно для всех национальных движений. В Гродно песни сопровождали пушкинские юбилеи, публичные лекции и субботние встречи членов РБО [4, 72; 9, 33об; 10, 142]. Первое публичное мероприятие украинского общества «Просвіта на Поліссі» — выступление хора организации под руководством В.Пантелевича [14, 59]. На встрече с избирателями в д.Тевли Кобринского повета украинский посол В.Дмитриук рассказал показательный факт. Когда после бурных дебатов по утверждению средств поддержки осадникам украинским послам не удалось отстоять свое мнение, они покинули зал с песней «Не пора, не пора москальові і ляхові служити» [12, 87]. Песни могли не быть патриотического характера и исполняться «для души», но, учитывая частоту и связь с национальными мероприятиями, интегрирующий характер их влияния отрицать невозможно.

Исполнение песен довольно часто провоцировало или сопровождало обострение конфликтов на национальной почве. Учитель польской школы из д.Бурчици Лебедянского повета избил ученика за то, что тот отказался петь «не свою», польскую песню [20, 10]. А в Бресте польская общественность была недовольна исполнением польского гимна «*Boże coś Polskę*» перед мероприятиями национальных меньшинств, поскольку статус последних яко бы не соответствовал возвышенному духу произведений [14, 59]. Ельцевскому кружку Волковысского повета комендант полиции запретил петь песню «*Ой у полі каліна*» как антиправительственную [19, 77]. Самый популярный белорусский гимн «*Ад веку мы спалі*» был внесен 11.01.1929 г. воеводским комендантом полиции Белостокского воеводства в тайный перечень песен, исполнение которых должно быть уголовно наказуемо [16, 21].

В отчетах государственной полиции отмечена связь пения с настроением присутствующих. Выходя из собрания кружка ТБШ в Заполье, настроение на котором было «возбужденное и крайне враждебное государству», кружковцы пели белорусский гимн [15, 101]. Гимн исполняли забаррикадировавшиеся ученики белорусской клецкой гимназии во время одной из забастовок [19, 201]. Настроение могло вызывать и обратные эффекты. Если аудитория не разделяла национальных чувств выступавшего, то она оставалась глуха к призывам к пению.

Распространенным средством выражения коллективных чувств были постановки самодеятельных сельских театров. В частности, белорусские организации ставили в деревнях пьесы «*Модны шляхцюк*» Каруся Каганца, «*Мікітаў лапаць*» Михася Чарота, «*Раскіданае гняздо*» Янки Купалы, «*Паўлінка*» Янки Купалы, «*Збянтэжаны Саўка*» Леапольда Родзевича, «*Антось Лата*» Якуба Коласа, «*Заручыны Паўлінкі*» Францішка Аляхновіча, «*Пан міністр*» Францішка Аляхновіча, «*Калісь*» Францішка Аляхновіча, «*Лекары і лекі*» [19, 2; 19, 72; 19, 75], «*Чорт і баба*» Францішка Аляхновіча, «*Суд і Міхалка*» [5, 191], «*На веру*», «*Дзядзька Якуб*» Францішка Аляхновіча [8, 58], «*Змаганне за ідэю*» [2, 6; 2, 43об; 19, 76] и др. Этот неполный перечень хорошо отражает внимание, которое уделялось в то время развитию эстетических и национальных чувств. Национальное искусство обостряло тлеющий конфликт интересов. Время от времени представители администрации отказывались выдать разрешение на публичные театральные представления. Так произошло с постановкой пьесы «*Змаганне за ідэю*», которую решили показать 9 июля 1933 года актеры из д.Плавы. Староста объяснил свое решение нежелательностью просматривающихся в произведении «тенденций» [8, 165об.]. Отметим, что упомянутая пьеса, название которой говорит само за себя, была на то время у белорусских самодеятельных театров одной из самых популярных.

В истории восточнославянских национальных организаций имели место как хладнокровная методичная работа по созданию национальных институтов, так и выплески национальных чувств, эмоциональные баталии и, даже, истерии. При этом стремление подавить в национальном движении одно из них не наблюдалось. Событий, имеющих как рациональную, так и эмоциональную окраску, было в равной степени много.

Подводя итог, следует признать то, что как рациональное, так и эмоциональное начало имеют место в истории национальной культуры. Они представляют собой диалектическое единство, определяющее весь характер жизни человека и нации. Игнорирование данного факта только сужает представление о внутренних механизмах динамики национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Archiwum akt Nowych (AAN) z. 296syg.11
2. AAN z. 975syg.14
3. Panstwowy archiwum w Białymstoku (PawB) z.47syg.2
4. PAwB z.47syg.14
5. PAwB z.47syg.38
6. PAwB z.47syg.40
7. PAwB z.47syg.41
8. PAwB z.47syg.73
9. PAwB z.47syg.82
10. PAwB z.47syg.97
11. PAwB z.47syg.1334
12. Государственный архив Волынской области (ГАВО) ф.46 оп.9а.д.745
13. ГАВО ф.46 оп.9а.д.746
14. ГАВО ф.46 оп.9а.д.747
15. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ф.93оп.1д.4
16. ГАГО ф.19 оп.1д.8
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) ф.242 оп.1д.30
18. НАРБ ф.242 оп.1д.153
19. НАРБ ф.242 оп.1д.228
20. НАРБ ф.242 оп.1д.450

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

И.А. Шебанова

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Индивидуальность человеческая, по своей природе, не терпит отчуждения и одиночества, ждет сочувствия и доверенности себе подобных.

В.Г. Белинский

В социальной системе функцию взаимодействия социальных групп и индивидов выполняет социальная коммуникация, которая решает три основные взаимосвязанные задачи:

1. интеграцию отдельных индивидов в социальные группы и общности, а последних в единую и целостную систему общества;
2. внутреннюю дифференциацию общества, составляющих его групп, общностей, социальных организаций и институтов;

3. отделение и обособление общества и различных групп, общностей друг от друга в процессе их общения и взаимодействия, что приводит к более глубокому осознанию ими своей специфики:

В настоящее время происходит процесс модернизации двух различных типов коммуникаций:

1. развитие транспортных систем для перемещения людей в географическом пространстве для персонализированных контактов;

2. развитие средств для виртуальных контактов, виртуальных перемещений и виртуального присутствия в нужных точках пространства.

Второй тип технологий основывается на электронных средствах коммуникаций, таких как телефон, факс, Интернет и т.п. и создает условия для расширения масштабов социально-экономических взаимодействий и формирования информационного общества.

Основной отличительной характеристикой виртуальной коммуникации является опосредованность: виртуальная коммуникация осуществляется при помощи технического устройства. Таким образом, актом виртуальной коммуникации можно назвать процесс, в котором участвуют два и более участника, объединенных целью обмена информацией и реализующие его посредством виртуальных коммуникативных технологий.

В доалфавитных или дописьменных обществах основным органом ощущений и общественной ориентации было ухо. Речь являлась социальным путеводителем. Изобретение алфавита и письменности привело к замене основного вида приема и передачи информации с уха на глаз. И в современном мире развитый человек - это в первую очередь визуальный человек.

Еще Платон предупреждал, что фиксация знаний в книгах разрушит устную традицию знания и педагогики, исчезнет живое обсуждение, споры и диалог учителя и ученика. Образование, говорил он, станет безжизненным процессом извлечения фактов из немых объектов, осуществляемых в одиночестве. Когда появились газеты, люди перестали собираться на площадях, чтобы встретиться и послушать путешественников. Напечатанная книга многое прибавила к культуре индивидуализма. Стала возможной личная установившаяся точка зрения; и грамотность подарила возможность обособленности, изоляции.

Изобретение кино и телевидения объединило «ухо и глаз» - визуальную и акустическую информацию.

Современные средства массовой информации порой возвращают современное человечество в те далекие времена, когда люди испытывали племенные эмоции и чувства единого первобытного сообщества. Глобальная сеть и телевидение крепко соединяют людей друг с другом. «Электронная техника питает и поощряет процесс объединения и спутывания», - указал Маршалл Маклюэн [1].

Появление мобильной телефонной связи в современном обществе вновь актуализировало наше несколько забытое «племенное ухо». Мобильный телефон становится своеобразным социальным путеводителем в современном мире, все больше приобретающем черты виртуального.

Любая человеческая личность в любом историческом обществе формируется, находясь в связях, сообществах, сетях. Общение — это реальность человеческих отношений; предполагающая любые формы совместной деятельности людей.

Межличностное общение — это процесс взаимодействия, по крайней мере, двух лиц, направленный на взаимное познание, установление и развитие взаимоотношений. Межличностные отношения — это переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми на основе разнообразных эмоциональных состояний и психологических особенностей. Общение - это всегда диалог, т.е. выбор двумя сторонами совместного взаимодействия, посредством которого устанавливается *понимание*.

Манера разговаривать - это второе по значимости обстоятельство (после манеры одеваться), на которую человек обращает внимание и по которой складывается первое впечатление у человека о его собеседнике. Само общение и его оценка, происходящие при непосредственном контакте людей, во многом определяются вербальными и визуальными невербальными характеристиками. Субъектами коммуникации оцениваются анатомические особенности (рост, цвет волос и др.), физиологические характеристики (свежее дыхание, кровообращение, потоотделение и т. д.), функциональные особенности (осанка, поза и походка), лингвистические (вербальные и невербальные) особенности общения (скорость и вынятность речи, мимика, жесты, телодвижения).

Социальный статус предполагает и социальное оформление внешности: одежда человека, обувь и др. аксессуары. Психологи и социологи выделяют еще и другие характеристики: экстралингвистические (тембр, высота голоса и т.д.) и проксемические (взаимное расположение общающихся), которые для специалиста будут являться более информативными, чем физический облик.

При виртуальном общении, т.е. опосредованном современными техническими средствами коммуникации, внешние физические и социальные признаки, которые поступают по сенсорным каналам, исчезают или не являются актуальными для установления информационного контакта.

Возможно, наиболее привлекательным фактором виртуальной коммуникации для многих людей является именно снятие барьеров общения.

При опосредованном компьютером общении легче преодолевается барьер стыда и вины, который, как известно, образуется при отрицательной самооценке своих действий. В процессе виртуальной коммуникации становится возможным высказывание самых потаенных взглядов, выражение подавленных сторон личности, удовлетворение запретных желаний и побуждений.

Барьер страха, который может парализовать не только продуктивную деятельность, но и саму способность речи, проходит, если говорить об этом «ни с кем» и надеяться на «неважно чью» поддержку и понимание «кого бы то ни было».

В виртуальном пространстве не работают барьеры:

- установки на базе негативного восприятия кого-либо или чего-либо на основе предубеждения,

- презрения из-за недостаточной культуры, расовых, национальных, профессиональных и др. предрассудков,

- отвращения, брезгливости, вызываемых психофизическими особенностями поведения людей (неприятные манеры, привычки, нарушение правил личной гигиены).

Но, возможно, наиболее привлекательно исчезновение в виртуальном коммуникационном пространстве барьера речи: говорения и слушания, который проявляется в недостаточном запасе слов, невнятной, монотонной речи, отталкивающим тоне, в незнании речевого этикета, в неумении слушать и слышать другого.

Безусловно, общение в виртуальном информационном пространстве требует также определенных навыков и преодоления специфических информационных барьеров: технических, психофизиологических (способность концентрировать внимание, скоропись), знаковых и смысловых (способность распознавать знаки, знать слова и термины, умение восстанавливать смысл знака в определенном контексте) и др., но желание общения, обретения собеседников сильнее первоначального страха перед техническим устройством и новыми правилами.

В современном виртуальном пространстве происходит постепенное исчезновение статусно ориентированного общения. «Ты» в общении доминирует над «вы». Возможно, это связано с переходом на иной уровень интимности и отражает углубление и субъективизацию взаимодействия, большую степень непосредственности и искренности

собеседников. И поэтому уже не обращается никакого внимания на имидж, на этикетные и ролевые требования, на собственные страхи и защиты. Формируется эмоционально насыщенная, общая реальность осмысления ключевых экзистенциальных проблем бытия и их проживания «здесь и теперь». Такая коммуникация психологически сближает, и переход на «ты» означает достижение уровня взаимопонимания, причем, не только на рациональной основе, а в значительной степени на основе эмпатии.

Этикет (сетевая этика, англоязычные синонимы - cyberethics, webethics, netethics) как область практической философии только начинает формироваться. Система моральных регуляторов находится в зачаточном состоянии, и далеко не все участники общения в виртуальном пространстве придерживаются их. Можно сказать, что правила и нормы формируются стихийно и отличаются от эпистолярного этикета, который требовал в письмах, по существу, формальностей, ставших обычаями: писать аккуратным почерком, разборчиво, не писать слишком коротко (неуважение) или быть слишком многословным (фамильярность), не ставить одну букву с точкой вместо подписи, никогда не забывать ставить адрес и число, выбрать верный тон письма и пр. и пр.

Современные молодые люди делают выбор в пользу общения в телефонном мобильном мире, в том числе и посредством СМС-сообщений. Большим преимуществом является четкость и краткость посланий, включающих большой информационный объем, скорость передачи и получения информации. Можно рассматривать СМС-переписку как усовершенствованную альтернативу телеграмм. При этом привлекательны самостоятельно задаваемый темп, интерактивность, получение информации в любое время и в любом месте. Также немаловажной является возможность сохранять избирательную информацию в телефоне.

Говоря о виртуальной коммуникации, часто пишут о затрудненности эмоционального компонента в таком общении. Но отсутствие интонаций и мимики не означает отсутствия чувств. То, что в процессе реального общения передается невербальными средствами, заменяется текстовым смыслом, разного рода грамматическим выделением и так называемыми «смайликами» (smile).

Таким образом, виртуальная коммуникация представляет собой некий гибрид речи устной и письменной, и невербальные компоненты находят свое воплощение в графических формах, что уже рассматривают как интерактивную компетенцию пользователя.

Люди сознательно или бессознательно стремятся к общению. Общение воспринимается как естественное сопровождение человеческой жизни. Оно присутствует с первых минут рождения. Психическое развитие ребенка начинается с общения. Это первый вид социальной активности. От его качества зависит качество личности. Лишение общения является самым страшным наказанием после лишения жизни.

Но в отличие от других ценностей (политических, материальных, эстетических и пр.), ценность общения не осознается и не обозначается как особенно значимая. В рамках Республиканской научно-исследовательской программы «Динамика ценностных ориентаций молодежи Беларуси (в сравнении с молодежью других стран)», в которых автор принимала участие, проводился социологический опрос с целью выявления иерархии ценностных ориентаций у студенческой молодежи. Значимость ценности «общения» получилась следующая:

страна	Беларусь	Германия	Польша	Португалия
Место фактора	11	12	13	16

Кроме таких, безусловно, базовых ценностей, как «здоровье», «семья», «любовь», более высокое место, чем «общение» получили факторы «гарантия прав человека», «уважение других людей», «душевное спокойствие», «возможность реализовать свои таланты» и некоторые другие.

Возможно причина относительно низкого рейтинга ценности общения заключается в его привычности и доступности, как не осознается ценность воздуха в обычных жизненных ситуациях. Но некоторые внешние признаки указывают на неосознаваемую потребность и жизненную необходимость иметь уверенность в возможности общения. Так, необходимыми атрибутами студента, пришедшего на лекцию, являются конспект, ручка и мобильный телефон на столе – пусть даже с отключенным звуковым сигналом. Наличие с собой мобильной связи как бы гарантирует возможность всегда находиться на связи и быть в информационной «сети». Это своеобразный уход от страха потеряться, выпасть из социальной сети взаимодействий.

Мобильный телефон и Интернет-технологии становятся своеобразными социальными путеводителями в современном мире, а также неким гарантом спокойствия, включенности в привычную сеть взаимодействия.

Результаты социологического опроса среди студентов технического университета выявили психологическую зависимость в наличии мобильного телефона, даже в ситуациях, не предполагающих мобильное общение (учебные занятия, лекции, ночной сон). Отсутствие уже привычного телефона вызывает беспокойство, состояние беспомощности, растерянности. Чаще всего указывалась потребность всегда иметь возможность связи с родителями, с любимым человеком, «по работе». Перечисленными оказались так называемые агенты первичной социализации. Следовательно, посредством включения в мобильную сеть происходит новая форма социализации личности.

В последнее время все чаще можно обнаружить интерес психологов и социологов к изучению всевозрастающей популярности виртуального общения. Изучались мотивы самораскрытия посредством Интернет-сообщений. Оказалось, что потребности и ожидания несколько различаются у разных социальных групп в зависимости от пола и возраста. Так, для молодежи, сообщающей о здоровье, финансовых трудностях, о неудачах, мотивом является не столько получение помощи (особенно финансовой), а необходимость сочувствия. При рассказе о своих личных проблемах большинство надеется на понимание со стороны собеседника. Сообщая о своих проблемах, рассчитывают на сочувствие и на получение совета. Рассказывая о своих интересах и убеждениях, прежде всего рассчитывают на заинтересованность слушающего, далее на ответную информацию и на поддержку.

Таким образом, в большинстве случаев молодые люди рассказывают о себе для того, чтобы получить помощь в разных ее видах: эмоциональную, моральную, информационную или деловую. Психологи, исследующие веб-переписку молодежи, указывают на характерное преобладание у молодежи эгоцентрической мотивации общения. Отличительной особенностью переписки между людьми среднего возраста является стремление к оказанию помощи, характерен альтруистический характер общения. [2, с.187-205].

Главными причинами самораскрытия в межличностном общении были выделены следующие мотивы:

- поделиться переживаниями,
- выговориться,
- отвести душу,
- получить подтверждение правильности поступка,
- так принято,
- получить совет,
- понравиться этому человеку.

Исходя из вышеуказанного, можно заметить, что основными побудителями самораскрытия в отношениях с другими людьми являются эмоциональные мотивы, мотивы самоутверждения и интерес к собеседнику. Стремление получать разные

виды конкретной помощи от слушателя, оказались связанными с рассказом о собственной личности. Отсюда следует желание создания позитивного образа, а вовсе не подлинного самораскрытия в процессе виртуальной коммуникации, что порой приводит к ничему не обязывающей болтовне либо к созданию собственного, возможно подсознательно искаженного, положительного либо отрицательного виртуального образа. Итак, в зависимости от целей воздействия на собеседника субъекты виртуальной коммуникации могут сознательно изменять содержание подаваемой о себе информации и ее форму (стиль, детальность и эмоциональность изложения и т.д.).

Выводы

«Социальность» виртуального пространства отличается от привычной, «реальной»: в ней действуют специфические, не принятые в «реальном» обществе, механизмы; виртуальные коммуникации происходят в специфической среде, и ее особенности накладывают отпечаток на их протекание.

Повсеместное использование виртуальных средств общения привело к появлению новых языковых и графических форм, включающих новые сленговые слова, акронимы и пр., что можно рассматривать как появление новой знаковой он-лайн-субкультуры. Владение новым языком и образными формами, соблюдение формальных требований (наличие e-mail, ника, сайта и пр.) может определять социальный статус субъекта виртуальной коммуникации.

В силу изначальной анонимности и невидимости, являющихся следствием отсутствия визуального образа, в сетевых коммуникациях человек обычно творит себе виртуальный образ согласно своим желаниям и возможностям. Возможно, главной причиной популярности виртуального общения является добровольность и желательность контактов в сочетании с возможностью «ухода» в любой момент.

Возможность сохранять в определенных пределах анонимность вследствие опосредованности компьютером или SMS-сообщениями приводит к снижению психологического риска в процессе общения. В результате в процессе виртуальной коммуникации становится возможным высказывание самых потаенных взглядов, выражение подавленных сторон личности, удовлетворение запретных желаний и побуждений.

В современном социуме ценность Интернета и мобильной телефонной связи заключается в их актуальной востребованности и не только для деловых взаимоотношений, но и для реализации потребности в межличностном общении. Межличностное общение остается высшей человеческой ценностью, обретая новые формы и способы интерактивности.

Виртуальное межличностное общение уже стало нормой. А, как мы помним, Э. Дюркгейм главным и решающим признаком нормальности факта признавал частоту его проявлений, «...когда он имеет место в большинстве принадлежащих к этому виду обществ, рассматриваемых в соответствующей фазе их эволюции» [3, с. 461].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклюэн М. Средство само есть содержание [Электронный документ] Режим доступа <http://ncdo.levsha.ru/Pub/028D.htm>
2. Шкуратова И.П. Мотивационная модель общения и попытка ее экспериментального изучения // Психологический вестник. Вып. 1.ч.1. Ростов-на-Дону, 1996.
3. Дюркгейм Э. Общественное разделение труда. Метод социологии.- М.: Наука, 1991.

IV. TURYZM W USŁOWIACH GLOBALIZACJI I INTEGRACJI

ZMIANA PARADYGMATU WSPÓŁCZESNEJ TURYSTYKI I TURYSTY

Mgr Urszula Glińska
Politechnika Białostocka

Zainteresowanie turystyką, mobilnością ma miejsce w nauce światowej w latach 70. XX wieku, kiedy to badacze życia społecznego dostrzegają przede wszystkim ekonomiczne konsekwencje uprawiania owej aktywności społecznej¹. Jej rozwój na masową skalę niezaprzeczalnie możliwy był dzięki rozwojowi cywilizacyjnemu, zwłaszcza zaś ulepszeniom komunikacyjnym (podróżowanie pociągiem, samochodem, samolotem), kiedy to już nie tylko nieliczni – w klasycznej już teorii klasy próżniaczej Thorsteina Veblena², ale potencjalnie wszyscy mogą wyruszyć w podróż. Przemiany cywilizacyjne ostatnich dziesięcioleci skutkują również radykalną zmianą myślenia człowieka o świecie, który z nieprzeniknionej w sensie fizycznym i dlatego tajemniczej także mentalnie „galaktyki Gutenberga” przekształca się w „global village”³, w której przede wszystkim mentalnemu „skompresowaniu” ulega przestrzeń i czas. Dzieje się tak dlatego, że obecnie poznanie świata i przemierzenie najdalszych zakątków kuli ziemskiej stają się zupełnie możliwe i realnie – fizycznie odstępne. W tym kontekście sama podróż, rozumiana w formule otwartej, jako „taka mobilność przestrzenna człowieka, której rezultatem jest opuszczenie „domu” i zmiana dotychczasowego środowiska” (rozumianego wieloaspektowo: społecznego, geograficznego, kulturowego, czy naturalnego) przybiera postać turystyki – skomercjalizowanej oferty zamkniętej (*package tour*), realizowanej głównie przez biura podróży⁴. W tym świetle na przestrzeni ostatnich dziesięcioleci dochodzi do zmiany potrzeb (motywacji) podróży w kierunku turystyki oraz odpowiednio – podróżnika w kierunku turysty. Zmienia się więc paradygmat tych kategorii społecznych i dziś zdecydowanie – ekonomicznych. Ow nowy paradygmat jest tak silny, że w życiu współczesnego człowieka podróżowanie, rozumiane jako uprawianie turystyki (poddawanie się usługom biur turystycznych – „utowarowionej” podróży⁵), przekształca się w stałą cechę konstytuującą jego tożsamość: „*Bycie turystą to jeden z wyznaczników bycia „nowoczesnym”. Nigdzie nie „wyjeżdżać”, to tak, jak nie mieć samochodu lub ładnego domu*”⁶. Wraz z nią turysta staje się metaforą osobowości współczesnego – nowoczesnego (w sensie filozoficznym) człowieka.

¹ UNWTO (*World Tourist Organisation*) podaje, iż liczba międzynarodowych podróży w 2007 roku osiągnęła poziom 903 mln, co oznacza wzrost o 6,6% w porównaniu z 2006 rokiem, dając przychód na poziomie 856 mld USD (625 mld euro), co oznacza 5,6% wzrost w stosunku do roku poprzedniego. Tymczasem czteromiesięczny okres: styczeń-kwiecień 2008 roku już odnotowuje 5% wzrost w stosunku do tego samego okresu z roku ubiegłego; liczba wyjazdów turystycznych osiągnęła poziom o 12 mln wyższy: z 254 mln w miesiącach styczeń-kwiecień w roku 2007 do 266 mln w roku 2008, <http://www.tourismroi.com/Content Attachments>. W konsekwencji, konkluzja jest jednoznaczna: „*trwająca tysiąclecia epoka „przypisania do miejsca zamieszkania” minęła bezpowrotnie*”, K. Podemski, *Socjologia podróży*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2004, S. 16-17.

² T. Veblen, *Teoria klasy próżniaczej*, „Muza SA”, Warszawa 1998.

³ Zob. M. McLuhan, *Zrozumieć media. Przedłużenie człowieka*, Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, Warszawa 2004.

⁴ K. Podemski, *Socjologia podróży...*, op. cit., s. 9.

⁵ Ibidem.

⁶ J. Urry, *Spojrzenie turysty*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2007, s. 17.

Wokół paradygmatu osobowości nowoczesnej

Jedną z pierwszych projekcji-metafor osobowości współczesnej (postnowoczesnej⁷) celnie kreśli Zygmunt Bauman⁸. Według niego osobowość nowoczesną najlepiej oddaje metafora:

- pielgrzymka – jego życie jest celową wędrówką, którą cechuje racjonalność i konsekwencja, poddanie (się) siłom wyższym (Bogu, losowi), kalkulacja, przewidywalność rezultatów oraz podporządkowanie wszelkich zdarzeń i decyzji nadrzędnemu celowi – kresowi pielgrzymki⁹.

Ta sama nowoczesność konstruuje także inne (i zupełnie przeciwne wobec metafory pielgrzymki) wzory osobowościowe, które w czasach współczesnych uległy wyraźnemu umasowieniu i przemieszeniu: o ile kiedyś charakteryzowały raczej pojedyncze jednostki (wobec tego występowały marginalnie), obecnie „ci sami ludzie, w tym samym czasie, wiodą życie, które zawiera elementy każdego ze wzorów”¹⁰. Postnowoczesność upowszechnia więc metafory:

- spacerowicza – obserwatora-podglądacza, którego obszarem obserwacji staje się deptak miejski (miasto), a obecnie świat kreowany przez media i który dla pragnień estetycznych tworzy (głównie w swojej wyobraźni) świat tymczasowej kreacji. Ów świat iluzji staje się światem odniesienia: „to, co narodziło się jako reprezentacja rzeczywistości, stało się standardem i miarą dla rzeczywistości, jaką rzekomo nadal reprezentuje”¹¹;

- włóczęgi – celem jego życia jest bezcelowy ruch, życie tymczasowe, chwilowe, więc nieprzewidywalne, zagmatwane: „Linie prosta wyznacza geometrię pańniczego życia; szlak włóczęgi – kręte, zawile, splecione – obce geometrycznej elegancji (...) ważne jest to, by nie tracić zdolności ruchu; i ważne jest też to, by z każdego postoju wydobyć ile się da korzyści”¹², ponieważ jest to życie podporządkowane „gościnności” innych i posłuszne pokusie, pogoni za odmianą;

- turysty – który jest poszukiwaczem-kolekcjonerem wrażeń, oderwania od bezpiecznej codzienności, wobec której inność jest atrakcją, dlatego też inności właśnie poszukuje: „Szuka nowych „doświadczeń”; a nowych doświadczeń dostarczyć może tylko inność – coś, czego jeszcze nie widział, a w każdym razie coś, co odbija od codzienności (...). Widoki, odgłosy, zapachy stają się wrażeniami – pamiętanymi wrażeniami (...), o których warto w domu opowiedzieć – o tyle tylko, o ile inne są od domowych”¹³;

- gracza – jego podstawową kategorią analizy i zasada organizującą porządek świata jest ryzyko – wpisane w życie, które toczy się jak (i jako) gra: jest nieprzewidywalne, reguły ustala się doraźnie, każdorazowo do każdej kolejnej rundy, zaś inny człowiek, Drugi jest potencjalnym rywalem – stąd nieufność, rywalizacja i chęć wygranej przede wszystkim dominują w relacjach społecznych¹⁴.

Każda z przytoczonych metafor jest zwierciadłem, w którym współczesny człowiek z łatwością może znaleźć swoje odbicie. Intuicyjnie wyczuwa się, iż zostały one przez Baumana trafnie nazwane i scharakteryzowane, ale Bauman mówi więcej: „Omówione wzory są o tyle ponowoczesne, o ile charakteryzują one nie odrębne typy ludzkie, lecz

⁷ W artykule idee nowoczesności i postnowoczesności, choć zwykle rozłączne i nie bliskoznaczne, lokowane są „obok” siebie. Stanowisko takie wynika z kłopotów związanych z jednoznacznym zdefiniowaniem zwłaszcza drugiej z wymienionych kategorii: czy postnowoczesność jest zupełnie nową jakością, czy też jest raczej „przedłużeniem”, wzmocnieniem epoki nowoczesnej. Zob. szerzej: P. Sztompka, *Socjologia zmian społecznych*, „Znak”, Kraków 2005, P. Sztompka, *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, „Znak”, Kraków 2002, tu: cz. VII *Spółczesność współczesna*, s. 557-599.

⁸ Bauman Z., *Dwa szkice o moralności ponowoczesnej*, Poznań 1998.

⁹ Ibidem, s. 10-14.

¹⁰ Ibidem, s. 37.

¹¹ Ibidem, s. 25.

¹² Ibidem, s. 28.

¹³ Ibidem, s. 31.

¹⁴ Ibidem, s. 33-36.

aspekty sposobu życia [pokreśl. – U.G.] *jednych i tych samych ludzi. Nie tylko współwystępują, lecz przenikają się wzajemnie, stapiają*¹⁵.

Inny, mniej plastyczny, lecz bardziej normatywny, sztywny katalog cech osobowości współczesnej przedstawia Aleks Inkels¹⁶. Uwzględniając nasilające się w epoce nowoczesnej wpływy urbanizacji, industrializacji, ruchliwości oraz masowej komunikacji i kultury, rysuje syndrom – portret, typ idealny osobowości nowoczesnej. Cechami, które najsilniej budują ten szkic psychologiczny, są:

- otwartość na innowację i zmianę,
- świadomość istnienia wielości różnorodnych opinii i poglądów, z czego wynika poszanowanie odmienności i godności innych,
- gotowość wypowiadania i uzasadniania opinii własnych,
- orientacja prospektywna (nastawienie na przyszłość),
- poczucie mocy podmiotowej,
- antycypowanie i planowanie przyszłych działań,
- zaufanie do porządku społecznego,
- charakter merytokratyczny,
- gotowość do samodoskonalenia się.

Jaka turystyka w XXI wieku?

Wobec zarysowanych jedynie szkicowo cech charakterystycznych współczesnego turysty, zasadniczej przemianie ulega także obraz podróży i turystyki¹⁷. Nie charakteryzuje jej już jedynie miejsce pogańskiego kultu, czy bitwy (starożytność), kościół, czy sanktuarium (XIII-XIV w.), uniwersytet (XVI-XVII w.), uzdrowisko, jarmark, karczma (XVIII w.), nie wyznacza go także symbol turystyki umasowionej w XIX-XX w. – kurort nadmorski, molo, gdzie liczy się rekreacja, zabawa, odpoczynek¹⁸. W XXI w. turystykę i podróżowanie charakteryzuje postmodernistyczne „od-różnicowanie”¹⁹ miejsc i doznań symptomatycznych dla nowoczesności; silne zindywidualizowanie potrzeb i ofert. Pojawia się także tęsknota za prawdziwością, ale i ekstremum przeżyć.

Współczesny turysta, wyposażony w łatwy dostęp do informacji o określonym miejscu, wyrażający chęć przeżycia i rzeczywistego, a niejednokrotnie także – indywidualnego poznania innej kultury, poznania Obcego, nie będzie zainteresowany jedynie kolekcjonowaniem wrażeń. Nowe spojrzenie turysty na turystykę raczej skierowane jest w stronę poznania, bycia, poszukiwania autentyczności. Można więc domniemywać, że takie formy klasycznej turystyki jak backpacking, czy agroturystyka (zwłaszcza na terenach przyrodniczo cennych) staną się jedną z trafnych odpowiedzi na współczesne potrzeby turysty.

Niemniej gdzieś na marginesie wypełniania potrzeby autentycznych doznań znajdują się oferty, które ją realizują i umożliwiają przeżycie prawdziwych, ekstremalnych emocji; są to np. turystyka seksualna (seksurystyka), czy turystyka śmierci... Wpisują się one w paradygmat współczesnej turystyki i turysty, lecz wydają się być ich hybrydą. „Nękają” współczesny świat, będąc „naturalną” konsekwencją jego otwarcia i zglobalizowania.

Na pewno jednak turystyka nie przestanie wpisywać się w paradygmat konsumpcji. W porównaniu jednak do nowoczesności i konsumpcji masowej, konsumpcja postfordysowska, jak ją nazywa J. Urry²⁰, tworząca „nową turystykę”, oznacza „różnicowanie oferty,

¹⁵ Ibidem, s. 37.

¹⁶ P. Sztompka, *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, „Znak”, Kraków 2002, s. 567.

¹⁷ Podziału takiego dokonuję za przykładem Krzysztofa Podemskiego, który wyraźnie rozgranicza te kategorie. Zob. K. Podemski, *Socjologia podróży...*, op. cit., s. 10.

¹⁸ Szerzej zob. J. Urry, *Spojrzenie turysty...*, op. cit.; K. Podemski, *Socjologia podróży...*, op. cit.

¹⁹ J. Urry, *Spojrzenie turysty...*, op. cit., s. 124-153.

²⁰ Ibidem, s. 34.

elastyczność i dopasowanie do indywidualnego klienta"²¹. Ten bowiem, otwarty na nowe wyzwania, zmienia jej współczesny paradygmat: „percepcja turysty bywa niezwykle zmienna, poszukuje on i oczekuje wciąż czegoś nowego i wyjątkowego"²². Mając łatwy dostęp do informacji, wymaga coraz więcej: samo miejsce, bez ludzi profesjonalnie przygotowanych do reprezentowania odwiedzanego kraju, wydaje się nie będzie dostatecznie atrakcyjne, by je jeszcze raz odwiedzić lub polecić znajomym.

Dziś więc paradygmat turystyki i turysty nie przedstawia określonego constans – to zmieniający się nieustannie u kł a d o f e r t – mocno zindywidualizowany, gdzie nie rzecz, ale stan, postawa – u s ł u g a stają się jego centrum, determinowanym przez potrzebę.

LITERATURA

1. Bauman Z., *Dwa szkice o moralności ponowoczesnej*, Poznań 1998.
2. Bombol M., *Ekonomiczny wymiar czasu wolnego*, SGH, Oficyna Wydawnicza, Warszawa 2005.
3. Mazurski K.R., *Geneza i przemiany turystyki*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Zarządzania, Wrocław 2006.
4. McLuhan M., *Zrozumieć media. Przedłużenie człowieka*, Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, Warszawa 2004.
5. Podemski K., *Socjologia podróży*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2004.
6. Sztompka P., *Socjologia zmian społecznych*, „Znak”, Kraków 2005.
7. Sztompka P., *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, „Znak”, Kraków 2002.
8. Urry J., *Spojrzenie turysty*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2007.
9. Veblen T., *Teoria klasy próżniaczej*, „Muza SA”, Warszawa 1998.

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕПОДАВАНИЯ ТУРИЗМА КАК АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В БЕЛАРУСИ

Ботух В. А.

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Сегодняшний туризм - это, прежде всего специфическое общественное движение и форма активного отдыха, имеющие огромное культурно-воспитательное, научно-познавательное (образовательное) и спортивно-оздоровительное значение, приобретающие общественно-политический аспект (взаимное ознакомление народов различных стран, способствующее взаимопониманию и развитию международных научных и культурно-общественных связей). Через туризм мы несем в мир свою культуру, свое видение и понимание мира. Поэтому, именно туризм, как никакая другая отрасль, так важен для Беларуси, расположенной в центре Европы на перекрестках дорог и, по сути, являющейся территорией обмена и транзита в направлении не только Запад-Восток, но и Север-Юг.

Международный туризм представляет собой часть международного обмена услугами. С развитием межгосударственных связей сфера услуг вышла за рамки отдельных стран и превратилась в одну из важнейших сторон внешнеэкономических отношений. По мере роста международного туризма, усиливается процесс специализации, в ходе которой выделяются страны-поставщики туристов и страны, принимающие туристов. Поставщиками туристов чаще выступают развитые страны, характеризующиеся высокими показателями выезда своих граждан за границу.

Зарубежные поездки для населения этих стран стали неотъемлемой составной частью современного образа жизни. Стремление путешествовать и проводить отпуска за

²¹ Ibidem, s. 35.

²² Ibidem, s. 28.

границей приводит к повышению удельного веса расходов населения на зарубежные поездки в ВВП и импорте товаров и услуг. Развитие туризма и проведение мероприятий по привлечению иностранных туристов способствуют увеличению валютных поступлений в принимающие страны.

Туризм в большинстве регионов и стран мира приносит баснословные доходы как инвесторам, вкладывающим средства в его развитие, так и государствам, стимулирующим его. По уровню доходности в благоприятных условиях отсутствия военных конфликтов и повышающегося уровня жизни населения туризм в развитых странах приравнивают к нефтегазодобывающим и перерабатывающим отраслям экономики.

По оценкам ВТО, международный туризм как экспортная отрасль в мире занимает ведущее место среди отраслей промышленности по индексу доходности, а именно 8% в целом и более 500 млрд. USD. Среди отраслей сферы обслуживания рейтинг еще более высокий – 37%.

Туризм постепенно занимает свое место и в экономике Беларуси. Адекватно возрастанию его роли, как приоритетной отрасли экономики, активизации развития процесса становления цивилизованных отношений в коммерческом обороте и обслуживания потребителя-туриста, возрастает роль уровня профессиональной подготовки персонала.

На постперестроечном этапе активного развития туризма в эту сферу пришло много специалистов из других отраслей хозяйства. Именно в туризме генерировались рабочие места, в то время как в других отраслях активность деятельности снижалась или сворачивалась вовсе. В этот период наблюдался правовой вакуум, что позволило многим, даже не имеющим специального образования и даже вовсе понятия, что такое туризм, занять определенное место на рынке туристских услуг.

Сегодня время изменилось. Уверенно происходит становление цивилизованных правил деятельности. Во многом равняясь на западные фирмы мы создаем и свои традиции в сфере туризма. Именно сегодня, как никогда, нам требуются высококвалифицированные кадры, способные создать высокодоходный туристский продукт и осуществить его реализацию на конкурентном внутреннем и внешнем рынках.

В конце XX столетия взаимосвязь образования и туризма стала очевидна. Эксперты ЮНЕСКО выделяют туризм в XXI веке как ведущую зону профессионального образования. В соответствии с параметрами программы развития туризма в Беларуси расчетная потребность в кадрах составляет более 130 тысяч человек.

В настоящее время профессиональное туристское образование, пожалуй, как ни одна другая ветвь образования, нуждается в теоретическом осмыслении системной связи между идеями современной педагогической науки и концепциями теории и практики туризма. Без него невозможен синтез содержания профессионального туристского образования.

Достойный статус Беларуси в современном мире сможет обеспечить только система образования, реализующая функцию сохранения и приумножения гуманистических традиций отечественной и мировой культуры, способная к саморазвитию, учитывающая современные модели образования и отвечающая потребностям современности.

Профессиональное туристское образование сравнительно недавно вошло в сферу исследовательских интересов педагогики и имеет свои особенные, иногда уникальные, черты. Речь идет не только о специализации и содержании специальных предметов, а прежде всего о теоретическом осмыслении устоявшихся идей, принципов и условий формирования содержания профессионального туристского образования, адекватного современным проблемам теории развития системы народного образования в Беларуси.

Необходимость этого определяется также рядом общественно значимых противоречий:

Во-первых, профессиональное туристское образование, по данным международной ярмарки «Workshop», с 1998 г. вышло на первое место на всемирном рынке труда. В настоящее время туризм создает в мире каждое десятое новое рабочее место, и эта его функция будет усиливаться. В то же время в Беларуси туризм практически не формирует новых рабочих мест.

Во-вторых, господствующая в мировом туристском образовании практика подготовки специалистов узкого профиля создавала определенные проблемы, которые в отечественном варианте усиливались отсутствием базового профессионального образования.

В-третьих, традиционное рассмотрение проблемы формирования содержания профессионального образования в ходе его диверсификации посредством освоения соответствующего социального опыта для сферы туризма малопродуктивно. С одной стороны, профессиональное туристское образование в Беларуси имеет явно недостаточный опыт. С другой - зарубежный опыт профессионального туристского образования всегда был связан с развитием всемирного туристского рынка, на котором Беларусь исполняет преимущественно роль донора - туризм все больше используется как канал валютных трансферов, по которому из страны ежегодно вывозится свыше миллиарда долларов.

Именно сегодня, как никогда, нам требуются высококвалифицированные кадры, способные создать высокодоходный туристский продукт и осуществить его реализацию на внутреннем и внешнем рынках. У нас практически повсеместно студентам не читается курс теории и практики продаж туристского продукта и туристских услуг. Некому читать, мало отечественных учебников. Читать и учить тому, как продавать в Вашингтоне или в Лондоне - бессмысленно. Белорусский турист имеет иной менталитет, в нашем обществе иные традиции. Нам надо искать свои пути и создавать собственные методы.

Таким образом, считаем, что мы должны пересмотреть наши учебные планы и ввести новые дисциплины теории и практики продаж (не только проведения практических и семинарских занятий, а активной практики на рабочих местах в туристских фирмах), психологии общения с покупателем и другие важные дисциплины, подготовить и выпустить практические пособия и учебники.

Такое положение позволяет констатировать очевидную необходимость разработки новых педагогических технологий преподавания туризма как академической дисциплины.

Одним из ощутимых социальных последствий стремительных технологических перемен, особенно сильно проявивших себя в последние десятилетия XX в., стал общий кризис систем образования, охвативший практически все страны мирового сообщества. Вместе с тем существование этого кризиса отнюдь не ограничивается исключительно финансовой недостаточностью самой этой сферы (хотя важность этой проблемы тоже нельзя недооценивать). Некоторые исследователи считают, что главный источник кризиса в неадекватности содержания образования, масштабов и уровня развития образовательных систем постиндустриальному направлению цивилизованного развития.

Соответствие туристского образования требованиям современности рассматриваются нами в первую очередь, с точки зрения роли и места профессиональной подготовки для целей туризма, педагогических направлений и функций, касающихся преподавания, научных исследований, взаимосвязи уровней, ступеней и форм образования, особенностей развития образовательного процесса, которые указывают на необходимость переосмысления его роли и миссии, выработки новых подходов и определения иных приоритетов будущего развития туристского образования.

Вторая половина XX столетия - это период качественных преобразований в сфере обучения, к основным задачам которого относится организация учебного процесса и подготовка кадров, ведение научно - исследовательской работы.

Это свидетельствует о том, что на современном этапе ни одна из стран без подготовки специалистов на качественном уровне или без научно-исследовательской работы не может обеспечить уровень прогресса, соответствующего потребностям и надеждам национального и мирового туризма.

Туристское образование превращается в настоящее время в главную область вложения интеллектуально-трудовых усилий и экономических затрат в туризме. Люди, способные к развитию, к принятию нестандартных решений, - поистине важнейший капитал современного туристского сообщества. Образованность, таким образом, является новым пониманием качества туристской деятельности, при которой накопление и закрепление профессионального, жизненного опыта, общее и профессиональное развитие самосознания и сознания специалистов туризма на протяжении всей их трудовой занятости является приоритетной целью. Исходя из этого, туристское образование следует рассматривать как сферу профессиональной жизни, вокруг которой объединяются представители всех структур и направлений туризма и его практики, заинтересованные в положительном изменении туристского феномена и его образовательных систем и структур.

Сегодня по мере развития эволюционных процессов главным инструментом прогресса туризма становятся знания, средства познания, которыми обладает конкретный специалист, преобразующий мир туризма вокруг себя и туризма в целом.

При таком взгляде на содержание профессионального туристского образования важное значение приобретает работа со знаниями (систематизация, типологизация, применение и др.). В этом случае знания перестают смешиваться с информацией. Они начинают рассматриваться как результат предшествующих процессов просвещения, понимания и мышления, а освоение учебных предметов служит средством развития указанных выше универсальных способностей специалиста.

Каковы же современные социальные особенности образовательного процесса в туризме, выступающего как база для формирования различных систем и подсистем профессионального воспитания, обучения и формирования своих будущих специалистов?

Образовательная туристская деятельность, как подсказывает практика, эффективна, если направлена на создание нового содержания: учебно-методического и организационно-педагогического обеспечения всего комплекса учебно-воспитательного процесса. Движущаяся и дифференцирующаяся структура образования должна сама изменяться, выявляя все новые и новые субъекты складывающегося образовательного туристского пространства, способствовать формированию осознанных образовательных потребностей различных сегментов туризма, категорий и групп туристов.

Образовательный процесс должен строиться на базе основополагающих принципов:

демократизация - то есть открытость туристского образования, привлечение к нему внимания туристских предприятий и учреждений, утверждение в образовательной системе отношений равноправия, сотрудничества, вариативность содержания, форм и методов обучения;

гуманизация - то есть ориентация всех составляющих учебно-воспитательного процесса на личность учащегося, уважения его профессионального достоинства, отход от привычки оглядываться на усредненного студента, создание условий для развития социальной активности молодого специалиста, раскрытия их творческих возможностей;

гуманитаризация - то есть придание значимости наукам о единстве туристского мира, взаимосвязи общества и человека, позволяющей обогатить его духовный мир, сформировать жизненную позицию и утвердиться в качестве специалиста;

фундаментализация - то есть внедрение в учебный процесс теории высокой степени обобщения, обладающих повышенной информационной емкостью и универсальной применимостью;

интеграция - то есть переход от создания у студентов дифференцированного образа действительности к синтетическому на основе межпредметных связей, внедрение интегративных дисциплин на всех ступенях обучения;

индивидуализация — то есть учет всей системы индивидуальных особенностей личности, сочетание индивидуальных и коллективных форм работы с одаренными студентами, а также введение индивидуальных учебных планов различных видов обучения с разным объемом подготовки;

непрерывность - то есть единый процесс, охватывающий все степени и уровни довузовского, вузовского и послевузовского образования, обуславливающий формирование у студентов и слушателей навыков самообразования и умения ориентироваться во все возрастающем потоке туристской информации;

прагматизм - то есть усиление внимания к овладению профессионально-практическими знаниями, рациональной организации повседневной туристской деятельности.

Основная цель - создание и поддержка разнообразных инновационных образовательных систем, дающих новое качество образования для подрастающего поколения, основными показателями которого являются туристская компетентность, профессионализм, культура и эрудиция, а также умение думать и чувствовать. Именно эти качества позволяют говорить о презумпции воспитания и образования в туризме и сформировать профессиональную личность. При этом важен не только результат, но и сам процесс образования.

Естественно, что педагогизация туристского сознания ориентирует молодежь на выбор образовательных программ с целью наиболее полной реализации ее интересов, ее становления и развития в сфере туристской деятельности и занятости.

TOURISM FUNCTION AND CHOSEN PROTECTED AREAS IN POLAND. THE EXAMPLE OF "WARTA'S ESTUARY" NATIONAL PARK AND "BARYCZ VALLEY" LANDSCAPE PARK

Sylvia Graja-Zwolinska, Aleksandra Spychala

Poznan University of Life Science, Agritourism Unit, Poland

The growing speed of life in big urban complexes and sudden technical progress make modern man look for alternative places of rest, in close contact with nature. This tendency is especially visible in highly developed countries where the most popular (and at the same time the most expensive) tourist destinations are those which are far away from civilisation and offer authentic abundance of natural and cultural values. The attraction of offers of many tourist organisers is the possibility to visit and stay in different protected areas, which in many cases – thanks to controlled men's interference during centuries – have kept high quality of the natural heritage.

A rich structure of Polish protected areas allows to create tourist function of varied specialisation profile. Adjusting traffic forms as well as tourist development to the rank of a given protected area is the condition of keeping ecological balance and comfort of a tourist. In the most people protected areas, national parks can be recognised as such, tourist function – against the theoretical assumptions – is not created to care of keeping natural heritage. As a result, there appear conflicts between natural scientists and local communities.

That is why promotion of both less known national parks as well as other protected areas, such as landscape parks seems reasonable. Putting together the tendency to look for alternative form of tourism traffic with less popular protected areas is a chance to develop real balanced tourism, especially agro- and eco-tourism.

This article was created in order to show and compare an existing tourism function on different protected areas. Additionally it can depict that although protection is the most important, the tourism may develop as well. And what is more – its origin generates tourism movement.

The article is based on research carried out by authors in the 2004-2005, in order to measure proportions of tourism traffic and tourism function on the protected areas.

THE EXAMPLE OF "WARTA'S ESTUARY" NATIONAL PARK

"Warta's Estuary" National Park covers 8074 ha and is the youngest place of this type in Poland, created in 2001. What is interesting, its creation was an initiative of local organisations and inhabitants. The main reason for protecting this area was keeping settlement and feeding conditions for different species of birds. Because of specific natural values of the park, characterised by the domination of mud and water ecosystems (the indicator of woodiness within the Park is just 1% [8]), the place is not an attractive tourist place for mass tourism.

The size of annual tourist traffic, according to Park's administration, is about 20,000 people. This information is reached based on the tickets sale to the viewing tower (in the Park's headquarter), the sale of licence cards for amateur fishing and based on the number of activities organised for groups.

Analysing the dynamics of the number of tourists within chosen years (table No 1), we need to remember that at least 1/3 of the whole number were people who stayed in the area for a few hours (data received from the Park's administration based on local researches). Most of the visitors were participants of trips or local anglers.

Quoted data confirm the growing interest in this area among tourists. Special increase of the number of visitors was observed in 2003, concerning both group and individual stays. The reason for this phenomena can be found in the development of the Park's offer aimed at groups as well as in publishing information about this protected area nationally and internationally. According to the data received from the Park's administration, over 80% of the tourist traffic is made of national tourists and the rest – foreign tourists, most of whom are German, which is a result of the closeness of the Polish-German border.

Table No 1

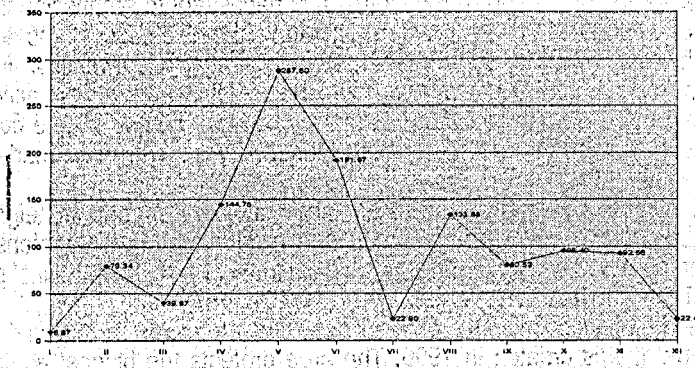
The size of tourist traffic registered by "Warta's Estuary" National Park's administration in years 2001-2004

Lear	Total number of visitors	The number of people participating in organised stays
2001	10000	745
2002	10000	2873
2003	18000	4079
2004	20000	5082

Source: authors' study based on data provided by "Warta's Estuary" National Park's administration.

As a result of the special natural values of the Park, tourist traffic is characteristically seasonal (picture No 1). Increased interest in this area is observed from April to June in 2004 (during these months more than 52% of all registered tourist traffic took place). The biggest percentage of the visitors is observed in May – more than 20% of all the tourists. It results from the bigger number of birds' observers' arrivals and organised school groups. The rise of the tourist traffic reappears visibly in the autumn months – September and October, as a result of the visits of the ornithological faun's lovers, which is connected with the convenient conditions of migrating birds observation. Spring period favours examining meadow ecosystems, where colourful plants create a colourful landscape.

Picture No 1. The percentage of seasonality of the organised tourist traffic registered by "Warta's Estuary" National Park's administration in 2004

A growing number of people visiting "Warta's Estuary" National Park in August 2004 is worth noticing. The reason of this interest was organised for the first time in 2004 *Cow's feast*, promoting extensive pasturage of farm animals as a condition of preserving unique meadow ecosystems.

Based on the research led by the co-author of the article, it was possible to isolate a kind of a profile of a tourist visiting the area of the Park and its neighbourhood. Dominating people are aged 21-40, with a higher or secondary education, coming from the town. It is mainly a type of an explorer, who – visiting the area for the first time- discovers especially the natural characteristic features of the area. Exploring the values of the place was easier thanks to a private means of transport. The person usually organised the stay on his/her own, resting with friends or family. A preferred type of accommodation was a tourism cottage or an agrotourism place, usually the stay lasted up to three days. Most of the visitors were people choosing active holidays, both at home or during longer free periods.

As we wanted to describe tourist function in the region of "Warta's Estuary" National Park more precisely, certain indicators of its intensity were chosen to be analysed (table No 2).

Source: authors' study

Table No 2

Compared indicators concerning tourist traffic (2004)

Indicator Community/region	Tourists number	Schneider's Indicator ^a	Charvat's Indicator ^b
Krośnice	808	10,1	31,6
Milicz	8464	35,0	138,6
Odolanów	822	6,0	18,9
Przygodzice	8697	76,8	191,5
Trzebnica	6837	31,4	35,4
Zmigród	1576	10,4	35,6
"Barycz Valley" Landscape Park	27204	28,28	75,27
Górzycza	732	17,80	35,80
Słońsk	234	4,90	9,01
Witnica	3245	25,00	64,53
Krzeszyce	182	4,04	4,04
"Warta's Estuary" National Park	4393	12,94	28,35

a – tourists number/inhabitants number x 100

b – given accommodation number/inhabitants number x 100

Source: authors' study based on the materials of Regional Data Bank GUS (General Statistics Office)

Despite low values of the shown measures, it is necessary to emphasise the fact of the development of a tourist function, progressing along the evolution of the environmental protection in this area. These changes resulted in creating tourism function in some communities, where tourism infrastructure was developed (mainly agrotourism accommodation, bike and binoculars rentals, and tourist information points). In case of one community the process of area protection made it much more touristically attractive and made the existing tourism space "younger".

The tourist function created in "Warta's Estuary" National Park and its neighbourhood is characterised by a visible specialisation process. It is confirmed by both intensity and seasonality indicators as well as by the parts of the local tourist product and tourist profile.

THE EXAMPLE OF "BARYCZ VALLEY" LANDSCAPE PARK

"Barycz Valley" Landscape Park is the biggest protected area of this kind in Poland, it covers 87040 ha; it was created in 1996. The area protects the biggest agglomeration of ponds in Europe and the species of birds which nest there.

Barycz is an unusual river in the whole world – its waters flow simultaneously to the west and east to two different flows. It is a hydrographic oddity called bifurcation. In the past, Barycz was characterised by one more interesting feature – it was an anastomosing river (plaited), which means flowing in two or more equal channels, often winding, usually with small slopes and equal flow (Geographical Encyclopaedia of the World, 1). At the moment in the world there are not too many flows of this kind because of the channel's regulations and irrigation; the most famous and still existing are the Amazon River, Medeira, Rio Negro, Okawango and the only Polish – Narew.

Many channels of Barycz were used to build ponds – which Barycz Valley is famous for – as the channels leading water to them. This environment has a strong connection with rich ornithological fauna, which find great conditions for reproduction, especially among rushes.

In the analysed 10 years (years 1995-2004), despite frequent fluctuations, the size of the tourist traffic within the checked area has risen only slightly, to the level of 26559 tourists by 705 people (3%). In the researched period the tourist traffic in Poland was by 11% higher in Poland. These value shows that there is a stable interest and popularity of the researched area among tourists. However, taking into consideration the fact that generally in Poland there is an increase in tourism, in case of Barycz Valley we can talk about stagnation.

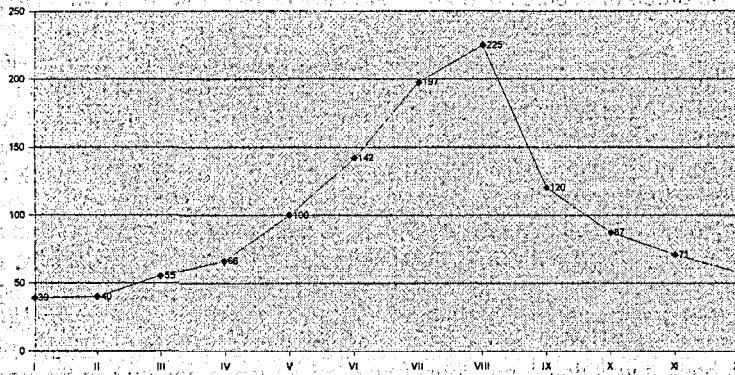
Communities where tourism traffic is noticed can be clearly divided into two groups: absolutely tourist, where 88% of the tourism traffic in the researched area is generated, and communities where the number of tourists is not high (12% of the registered people). The phenomena can be explained by high tourist attractiveness of the communities in the first group, as well as the fact that there are specific accommodation conditions, especially leisure centres and the weekend and holiday centres as well as the complexes of tourist cottages.

The above mentioned fact shows that tourism traffic in the area of „Barycz Valley” is not equally spread – there are its centres, especially in the areas which are most attractive in natural and cultural way. However, tourists tend to avoid naturally attractive areas with no tourism management.

The average length of a stay in the researched area in the last 10 years was 4 days – it may be proving the general tendency to make holiday stays shorter in order to go to a bigger number of places; apart from a few exceptions, the average length of a stay was no longer than 7 days. Hence, it is difficult to talk about a long-term tourism, but on the other hand – in the researched area the most common is a type of accommodation which encourages a development of this type of rest.

In the researched area there were also observed big fluctuations in seasonality of tourist traffic – the highest frequency of tourist arrivals was registered in August, July, June and September, while the lowest number of visits characterises January, February and March. The difference between the biggest – August – tourist traffic (225%), and the smallest – January – (39%) is 186%! The researched area is obviously characterised by high seasonality, however big tourist traffic is also observed in May and October, making this seasonality a bit smaller (picture No 2). It needs to be emphasised that the tourist traffic in the researched area is a year-long one – it is present in every of the twelve months. The phenomena is influenced especially by hunting. The fact can be easily proved by comparing seasonality of the tourist traffic with a hunting calendar (*Environmental Minister's Act Of 16th March, 2005 on setting the game hunting periods*, J.o L.5.48.459; 5). In some communities the peak of the season was moved to autumn months, in some it was extended by this time. From September to 21 December the ornithological fauna can be hunted (ducks, geese, grey herons and coots), which are the specialty of the area. Autumn is also the peak time for deer hunting – deer, roe deer and also fallow deer can be seen in the area. In spring and summer months (April – July) only boars can be hunted – hence hunting tourism is not big at this time. Here we also need to point out that hunting is the most disputatious form of tourism [6], conflicting with its other types and – what is the most important – with environmental protection.

Picture 2. Seasonality indicators for registered tourist traffic in the area of communities which are an administrative part of "Brycz Valley" Landscape Park in 2004

Source: authors' study based on the materials from statistic offices of Poznań and Wrocław.

Recurrence of tourist traffic is observed in months when the fruits of the forest can be picked – it is the turn of June and July, when blueberry has its fruits; if the years are humid enough, the season is extended even until the end of August. In August, on the other hand, cowberry can be found, a very good accompaniment to meet, especially venison. In the researched area, it in a sense replaces cranberry. In the subject area a *Rubus* type of bushes is very popular – since July different kinds of raspberry, and since August – blackberry, richly present in the area. The land of "Barycz Valley" Landscape Park is famous for mushrooms forests – the season starts here in May, and lasts – if there is no slight frost – even in November. Of course, the intensity of tourist traffic connected with mushrooming depends on weather – the more humid and warm, which means bigger possibility of finding mushrooms – the bigger the traffic is. K. Kozuchowski [4] compared the recreational need to pick the fruits of the forest with an old instinct to search food... As it is shown – it is naturally reasonable that in some communities tourist season is moved to these months.

It needs to be emphasised that both hunting and fruits of the forest gathering is forbidden in the area of national parks!

In case of angling, the situation is totally different as fisheries in the researched area are commercial and stocked with fry, so they are under the owners' regulations, and tourist traffic appears only when they are made available, in the summer peak season.

Summarising the presented information we can say that the strongest tourist traffic in the whole researched area is in summer months (July and August). There is also a significant number of arrivals in May and June, and also in Autumn – until November. The fact is connected with a specialised accommodation places (hunting quarters) and their guests, who hunt.

Concerning the size of the towns of the origin of the tourists, 60% pointed to towns of more than 100 thousand citizens! Generally, from town were over 87% of the tourists. It shows that town inhabitants choose non-urbanised and naturally valuable areas as their holiday destination; on the other hand we need to remember that tourism does not characterise people coming from rural areas.

Concluding, we can say that "Barycz Valley" Landscape Park is a recreation area of regional meaning. Visitors from places situated more than 120 km from it are rather transit tourists, who spend here only one night. In no way can we talk about a national importance of the tourist function of the researched area.

Demographic structure is important information concerning tourist traffic. Among the tourists there are more women (57%). The visitors in the area show an interesting age structure, as the group of people aged 20 to 34 is the biggest (34%). It can be explained by the fact that the existing accommodation base is quite cheap, of rather a low standard, and the level of the service quality is not the most important criteria for the youth while choosing tourist destination; available price is much more important. In the second place (16%) there is a group of children and young school people aged 8 to 19 – families with children are a very important group of tourists; what is more, sport camps are organised in Milicz for this age group. A group of elderly people is also of big significance, aged 50 to 59. Those tourists are most often people whose companies used to own company recreation centres in this area. The places were sold or privatised, but old customers still come.

Having gathered data concerning the number of given accommodation and the number of registered tourists, we can try to define the intensity of tourist traffic and the meaning of tourist function in this area. Two indicators, Charvat's and Schneider's were developed (table No 2).

Summarising the height of Schneider's indicator we need to say that the researched area does not have a well-developed tourist function (which is good when the parameter is above 100) [7], [3]. It means the area is of not too big tourist importance nationally. However, Charvat's indicator showing tourism intensity is quite high – even though it also does not exceed the value of 100 (for such areas tourism is important in their functioning).

Summarising the characterisation of the tourist traffic in the area of "Barycz Valley" Landscape Park we can say that it is mostly resting and holiday traffic, and its main participants are families with children and the youth.

Summary

Both presented protected areas are characterised by similar ecosystems – but the range of protection is different in them – that is why they can be compared.

All the presented above facts prove the thesis that creating a protected area intensifies tourist traffic, even in such specific areas, not adequate for mass tourism, like mud and water areas.

For both national and landscape parks, tourist function is one of the main ones there. Unfortunately, strongly developing tourism carries also some dangers. These are mainly too strongly developed tourist management and illegal summer holiday resorts building. Despite the risk of natural and social environment degradation which is possible in protected areas,

tourism should still be developed – of course in the conditions of balanced development. However, in national parks mass tourism function should be limited to the lagging (which has a lower protecting rigour) because of the special value of the natural environment. In a sense as a replacement, a tourist function should be developed in landscape parks – it will relieve too concentrated tourist traffic in national parks.

The researches showed the the development of tourism is irregular – which has positive results for the protected areas – it allows to protect naturally most attractive areas. In the examined parks we can observe spherical character of tourist function which is connected with the specific character of the areas: "Warta's Estuary" has lagging which keeps a part of tourist traffic, while the most valuable areas of "Barycz Valley" are protected by the sanctuary status where tourism can only have a linear character along the marked walking paths. What is more, the existing mud and water ecosystems in a way naturally exclude the interest of mass tourism with these areas, attracting to those areas mainly the travellers aware of the value of the areas, who are not dangerous for natural ecosystems; additionally – the areas are rather difficult to explore. In addition, a big part of the Landscape Park is owned by fishing farms, where trespassing is strictly forbidden and they are protected by fishing guards; while in the National Park there is park guard checking respecting the regulations. It is a beneficial situation, especially concerning protection of the nesting avifauna.

As a conclusion we need to point out that in the protected areas tourist function should not dominate. In case of national parks, the main function should be the protection of a unique – in Poland and even the world – nature. Landscape parks, however, are created in a bit less naturally attractive areas, and they should become a kind of bumper grading tourist traffic. They should also have a multifunctional character, which needs to be an aim in the areas where automatically the harmonious interaction between culture and nature must be kept, which are a part of the ecodevelopment rules. If tourism develops without them we can expect – especially in the protected areas – a catastrophe – I. Kamieniecka [2] estimates that the influence of tourism in natural degradation amounts to 6%, yet in case of towns overburdened with tourist traffic it amounts to even 40%, reached by light and heavy industry...

At the end we need to emphasise that both areas are very specific, protecting one of the biggest water ecosystems (backwaters and ponds) which is connected with tourists' specific interests. That is why the results of the researches cannot be generalised for all the landscape and national parks in Poland, but they might be the beginning for further analysis led also internationally.

REFERENCES

1. Geographical Enceaplopedia of the World (1997) Opres Journalistic and Publishing Agency, Warsaw.
2. Kamieniecka I. (1998) Ecopolitics in Tourism, Institution for Ecodevelopment, Warsaw.
3. Kowalczyk A. (2000) Tourism Geography, PWN, Warsaw.
4. Kozuchowski K. (2005) Nature Values in Tourism and Recreation, Kurpisz Publishing Company, Ltd., Poznan.
5. Environmental Minister's Act Of 16th March, 2005 on setting the game hunting periods, J.o L.5.48.459, 5
6. Szadzinski S. (1984) Possibilities and condiftions for Tourist Function Development of Narew Gorna Valley, The Centre of Scientific Researches, Bialystok.
7. Warszynska J., Jackowski A. (1979) The Basis of Tourism Geography, PWN, Warsaw.
8. Wypychowska D., Szymonski P. (2002) "Warta's Estuary" National Park, Multico, Warsaw.

ЗЕЛЕННЫЕ МАРШРУТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА

Грибов Г.М.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В последние десятилетия XX века в развитии мирового сообщества обнаружилось две масштабные тенденции. Во-первых, это быстрый рост числа путешественников, который превратил туризм в значительную по своему объему сферу экономической деятельности. Во-вторых, растущая популярность идей охраны окружающей среды, экологизация сознания человечества. Природа, ее красоты и богатства стали пониматься людьми как важнейшие общечеловеческие ценности, имеющие приоритет над многими другими факторами. Об этом свидетельствуют различные научные исследования, в том числе и проведенные нами. Сошлемся на социологические опросы, проведенные в 2000-2007 г.г. Респондентами были студенты вузов Беларуси, Польши, Германии и Украины. Опрошенным был задан вопрос с целью определения рейтинга различных ценностных факторов, в частности такой, как «возможность потреблять чистые продукты и дышать свежим воздухом». Получены следующие результаты.

Таблица 1.

	«очень важно»		«важно»	
	2000 г.	2005 г.	2000 г.	2005 г.
Белорусы	72,1	63,7	23,4	36,1
Поляки	51,6	41,0	37,5	47,5
Немцы	50,5	41,2	41,6	42,2

Таблица 2.

Опрос 2007 года

	в %	
	«очень важно»	«важно»
Украинцы	67,7	27,5
Поляки	34,5	53,4
Белорусы	70,5	26,8

Данные таблиц показывают, что оцениваемый экологический фактор имеет достаточно высокий статус в сознании опрошенных молодых людей, и особенно высок он для белорусов и украинцев, переживших 22 года назад Чернобыльскую катастрофу.

Наши исследования показывают, что городское население Бреста тяготеет «к отдыху на природе». Кого-то привлекает охота или рыбалка, сбор грибов и ягод или традиционные пикники в живописных уголках белорусской природы. Это относится ко всем возрастным категориям и социальным группам жителей, в том числе и к студенческой молодежи. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Как Вы проводите свое свободное время (досуг)?»

Таблица 3.

Ответ : «Отдыхаю на природе – «часто»	в %	
	Опрос 2000 г.	Опрос 2007 г.
	43,9	38,1
	38,1	38,4

Высокий статус экологических ценностей привел к тому, что возник и развивается спрос на виды туризма, приближающие человека к природе. В сфере туристических услуг сформировался сельский или аграрный туризм; быстрыми темпами растет количество т.н. «зеленых путешествий».

Получила определенное развитие данная сфера туризма и в Брестской области. В регионе функционируют десятки сельских усадеб; число которых из года в год растет. Образован в декабре 2006 года Общественный совет по агротуризму, который взял на себя следующие функции:

а) работа с местными органами власти по расширению данного вида деятельности;

б) пропаганда, разъяснение разработанного БОО «Отдых в деревне» Стандарта организации и классификации сельских усадеб;

в) участие в работе (организация) научно-практических семинаров, конференций, обучающих в том числе;

г) участие в рабочих группах при «Белагропромбанке», принимающих решение о выделении кредитов субъектам агротуризма;

д) работа со СМИ (статьи в газетах, интервью ТВ);

е) поиск финансовых ресурсов посредством участия в программах, проектах, направленных на развитие агротуризма в Брестской области;

ж) оказание консультативных услуг хозяевам усадеб в историко-культурном и природном описании местности, где они расположены;

з) разработка и практическое исполнение «зеленых маршрутов» на территории области и за ее пределами.

Последнее из перечисленных направлений развития агротуризма в регионе требует отдельного, более подробного рассмотрения. Следует отметить, что оно позволяет решить целый комплекс важных целей и задач. Во-первых, эти маршруты рассчитаны на мобильное передвижение туристов пешим, водным или велосипедным способом, что вполне актуально в культуре современной цивилизации, ратующей за здоровый, активный образ жизни. Во-вторых, данные маршруты позволяют посетить заповедные места, контактировать с сохранившимися природными богатствами нашего края. Неповторимыми объектами региона являются такие, как Беловежская пуца, болотные заказники «Выгощанский», «Споровский», бассейн р.Припять, которые входят в список Рамсарских территорий - особо охраняемых районов международного значения. В-третьих, они составляются таким образом, чтобы использовать для ночлега, питания уже работающие агроусадьбы и стимулировать появление новых субъектов сельского туризма. На сегодняшний день данными субъектами являются: хозяева частных усадеб в деревнях и небольших городах области, фермеры, сочетающие ведение хозяйств с приемом туристов, крупные сельскохозяйственные предприятия (ОАО, СПК). Что касается последних, то они пока слабо используют свои возможности в этом секторе экономики, хотя некоторые хозяйства (СПК «Остромечево», к примеру), серьезно готовятся занять свою нишу в данной сфере.

Уже существующие, апробированные «зеленые маршруты» можно разделить на три категории: региональные, трансрегиональные и трансграничные. Если первые две рассчитаны на передвижение по территории Брестской и смежных областей, то трансграничные походы позволяют использовать также природный и культурный потенциал наших польских и украинских соседей.

Как показал опыт реализации ряда «зеленых» маршрутов (водных, велосипедных), их участниками являются не только отечественные туристы, но и приезжие из других стран. За последние два летних сезона по территории области путешествовали представители Польши, Германии, Голландии, Бельгии, Франции и Англии. Суммируя полезный опыт реализации «зеленых» маршрутов на основе мнения их участников из разных государств, можно сделать следующие выводы:

1. Практика организации для зарубежных и белорусских путешественников данных путешествий имеет хорошие перспективы в будущем и ее нужно продолжать.

2. Существует целый ряд позитивных факторов, которые привлекают зарубежного туриста, и которыми отличается именно наш белорусский край. Это своеобразная сохранившаяся природа, гостеприимство населения, умение хозяев усадеб приготовить хорошую, качественную пищу, а также сохранившиеся в их аутентичном виде белорусские деревни, которые уже давно исчезли в Западной Европе;

3. Отрицательные факторы, которые сдерживают развитие туристического бизнеса в этой сфере, следующие. Это слабо развитая инфраструктура турсервиса (недостаточное количество усадеб, гостиниц, точек питания и др.). Не всегда сами усадьбы способны дать качественное обслуживание клиентам, не обладая достаточными санитарно-гигиеническими условиями для этого. Тормозит процесс отсутствия нужного количества дорожных указателей, специально проложенных велотрасс и дорожек. Отсутствует возможность приобрести подробные карты, позволяющие без проблем передвигаться по незнакомой местности.

Сдерживают прогрессивную тенденцию роста въездного туризма необходимость открытия виз в РБ, сложная процедура регистрации иностранных граждан в органах МВД, т.е. бюрократические процедуры, которых нет у наших конкурентов в Украине и Польше. На большинстве погранпереходов запрещено пересечение границы пешим или велосипедным способом. Исключения составляют переход в Беловежской пушке и на Августовском канале.

Среди апробированных трансграничных «зеленых» маршрутов, выделим два. Первый позволяет насладиться прелестями польской и белорусской частей Беловежской пушки, посетить два музея природы, «столицу» этнических белорусов в Польше – г.Гайнувку, исторические места г.Высокое в Каменецком районе. Второй маршрут проложен по территории Еврорегиона «Буг» и дает возможность путешествовать по территории биорезервата, расположенного на территории Беларуси, Польши и Украины. Этот маршрут охватывает уникальные природные богатства (долина Буга, Щацкие озера) и включает в себя достаточное количество интересных историко-культурных, архитектурных достопримечательностей.

Разработка и практическое функционирование «зеленых» маршрутов на территории области является одним из важнейших направлений агротуризма и существует в контексте общей концепции развития этой сферы в регионе. Следует признать, что в ней пока доминирует спорадический, во многом ситуативный и субъективный элемент при отсутствии концептуального видения проблемы. В этой ситуации представляется важным взглянуть на процесс развития агроэкотуризма как на целостный, системный процесс, обладающий определенной логикой, необходимыми этапами и взаимосвязанными элементами.

Нам представляется, что данная концепция с необходимостью будет включать в себя следующие компоненты:

1. Анализ инфраструктуры объектов агроэкотуризма в области, определение наиболее слабых мест в ней и перспектив развития.

2. Анализ субъектов агротуристической деятельности, их возможностей, с учетом специфики каждого из них.

3. Изучение историко-культурного потенциала области и рекомендации по его использованию.

4. Изучение природного потенциала региона и максимальное его включение в развитие сферы туризма.

5. Выделение и анализ приоритетных направлений деятельности различных субъектов агротуризма.

6. Выявление сильных и слабых сторон агротуристической деятельности, поиск способов эффективного использования первых и нейтрализации вторых.

7. Анализ правовой среды, выработка рекомендаций по ее совершенствованию.

8. Выработка способов интеграции местных сообществ и структур в деле развития агротуризма, и, в особенности, создание соответствующих местных повесток XXI.

9. Создание перспективного плана развития агротуристической сферы по основным регионам области и формам деятельности, поиск наиболее привлекательных зон, в которых сосредоточено наибольшее число достопримечательностей и которые в наибольшей степени приемлемы для туризма.

10. Разработка комплекса внутренних, межрегиональных и трансграничных «зеленых» маршрутов с их подробным описанием, информационным обеспечением средствами печати и Интернета.

На наш взгляд, реализация перечисленных видов деятельности позволит более быстро и эффективно развивать агротуристическую сферу деятельности в Брестской области.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ

В.А. Клицунова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Сельский туризм – новое направление экономической деятельности для Беларуси. Обобщение опыта европейских стран в области сельского туризма позволяет выделить следующие моменты, важные для стран, начинающих эту деятельность:

- правовая легализация сельского туризма придает его развитию взрывной характер;
- регулирование сельского туризма должно осуществляться на национальном уровне;
- создание собственного бренда – эффективный механизм для быстрого развития сельского туризма;
- основа сельского туризма – «человеческий фактор», поэтому обучению и воспитанию персонала следует уделять самое пристальное внимание;
- сельский туризм должен сосредоточиться на внутреннем рынке;
- создание ассоциаций или общественных объединений на ранней стадии ускоряет развитие сельского туризма.

На начальной стадии развития сельского туризма необходимо некое организационное начало, которое объединило бы людей, определило «правила игры», защитило и продвинуло их интересы. Именно поэтому в европейских странах создаются общественные объединения, ассоциации, союзы – некоммерческие, неправительственные организации для содействия развитию сельского туризма.

В нашей стране это две организации – Общественное объединение «Агро- и экотуризм» - региональная организация, созданная 20 ноября 2002 г., и Белорусское общественное объединение «Отдых в деревне» - республиканская организация, созданная 16 октября 2003 г., деятельность которой распространяется на всю страну.

Цели и задачи организаций схожи. Различаются они правовым статусом. Сначала было создано объединение регионального уровня, а через год, после накопления определенного опыта и ресурсов, - республиканское.

Основной целью БОО "Отдых в деревне", согласно Уставу организации, является содействие развитию сельского и экологического туризма. Предмет деятельности – культурная, просветительская, социальная деятельность в области экологии и туризма.

Основные задачи деятельности БОО "Отдых в деревне":

- разработка стратегий развития сельского туризма в Беларуси;
- популяризация сельского и экологического туризма среди населения;
- разработка туристских и экологических проектов, способствующих развитию сельского туризма, привлечению граждан к занятию сельским и экологическим туризмом;
- содействие созданию условий для развития экологического и сельского туризма в деревнях Беларуси;
- обеспечение качества и контроля за обслуживанием сельских туристов, соблюдение существующих стандартов;
- содействие развитию национального законодательства о сельском и экологическом туризме;
- содействие развитию международного сотрудничества по направлениям, соответствующим цели БОО "Отдых в деревне";
- содействие развитию традиционных белорусских ремесел и промыслов;
- сотрудничество с государственными органами и неправительственными организациями, гражданами по вопросам, касающимся уставных целей и задач БОО "Отдых в деревне".

Особая роль общественных объединений в развитии сельского туризма отмечена в таком важном для белорусского туризма документе, как Указ Президента Республики Беларусь № 372 от 2 июня 2006 г. «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь»:

«Для представления интересов субъектов агроэкотуризма в установленном порядке могут создаваться общественные объединения, которые имеют право:

- разрабатывать и в установленном порядке вносить предложения об установлении стандартов в сфере агроэкотуризма;
- обобщать и представлять заинтересованным юридическим и физическим лицам сведения о субъектах агроэкотуризма и оказываемых ими услугах;
- в целях поддержки агроэкотуризма создавать консультационные и информационные центры;
- взаимодействовать с туроператорами, турагентами и другими организациями, осуществляющими туристическую деятельность».

В соответствии с поставленными целями за годы работы общественных объединений сделано:

- Проведена Первая международная конференция по сельскому туризму (май 2003 г.);
- Подготовлена команда преподавателей-тренеров в области сельского туризма;
- Проведено более 50 семинаров для желающих заниматься сельским туризмом (в разных регионах Беларуси);

- Объединено около 500 членов в составе общественных объединений;
- Опубликовано более 100 статей, интервью, заметок на страницах национальных газет, подготовлено более 50 телесюжетов и телепередач по сельскому туризму, более 70 радиопередач;
- Реализовано более 10 международных проектов в области агротуризма и устойчивого развития;
 - Проведены фестивали сельского туризма «Заборский Фест» (2005, 2006, 2007, 2008 гг.) в д. Заборье Россонского района Витебской области, в котором приняли участие Министр спорта и туризма, вице-губернатор Витебской области, представители СМИ, хозяева сельских усадеб, туристы из городов Беларуси, международные эксперты;
 - Организовано постоянное присутствие стенда «Отдых в белорусской деревне» на международных ярмарках и биржах в г. Минске;
 - Обеспечено активное участие в международных конгрессах, семинарах, форумах (Первая конференция по сельскому туризму Беларуси, 2003 г.; Первый конгресс сельского туризма, Испания, 2003 г.; форум «Slow Food»; семинары Всемирной туристской организации (WTO), Украина, 2003 г., Латвия, 2003 г., Чехия, 2004 г.; Бизнес форум Клайпеда, 2005 г.; крупнейшие туристические выставки ITB, Берлин, 2006, 2008 гг., Reiseravillon, Ганновер, 2006 г.; Всемирный конгресс по экотуризму, Осло, 2007 г.; Генеральная Ассамблея Всемирной туристской организации, Колумбия, 2007 г.);
 - Издано более 10 буклетов и ряд методических пособий по сельскому туризму;
 - Принято участие в подготовке белорусско-литовской культурно-исторической экспедиции «Большой Неман - Нямунас» (июль 2006);
 - Принято участие в разработке «Национальной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2006 – 2010 гг.», «Закона о туризме» и Указа Президента Республики Беларусь № 372 «О мерах по развитию агротуризма в Республике Беларусь»;
 - Обеспечено членство Беларуси в известных организациях ЕСЕАТ (Европейский центр экологического и агротуризма) и TIES (Международное общество экотуризма);
 - Подписан договор о сотрудничестве между Белорусской и Литовской ассоциациями сельского туризма;
 - В Городокском профессионально-техническом колледже введен новый факультативный предмет «Организация приема туристов в сельской усадьбе»;
 - Совместно с Белорусским государственным институтом стандартизации и сертификации и Национальным агентством по туризму разработана классификация сельских усадеб и проведена их предварительная категоризация;
 - Организовано несколько рекламных туров по сельским усадьбам;
 - Создана образовательная программа для хозяев усадеб «Лаборатория сельского туризма», которая состоит из трех уровней (базовый, «для продвинутых»; специализированные курсы) с использованием местного опыта и лучших зарубежных методик и практик;
 - Созданы сайты – www.ruralbelarus.by, www.greenbelarus.com, www.greenways.by.

Этот далеко не полный перечень проведенных мероприятий иллюстрирует широкомасштабную серьезную работу, за которой стоит продуманная стратегия и гибкая тактика. За 5 лет работы были решены серьезные проблемы, которые стояли перед сельским туризмом Беларуси.

Во-первых, удалось провести большую информационную работу по популяризации идей сельского туризма среди широких слоев общественности. Отдых в белорусской деревне больше не является некоей экзотикой для потенциальных туристов.

Во-вторых, удалось создать «критическую массу» усадеб, необходимую для того, чтобы Беларусь смогла начать специализироваться на сельском туризме. В последнем каталоге «Отдых в белорусской деревне» - 130 усадеб.

В-третьих, удалось создать благоприятные правовые условия для занятия агроэкотуризмом: Указ Президента Республики Беларусь № 372 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь № 185 «О некоторых вопросах осуществления деятельности в сфере агроэкотуризма», «Национальная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2006 – 2010 гг.».

В-четвертых, у нас появилась программа льготного кредитования субъектов агроэкотуризма, предложенная ОАО «Белагропромбанк».

В настоящий момент в нашей стране существуют наиболее благоприятные условия для занятия агроэкотуризмом среди всех стран СНГ и ближнего зарубежья. Субъекты агроэкотуризма могут начать деятельность по заявительному принципу, при этом они освобождаются от всех налогов и платежей. На сегодняшний день главная задача в сфере агроэкотуризма – создание высококачественного конкурентоспособного продукта «Отдых в белорусской деревне» и продвижения его на внутренних и внешних туристических рынках.

Активная работа ОО «Агро- и экотуризм» и БОО «Отдых в деревне» способствовала дальнейшей институализации сельского туризма в Беларуси уже на региональном уровне. В настоящее время идет процесс формирования областных Общественных советов по развитию агроэкотуризма. Это – уникальные неформальные структуры, призванные содействовать развитию сельского туризма через создание партнерских отношений между органами власти, хозяевами сельских усадеб, туристическими фирмам, неправительственными организациями, представителями бизнеса, науки и прессы.

В задачи Общественных советов входит:

- выработка стратегии (программы) развития агроэкотуризма в области/регионе;
- привлечение граждан к занятию агроэкотуризмом;
- снятие административных барьеров в области сельского туризма;
- популяризация экологического туризма среди населения;
- оказание консультативной помощи представителям местных органов власти в вопросах сельского туризма.

Первый Общественный совет был создан 11 ноября 2005 г. при Минском облисполкоме. В состав совета входят несколько рабочих групп:

- группа по правовым вопросам;
- группа по обучению и обмену опытом;
- группа по рекламированию туристических возможностей Минской области и продвижению туристического продукта.

За время существования Общественным советом по агроэкотуризму Минской области были проведены рабочие встречи с хозяевами сельских усадеб; круглый стол «Актуальные направления развития сельского туризма в Минской области (октябрь 2007); семинар для представителей местных органов власти, направленный на обсуждение возможных путей развития сельского туризма в регионах области (июнь 2006); пресс-конференции для СМИ (март 2006, 2007).

Интересен опыт работы Общественного совета по развитию агроэкотуризма в Брестской области. Он был создан 19 декабря 2006 г. по решению Межведомственного координационного совета Брестского облисполкома по туризму при ОО «Союз предпринимателей Брестской области». Совет имеет значительный кадровый потенциал, так как в него входят представители всех основных, имеющих отношение к

агротуризму структур: хозяева усадеб, работники высших учебных заведений, представители Управления физической культуры, спорта и туризма облисполкома, работники СПК, «практикующие» туристы:

При участии Общественного совета была написана Концепция развития агроэкотуризма в Брестской области, проведен региональный фестиваль «Зорка Высокага свецьць усім» (июль 2007), круглый стол «Проблемы развития агроэкотуризма в Брестской области» (июнь 2007), семинар «Инновационные подходы к развитию агроэкотуризма в Брестской области» (март 2007), организован трансграничный велопоход по территории Еврорегиона «Буг».

Подобные общественные советы созданы и почти во всех областях республики. Эти структуры вполне адекватны потребностям сегодняшнего дня. Они – неформальны, гибко и быстро реагируют на изменяющиеся обстоятельства и возникающие потребности. Они позволяют мобилизовать местные ресурсы, вовлечь население в занятие туризмом и, что особенно важно, в процессе принятия решений.

Данная деятельность происходит при активном участии БОО «Отдых в деревне» и Программы поддержки Беларуси правительством ФРГ.

Роль перечисленных общественных институтов в области развития агроэкотуризма очень велика. Для нашей страны это – новый опыт, инновационный подход, когда общественные структуры занимаются регулированием, планированием и координацией довольно значимой сферы деятельности – агроэкотуризмом. При этом функциональная компетентность этих институтов растет; ликвидируется межведомственная разобщенность, усиливается эффективность и результативность их работы; преодолевается ситуативность деятельности, происходит стратегическое развитие по намеченной программе.

ПРИРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БРЕСТЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА

Демянчик В.Т., Демянчик М.Г.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Агроэкотуризм – важнейшая составляющая туристической деятельности во многих странах северного полушария «По мнению Генерального секретаря Всемирной Туристской организации Франческо Франжиалли, нашей стране следует сделать ставку именно на агроэкотуризм» (Клицунова, 2008) В этом же источнике отмечается: «...необходимо выделить особенно важные регионы, где можно развивать сельский туризм, а не стараться делать это везде».

В последние годы благодаря общественным, личным инициативам и государственной поддержке наблюдается заметная активизация сельского туризма, точнее – отдыха в сельской местности. Вполне оправданными на современном этапе выглядят первоочередные усилия, направляемые на общее рекламирование и вовлечение сельских жителей в сферу туристического сервиса, на обеспечение элементарных бытовых условий и здорового питания отдыхающих, прежде всего в условиях агроэкоусадб.

В то же время, для перехода от стадии простого приема гостей на селе к собственно – агроэкотуризму необходимо концептуальное представление всей модели развития агроэкотуризма в расчете на среднесрочную и дальнюю перспективу.

В нашем понимании концептуальная модель развития агроэкотуризма должна базироваться:

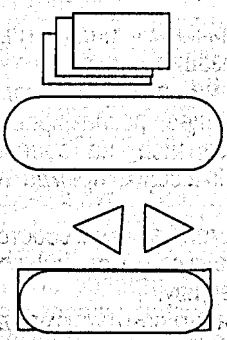
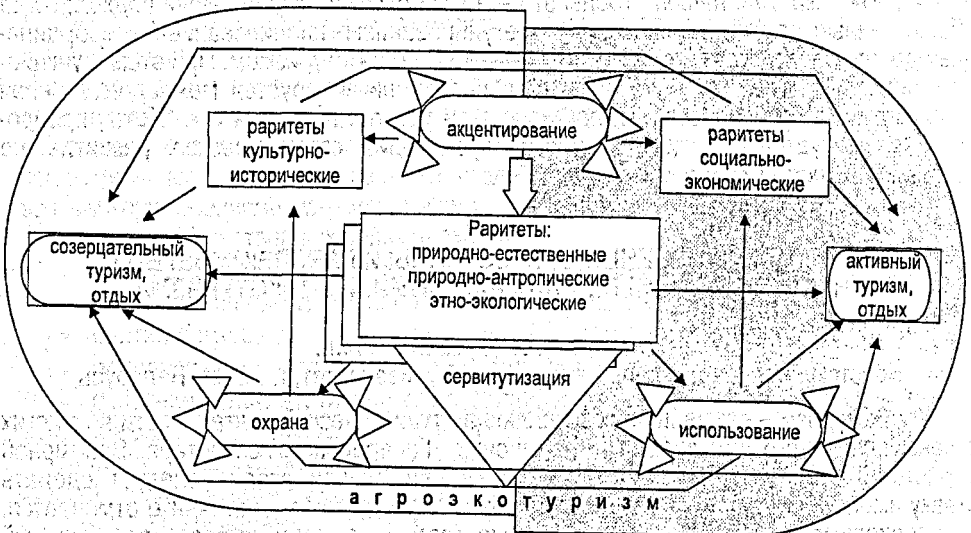
а) на ключевых участках, объектах и явлениях, отражающих своеобразие конкретного пункта или ареала туризма – раритетах;

б) на главных направлениях развития («раскручивания» – жарг.) этих раритетов: акцентирования, охраны, использования;

в) в соответствии с сервитутизацией и другими базовыми принципами;

г) в разных, в данном случае – условных, сферах агроэкотуризма (отдыха) – активного и созерцательного туризма (рис. 1).

Определяющую роль в обеспечении эффективного агроэкотуризма играет сочетание природных и социально-этнических достопримечательностей конкретной местности, в первую очередь – раритетов. Для этого необходима целенаправленная работа в направлении акцентирования этих раритетов. Акцентирование раритетов целесообразно осуществлять в 3-х формах: логистической, институциональной, технической. Логистическая форма акцентирования в широком смысле предполагает разные подходы. Научный подход включает обследование, анализ литературы и т.д. по выявлению раритетов конкретной местности: существующих и исчезнувших. При этом определяется эндемичность, реликтовость, сравнительный статус выявленных раритетов.

Раритеты (ключевые участки, объекты, явления) агроэкотуризма.

Главные направления развития агроэкотуризма.

Принципы развития агроэкотуризма.

Условные сферы агроэкотуризма, отдыха.

Рис. 1. Концептуальная модель развития агроэкотуризма

Методический подход предполагает разработку и опубликование специальных пособий, инструкций, методичек и т.д. Популяризация, реклама через средства массовой информации, информирование через интернет-ресурсы – также непременная составляющая в акцентировании раритетов. Более подробно методические подходы по акцентированию природных, природно-антропических и социально-этнических достопримечательностей экологического характера на примере Белорусского Полесья рассматриваются в отдельных работах (Демянчик, Демянчик, 2007). Принципиальное значение имеет популяризация конкретных раритетов агроэкотуризма адресной направленности. В этом отношении по инициативе Управления по физкультуре, спорту и туризму Брестского облисполкома начался выпуск серии популярных иллюстрированных брошюр («Экологический туризм Брестчины»).

Институциональная форма акцентирования предполагает проведение разнообразных образовательных курсов, семинаров, фестивалей, форумов, создание неформальных объединений людей, общественных акций и т.д., направленных на привлечение управленческих органов, общественных объединений, местных жителей к конкретным раритетам или их совокупности. Примером такой формы может служить образовательный курс «Экологическое краеведение» для студентов естественно-научных специальностей в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина.

Техническая форма акцентирования предусматривает обустройство различных объектов материальной инфраструктуры: агроэкосадеб, визит-центров, охотничьих, рыболовных, туристических баз, экологических троп, музеев, выставок, малых архитектурных форм (стационарных стендов, аншлагов, беседок) и т.д. непосредственно на месте расположения конкретного раритета или на его периферии. Современные технические подходы в обеспечении агроэкотуризма рассматриваются в различных публикациях и интернет-источниках (Бочин, 2004; Тропа..., 2007; и др.). В этом отношении заслуживает особого уважения одна из старейших (и постоянно действующих) экологических троп Беларуси в парке Поречье Пинского района (куратор Рыжко Г.Н.).

Акцентирование раритетов – направление перманентного характера, в которое могут быть вовлечены люди самых разных возрастов и профессий. Это направление одинаково актуально как для созерцательного туризма (образовательных, краеведческих, обзорно-развлекательных экскурсий, походов, прогулок, терренкуров), так и для активного туризма (охотничьего, рыболовного, водного и т.д.).

Выявленные раритеты могут быть поддержаны путем рационального, прежде всего – традиционного, использования. Например – поддержание травянистой растительности пойменного луга путем ручного сенокосения или умеренным выпасом домашними животными. Использование, как направление развития активного или созерцательного туризма предполагает также вовлечение того же пойменного луга в информационное поле, например, агроэкосады путем целенаправленной экскурсии или адресной рекламы.

Во многих случаях необходима официальная охрана раритетов, например, в статусе особо защищаемых участков, памятников природы, памятников истории и культуры (природно-антропические раритеты), заказников. Нормативно правовая база по этому направлению в Беларуси достаточно развита.

Среди принципов, на которых желательна реализация конкретных направлений, специально выделена сервитутизация (рис. 1). Сервитуты как форма управления природным ресурсом местной общиной имеет многовековую историю, прерванную на Брестчине в 1939 году. Восстановление сервитутного права не только на землю, но и на все без исключения иные ресурсы (лесные, сенокосные, рыболовные, охотничьи,

прочие животные и растительные промыслы) в ареале конкретной деревни, усадьбы, позволит восстановить чувство хозяина у коренных жителей местной общины и в значительной мере послужит гарантией надлежащего сохранения природного наследия для нынешнего и будущих поколений.

Одна из серьезных задач по развитию агротуризма, требующих неотложного решения – акцентирование раритетов. Здесь требуются усилия ученых, специалистов, учащихся, студентов, краеведов, старожилов. По тематическому содержанию раритеты (участки, объекты, явления) делятся на три группы:

I. Природно-естественные: космос, атмосфера, вода, земля, недра, ландшафты, биологические сообщества, виды растений и животных.

II. Природно-антропоические: природные и техногенные объекты, представляющие особую хозяйственную, историческую, культурную значимость. Например, старинные парки, каналы, строения из местных материалов, застройка в гармонии с природным окружением, фортификации с уникальными фаунистическими комплексами и т.д.

III. Социально-этнические. Раритеты этой группы иллюстрируют особенности природного окружения в диалектах, фольклоре, этнографических проявлениях, местных промыслах, агрокультуре и т.д.

Кроме этого необходима оценка раритетов по функциональному и ранговому статусам.

Функциональный и ранговый статус раритетов (участков, объектов, явлений).

Функциональный статус раритетов (участков, объектов, явлений).

A. Участки (объекты) повышенной ландшафтно-биологической значимости: Для охраны природы и экологического образования (обеспечение информационно-туристической среды).

Б. Участки (объекты) повышенной ландшафтно-архитектурной значимости: ландшафтно-эстетической, декоративно-парковой, культурно-исторической. Для сохранения ландшафтно-архитектурной среды.

В. Участки, объекты, явления повышенной социально-экологической комфортности, формирующие благоприятный для человека экологический фон: электрофизический, газохимический, акустический, микроклиматический, – обеспечивающие безопасные условия прогулок, кратковременного отдыха, оздоровительных мероприятий. Для сохранения социально-экологической (рекреационно-туристической) среды.

Г. Участки, объекты, явления, нуждающиеся в мероприятиях по нейтрализации неблагоприятного естественного и техногенного воздействия на организм человека. Для нейтрализации критических экологических ситуаций и оптимизации оздоровительно-туристической среды.

Д. Утраченные раритеты.

Ранговый статус раритетов (участков, объектов, явлений).

1. Глобальный (для планеты Земля).
2. Континентальный (для материка Европа).
3. Европейский (для части света Европа).
4. Центральноевропейский, национальный (для центральной части Европы, для территории Беларуси).
5. Региональный, южнобелорусский (для территории южной части Беларуси, для территории Белорусского Полесья).
6. Субрегиональный, западнополесский (для территории Брестской области).
7. Местный, брестско-полесский (например, для территории Брестского Полесья, для территории Брестского района).
8. Локальный (например, для территории города Бреста, для территории одного из 4-х азимутальных секторов пригородной зоны).
9. Локальный-макро (для территории микрорайона).

10. Локальный-мезо (для территории одного из 5-ти азимутальных секторов микрорайона).

11. Локальный-микро (для территории улицы).

12. Локальный-нано (для дворовой территории усадьбы).

Функциональный и ранговый статус раритетов устанавливается по системе научных или ведомственных критериев.

Например, глобальный статус предполагают объекты, утвержденные дипломами ЮНЕСКО. Среди 4-х природно-естественных и природно-антропогенных объектов этого статуса на территории Беларуси, 3 находятся на Брестчине: биосферные резерваты «Беловежская пуща», «Прибужское Полесье» и Дуга Струве. Кроме того, глобальный статус имеют 4 территории Брестчины, где обитают наиболее многочисленными на планете группировки редких животных.

По современным оценкам среди 6-ти административных областей Беларуси Брестчина имеет наиболее высокий индекс раритетности природных объектов глобального, континентального, европейского, центральноевропейского статусов.

Природный потенциал Брестчины относительно высок. Ниже приводим только отдельные примеры агротуристических акций, репрезентирующих структурно-тематические особенности природы региона.

- Посещение (с проведением эксперимента по натуральному выживанию) центра самой крупной в Беларуси территории, не заселенной людьми по природным причинам (заболоченности) на выгощанских болотах.

- Посещение песчаной безжизненной долины на месте самой большой деревни Беларуси, сожженной вместе с жителями осенью 1942 года за Бобровицким озером.

- Посещение регионов, где во Вторую мировую войну в Беларуси 2 человека повторили подвиг Ивана Сусанина: 12-ти летний Баран Т.М. 22.01.1944 г. в непроходимой трясине пружанских болот и 70-ти летний Цуба М.С. 15.02.1943 г. в болотистой долине р. Лань. В настоящее время эти места во многом изменились.

- Посещение региона, где в 1930-е годы 10-ти летний житель Пинского Полесья отбил из зубов волка и спас жизнь грудного ребенка (оба человека живут и по ныне).

- Знакомство с людьми, проявившими выдающийся альтруизм в непростых социально-экономических ситуациях, в том числе – благодаря местным ландшафтно-природным особенностям.

- Посещение мест, удививших цивилизованный мир фактом рекордной робинзоады 20-го столетия, где из-за непонимания местных властей житель д. Бостынь ушел из дома, 42 года в одиночку прожил среди лесов и болот на севере Лунинецкого района.

- Посещение мест, где «происходили» приключенческие происшествия, описанные в романе Я. Мавра «Полесские робинзоны» и мест, где снимался художественный фильм «Полесские робинзоны» в центральной и северо-западной частях Полесья.

- Посещение крупнейшей в Белорусском Полесье немецкой фортификации времен Первой мировой войны в Поречском парке, русских окопов в болотах под Телеханами, польского памятника умиротворения в Невеле Пинского района.

- Посещение окопов на утесах реки Западный Буг, где, умело используя тактические условия местности, небольшая погрангруппа провела один из самых успешных оборонительных боев на западной границе СССР летом 1941 года.

- Посещение фрагментов «Полесского железнодорожного феномена» (в первые 20 лет XX века густота железнодорожной сети Западного Полесья превышала современную более чем в 10 раз; несмотря на высокую заболоченность).

- Обзорное посещение объектов старинной ландшафтно-архитектурной (парковые пруды, лугопарки, выгоны и т.д.) культуры прошлого в поймах рек Стырь, Припять, Рита.
- Посещение и оценка природных достоинств участков наиболее обширной в Беларуси уположенной равнины в Пинском Полесье.
- Посещение и оценка природных достоинств уникальных для Европы массивов древних континентальных дюн в Брестском и Пинском Полесьях и выходов кристаллического фундамента недр Земли.
- Посещение и оценка природных достоинств крупнейшего на юге лесной зоны Европы верхового болота и дюнно-болотного комплекса, обусловленного влиянием задровской равнины в Пинско-Ровенском Полесье.
- Посещение и эколого-краеведческая оценка трех из четырех наиболее крупных сохранившихся в Европе массивов открытых болот: Споровского, Званца, Дикого.
- Посещение и эколого-краеведческая оценка «Европейской Амазонки»: пойменно-руслового комплекса в долине Припяти.
- Посещение и обследование навигационных каналов: королевы Боны – самого старого в Беларуси; Огинского (Великого) – первого трансбассейнового в Восточной Европе; Днепровско-Бугского (Королевского) – самого большого в Беларуси; Микашевичского – самого современного в стране; Стытычевского – самого первого и крупного «дворцово-замкового»; осмотр наиболее старинных в стране шлюзов, паромов, волок, пристаней, баз речных флотилий.
- Посещение мест романтизированных версий «Море Геродота», «Реки богов», «Родины Овидия».
- Посещение в долине Припяти местности с пойменно-островным типом расселения – практически исчезнувшим в других регионах Европы, изучение архаичных адаптаций хозяйства к условиям постоянно высокой обводненности.
- Выяснение генезиса таинственных «камней Киркора», популярных в народной медицине ушедших столетий, камней «растущих из земли» и современных аналогов янтареобразования.
- Посещение и обследование участков среди богатейших по составу или старейших: пойменно-речных дубрав, пойменно-озерных дубрав; плакорных дубрав; болотных суборей; коренных грабняков, ильмовников, белотопольников, чернотопольников, ветляников, пойменно-речных лугов, мелкотабунно-пастбищных лугов и болот.
- Посещение и обследование участков среди крупнейших по площади или биологически уникальных для территории Беларуси островных ельников, островных белопахтарников, «полесских альваров» (островных можжевельников редколесий); островных карелоберезняков; островных низкоберезняков, островных ольсов (ельво-ольховых сообществ), черноольшанников, пушистоберезняков, повислоберезняков, черноберезняков, вторичных грабняков, сосново-омеловых редколесий, суходольных березняков, суходольных сосняков, берестий, вишневников, «полесских мангров» (обводненных ольхово-ивняковых сообществ); болотных сероивняков, терновников, плющевников, омеловников, пасленников, вересковых и можжевельников пустошей, песчаных пустошей, открытых низинных и переходных болот, верховых болот и болотноверховых мелколесий, открытых и речных пойм, ксерофитных лугов, озерных, ручьевых и прудовых литоралей, приозерных сплавин и трясин.
- Посещение участков малоизученных или «проблемных» пойменных и водораздельных лесолугов, исчезающих озерных акваторий, лесных грудов обширных болот, а также – недоступных для наземной техники и трудно проходимых болот и лесов. Ознакомление с экологическими эталонами полесских лесов, лугов и болот.

- Осмотр редких морфогенетических разновидностей деревьев (воротничковые, змеевидные, пирамидальные, остроочешуйчатые и другие формы).

- Ознакомление с наиболее полнодревесными или старейшими в Беларуси и Белорусском Полесье экземплярами: дуба черешчатого, ели обыкновенной, сосны обыкновенной, березы черной и карельской, ильма горного, береста, ивы белой, ивы ломкой, вишни птичьей, граба обыкновенного, липы мелколистной, клена остролистного, черемухи обыкновенной, боярышника отогнуточашелистикового, бересклета европейского, можжевельника обыкновенного, плюща обыкновенного, паслена сладкогорького, жостера, терна, тополя белого.

- Ознакомление с современной агрокультурой, включая оценку старинных и современных ассортиментов сельскохозяйственных и декоративных растений, и достижениями энтузиастов-селекционеров; осмотр образцовых и проблемных объектов озеленения усадеб, населенных пунктов.

- Ознакомление с представителями основных хозяйственных групп дикорастущей растительности, включая неизвестные ранее в литературе «грибы-пластыри», «съедобный мох», «вязальные прутья», «зимние съедобные костянки», съедобные камеди и т.д.; изучение видов экстремального продовольствия в неблагоприятные времена прошлых эпох.

- Посещение и обследование «живых музеев-миниатюр» иноземных флор (участков активного роста и естественного (!) размножения в местных условиях интродуцированных в прошлом деревьев и кустарников). В том числе – крупнейшие, старейшие или биологически уникальные в условиях Беларуси: бучины, пихтарники, дугласники, красnodубняки, лиственницы, лапидарники, банксососняки, веймутсосняки, желтососняки, лицинники, караганники, «шароивняки», рябинники, облепихники, ореховники, шелковичники.

- Обследование примечательных деревьев-экзотов (единичных, старейших или уникальных для Беларуси по другим параметрам): карии овальной, катальпы бигнониевидной, бука лесного, дугласии сизой, лиственниц (европейской и японской), сосны веймутовой, ели колючей, туи западной, кипариса болотного, ив вавилонской и желтой, ложноконского каштана, шелковицы белой, лириодендрона тюльпанного, орехов (грецкого, маньчжурского, черного и Зибольда), дубов (красного, бархатистого и болотного), тополей (пирамидального и евроамериканского), персика, липы войлочной.

- Обследование единичных и наиболее высоко концентрированных для Беларуси мест роста интродуцированных в прошлом или неясных по происхождению видов, удаленных от основного ареала: тюльпана лесного, вольфии бескорневой, костенца постенного и волосистого, королевского папоротника, веселки Хадриана и др.

- Экскурсионно-обзорное посещение биотопов или контактное изучение в ключевых местах жизни всех глобально уязвимых (и приравненных к ним) видов животных, обитающих в Беларуси: норки европейской, подорлика большого, коростеля, нырка белоглазого, дупеля, вертлявой камышевки, орлана-белохоста.

- Экскурсионно-обзорное посещение ключевых мест на путях глобальных и трансконтинентальных миграций и экспансий: угря, азово-черноморских бычков, дрейссены, ржанкообразных и гусеобразных птиц, летучих мышей, бабочек-нимфалид, бабочек-совок.

- Посещение мест медвежьих охот 19-го века, пользующихся европейской славой в бывших магнатских угодьях Радзивиллов; осмотр уникальных охотничьих трофеев тех времен.

- Экскурсионно-обзорное посещение и оценка первых в Беларуси охотничьих резиденций правительственного уровня по пернатой дичи; встречи со старейшими охотниками.

- Знакомство с тремя наиболее популярными в регионе местами и современными особенностями национального и иностранного охотничьего туризма;

изучение угодий-доноров по расселению в СССР бобра; изучение мест первых в Беларуси выпусков и биологии инородных видов охотничьей фауны: ондатры, американской норки, енотовидной собаки, енота-полоскуна.

- Экскурсионно-обзорное посещение наиболее древних в Беларуси (по археологическим источникам) рыболовецких поселений, сохранивших традиции по настоящее время, в Пинском районе; посещение мест расположения древнейших объектов коллективного рыболовства – езов; посещение и оценка возможностей популярных объектов современного спортивного рыболовства.

- Посещение и обследование озер, где впервые в Беларуси проведена акклиматизация или случайный выпуск сомика канадского, сомика канального, карася серебряного, травоядных рыб, пираньи, тропической креветки; посещение рыбхозов (в том числе старейшего и крупнейшего в Беларуси) и изучение основ интенсивных технологий современного рыбоводства.

- Апробирование доступных способов рыболовства и гастрономических достоинств местных видов рыб.

- Ознакомление с местами первых в Беларуси внедрений и особенностями промыслов экспортного направления (виноградная улитка, лягушка съедобная, креветка тропическая); промыслов былой «детской» коммерции (крот); перспективных промыслов (жабы); неординарных современных промыслов (двустворчатые моллюски, еж), других редких промыслов. Апробирование способов промысла и гастрономических достоинств в отношении отдельных видов и оценка современных способов отпугивания вредных птиц, крота, кабанов и т.д.

- Посещение мест первых в СССР промыслов гадюки обыкновенной.

- Посещение или теоретическая ретроспектива возможных мест расположения «статутных промыслов»: ловов звериных, куньих, попеличьих, пташких; пташких гнезд; бобровых гонов; езов и ловов осетровых, щучьих, сазановых, земель бортовых:

- Встречи материальных следов в природе, непосредственное ознакомление и повествование практиков (включая носителей опыта с уст прошлых поколений) по реликтовым способам: сбору червеца, копанию выюна, сбору гастрономическому, терапевтическому и магическому использованию яиц птенцов и взрослых особей животных (чаек, уток, голубей дятлов, «шуляков», грачей, летучих мышей, змей, жерлянок и т.п.).

- Ознакомление с традиционной декоративной зоокультурой содержания видов диких животных в домах и усадьбах (черепаш, зайцев, сонь, белок, певчих птиц и т.п.).

- Ознакомление с многообразием регионального пчеловодства, осмотр сохранившихся до наших дней действующих бортей – как материального реликта древнейшей формы животноводства еще доисторических жителей лесной зоны.

- Выявление прецедентов полувольного содержания домашних животных (гусей, свиней, телят) в Центральном и Западном Полесье и многих случаев «одомашнивания» диких зверей и птиц.

- Посещение хозяйств и усадеб вольерного содержания пятнистого оленя, нутрии, ондатры, лани, африканского страуса, экзотических птиц и других животных.

- Знакомство с видами или их местообитаниями, ареал которых распространился или возобновился на территории Полесья в течение последних десятилетий: лебедя-шипунa, лебедя-кликуна, кольчатой горлицы, дятла сирийского, американского полосатого рака, желтоголовой трясогузки и др.

- Посещение местности, где был запланирован первый в Европе болотный заповедник, а в 1999 г. создан заказник «Ольманские болота».

- Посещение и обследование Беловежской пушчи – наиболее «титulóванной» особо охраняемой природной территории Беларуси и Европы, а также одному из наиболее изученных природных территорий планеты, где расположен наиболее крупный и старейший лесной массив на равнинах Европы.

• Посещение особо охраняемых природных территорий (или их буферных зон) международного, национального и местного значения: национальных парков, биосферных резерватов, республиканских и местных заказников и памятников природы; ключевых орнитологических территорий, лесов высокой природоохранной ценности (ЛВПЦ) и ключевых ботанических территорий (проектируемых), Рамсарских угодий; экологических коридоров ECONET (общеевропейского значения).

• Ознакомление с современными биотехническими средствами увеличения численности охраняемых животных. Изучение ассортимента традиционных биотехнических средств народной и лесохозяйственной практики. Выявление на местах высокоэффективных и неординарных биотехнических объектов (бельчатников, синичников, ласточников и т.д.) достойных для широкой популяризации и массового внедрения.

Более подробно природные особенности Брестчины рассматриваются в ряде работ (Демянчик, Михальчук, Самусевич, 2001; Красная..., 2004, 2005; Энциклапедыя..., 1983-1986)

Таким образом, природный потенциал Брестчины относительно высок и перспективен для использования в разнообразных сферах и видах агрозотуризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочин, Л.А. Методические рекомендации по оформлению экологических и научных троп на особо охраняемых природных территориях города Москвы / Л.А. Бочин. – М., 2004. – 22 с.
2. Демянчик, В.Т. Природа Брестчины на рубежах столетий / Демянчик В.Т., Н.В. Михальчук, В.П. Самусевич. – Брест : Издатель С.Б. Лавров, 2001. – 170 с.
3. Демянчик, В.Т. Полесская робинзоада: Экспедиционная полевая практика по экологическому краеведению / В.Т. Демянчик, М.Г. Демянчик. – Брест : Альтернатива, 2007. – 49 с.
4. Демянчик, В.Т. Заказник «Выгонощанское». Экологический туризм Брестчины / В.Т. Демянчик, М.Г. Демянчик. – Брест : Альтернатива, 2008. – 23 с.
5. Клицунова, В. Введение / В. Клицунова // Сельский туризм Беларуси. – 2008. – С. 1.
6. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, Национальная академия наук Беларуси; гл. редкол.: Л.И. Хоружик [и др.]. – Минск : БелЭн, 2004. – 320 с.
7. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, Национальная академия наук Беларуси; гл. редкол.: Л.И. Хоружик [и др.]. – Минск : БелЭн, 2005. – 456 с.
8. Энциклапедыя прыроды Беларусі. – у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ., 1983-1986. – 5 т.
9. Сборник российского и зарубежного опыта по созданию экологических троп / Тропа в гармонии с природой. – М., 2007. – 176 с.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА В РАЗВИТИИ АГРОЗКОТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

В.С. Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Охрана природного и историко-культурного наследия не исключает его активного использования. Пропаганда знаний о нем способствует повышению уровня экологической и гуманитарной образованности людей. Потенциал имеющегося наследия должен быть использован для привлечения новых средств в экономику, повышения качества и условий жизни людей. Высокие экологические требования к современному образу жизни заставляют задуматься над тем, как извлечь из уроков истории правильные выводы и создать

оптимальные условия сосуществования природы и человека. Решающая роль в этом процессе принадлежит человеку, а результат будет зависеть от избранного направления приложения физических и духовных сил.

Агротуризм представляет одно из перспективных направлений развития экономических отношений. Интенсивность развития этой области зависит от капиталовложений в создание условий пребывания туристов и совершенствования методических рекомендаций. Совокупно они являются отправной точкой организации туристической инфраструктуры агротуризма в Брестской области. Структура туристической сети формируется под влиянием природного и культурного факторов. Это заставляет обратить внимание людей, занятых в данной сфере, на культурные особенности региона. Многообразие аспектов человеческой жизни позволяет выделить ряд сфер приложения людских усилий, которые представляют интерес для туристов. Учитывая их, можно значительно повысить ценность пребывания людей в данной местности, т.е. использовать туристический потенциал региона в более полном объеме.

«Движения человеческой души» приобретают самый разнообразный облик. Далее мы в самых общих чертах выделяем те виды культурной деятельности, которые представляют ценность для развития агротуризма на Брестчине, и их результаты:

1. Заповедные природные места. На территории Брестчины встречаются места, где присутствие человека на протяжении многих веков было практически не заметно. Это, главным образом, обусловлено волей населения, т.е. отказом от активного вмешательства в состояние природных объектов. Такое состояние было связано с особенностями традиционной экологической культуры, которая в ряде случаев налагала ограничения на использование «Божьих угодий». К этому разряду относились памятные места (озера, деревья, родники, болота), в отношении которых существовал запрет на проведение каких-то действий (вырубки, ловли рыбы и дичи, купанья, сбора ягод). Такие запреты могли действовать на время определенного сезона и даже дней. Многие из подобных мест имеют локальные легенды (о провалившейся церкви, змеином празднике, трагической свадьбе и т.п.). Такие угодья имеют образ непривлекательных для человека (глухих, опасных) или особо значимых (святых). Многие современные экологические организации заинтересованы в распространении подобного опыта традиционного сознательного и неосознанного бережного отношения к экологическим ядрам. В ряде случаев подобные объекты находятся под особой охраной государства, что повышает привлекательность информации о них.

2. Традиционные промыслы. Первыми поселенцами Брестчины были люди, которые зависели от определенного вида животных и растений. Охота, рыболовство, пчеловодство и собирательство не исчезли и с появлением земледелия и животноводства. Если со временем охота была ограничена, то прочие виды традиционных промыслов существовали в неизменном состоянии долгое время. Некоторые из них не изменялись в течение тысячи лет. Сбор ягод и грибов - важное занятие жителей края по сей день. В некоторых местностях сохранились архаичные борти, езы для ловли рыбы. Не следует забывать, что на плодах традиционных промыслов (травах, ягодах) основана традиционная медицина, рецепты которой также являются прекрасным свидетельством симбиоза природы и человека. Традиционные промыслы не подрывают существующий природный баланс. Знакомство с ними представляет интерес для агротуристов.

3. Традиционное земледелие и животноводство. Экологичность продуктов традиционного земледелия и животноводства широко известна. Несмотря на широко внедрившиеся

достижения индустриальной революции, на Брестчине существует возможность видеть их проявления. Там, где этот процесс не механизирован (процесс, связанный с выращиванием и обработкой сельскохозяйственного продукта в малых объемах, заготовка сена, способы просушки, приготовление корма, выпас в естественных условиях, использование животных в работах, конный транспорт) туристы могут с ним познакомиться. Календарная обрядность, связанная с земледелием и животноводством, в культуре Брестчины богата и разнообразна (первая борозда, первый выгон скота, посадка отдельных растений (льна, капусты), жайки, дожинки, освящение плодов и др.). Она обладает эстетической привлекательностью и отражает элементы традиционной культуры природы.

4. Кухня. Аграрная культура и особенности местной флоры и фауны формируют локальные кулинарные традиции. Первую группу продуктов и блюд из них составляют те, которые человек берет из природы в готовом виде. Часть из них может быть редко используема другими кухнями. В некоторых сезонных блюдах их присутствие считается обязательным. Сезонный характер имеют многие блюда, ориентированные на культурные растения и животные. Иные культуры составляют постоянную основу кухни. Процесс приготовления пищи, в частности, термическая обработка, доли используемых продуктов часто имеют узколокальные черты. Часть блюд используется только в особо торжественных случаях, а порядок их употребления имеет ритуальный характер. В ряде случаев за столом могут использоваться алкогольные напитки собственного приготовления: пиво, наливки, бальзамы. Информирование туристов об этих особенностях повышает ценность и привлекательность трапезы.

5. Традиционные ремесла. Кузнечество, гончарство, ткачество, вышивка, шитье одежды, бондарство, столярные, плотничьи работы. Их особенностью является то, что они представляют технологии работы с подручным природным материалом. Как и многие другие традиционные виды деятельности, традиционные ремесла имеют утилитарно-эстетический характер. В работах мастеров эстетическая сторона часто преобладает над утилитарной, а потому многие из изготовленных вещей являются памятниками традиционного искусства. Такие предметы, невзирая на простоту использованных средств, отличаются гармоничностью форм и образов. В частности, усадебное строительство в целом ряде случаев представляет собой богатые, локально оформленные архитектурные комплексы. Поскольку ремесленник не придерживается шаблона, его произведения создаются в единичных экземплярах. Ремесленные изделия делятся на два класса: бытового и торжественного характера. К последним относятся те, которые используются в особых случаях и в особых местах (праздничная одежда и посуда, покрывала и подушки, убранство «красного угла», фасад здания, сакральные объекты и др.).

6. Фольклор. Важнейшая составляющая традиционной духовной культуры – это устная народная традиция. Она передается локальным языковым кодом – говором, диалектом. Основу фольклора составляют устойчивые тексты и выражения: приветствия, поговорки, загадки, предания, сказки, небылицы, анекдоты и песни. Наиболее эмоционально окрашен песенный фольклор. Он представлен несколькими жанрами, из которых наиболее распространены бытовой, лирический, календарный и семейно-обрядовый. Последние, как правило, сопровождают последовательно развивающиеся обрядовые действия. Народное творчество также находит свое выражение в таких видах искусства, как музыка и танец.

7. Коммуникации. Обстоятельства и характер коммуникации имеют для туриста или организаторов его пребывания большое значение. Информация о ней и имеющиеся средства должны активно использоваться. Возможность попасть в регион при помощи современных средств передвижения (автомобильных, железнодорожных и воздушных) отражается на привлекательности предложений. Внимание также должно быть уделено тем современным средствам, условия для эксплуатации которых еще не соответствуют

должному уровню. Прежде всего, это касается велосипедов. Традиционные средства и способы передвижения следует также активно использовать в момент пребывания туриста в регионе. В первую очередь речь идет о водном и конном транспорте, ввиду экологичности и силы эмоционального воздействия. Длительные маршруты могут быть проложены по (или вдоль) локальных и/или исторических трасс – рек, каналов, трактов. В маршруты следует включать гребли, паромы, кладки, перелазы и т.п..

8. Промышленность и сельское хозяйство. Ряд исторических объектов сельскохозяйственной и промышленной архитектуры обладают эстетической притягательностью. Главным образом, это пионеры промышленности и интенсивного сельского хозяйства XIX – начала XX веков, выполненные в т.н. кирпичном стиле: амбары, мельницы, заводы. Интерес может вызывать и техника, используемая в хозяйстве второй половины XX века при реализации проектов активного воздействия на природную среду: при создании мелиоративных систем, добыче торфа, внесении удобрений и т.п.. При развитии агротуризма должен также использоваться потенциал качества изделий современного сельского хозяйства и промышленности. Местная промышленность (деревянообрабатывающая, мебельная, мясо-молочная, хлебная и т.п.) во многом ориентирована на традиционное для региона сырье. Организация пребывания туристов в регионе должна создавать возможность познакомиться с лучшими образцами продукции местной промышленности. Прежде всего, речь идет о доступности устной и письменной информации о них, магазинов.

9. Измененный природный ландшафт. На территории области есть много мест, которые отражают изменения ранее существовавших экосистем. Это, главным образом сельскохозяйственные угодья. Их расположение зачастую воссоздает картину освоения этих земель человеком. На одних угодьях велось интенсивное, на других экстенсивное хозяйство. И в том и другом случае части прежних экосистем могли сохраниться или полностью исчезнуть. В отдельных случаях можно наблюдать примеры ренатурализации или негативных последствий природопользования. Сервитутные территории (луга, леса), на которых проводится умеренное природопользование, зачастую сохраняют уникальные экосистемы, запрет на вмешательство в состояние которых человека приведет к их деградации и даже гибели. К чрезвычайно интересным объектам трансформации природного ландшафта принадлежат парки, в особенности ландшафтные парки.

10. Объекты военной истории. История развития средств вооружения и защиты и последствия этого развития оставили много следов в регионе. Потенциал этой стороны человеческих отношений также следует, по возможности, использовать. В первую очередь это касается мест боев и сражений, старых полигонов, оборонительных сооружений и мест расположения подразделений разных эпох (замки, крепости, башни, казармы, штабные помещения, землянки, окопы и др.), памятников и мемориалов (в т.ч. пострадавшему гражданскому населению), воинских кладбищ и захоронений. Некоторые сооружения, имеющие основное гражданское назначение, в частности монастыри и храмы, также возводились с учетом военных конфликтов или заметно пострадали от них.

11. Сакральные объекты. В регионе имеются памятники, связанные с разными религиозными культурами, жизнью религиозных деятелей, необычными религиозными событиями. Православие, униатство, католицизм, протестантизм, ортодоксальный иудаизм и хасидизм (реформированный иудаизм) оставили свои следы в истории и культуре региона. Это храмы, монастыри, молитвенные дома, предметы культа. Часть из них одновременно относится к выдающимся памятникам искусства (архитектуры, живописи, скульптуры, ювелирного искусства). Концентрация художественных ценностей в таких местах традиционна. Кроме того, традиционные христианские конфессии – православие и католицизм – располагают особо почитаемыми местами: чудотворными иконами, местами объявления Богородицы, мученической смерти и жизни святых и др. Каждое имеет соответствующее истории предания, а культ их особо торжественен. Некоторые праздники имеют локальное значение и собирают

прихожан близлежащей округи. Торжественность момента и сопровождающие его гуляния и ярмарки также удобны для включения их в программу пребывания туристов.

12. Люди искусства. Таланты не рождаются на заказ, но мало найдется таких мест, где бы ни было земляков, посвятивших часть своей жизни искусству. Это, главным образом, поэты, писатели, художники, скульпторы. Разные люди, с разными достижениями. Одни создали свои произведения в примитивной технике, другие достигли совершенства в сложной. Некоторые прожили на одном месте всю свою жизнь, другие связаны лишь корнями. Часть из них наши современники, иные жили раньше. Работами можно полюбоваться или в местном музее, или в доме самого мастера, или у его потомков. Редкие люди могут устоять перед обаянием творческой личности и ее работ.

13. Романтические места. Научные догадки и воображение создали много образов мифического характера. Они касаются мифических мест захоронений реальных исторических личностей, или фантастических существ, предпологаемых прародин народов и торговых путей древности, несуществующих природных объектов и городов, следов и мест обитания мифических животных, контактов с неизведанным (НЛО, духами) и т.п. Умиляющий образ таинственности имеет сохранившаяся практика традиционной медицины и обрядности (заговоры, гаданья).

14. Ностальгическая обстановка. Часть туристов привлекают места, связанные с частью их жизни, происхождением предков и знаменитых соотечественников. Эта группа ориентирована на дома и могилы, связанные с жизнью и смертью дорогих им людей. Кроме того, ностальгические чувства могут привлекать тех, кто хочет увидеть сохранившиеся элементы коммунистической идеологии и свойственных ей общественных отношений.

Представленное нами описание культурных возможностей Брестской области имеет обобщенный характер. Это связано с тем, что область включает в свой состав части трех этнокультурных регионов: Понемонья, Западного и Восточного Полесья. Это деление - свидетельство многовековых колонизационных процессов. Каждый регион имеет собственную культурную специфику и историю. Нами были выделены модули, детализация которых уже имеет выраженную локальную специфику. Подробное описание последней выходит за рамки объема данной концепции. Кроме того, данные модули могут быть наполнены содержанием, которое отражает семейную традицию хозяев усадьбы или организаторов тура. Учет его также не представляется возможным при разработке общей концепции. В задачу непосредственных организаторов входит определение приоритетной сферы культурного наследия, которая будет влиять на характер туристических туров и их участников.

Знание о потенциале культурного наследия позволяет определить региональные перспективы развития агроэкотуризма: Агроусадьбы в состоянии выполнять роль узловых пунктов на интересующей туриста тематической оси. Чем в большее количество таких осей может включиться хозяйство, тем большими перспективами оно обладает для регулярных посещений. Благодаря расположению усадьбы и ее возможностям, турист сможет познакомиться с интересными явлениями природы и историко-культурным достоянием региона. Они могут быть на территории самой агроусадьбы, неподалеку от нее или в пределах досягаемости. Качество услуг возрастет, если хозяевами будет предусмотрено сопровождение и транспорт. Удобным следует признать также расположение хозяйств вблизи экологических коридоров, соединяющих наиболее значимые природные комплексы: Беловежскую пуцу, Выгонощанский болотно-озерный массив, среднюю Припять, болотно-лесной массив юга Брестского, Кобринского и Дрогичинского районов. Что касается региональной культуры, то посетителю следует создать возможности познакомиться с ее аспектами, наблюдая ее в повседневном состоянии или посетив специализированные музеи, фестивали, ярмарки, торжества.

МОЖНО ЛИ РАССМАТРИВАТЬ ЭКО- И АГРОТУРИЗМ КАК СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ «БЕГСТВА В ПРИРОДУ»?

Л.Е. Медиченко

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Любая культура в той или иной степени репрессивна. Культурные ценности и нормы воспринимаются человеком как гнет и насилие, а потому в культуре периодически возникают настроения "усталости" от нее и попытки бегства в сторону "большой природности" или же в докультурную природность вообще.

Неоднозначное состояние современной культурной ситуации характеризуется поиском различных путей и способов дальнейшего развития. Нравственно-этический кризис современности провоцирует поиски новых идеалов и мировоззренческих установок как реакцию на стремительное наступление технической цивилизации. Урбанизация толкает в объятия природы, а мораль воспринимается как механизм подавления, «... торжество рационализма заставляет вспоминать о примате чувств, а размышление национальной идентичности толкает к ее древним (биологическим) корням»¹. Однако обновление взглядов и традиций нередко происходит за счет реставрации существующего исторического опыта.

Еще в эпоху Просвещения Ж.Ж. Руссо противопоставлял испорченности и моральной развращенности «культурных» наций «простой и чистый» нрав народов, находящихся на патриархальных ступенях развития (отсюда его призыв «Назад, к природе!»). Исходил из постулата о том, что все дети появляются на свет без пороков, но общество, где царит произвол и неравенство, подавляет их лучшие устремления. В силу этого воспитание детей необходимо проводить вдаль от общества, на лоне природы. Воспитание и общение детей с природой нужно, чтобы пробудить в них дремлющие до этого моральные чувства, прежде всего доброту. В сознании европейцев росло ощущение исчерпанности тех импульсов, которые европейская культура получила в эпоху Возрождения. В культуре четко обозначился кризис рационализма.² Свежий прилив энергии способна породить новая культурная парадигма, радикально отличная от прежней, постренессансной, классической.

Культурный релятивизм в умонастроениях европейцев, связанный с признанием относительности, то есть ограниченной ценности, истинности всех вероисповеданий, нравственных кодексов, научных теорий, философских воззрений и художественных форм стал результатом идейной ревизии господствовавших в обществе взглядов. Вместе с тем стал активно развиваться процесс поиска форм духовного самоопределения. Ярким примером подобных тенденций может служить собрание европейской богемы в альпийской деревне Аскона в начале XX века³. Жившие в ней люди пытались реализовать античный миф в ритуалах и повседневной жизни, сознательно отказываясь от образа жизни, характерного для человека современной цивилизации. Лидером этого объединения был Отто Гросс, ученик Фрейда. Этот факт мы можем назвать одним из ранних примеров развития современного эко- и агротуризма.

¹ Фаликов Б. Неоязычество // Новый мир, 1999, № 8.

² Гус ди Зерига. Христиане и язычники: анализ воззрений и поиск взаимопонимания. – М.: Эксмо, 2002, – 248 с. Религия – история и современность/Учебник для Вузов, под ред. Ш. М. Мунчаева. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. – 264 с.

³ Там же. Фаликов Б. Неоязычество / Новый мир, №8, 1999

В начале XX века в буржуазной Европе широкое распространение получают идеи пантеизма. Возрождение пантеистической идеологии, в основе которой лежит мысль о тождестве Бога и человека, о растворённости Бога в природе, можно связать с целым рядом причин:

1) Высокие темпы урбанизации и технизации, вызвавшие тягу человека к природе, к естественному, гармоничному сосуществованию с ней.

2) Снижение влияния общественной морали, которая теперь рассматривалась как подавление личности, требующей морального раскрепощения.

3) Акцентирование внимания на эмоциональной, чувственной сфере, как ответ на излишний рационализм современной цивилизации.

4) Активный поиск национальных корней и идентичности, что было связано с процессами глобализации и размывания идентичности отдельных культур. Идея пантеизма реализовалась в данном случае как идея растворения в народе, поиск истоков национальной самобытности и автономии.

Такой очередной поворот к природе явился показателем недовольства имеющимся положением дел, а новое прочтение лозунга Ж.Ж.Руссо «Назад, к природе!» связано с новым витком поиска фундаментальных основ мировоззрения. По мнению Найджела Пенника⁴, среди идеологем современности основными можно назвать – толерантность, экологизм, единение с природой, пантеистические идеи. Экологические программы различных природоохранительных организаций и движений актуализировали признание необходимости и ценности нового понимания традиционных практик взаимоотношения с природой. Главная цель этого процесса – возвращение человека к гармоничному существованию. И, как следствие, в XXI веке мы становимся свидетелями процесса замены шикарных апартаментов, гостиниц, которые, увы, везде одинаковые, на сравнительно скромное, но не лишённое обаяния, жилище «аборигенов». Наступает эпоха, когда утопающий в роскоши отдых за пределами своей страны уступает место шикарным ощущениям от живого соприкосновения с новым и неизведанным. Взоры многих туристов поворачиваются в сторону эко- и агротуризма.

Экотуризм – это туризм, включающий путешествия в места с относительно нетронутой природой. Их цель – получить представление о природных и культурно-этнографических особенностях данной местности. Такой туризм не нарушает при этом целостности экосистем и создает такие экономические условия, при которых охрана природы и природных ресурсов становится выгодной для местного населения.

Маркетинговые исследования в сфере туризма выделяют пять основных мотиваций, на основании которых клиенты выбирают туры в природу – познавательные и приключенческие:

- улучшение физической формы и здоровья;
- неформальное общение;
- новые впечатления и приключения;
- познание себя и природы;
- «бегство» от городской тесноты и стрессов.⁵

⁴ Найджел Пенник, Пруденс Джонс. История языческой Европы. Язычество старое и новое. – <http://errasiabooks.narod.ru/Barbaricum/Pennic-pagans-text.htm>

⁵ Межрегиональная научно-практическая конференция: «Малые средства размещения: итоги, проблемы, перспективы». Санкт-Петербург. 1-2 марта 2007. Мат.конф. – С.-П., 2007.С.38

- Туристов, выбирающих агротуризм, также объединяют общие особенности:
- стремление испытать что-либо новое и значимое;
 - стремление получить дополнительные возможности развития, самосовершенствования;
 - приобрести новый опыт.⁶

Сельский туризм, или агротуризм, предоставляет возможность современному человеку некоторое время вести сельский образ жизни среди природы, знакомиться с ценностями народной культуры, прикладного искусства, с национальными песнями и танцами, местными обычаями, принимать участие в традиционном сельском труде, народных праздниках и фестивалях.

Агротуризм имеет ряд отличительных признаков:

- стиль жизни в соответствии с культурой посещаемой территории;
- путешественник познает новую культуру;
- «впечатления»;
- активность и разнообразие;
- мотивация изнутри;
- язык территории изучается заранее – хотя бы на простейшем уровне;
- после поездки остаются знания, эмоции и воспоминания.

В основе спроса на данный вид туризма лежит важная тенденция: индустриальные страны достигли такой стадии, когда движущей силой экономического роста являются уже не стремление людей потреблять больше товаров, а их желание «живых впечатлений и опыта». Современный всплеск развития агротуризма также является отражением таких значимых тенденций современного культурного развития, как мультикультурализм и политкорректность.

Т.о., сегодня порождением интереса к эко- и агротуризму стали и определенные тенденции развития современной культуры: поиск новых мировоззренческих основ; экологический кризис; изменение взглядов на историю народов; и, как следствие, развитие принципов мультикультурализма и политкорректности. Это позволяет рассматривать различные формы эко- и агротуризма как мягкий вариант современной формы «бегства в природу»; общение с которой способно пробуждать лучшие дремлющие чувства человека.

ПРОДВИЖЕНИЕ УСЛУГ БЕЛОРУССКИХ СЕЛЬСКИХ УСАДЕБ В ИНТЕРНЕТЕ: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МАРКЕТИНГА И КОММУНИКАЦИЙ

А.В. Барашко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Современный мировой туристический комплекс в настоящее время переживает бум информатизации. Развитие информационных технологий в мировом масштабе позволяет создавать предпосылки для устойчивого темпа роста среднемирового числа туристических прибытий на уровне 4% в год. Открытие новых туристических направлений на мировой карте индустрии гостеприимства сегодня происходит не столько благодаря действиям маркетологов, сколько под влиянием скорости распространения информации о возможностях отдыха в той или иной стране. Синергетический эффект развития рынка, ноу-хау на туристическом рынке и одно-временный гиперрост информационных технологий в области маркетинга позволяют говорить о корректировке кривой жизненного цикла традиционных турпродуктов и ускорить ввод новых услуг не только на национальный рынок, но и на мировую арену.

⁶ Там же, с.35

Частным, но наиболее очевидным и требующим тщательного изучения вопросом развития индустрии гостеприимства является использование интернет-технологий в области маркетинга и способов коммуникации с потенциальными и постоянными клиентами. По данным системы Internet World Stats, во второй половине 2008 года в мире насчитывается 1 463 632 361 пользователей интернета [1]. За период 2000 – 2008 гг. рост аудитории интернета в мире составил порядка 305,5% с ежегодным темпом не менее 10% [1].

Информационные технологии оказывают сильный эффект на развитие отдельных отраслей мирового туризма, в частности, на область сельского, экологического туризма. В первую очередь это связано с современной философией развития интернета, где на первое место выходит самостоятельность пользователя и его личное мнение. Услуги сельских усадеб относятся к индивидуальному туризму, поэтому использование современных технологий в этой сфере туризма позволяет минимизировать время для выхода на рынок и точно фокусироваться на целевой аудитории.

Ниже будет проведен краткий анализ использования белорусскими агроусадьбами интернет-технологий на основе данных каталога сельских усадеб в рамках Туристического портала Беларуси Holiday.by, как ведущего интернет-сайта по туризму в стране. Также будут рассмотрены возможности для повышения эффективности маркетинга и налаживания коммуникаций между владельцами усадеб и клиентами (потенциальными и постоянными).

Целью является выявление способов интернет-продвижения белорусских сельских усадеб. Задачами изучения являются:

- количественное изучение представления агроусадоб в белорусском интернете;
- краткая характеристика тенденций представления сельского туризма в интернете в Беларуси;
- рассмотрение коммуникационной функции интернета как одного из способов рекламы услуг сельского туризма в интернете;
- формулировка кратко- и среднесрочных перспектив развития сельского туризма в белорусском интернете.

Начиная с 2004 года в белорусском интернете в структуре запросов потенциальных туристов стал набирать запрос «Беларусь». Это связано не только с ценовым фактором и расширением визовой шенген-зоны в Европе. Причиной роста популярности отдыха в Беларуси становится диверсификация предложения – появление продукта, рассчитанного на корпоративного клиента, развитие новых форм отдыха в Беларуси (агротуризм, приключенческие туры, охотничий и рыболовный, религиозный туризм), появление новых услуг в перечнях традиционных поставщиков. Беларусь как туристическое направление на внутреннем рынке постепенно от лидерства в зимние сезоны (период новогодних праздников, корпоративных мероприятий) переместилось в область лидеров по летним месяцам, опередив по количеству интернет-запросов традиционные выездные направления, отдых в жарких странах. Изменение позиции туристического запроса по отдыху в Беларуси представлено в Таблице 1.

Аналогичная тенденция с лидерством Беларуси на страницах Туристического портала Беларуси сохраняется в течение летнего сезона 2008. Данные показатели не включают запросы на отдых в сельских усадьбах Беларуси – рассчитаны доли запросов на отдых в Беларуси через туристические компании.

Таблица 1 Динамика рейтинга топ-5 по заявкам по странам на Holiday.by за ряд сезонов

№ п/п	Зима 2004-2005	Лето 2005	Зима 2005-2006	Лето 2006	Зима 2006-2007	Лето 2007	Зима 2007-2008
1	Беларусь (21,7%)	Крым (21,3%)	Беларусь (25,8%)	Беларусь (19,7%)	Беларусь (34,3%)	Беларусь (19,5%)	Беларусь (26,76%) ↓
2	Польша (21,1%)	Турция (18,6%)	Египет (13,0%)	Турция (18,3%)	Египет (16,0%)	Турция (13,7%) ↓↓	Египет (15,27%) ↓
3	Египет (9,1%)	Болгария (8,0%)	Польша (10,8%)	Крым (7,8%)	Польша (12,7%)	Крым (12,6%) ↑↑	Чехия (9,43%) ↑
4	Чехия (7,4%)	Чехия (5,8%)	Чехия (10,4%)	Украина (7,4%)	Чехия (6,5%)	Украина (6,2%) ↓	Украина (8,58%) ↑
5	Турция (6,3%)	Польша (5,8%)	Литва (7,7%)	Болгария (6,9%)	Литва (5,1%)	Болгария (6,1%) ↓	Турция (5,77%) ↑

Составлено автором

Самым распространенным способом интернет-рекламы сельских усадеб в Беларуси является участие в каталогах. Наиболее репрезентативным каталогом агроусадоб следует считать каталог, размещенный на Туристическом портале Holiday.by. На 01.09.2008 в нем размещалась информация о 89 сельских усадьбах Беларуси. Анализ размещенной информации, а также полученных данных в виде электронных заявок от туристов со страниц каталога позволяет сделать нижеследующие выводы.

За период 01.10. 2007 г. – 31.05.2008 г. со страниц портала (раздела «Каталог усадеб») было направлено 339 предварительных электронных заявок, из них уникальных – 231. Уникальной считается заявка от одного контактного лица, указанного в электронной форме. По сравнению с соответствующим периодом 2006 - 2007 гг. темп прироста уникальных заявок составил 16 %.

Анализ электронных заявок свидетельствует о значительном преобладании в их структуре заказов на отдых (70 %) по сравнению с запросами на более подробную информацию (30 %), что свидетельствует о высокой степени наработки клиентской базы многими усадьбами. 35 % уникальных заявок составляют заявки на отдых с детьми, что на 10 % превышает аналогичный показатель предыдущего года.

Около 59 % заявок поступило от потенциальных клиентов из Беларуси, 40 % — из России, около 1% составили заявки от посетителей портала из Украины и Эстонии.

Количественный анализ уникальных заявок свидетельствует о преобладании заказов на отдых «больших групп» туристов: 10 – 19 человек (58 уникальных заявок, 26 % от общего числа уникальных заявок), 20 – 29 человек (11 заявок, 5%), более 30 человек (6 заявок, 3%) и «средних групп» — 6-9 человек (54 заявки, 24%).

Удельный вес запросов на отдых пар (2 человека) (47 уникальных заявок) составляет 21 %. Также 21 % приходится на запросы на отдых «небольших групп» — 3-5 человек (48 заявок). На индивидуальный отдых за анализируемый период поступила одна заявка.

За изученный период электронные заявки на отдых в усадьбах поступило на 72% домов, представленных в каталоге.

Вышеприведенные данные говорят о том, что сельские усадьбы в Беларуси уже сделали первый шаг на пути освоения современных способов представления информации за счет участия в интернет-каталогах. В ходе изучения было выявлено, что на сегодняшний день не менее 10 агроусадоб располагают собственными интернет-сайтами для продвижения услуг. Динамика появления интернет-сайтов у агроусадоб имеет положительный характер.

Таким образом, для владельцев сельских домов актуальной является задача наиболее эффективного использования интернет-ресурса с целью повышения уровня продаж и популяризации собственных услуг посредством современных технологий.

Одной из основных черт интернет-маркетинга от традиционного маркетинга является возможность непосредственной коммуникации с рынком и его отдельными участниками (потребителями услуг, туристами) посредством разнообразных способов. Интерактивность и возможность быстрого получения обратной связи делает возможным минимизацию риска ориентироваться не на своего потребителя для владельца сельской усадьбы. Налаженный канал обратной связи с рынком, а также постоянными клиентами позволяет хозяину агроусадьбы быстро перестраиваться и ориентироваться на потребности клиентов в сжатые сроки, что положительным образом отражается на повышении уровня продаж и на снижении фактора сезонности, который свойственен любому проявлению туристического бизнеса.

Основополагающим сервисом для сельских усадеб Беларуси в рамках налаживания коммуникаций с рынком на сегодняшний момент является возможность получать отзывы от туристов, побывавших в усадьбах. Отзывы располагаются рядом с описанием усадьбы в интернете, например, в каталоге усадеб на портале Holiday.by. С одной стороны, наличие отзывов и положительная динамика их прироста показывает, что данное предложение пользуется спросом. С другой стороны, владельцы агроусадьб должны конструктивно (а не только эмоционально) оценивать отзывы, содержащие замечания и предложения от гостей. Направление базовых коммуникаций посредством отзывов в интерактивном каталоге сельских усадеб представлено на Рис. 1:

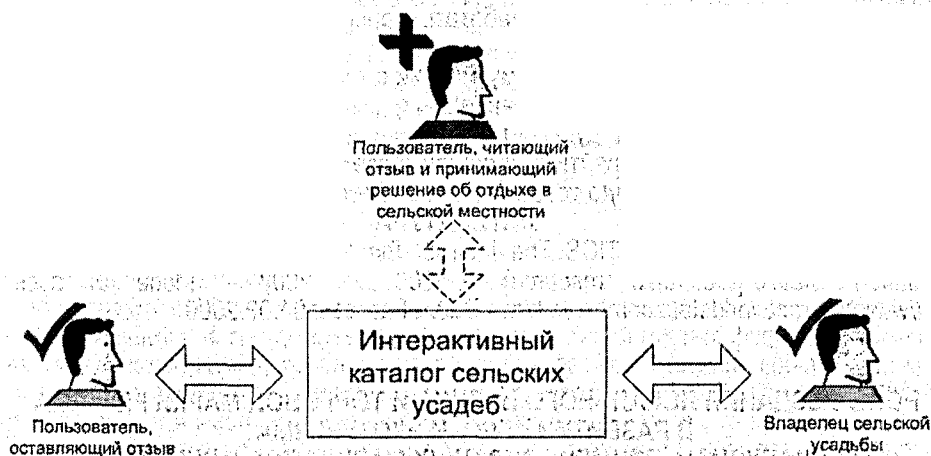

Рисунок 1. Способы коммуникации на основе отзывов о сельских усадьбах и влияние данных коммуникаций на принятие решений об отдыхе в сельской местности потенциальными туристами. Составлено автором

Данный рисунок показывает, что на горизонтальном уровне посредством интерактивного каталога сельских усадеб происходит опосредованный контакт между туристом, уже воспользовавшемся услугами агроусадьбы, и владельцем усадьбы. При этом зачастую вектор направлен слева направо, так как далеко не все владельцы комментируют отзывы туристов. На Рисунке 1 сделано маркетинговое предположение, что данная коммуникация характеризуется как двусторонняя. Наличие комму-

никации на данном («горизонтальном») уровне косвенно влияет на принятие решений об отдыхе потенциальными гостями усадеб, так как возможность наблюдать открытый диалог между поставщиками и потребителями услуг подтверждает открытость поставщиков перед рынком, существенно повышая уровень доверия и лояльности. Отсутствие коммуникации (отзывов, ответов владельцев домов и т.п.) может снижать мотивацию отдыха именно в выбранной усадьбе. По этой причине для владельцев сельских домов одним из способов повышения уровня продаж является стимулирование гостей к оставлению отзывов об усадьбе на разнообразных интерактивных каталогах.

Такой подход лежит в одном русле с общемировой тенденцией в туризме, когда на сегодняшний день большинство туристов определяют с местом отдыха не благодаря прямой рекламе, а с использованием интернет-сайтов и, в частности, основывая свой выбор на отзывах других туристов. Срабатывает принцип «я хочу ощутить то же самое».

Белорусские сельские усадьбы находятся в самом начале освоения современных информационных технологий как инструмента маркетинга и коммуникации. При этом требуется корректировка работы уже на первом этапе – зачастую качество материала в интерактивных каталогах и собственных сайтах агроусадоб не соответствует современной необходимости. Поэтому в кратко- и среднесрочной перспективе видится для сельских усадеб Беларуси в рамках интернет-продвижения необходимым осуществить:

- корректировку текстового и графического материала на страницах различных интернет-каталогов и собственных сайтах;
- мониторинг отзывов, а также разработать меры по стимулированию туристов к написанию отзывов;
- наработку знания по способам коммуникации с туристами (в том числе ответы на отзывы, содержащие критику или замечания);
- описание своей «целевой группы» туристов.

Данные меры позволят перейти к активной фазе использования средств прямой интернет-рекламы и выходу ряда усадеб на международный рынок услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. INTERNET USAGE STATISTICS The Internet Big Picture World Internet Users and Population Stats [Electronic resource] – 2001 – 2008 - Mode of access: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> - Date of access: 01.09.2008

РОЛЬ СОЗДАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО БРЕНДА И ТОРГОВОЙ МАРКИ РЕГИОНА В РАЗВИТИИ АГРО- И ЭКОТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ НА ПРИМЕРЕ ЗЕЛЕННЫХ МАРШРУТОВ GREENWAYS

Е.В. Ветрова

Белорусское общественное объединение «Отдых в деревне», г. Минск, Беларусь

В настоящее время все больше внимания мировым сообществом уделяется развитию альтернативных видов туризма – сельскому и экологическому. Зеленые маршруты, по-английски GREENWAYS, - это не просто туристские трассы или дороги, связывающие между собой определенные пункты назначения. Они имеют значительно более широкое значение для развития и продвижения регионов, сохранения культурного наследия и самобытности, охраны природы и экологического образования.

GREENWAYS – «зеленые маршруты» – туристские тропы природного и культурного наследия, проложенные вдоль «зеленых коридоров» – рек, традиционных и исторических торговых путей, естественных природных коридоров.

Такие маршруты объединяют регионы, туристские достопримечательности и местные инициативы, поддерживают развитие «устойчивого туризма» и отдыха, благоприятного для окружающей среды, пропагандируя здоровый образ жизни и немоторизованные формы передвижения – велосипедами, пешком, верхом на лошадях, на байдарках и плотах. Одновременно создают возможности для улучшения уровня жизни и состояния окружающей среды, оживления местной экономики и развития предпринимательства среди сельских жителей, а также сохранения уникальных природных и культурных ценностей.

Локальный продукт – это изделие или услуга, с которыми отождествляются жители региона, который изготавливается индивидуальным образом из местных ресурсов и при этом не приносит вреда окружающей среде. Локальный продукт становится «визитной карточкой» региона из-за своей неповторимости и оригинальности, а также вовлечения местных жителей в развитие предпринимательства.

Развитие продукции локального производства полезно как с точки зрения охраны окружающей среды (используются естественные ресурсы), так и с экономической (новые фирмы, доход для местных жителей, налоги остаются в районе, развитие сельского предпринимательства), и с социальной (рабочие места, интересные занятия, реализация жизненных целей, повышение уровня жизни и «привязывания» к региону). Производство местной продукции дает возможность улучшения экономической ситуации в регионе, одновременно принося положительные социальные и экологические эффекты. Это можно рассматривать как региональный способ реализации стратегии устойчивого развития.

С местной продукцией неразрывно связан производитель, который благодаря ей творчески реализуется, культивирует региональные или семейные традиции, но в первую очередь получает рабочее место или источник дополнительного дохода. Создание рабочего места на базе производства локальной продукции требует спроса на таковую, т.е. клиента, который выберет именно это изделие. В настоящее время конкуренция на рынке так велика, что на решение о покупке влияет не только цена и качество, но и дополнительная информация, другие ценности. Одним из способов продвижения и продажи продукции местного производства, который хорошо зарекомендовал себя на международном рынке, является разработка собственной марки (марки региона).

К созданию собственной марки стремятся в основном те регионы, чьи слабые стороны – отсутствие промышленности или недостаток ее, большая отдаленность от крупных городов, глухие местности с относительно редким транспортным сообщением – могут создать трудности для клиентов, и, соответственно, для производителей местной продукции. Обычно в таких регионах существует проблема безработицы, поэтому создание собственной марки способствует появлению рабочих мест в регионах и является чрезвычайно важным фактором для жителей и местной власти. Благодаря марке можно убедить местное население, что забота об окружающей среде очень важна, поскольку сохранение ее в нынешнем состоянии или улучшение может обеспечить ресурсы для той продукции или услуг, которые ожидают получить клиенты. Растущий интерес к продукции с собственной маркой естественным образом ведет к росту количества рабочих мест в регионе.

Отмеченные маркой региона продукция и услуги, которые получают клиенты, несут в себе дополнительные качества, которые существенным образом отличают их среди массы других. Это такие качества, как:

- связь с регионом происхождения;
- благоприятное отношение к окружающей среде;
- создание рабочих мест в регионе.

Эти три ценные черты говорят о характере тех, кто их произвел, тех, кто купил, и о самой продукции, одновременно определяя то, что марка является отличительной особенностью региона, продукции и клиентов.

Сила собственной марки в продукции, которая продается под ее знаком, и в регионе, который она символизирует. У нее есть дополнительные плюсы – марка вызывает положительные ассоциации с местом или предметом. Благодаря этому она дает своеобразную «рекомендацию» местной продукции и создает дружеские отношения между клиентами и регионом и его жителями.

Создание собственной марки тесно связано с выявлением особенностей региона - изучением природных и культурных ценностей, специфики и характерных черт, с которыми соотносятся местные жители. Информация о регионе – это база для определения того, что будет изображено на марке: Основываясь на слогане и логотипе марки, люди будут рисовать в воображении собственные образы региона и предлагаемой продукции. Важно позаботиться о позитивном восприятии региона.

Марка региона – действенный инструмент продвижения и защиты производимых в регионе продукции и услуг. На имидж марки и региона работает предлагаемая под ее знаком продукция. В связи с этим очень важно, чтобы процесс «выдачи» марки был прозрачным, и впоследствии марочная продукция постоянно проверялась. Только в таком случае можно иметь уверенность в высоком качестве продукции, ее аутентичности, и, соответственно, ценности торговой марки.

При разработке, внедрении и укреплении марки необходима маркетинговая (или брэндинговая) деятельность, которая осуществляется, как правило, организацией, ответственной за марку, и ее партнерами.

Так, марка **ГОЛУБОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ РОССОН** была придумана группой активистов из Россонского района Витебской области Беларуси для обозначения и выделения продукции, производимой в этом регионе. В 2005 году после экспедиции международных экспертов (Landscape Stewardship Exchange), проведения инвентаризации природных и культурных ресурсов района, участия в тренингах-семинарах по сельскому туризму члены ОО «Агро- и экотуризм», проживающие в Россонском районе, решили объединить свои усилия в деятельности, направленной на улучшение условий жизни и развитие региона. В начале энтузиастов было немного, но постепенно присоединялись новые желающие и, таким образом, была сформирована партнерская группа, включающая в себя местные власти, членов ОО «Агро- и экотуризм», общественных лидеров, фермеров, преподавателей, экологов, работающих в природных заказниках, лесников Россонского района и многих других. Многочисленные инициативы касались активизации местных сообществ и развития предпринимательства. Благодаря поддержке местной власти было создано природоохранное предприятие «Эко-Росы», во главе которого встала Алла Николаевна Хорень. Одна из целей - использование региональных природных ресурсов при производстве собственной продукции, в соответствии с принципами устойчивого развития.

Стало очевидным, что марка региона «Голубое ожерелье Россон» будет действенным инструментом для продвижения продукции и услуг, которые производятся в регионе, являющиеся благоприятными для окружающей среды, ассоциируются с регионом – местом своего происхождения и с местными жителями. Сельское предпринимательство, изготавливающее продукцию под торговым знаком – региональной маркой «Голубое ожерелье Россон» - это шанс на развитие региона в согласии с его традиционным характером и средой.

Марка региона – специальное обозначение «Голубое ожерелье Россон» появилась впервые в 2006 году на втором фестивале сельского туризма «Заборский Фэст». Интересно то, что именно в этом году фестиваль был посвящен зеленому маршруту региона, по названию которого и была разработана марка. Большая заслуга в создании маршрута и торговой марки принадлежит инициатору и организатору фестиваля – первопроходцу сельского туризма в Беларуси Александру Владимировичу Кролу. Одно из событий программы – ярмарка-продажа местной продукции. Предметы рукоделия, изделия из дерева и соломы с ярлыком «Голубое ожерелье Россон» вызывали особый интерес у посетителей ярмарки и туристов, приехавших в деревню Заборье.

Народные умельцы и мастера, проживающие в районе, при использовании марки, кроме того, что это свидетельствует о регионе и показателе качества, получают такие преимущества, как возможность совместных акций по продвижению продукции (например, издание каталогов художественных и потребительских изделий, создание страницы в Интернете с предложениями местных умельцев).

Важно отметить, что под маркой «Голубое ожерелье Россон» выступает один из первых зеленых маршрутов в Беларуси. Во всех публикациях и выступлениях, связанных с маршрутом, говорится о марке «Голубое ожерелье Россон», и этим значком на карте зеленого маршрута greenways будут обозначены места, где изготавливается и предлагается местная продукция. Планируется создание галереи местной продукции в Клястицах при информационном центре, где можно будет купить изделия со всего региона и получить информацию о туристических предложениях «Голубого ожерелья Россон».

Управление торговой маркой охватывает множество аспектов, требует разделения обязанностей и согласования условий работы партнеров. Начальный пункт – выбор девиза, слогана, названия региона, с которым ассоциируется местное сообщество. Торговая марка может опираться на нечто очень важное, бесценное для данной местности, например, на природные достопримечательности, географические особенности, натуральные ресурсы, народные традиции. Очень важно формирование организации, управляющей маркой, или исполнение этой обязанности уже существующей организацией, которая пользуется доверием местной общественности. К преимуществам, которыми пользуются обладатели торговой марки, относятся совместная деятельность по продвижению и рекламе, доступ к информации о продукции, тренингах, выставках-ярмарках.

Совместные ярмарки, фестивали, выставки, пресс-туры – способы для продвижения конкретной продукции и создания популярности для региональных торговых марок. Туристский маршрут – это тоже хороший инструмент для укрепления марки продукта, само название его может стать маркой для местной продукции, производимой в регионе, или сыграть роль обобщающей марки (определяющей) для продукции из нескольких регионов (например, «Янтарный Путь» в Польше).

Представленный пример «Голубого ожерелья Россон» показывает, что дополнительные плюсы продукции местного производства приносит совмещение этого предложения с туристическим, а плюсы маршрутам – увеличение количества мест производства интересной и своеобразной продукции. Предпринимательство, которое основывается на туризме и производстве региональной продукции, становится шансом для улучшения уровня жизни сельских жителей. Важен и тот факт, что рабочие места, благоприятные для окружающей среды, могут создаваться не «сверху», а самостоятельно.

В хозяйственной деятельности, связанной с туризмом и производством местной продукции, ни один предприниматель не будет чувствовать себя одиноким. Как сельский туризм, так и реализация продукции собственного производства требует взаимодействия с другими людьми и организациями из этой области. Инициативы, связанные с разработкой зеленого

маршрута greenways или региональной марки, дают возможность познакомиться с такими же активными людьми, обменяться полезным опытом, определить стандарты качества выпускаемой продукции и оказываемых услуг. Являясь членом объединения, легче «достучаться» до клиента, а когда он придет – предложить ему привлекательный, разнообразный отдых, который он посоветует своим знакомым. Оставить у клиента приятные воспоминания о себе – неоценимый успех, который работает на будущее общего дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клицунова В.А., «Зеленые маршруты Беларуси». – Минск: изд. ОО «Агро- и экотуризм», 2005,
2. Заремба Д., «Ekoturystyka», изд. Wydawnictwo Naukowe PWN, Варшава, 2006.
3. Greenways – Zielone Szlaki, Fundacja Partnerstwo dla Srodowiska, - www.greenways.pl
4. Зеленые маршруты Беларуси, Белорусское Общественное Объединение «Отдых в деревне», - www.greenways.by

ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТУРПРОДУКТА СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ СЕЗОННОСТИ ТУРИСТСКОГО СПРОСА

А.Г. Траскевич

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

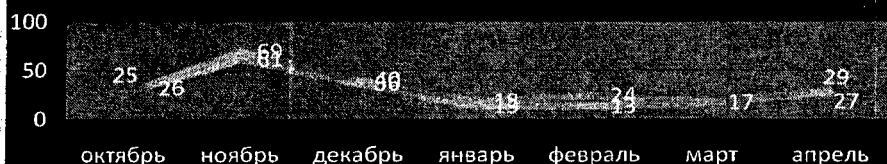
Спрос на национальный турпродукт сельского туризма в значительной степени подвержен воздействию фактора сезонности, что отрицательно сказывается на стабильности загрузки номерного фонда агроусадоб, а также прибыльности бизнеса на рынке услуг сельского туризма Беларуси. Для постепенного преодоления отмеченного фактора необходимо тщательное изучение современных тенденций продвижения турпродукта сельского туризма на белорусском рынке в зимний сезон с целью определения дополнительных возможностей для активного привлечения туристов, а также выявления неблагоприятных тенденций, препятствующих достижению устойчивой стабильности на рынке услуг сельского туризма.

Для проведения исследования современных тенденций продвижения национального турпродукта сельского туризма в зимний сезон был выбран каталог сельских усадеб ведущего туристического портала Беларуси Holiday.by (http://www.holiday.by/village_estate.asp). В качестве анализируемого периода был выбран период с 1 октября 2007 г. по 31 апреля 2008 г.

За анализируемый период в адрес ОО «Агро- и экотуризм» со страниц портала (раздела «Каталог усадеб») было направлено 339 предварительных электронных заявок.

Заявкой считается заполненная посетителем портала форма, содержащая информацию об усадьбе, основную контактную и дополнительную информацию, позволяющую туристической компании связаться с потенциальным потребителем своих услуг. С учётом того, что на одну фамилию может приходиться несколько заявок на разные усадьбы, то следует ввести понятие «уникальная заявка», когда считается не общее количество заявок, а количество обратившихся.

За контрольный промежуток времени зафиксировано **231 уникальных заявок** (68 % от общего числа заявок). По сравнению с соответствующим периодом 2006 - 2007 гг. **темп прироста уникальных заявок составил 16 %**. Динамика общего количества уникальных заявок по месяцам представлена на рис. 1.

01.10.2006-31.05.2007 01.10.2007-31.05.2008
Динамика общего количества уникальных заявок (рис. 1)

Анализ данных графика свидетельствует о положительной динамике количества уникальных заявок в каждом месяце отчетного периода и наметившейся тенденции к частичному преодолению фактора сезонности спроса на услуги усадеб. Пик роста количества заявок на отдых в усадьбах традиционно приходится на ноябрь, в связи со значительным спросом на празднование Нового года в усадьбах. Также интенсивный рост количества заявок наблюдается в апреле-мае, что объясняется популярностью продолжительного (10-30 дней) отдыха в усадьбах в летний сезон.

В таблице 1 представлены данные о распределении уникальных заявок по месяцам.

Таблица 1. Распределение уникальных заявок по месяцам

№	Характеристики заявок	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	Итого за контрольный период
	Заказы на отдых	17	47	31	10	19	9	22	7	162
	Запросы на более подробную информацию	8	22	9	8	5	8	7	2	69
	Всего заявок	25	69	40	18	24	17	29	9	231
	Ориентировочное количество человек, указанных в запросе (97 % уникальных заявок содержат данную информацию)	158	656	289	164	150	151	140	233	1941
	Из них:									
	Взрослые	134	597	254	153	128	133	129	230	1758
	Дети	24	656	35	11	22	18	11	3	183

Составлено автором.

Анализ таблицы свидетельствует о значительном преобладании в структуре заявок **заказов на отдых (70 %)** по сравнению с запросами на более подробную информацию (30 %), что свидетельствует о достаточно высокой степени наработки клиентской базы многими усадьбами, а также о предоставлении исчерпывающей информации о них в каталоге Holiday.by. 35 % уникальных заявок составляют заявки на **отдых с детьми**, что на 10 % превышает аналогичный показатель предыдущего года.

97 % уникальных заявок содержат информацию об ориентировочном количестве туристов. Исходя из данных этих заявок, можно сделать вывод о том, что за рассматриваемый период в адрес ООО «Агро- и экотуризм» со страниц портала поступили запросы на отдых почти **2 тыс. туристов**, из которых около 10 % составляют дети (Таблица 1).

Среди указанных туристами **целей** поездки значительно преобладают **туры выходного дня и празднование Нового года**: на каждый из этих видов отдыха приходится по 37 % от общего количества уникальных заявок (**81 и 80 уникальных заявок** соответственно). Кроме того, указывались следующие виды отдыха:

празднование Рождества — 16 уникальных заявок, 7 % от общего количества уникальных заявок;

летний отдых в течение 10-30 дней — 11 заявок, 5 %;

майские праздники — 10 заявок, 5 %;

свадебные торжества — 5 заявок, 2 %;

корпоративный отдых (без учета корпоративного празднования Нового года — 5 заявок, 2 %;

празднование 8 марта — 4 заявки, 2 %;

празднование дня св. Валентина — 3 заявки, 1 %;

празднование 23 февраля — 3 заявки, 1 %;

празднование Купалья — 1 заявка, менее 1 %.

Около 59 % заявок поступило от потенциальных клиентов из **Беларуси**, 40 % — из **России**, около 1 % составили заявки от посетителей портала из **Украины и Эстонии**.

Количественный анализ уникальных заявок свидетельствует о преобладании заявок на отдых **«больших групп» туристов**: 10 – 19 человек (58 уникальных заявок, 26 % от общего числа уникальных заявок), 20 – 29 человек (11 заявок, 5 %), более 30 человек (6 заявок, 3 %) и **«средних групп»** — 6-9 человек (54 заявки, 24 %). Удельный вес запросов на отдых **пар (2 человека)** (47 уникальных заявок) составляет 21 %. Также 21 % приходится на запросы на отдых **«небольших групп»** — 3-5 человек (48 заявок). На индивидуальный отдых поступила всего одна заявка. Самая большая группа, указанная в заявке, достигла 150 человек (корпоративное празднование Дня Рождения — усадьба «Постоялый двор»). Таким образом, **средняя группа туристов** в запросе (по методу средневзвешенной) составляет **9 человек**. Превалирующие запросы на отдых средними и большими группами вызван спросом на отдых на **Новый год, корпоративный; отдых и свадебные торжества**. При этом **первый запрос на аренду усадьбы на Новый год** поступил 10.10.2007 г.

В течение рассматриваемого периода поступило заявок на **67 усадеб**, что составляет 71 % размещенных в каталоге усадеб. Всего в каталоге по состоянию на начало июня 2008 г. представлено 86 усадеб, за данный период 6 отраженных в отчете усадеб («Горанских», «Конный фольварок», «Конопкины традиции», «Мазурный берег», «Медовая поляна», «Мини-Швейцария») перестали размещаться в каталоге портала. По количеству отправленных туристами заявок **лидируют** следующие усадьбы:

«Бобровая хата» (19 заявок, 8,2 % от общего количества уникальных заявок),

«Над Неманам» (18 заявок, 7,8 %),

«Прилучки» (17 заявок, 7,4 %);

«Старый млын» (17 заявок, 7,4 %);

«В Прилесье» (15 заявок, 6,5 %).

Причем усадьба «Старый млын» сохраняет свои лидирующие позиции по количеству отправленных заявок с 2005 г.

Усадьбы, на которые не поступило ни одной заявки:

8 в Брестской области («Буслянка», «Домик в саду», «Замковая гора», «На заречной улице», «Польский маентак», «Пруды», «Пружанская», «Сомино»);

3 в Витебской («Демех», «Клястицкая», «Хорень»);

1 в Гомельской («Сергея Милоградского»);

5 в Гродненской («Валынцы», «Лебедка», «Матюлянский куток», «Новый сад», «Шчодры Неман»);

8 в Минской («Sun-House», «Вилейская», «Вязынка», «Зарачанские Янины», «Лихо», Усадьба «Нарочанка», «София», «У Нічыпараў»).

На некоторые из вышеназванных усадеб не приходили заявки в контрольный промежуток времени, т.к. усадьбы были внесены в каталог портала в период с конца апреля по начало июня («Вязынка», «Sun-House», «У Нічыпараў», «Замковая гора», «Польский маентак», «Шчодры Неман»).

Таким образом, полученные в результате анализа тенденции продвижения национального турпродукта сельского туризма в зимний сезон данные позволяют определить следующие ключевые направления деятельности по преодолению фактора сезонности спроса на услуги сельских усадеб и гостевых домов:

- Продвижение возможности раннего бронирования, особенно на даты, связанные с празднованием Нового года с целью привлечения максимального количества туристов и достижения более равномерной загрузки номерного фонда сельских усадеб и гостевых домов.

- Диверсификация событийных туров на рынке сельского туризма. Помимо активного продвижения возможностей празднования Нового года, необходимо акцентирование внимания туристов на возможностях проведения в сельских усадьбах прочих популярных праздников: Рождество (католическое и православное), День Святого Валентина, 23 февраля, 8 марта. Причем особое внимание следует уделять национальным праздникам с соблюдением традиционных обрядов («Гуканне вясны», масленица, Купалье и др.).

- Поскольку наблюдается постоянное увеличение спроса на семейный отдых в сельских усадьбах, особое внимание следует уделять созданию условий для отдыха с детьми (детское меню, специальная мебель для детей, система скидок, организация досуга детей и др.).

- Диверсификация географии спроса на услуги сельских усадеб и гостевых домов, за счет коллективной рекламы на зарубежных туристских рынках, в первую очередь посредством Интернета.

- Работа над повышением качества и эффективности рекламно-информационной деятельности, в частности совершенствование предоставляемой информации на страницах каталогов сельских усадеб и гостевых домов. Последнее будет способствовать снижению удельного веса запросов на дополнительную информацию в пользу заказов на отдых, обеспечивая активизацию процесса продаж на рынке услуг сельского туризма.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ АГРОЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В.Н. Лысяков

Белорусское общественное объединение «Отдых в деревне», г. Минск, Беларусь

2 июня 2006 г. Президентом Республики Беларусь был принят Указ № 372 «О мерах по развитию агротуризма в Республике Беларусь» (Далее – Указ). С принятием данного Указа деятельность физических лиц в сфере агротуризма в Республике Беларусь впервые получила законодательную основу и начала развиваться быстрыми темпами. В течение двух лет в Указ были внесены два изменения: указом № 116 от 01.03.2007 г. и указом №185 от 27 марта 2008 г. Последние изменения в Указ вступают в силу 3 октября 2008 г.

В соответствии с Указом, деятельность физических лиц в сфере агротуризма не считается предпринимательской деятельностью. Это значит, что деятельность физических лиц в сфере агротуризма выводится из по действия общих правовых норм, регламентирующих осуществление предпринимательской деятельности на территории Республики Беларусь, и что на деятельность физических лиц в данной сфере не распространяются как общие, так и специальные нормы, регламентирующие порядок осуществления хозяйственной деятельности индивидуальными предпринимателями, то есть нормы, регламентирующие порядок регистрации субъектов хозяйствования, их налогообложения, бухгалтерской и иной отчетности, стандартизации, лицензирования, постановки на налоговый учет, а также другие правовые нормы, которые регламентируют хозяйственную деятельность индивидуальных предпринимателей и администрируют их деятельность в качестве субъектов хозяйствования. Впервые в Республике Беларусь такое положение было установлено законодателем в указе Президента Республики Беларусь № 225 от 16 мая 2005 г. «О некоторых вопросах осуществления физическими лицами ремесленной деятельности» для лиц, осуществляющих ремесленную деятельность.

Для осуществления деятельности в сфере агротуризма установлены специальные нормы, регламентирующие занятие только данным видом деятельности и существенно упрощающие для физических лиц как сам процесс администрирования «вхождения в бизнес» (начало осуществления деятельности), так и сам порядок оказания услуг в данной сфере.

Указом были закреплены следующие положения:

1. Физические лица, постоянно проживающие в сельской местности и ведущие личное подсобное хозяйство, а также крестьянские (фермерские) хозяйства вправе осуществлять в порядке, определенном в Указе, деятельность по оказанию услуг в сфере агротуризма. Это значит, что для занятия агротуризмом физические лица должны отвечать следующим условиям:

- или постоянно проживать в сельской местности и вести личное подсобное хозяйство.,
- или оказывать услуги в сфере агротуризма в рамках крестьянских (фермерских) хозяйств.

С 3 октября 2008 г. осуществлять деятельность по оказанию услуг в сфере агротуризма, так же предоставлено физическим лицам, постоянно проживающим не только в сельской местности, но и в малых городских поселениях (до 200 000 человек).

2. Деятельность названных физических лиц и крестьянских (фермерских) хозяйств по оказанию услуг в сфере агротуризма (далее – субъекты агротуризма) не является предпринимательской. Определено, что деятельность по оказанию услуг в сфере агротуризма осуществляется физическими лицами без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей.

3. Впервые в законодательстве дано понятие терминов:

«агрэкотуризм» – временное пребывание граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – агрэкотуристы) в сельской местности Республики Беларусь на основании договоров, заключенных с субъектами агрэкотуризма, в целях отдыха, оздоровления, ознакомления с природным потенциалом республики, национальными культурными традициями без занятия трудовой, предпринимательской, иной деятельностью, оплачиваемой и (или) приносящей прибыль (доход) из источника в месте пребывания;

«сельская местность» – территория, входящая в пространственные пределы сельсоветов, за исключением территорий поселков городского типа и городов районного подчинения;

«малые городские поселения» – поселки городского типа, города районного подчинения с численностью населения до 20 тыс. человек.

4. Определено, что субъекты агрэкотуризма могут осуществлять деятельность по оказанию услуг в сфере агрэкотуризма только при наличии в совокупности 4-х следующих условий:

- свободного жилого дома (части жилого дома), принадлежащего на праве собственности физическому лицу - субъекту агрэкотуризма или члену его семьи либо учредителю (члену) крестьянского (фермерского) хозяйства, расположенного в сельской местности, малых городских поселениях, отвечающего установленным санитарным и техническим требованиям и благоустроенного применительно к условиям данного населенного пункта;

- жилых комнат в жилом доме (части жилого дома) для размещения агрэкотуристов;

- осуществлении субъектами агрэкотуризма деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, основанной на личном трудовом участии и использовании земельного участка, предоставленного для этих целей в соответствии с законодательством;

- возможностей для ознакомления агрэкотуристов с природными и архитектурными объектами, национальными культурными традициями соответствующей местности.

5. Определен перечень услуг, которые могут оказывать субъекты агрэкотуризма:

- предоставление жилых комнат для размещения агрэкотуристов, причем число таких комнат не должно превышать пяти. При оказании услуг в сфере агрэкотуризма с использованием более пяти комнат эта деятельность признается предпринимательской, должна осуществляться с учетом требований законодательства и подлежит налогообложению в установленном порядке;

- обеспечение агрэкотуристов питанием (как правило, с использованием продукции собственного производства);

- организация познавательных, спортивных и культурно-развлекательных экскурсий и программ;

- иные услуги, связанные с приемом, размещением, транспортным и иным обслуживанием агрэкотуристов.

Очень важно то, что перечень услуг не является исчерпывающим, то есть законодатель не ограничил субъектов агрэкотуризма возможностью осуществлять только определенные виды деятельности, а позволил им оказывать заказчикам любые сопутствующие услуги, связанные с размещением агрэкотуристов. Причем услуги по обеспечению питанием, транспортные, экскурсионные и иные, которые при осуществлении предпринимательской деятельности требуют получения лицензии, при оказании услуг в сфере агрэкотуризма не требуют получения лицензий на такие виды деятельности. Так же при оказании этих услуг на них не распространяются обязательные требования в области сертификации и гигиенической регистрации таких услуг в обычном порядке, предусмотренном законодательством.

6. Установлено, что между субъектами агрозкотуризма и агрозкотуристами в обязательном порядке заключаются в письменной форме договоры на оказание услуг в сфере агрозкотуризма. Форма Типового договора на оказание услуг в сфере агрозкотуризма утверждена Постановлением Совета министров Республики Беларусь № 818 от 29 июня 2006 г., с изменениями, внесенными 31 июля 2008 г. Постановление СМ РБ N 1099. Данным постановлением так же была утверждена форма типового договора собственника жилого дома (части жилого дома) с туроператором. Договоры на оказание услуг в сфере агрозкотуризма между субъектами агрозкотуризма и агрозкотуристами заключаются путем принятия агрозкотуристом условий, предусмотренных субъектом агрозкотуризма в договоре (договоры присоединения).

7. Установлены минимальные требования к администрированию деятельности в сфере сельского туризма - регистрации, налогообложению и отчетности физических лиц, занимающихся агрозкотуризмом:

- уплата единоразового годового сбора до 31 декабря 2010 г. в размере 1 базовой величины (около 15 долларов США);

- информирование соответствующего Совета депутатов о намерении осуществлять деятельность в сфере агрозкотуризма;

- постановка на налоговый учет и ежегодно до 31 декабря представление в налоговый орган по месту жительства (крестьянские фермерские хозяйства – по месту нахождения) информацию о договорах на оказание услуг в сфере агрозкотуризма, заключенных в истекшем году, по форме, утверждаемой Министерством по налогам и сборам (Постановление Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь «Об утверждении формы информации о договорах на оказание услуг в сфере агрозкотуризма, заключенных в истекшем году» № 68 от 19 июня 2006 г.)

8. Установлено, что до 31 декабря 2010 г. доходы плательщиков сбора от деятельности по оказанию услуг в сфере агрозкотуризма не облагаются налогами, сборами и иными обязательными платежами. Это значит, что доходы в любых размерах, полученные от деятельности в сфере агрозкотуризма, до указанной даты не подлежат налогообложению, а так же не облагаются сборами и иными обязательными в иных случаях платежами.

9. Установлено, что для представления интересов субъектов агрозкотуризма в установленном порядке могут создаваться общественные объединения, которые имеют право:

- разрабатывать и в установленном порядке вносить предложения об установлении стандартов в сфере агрозкотуризма;

- обобщать и представлять заинтересованным юридическим и физическим лицам сведения о субъектах агрозкотуризма и оказываемых ими услугах;

- в целях поддержки агрозкотуризма создавать консультационные и информационные центры;

- взаимодействовать с индивидуальными предпринимателями и организациями, осуществляющими туристическую деятельность.

Законодатель, учитывая опыт развития агрозкотуризма в других странах, где большую роль играют общественные объединения, объединяющие и представляющие интересы субъектов агрозкотуризма, в нормативном акте прямо определил роль общественных объединений в агрозкотуристической деятельности и закрепил права и возможности таких объединений.

10. Установлено, что действие Указа не распространяется на предоставление гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам и лицам без гражданства жилых помещений на территории курортных зон. Территории курортных зон определяются иным законодательством Республики Беларусь.

Указом определено, что оказание субъектами агрозотуризма услуг, перечисленных в Указе, без уплаты сбора или без извещения соответствующего Совета депутатов первичного территориального уровня, а также без подачи заявления в налоговый орган о постановке на учет либо без заключения договора на оказание услуг в сфере агрозотуризма или осуществление ими деятельности, наносящей ущерб окружающей среде и (или) историко-культурным объектам, запрещается.

Указом установлена ответственность субъектов агрозотуризма за следующие нарушения:

- Осуществление субъектами агрозотуризма деятельности по оказанию услуг в сфере агрозотуризма без уплаты сбора, и (или) без подачи заявления в налоговый орган о постановке на учет, и (или) без уведомления соответствующего сельского Совета депутатов, и (или) без заключения договора на оказание услуг в сфере агрозотуризма - влечет наложение штрафа в размере от одной до десяти базовых величин.

- Непредставление субъектами агрозотуризма в налоговый орган информации по установленной форме о договорах на оказание услуг в сфере агрозотуризма, заключенных в истекшем году, влечет наложение штрафа в размере от одной до пяти базовых величин.

В данный момент эти нормы содержатся в статье 23.74. Нарушение порядка осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере агрозотуризма Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Эта статья введена в кодекс Законом Республики Беларусь от 29.10.2007 N 279-3.

Перечень нормативных правовых актов, регламентирующих осуществление деятельности в сфере сельского туризма на территории Республики Беларусь.

1. Указ Президента № 372 «О мерах по развитию агрозотуризма в Республике Беларусь» от 2 июня 2006 г, в редакции указа Президента от 27.03.2008 г. № 185.

2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. № 818 «Об утверждении типового договора на оказание услуг в сфере агрозотуризма».

3. Постановление Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь «Об утверждении формы информации о договорах на оказание услуг в сфере агрозотуризма, заключенных в истекшем году» № 68 от 19 июня 2006 г.)

4. Письмо Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 13 октября 2006 г., № 01-04/613 «О реализации Указа президента № 372»

5. Кодекс Республики Беларусь «Об административных правонарушениях» от 21 апреля 2003 г.

ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРА АГРОЗОТУРИЗМА НА ГОМЕЛЬЩИНЕ

Касьяненко А.П.

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь

Развитие агротуризма в Гомельской области – это одно из наиболее перспективных направлений формирования регионального туризма. Более 400 тыс. жителей Гомельской области (треть населения области) проживают в сельской местности, природа которой славится своей красотой, обилием рек, озер, лесов и лугов.

В 2006 г. в Гомельской области начата реализация инновационного проекта «Кластер агрозотуризма Гомельщины» (разработчик УО «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины» совместно с ГНПОО «Оракул»). Цель проекта – разработать кластерную стратегию развития сельского туризма в регионе, которая направлена на создание региональных и местных агротуристических сетей,

объединяющих различные модели агротуристических хозяйств и предприятий. Этот проект стал частью Мероприятий Гомельского облисполкома по развитию туризма в Гомельской области на 2006-2007 гг.

Американский экономист Майкл Портер, специалист в области кластеров, дает следующее определение: «Кластеры — это сосредоточение в географическом регионе взаимосвязанных предприятий и учреждений в пределах отдельной отрасли». Кластерная модель развития сельского туризма на Гомельщине опирается на принципы устойчивого развития, в том числе она направлена на диверсификацию сельскохозяйственного производства и структуры занятости на селе, привлечение и укрепление туристических ресурсов Гомельщины. Туристический кластер позволяет решить ряд социальных и экономических задач: создать эффективную инфраструктуру сельского туризма; объединить в единую партнерскую сеть имеющиеся местные туристические ресурсы для создания конкурентно-способного регионального или местного туристического продукта; обеспечить взаимодействие в сфере туризма негосударственных организаций с администрациями районов Гомельской области; создать информационную базу данных инвестиционных проектов в сфере сельского туризма.

Агротуристический кластер Гомельщины направлен на устойчивое развитие региональной и местной экономики, социальной сферы сельских территорий и сельских сообществ при использовании всех ресурсов сельской местности с условием их сохранения, сбережения и воспроизводства. Мы рассматриваем кластер как инструмент и практическую модель управления агротуристической отраслью в Гомельской области.

Сегодня в рамках формирования агротуристического кластера Гомельщины мы решаем следующие задачи:

1. Формирование кластерных стратегий развития агротуризма в гомельском регионе с учетом специфики существующих в области туристических зон (всего четыре), местных территорий и отдельных населенных пунктов. Предпочтительными являются специализированные территориальные кластеры в рамках отдельных районов области: «Полесско-Туровский» туристический кластер, локальные мини-кластеры типа «Милоградская культура», смешанный специализированный кластер «Усадьба Хальч».
2. Определение перспективных направлений и моделей развития агротуризма в Гомельской области.
3. Разработка системы общественного управления кластером агротуризма, в том числе на областном, районном уровне и уровне сельского совета.
4. Создание информационных технологий и ресурсов для продвижения регионального и местного агротуристического продукта на внутренний и внешний рынки.

Кластерная стратегия развития агротуризма в Гомельской области формируется на основе четырех основных моделей развития агротуристических хозяйств, которые можно отнести к базовым и перспективным с учетом специфики региональных и местных условий.

1. Создание региональных агротуристических сетей через развитие малого, семейного и индивидуального агротуристического бизнеса на базе существующих турресурсов сельской местности. В области насчитывается свыше 300 фермерских хозяйств, и многие из них могут использовать свои ресурсы для организации туристического подворья или оказания отдельных услуг сельским туристам. Эта модель развивается не так быстро, как хотелось бы. Всего в области сегодня развивается 24 агроусадьбы.

После издания Указа Президента Республики Беларусь № 372 от 2 июля 2006 г. эта модель агротуризма получила новые импульсы для развития. По типам предоставляемых туруслуг существующие в области агрохозяйства можно разделить на три

категории: "Природа и здоровье", "Традиционная сельская кухня" и "Активный отдых". Агротуризм первого типа специализируется на сочетании сельского и экологического туризма. География крестьянских хозяйств категории "Традиционная домашняя кухня" - все районы области. Как правило, агроусадьба имеет узкопрофильную специализацию и производит продукты и питание, типичные для той или иной сельской местности: рыбу, мясопродукты, свежина, копчения и соленья, овощи, фрукты, молочные продукты, домашнее вино, масло и т. п.

Объекты, специализирующиеся на активных видах отдыха, также расположены практически во всех районах. Они преимущественно приспособлены для занятий плаванием, велоспортом, волейболом, прогулками на лошадях и, как правило, представляют собой не традиционное агрохозяйство, а кемпинги. В настоящее время подготовлены предложения для развития на агроусадьбах области сельского или «деревенского» гольфа, получившего популярность в Германии, Франции, Швейцарии, сплавам по рекам Сож, Днепр, Березина, Припять на плотках.

2. Воссоздание социокультурной среды исторического поселения - «исторической деревни», «национальной деревни» или иного типа поселения (стойбища и т. д.); воссоздание социокультурной среды иных исторических объектов (дворянские и купеческие усадьбы, монастыри и т. д.). Данная модель реализуется в н.п. Хальч, н.п. Неглюбка Ветковского района; н.п. Красный Берег Жлобинский район.

3. Создание крупных и средних специализированных агротуристических объектов, ориентированных на прием туристов и организацию их полноценного отдыха. Это специализированные центры (спортивные, культурные, кулинарные и т. п.), стилизованные «агротуристические деревни», а также «рыбачьи», «охотничьи деревни» и т. п. Эта модель для успешной реализации требует, прежде всего, инвестиционных ресурсов – как местных, так и внешних, а также поддержки соответствующих проектов на уровне региона и на местах. Субъектом развития данной модели могут быть СПК, лесничества, учебные заведения и др. Данная модель реализуется в г. Турове.

4. Создание государственных и частных сельскохозяйственных парков как крупных многофункциональных туристических, выставочных, рекламно-экспозиционных, культурно-пропагандистских, научно-исследовательских и производственных и т. д. Комплексов, располагающих средствами размещения и соответствующей инфраструктурой. Помимо развития туротрасли как таковой, основанная на такой модели концепция ставит во главу угла популяризацию и пропаганду достижений сельского хозяйства конкретной страны, сохранение практических навыков и демонстрацию приемов национального (традиционного) сельскохозяйственного производства. Модель реализуется в национальном парке «Припятский».

В сети сельского туризма Гомельщины планируется активное развитие природного туризма, фермерского туризма, экологического, водного, спортивного и экстрим-туризма и пр.

Кластерную модель развития агротуризма на Гомельщине мы видим как развивающуюся сетевую партнерскую структуру. Наряду с централизованной моделью пространственной организации сельского туризма возникают локальные мини-сети, привязанные к определенному месту, объекту и субъекту агротуризма. Они включают в себя автономные и взаимозаменяемые звенья – производственные комплексы и предприятия. Собранные вместе, они, входя в сеть кооперации и взаимодействия (пусть и основанного на взаимной конкуренции), образуют специализированный агротуристический кластер Гомельской области. Например, мы планируем формировать мини-сети на базе агрогородка, сельского совета, деревни, СПК, сельской школы, фермерского хозяйства и т.д.

10 июля 2008 г. в деревне Костюковичи Мозырьского района Гомельской области состоялся областной научно-практический семинар «Модели развития агрокотуризма в Гомельской области: общие черты и региональные особенности». Семинар был организован Управлением физической культуры, спорта и туризма Гомельского облисполкома совместно с Программой поддержки Беларуси. Концепция семинара опиралась на кластерный подход к развитию регионального и локального туристического продукта на Гомельщине. С учетом опыта развития сельского туризма в регионах Беларуси была рассмотрена перспектива формирования Полесского агротуристического кластера, который может развиваться в Полесско-Туровской туристической зоне. Эта туристическая зона объединяет туробъекты Мозырьского, Житковичского, Наровлянского, Петриковского, Калинковичского районов, а также, г. Туров и н.п. Юровичи. Особо была рассмотрена проблема общественного управления развитием агротуризма – была представлена практика работы общественных советов по агрокотуризму в Гродненской, Минской и Могилевской областях, общественного совета по агрокотуризму при Глыбовском сельском совете Речицкого района.

В настоящее время управление развитием кластера агрокотуризма Гомельщины осуществляется на основе общественной инициативы. При содействии Программы поддержки Беларуси создан общественный совет по агрокотуризму при управлении физической культуры и спорта Гомельского облисполкома, создан общественный совет по агрокотуризму при Глыбовском сельском совете Речицкого района. При их участии в настоящее время разрабатывается кластерная модель развития сельского туризма на Гомельщине, в том числе начата работа по формированию мини-кластера «Милоградская культура».

Субъекты агрокотуризма, территориально находящиеся в Речицком и Светлогорском районах, образовали при Глыбовском сельском совете Речицкого района общественный совет сельского туризма. Одна из целей совета – формирование мини-кластера сельского туризма «Милоградская культура» с центром в н.п. Милоград. На заседаниях совета будут рассматриваться вопросы привлечения новых субъектов агрокотуризма, улучшения ситуации на селе, увеличения деловой активности на территории сельских советов, пропаганда и привлечение незанятых слоев населения к деятельности в рамках агрокотуризма, издание рекламных и информационных материалов, возрождение историко-культурного наследия в рамках кластера, поддержка и развитие ремесел в кластере, проведение мастер-классов.

В нынешнем году по инициативе общественных объединений («Научно-просветительское общественное объединение «Оракул», г. Гомель и «Сиверские береги», г. Чернигов) состоялся обмен опытом по развитию кластера сельского туризма в приграничных Гомельской и Черниговской областях. Решено осуществить ряд совместных проектов, направленных на создание приграничной кластерной сети сельского туризма.

Сегодня уже сделано немало для развития кластера агрокотуризма Гомельщины:

- В рамках региональных семинаров ППБ организована серия постоянно действующих семинаров для владельцев агроусадоб, фермерских хозяйств, сельскохозяйственных кооперативов, представителей сельских советов.
- Создан общественный совет по агрокотуризму при Управлении физической культуры, спорта и туризма Гомельского облисполкома; создан общественный совет по агрокотуризму при Глыбовском сельском совете Речицкого района.

- Выпущено 12 номеров бюллетеня «Агротуризм на Гомельщине» (бюллетень ГГНПОО «Оракул» при содействии Программы поддержки Беларуси).

- Разработаны и изданы презентационные материалы об отдельных усадьбах агротуризма Гомельщины.

- Выпущены первые буклеты в серии «Кластер агротуризма Гомельщины»: «Приглашаем: Сельский туризм Гомельщины» и «Маршруты экологического туризма Гомельщины».

- Формируются партнерские сети агротуризма на уровне отдельных районов, сельских советов и населенных пунктов (Речицкий район, Глыбовский сельский совет, д. Милоград, усадьба Сергея Милоградского).

- Прошли презентации агротуристического кластера на информационном стенде «Сельский туризм Гомельщины» на туристической выставке-ярмарке «ЭКСПО-ТУР 10,11,12», состоявшейся в 2006-2008гг.

Кластер агротуризма в Гомельской области находится на начальном этапе своего развития, когда партнерские связи, внутрикластерные отношения и технологии управления еще только формируются.

СОДЕРЖАНИЕ

WSPÓLPRACA TRANSGRANICZNA W EUROPIE <i>Prof. Zofia Tomczonek</i>	3
ТРАНСФОРМАЦИЯ УРБАНИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЕЛАРУСИ <i>К.К. Красовский</i>	6
СТРАТЕГИИ ПРОДУКТИВНОГО ДОБРОСОСЕДСТВА ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН <i>Йонас Сребалюс</i>	9
BILATERALNE STOSUNKI GOSPODARCZE UNIA EUROPEJSKA – REPUBLIKA BIAŁORUSI <i>Katarzyna Czerewacz</i>	12
POLITYKA HANDLOWA WSPÓLNOTY EUROPEJSKIEJ WOBEC BIAŁORUSI <i>Dr Mirosława Laszuk</i>	17
УКРАИНА И НАТО: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ <i>Лысюк А.И</i>	20
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ И ПОЛЬШИ) <i>В. Бусленко, И.Ковальчук</i>	24
ФРИДРИХ АЛЬБЕРТ ЛАНГЕ О «ВЕЛИКОМ СОЦИАЛЬНОМ КРИЗИСЕ» <i>Д.Д. Эйдукене</i>	27
АГРАРНАЯ РЕФОРМА У ПАЛЕСКИМ ВАЯВОДСТВЕ (1921–1939 гг.) <i>В.П. Гарматны</i>	34
БЕЛАРУСКІЯ ТАТАРЫ У ПАРТЫЗАНСКИМ РУХУ ПАДЧАС ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ <i>Грыбава С.У.</i>	38
МАСАВАЯ КАЛЕКТЫВІЗАЦЫЯ У ГАНЦАВІЦКІМ РАЁНЕ У 1949 – 1952 ГГ. ЯК ПРЫКЛАД СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ ТАГАЧАСНАЙ ГАСПАДАРКІ <i>П.К. Дайлід</i>	43
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРУКТУРЕ МАГНАТСКИХ РОДОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОССТАНИЙ 1830 И 1863 ГГ.) <i>О.В. Карпович</i>	47
СУДОВЫЯ ЦЯЖБЫ ПА ПЫТАННЯХ МАЁМАСЦІ КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ. <i>В.М. Панко</i>	51
SZKOLNICTWO W OKRESIE ZARZĄDU CYWILNEGO ZIEM WSCHODNICH (8 LUTY 1919 R. - 9 WRZEŚNIA 1920 R.) <i>Andrzej Smolarczyk</i>	54
ГЕРМАНИЯ КАК ЛОКОМОТИВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНЦЕ ХХ– НАЧАЛЕ ХХІ вв. <i>В.В.Кожевников</i>	59

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ. ТРИ ФАКТОРА УСТОЙЧИВОСТИ – ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА, ЭКОЛОГИЯ	63
<i>Петко Ганчев</i>	
СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	66
<i>Н.А. Лазаревич</i>	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ	70
<i>Вальдас Прускус</i>	
СОЦИОЛОГИЯ КАТАСТРОФ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	74
<i>С. Т. Кавецкий</i>	
ДИЛЕММЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ	76
<i>Д.Д. Эйдукене</i>	
ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ОБЩТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	82
<i>А.И. Сьтник</i>	
KONAWITACJA W SYSTEMIE POLITYCZNYM POLSKI	85
<i>dr Agnieszka Kopopelko</i>	
CZYNNIKI WZMACNIAJĄCE DOSKONALENIE ZAWODOWE W ROZWOJU REGIONALNYM POLSKI WOBEC WYMOGÓW UNII EUROPEJSKIEJ	90
<i>Dr Tadeusz Kowalewski, Dr Ewa Glińska</i>	
WIZERUNEK I TOŻSAMOŚĆ JAKO ELEMENTY ZARZĄDZANIA MIASTEM	94
<i>Dr Ewa Glińska, Dr Jarosław Zalejski</i>	
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ	97
<i>Назаров З.И.</i>	
МУЖЧИНА И ГЕНДЕРНЫЙ ДИССОНАС В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	101
<i>М.Г. Соколовская</i>	
ГРИМАСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	106
<i>А.В. Майсюк</i>	
PROTOKÓŁ DYPLOMATYCZNY W PROWADZENIU BILATERALNYCH NEGOCJACJI MIĘDZYNARODOWYCH, JAKO STAŁY ELEMENT W EWOLUJĄCEJ RZECZYWISTOŚCI STOSUNKÓW MIĘDZYNARODOWYCH	111
<i>Marcin Szczepański</i>	
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИЯ, ЗНАНИЕ, МЕНТАЛЬНОСТЬ	115
<i>А.А. Лазаревич</i>	
INTERNATIONALISATION OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES – CHALLENGES FOR RESEARCH AND RESEARCH POLICIES IN THE ERA OF GLOBALIZATION	120
<i>Dr. Michael Kuhn</i>	
ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОКУЛЬТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	122
<i>И.И. Акинчиц</i>	

ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ И ИХ ОБОСНОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ <i>Варич В.Н.</i>	125
THE CURE FOR CIVILITER MORTUUS: COMPLEMENTAR VALUES OF PHENOMENOLOGY AND DEMOCRACY <i>M. Briedis</i>	130
МЕНТАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ <i>М.Н. Черняевска</i>	132
КРОССКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ <i>Я.С. Яскевич</i>	137
ОСНОВНЫЕ ТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА <i>Л.Г. Титаренко</i>	143
ДА ПРАБЛЕМЫ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ ВА ЁМОВАХ ТРАНСФАРМАЦЫИ СУЧАСНАГА ГРАМАДСТВА <i>І.М. Малашук</i>	149
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ <i>Т.И. Предко</i>	154
PROBLEMY CZASU WOLNEGO <i>Alina Borowska</i>	159
УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЁЖЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА <i>Г.В. Жук, М.Г. Соколовская</i>	163
НЕМЕЦКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ: ПОИСКИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ <i>Б.В. Петелин</i>	167
О РАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ <i>В.С. Мисюк</i>	171
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ <i>И.А. Шебанова</i>	174
ZMIANA PARADYGMATU WSPÓŁCZESNEJ TURYSTYKI I TURYSTY <i>Urszula Glińska</i>	180
НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕПОДАВАНИЯ ТУРИЗМА КАК АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В БЕЛАРУСИ <i>Ботух В. А.</i>	183

TOURISM FUNCTION AND CHOSEN PROTECTED AREAS IN POLAND. THE EXAMPLE OF "WARTA'S ESTUARY" NATIONAL PARK AND "BARYCZ VALLEY" LANDSCAPE PARK <i>Sylwia Graja-Zwolinska, Aleksandra Spychala</i>	187
ЗЕЛЕННЫЕ МАРШРУТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА <i>Грибов Г.М.</i>	194
РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ <i>В.А. Клицунова</i>	197
ПРИРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БРЕСТЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА <i>Демянчик В.Т., Демянчик М.Г.</i>	201
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА В РАЗВИТИИ АГРОЭКОТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ <i>В.С.Мисюк</i>	209
МОЖНО ЛИ РАССМАТРИВАТЬ ЭКО- И АГРОТУРИЗМ КАК СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ «БЕГСТВА В ПРИРОДУ»? <i>Л.Е.Медиченко</i>	214
ПРОДВИЖЕНИЕ УСЛУГ БЕЛОРУССКИХ СЕЛЬСКИХ УСАДЕБ В ИНТЕРНЕТЕ: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МАРКЕТИНГА И КОММУНИКАЦИЙ <i>А.В. Барашко</i>	216
РОЛЬ СОЗДАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО БРЕНДА И ТОРГОВОЙ МАРКИ РЕГИОНА В РАЗВИТИИ АГРО- И ЭКОТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ НА ПРИМЕРЕ ЗЕЛЕННЫХ МАРШРУТОВ GREENWAYS <i>Е.В. Ветрова</i>	220
ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТУРПРОДУКТА СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ СЕЗОННОСТИ ТУРИСТСКОГО СПРОСА <i>А.Г. Траскевич</i>	224
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ АГРОЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ <i>В.Н. Лысяков</i>	228
ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРА АГРОЭКОТУРИЗМА НА ГОМЕЛЬЩИНЕ <i>Касьяненко А.П.</i>	231

Научное издание

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

ВЫПУСК V

Ответственный за выпуск **Грибов Г.М.**

Редактор **Строкач Т.В.**

Компьютерная верстка **Боровикова Е.А.**

Корректор **Никитчик Е.В.**

Дизайн обложки **Ющенко Г.**

Лицензия № 02330/0133017 от 30.04.2004 г.

Подписано в печать 16.09.2008 г. Формат 70x90 1/16. Бумага «Снегурочка».
Гарнитура Arial Narrow. Усл. печ. л. 17,3. Уч.-изд. л. 14,8. Зак. № 893. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Брестский государственный технический университет».

ISBN 978-985-493-094-7

Лицензия № 02330/0148711 от 30.04. 2004 г.

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

9 789854 930947